ISSN 1563-0307; eISSN 2617-5843

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия философии, культурологии и политологии

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

JOURNAL

of Philosophy, Culture and Political Science

№2 (96) 2026

Алматы
«Қазақ университеті»
2026

ISSN 1563-0307; eISSN 2617-5843

KazNU Science • ҚазҰУ Ғылымы • Наука КазНУ

ХАБАРШЫ

ФИЛОСОФИЯ, МӘДЕНИЕТТАНУ, САЯСАТТАНУ СЕРИЯСЫ
№2 (96) 2026 маусым

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Куәлік № 16505-Ж

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)

Журнал философия, мәдениеттану және саясаттану ғылымдары бойынша диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған // Докторлық диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған ғылыми басылымдардың тізіміне кіреді // ЖАК бюллетені, №3, 1998; Нормативтік және методикалық материалдарын жариялайтын ғылыми басылымдар тізімі Қазақстан ЖАК-нің төрағасының бұйрығы 26.06.2003, №433-3 ж. // Нормативтік және методикалық материалдар жинағы №6 ЖАК. – Алматы, 2003.

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР
Кабдолланова А.А., магистр (*Қазақстан*)
e-mail: akabdollanova@gmail.com

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:
Исмагамбетова З.Н., филос. ғ.д., профессор (бас редактор) (*Қазақстан*)
Кабдолланова А.А., PhD (бас редактордың орынбасары) (*Қазақстан*)
Абдигалиева Г.К., филос.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Аубакирова С.С., PhD, доцент (*Қазақстан*)
Жаркимбаева Д.Б., филос.ғ.к. (*Қазақстан*)
Карабаева А.Г., филос. ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Лифанова Т.Ю., филос.ғ.к. (*Қазақстан*)
Масалимова А.Р., филос. ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Мусатаев С.Ш., саяси ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Наурзбаева А.Б., филос.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Сейсебаева Р.Б., саяси ғ.к. (*Қазақстан*)
Омирбекова А.О., филос.ғ.к. (*Қазақстан*)
Телебаев Г.Т., филос.ғ.д. (*Қазақстан*)
Бадмаев В.Н., филос.ғ.д., профессор *(Қалмақ Республикасы)*
Сара Хиджази (Sara Hejazi), PhD, профессоры *(Италия)*
Джеймс Петрик (James Patrick), PhD *(АҚШ)*
Питер Финке (Peter Finke), PhD, профессоры *(Швейцария)*
Кирабаев Н.С., филос. ғ.д., профессор *(Ресей)*

ТЕХНИКАЛЫҚ РЕДАКТОР:
Ниеткалиева Д., магистр (*Қазақстан*)

Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы. Философиялық ой және сұқбат, толеранттылық мәселесі, мәдениетті зерттеу әдіснамалары, саяси құндылық және интеграция мәселелерін қамтиды.

ҚАЗАҚ УНИВЕРСИТЕТІ
БАСПА ҮЙІ

Жоба менеджері
Гульмира Шаккозова
Телефон: +7 701 724 2911
e-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

ИБ №3573

Пішімі 60х84/8. Көлемі 15,0 б.т. Тапсырыс № 18089.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

Баспа журналдың ішкі мазмұнына жауап бермейді.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2026

1-бөлім
ФИЛОСОФИЯ

Section 1
PHILOSOPHY

Раздел 1
ФИЛОСОФИЯ

МРНТИ 02.15.99 https://doi.org/10.26577/jpcp96220261

Г.Г. Ахметова, С.С. Аубакирова*, М.Ж. Кожамжарова, Р.С. Салимова

Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан
*e-mail: aubakur@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РИСКОВ И ТРЕНДОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК СМЕНЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ В ВЫСШЕМ И ПОСЛЕВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Цифровизация образования в Казахстане анализируется как процесс смены культурной парадигмы: переход от классической эпистемологии к сетевой модели знания. Данная трансформация обусловлена ростом применения EdTech-платформ и интеграцией искусственного интеллекта в образовательную и исследовательскую инфраструктуру высших учебных заведений. Исследование выполнено в русле социальной философии, философии образования и цифровой антропологии в контексте модернизации высшей школы Республики Казахстан. Цель исследования заключается в философском осмыслении цифровой трансформации высшего и послевузовского образования РК как парадигмального сдвига от гуманистической эпистемологии к сетевой модели знания в условиях суперсложности. Теоретический базис исследования синтезирует концепцию «суперсложности» Р. Барнетта и онтологию «инфосферы» Л. Флориди. Методология данной работы носит междисциплинарный характер, исследовательская стратегия выстроена на трех взаимосвязанных уровнях, интегрируя философско-концептуальный анализ, эмпирическую верификацию и системный синтез. Результатом стала авторская модель «Инфосфера Барнетта» (тетрада: инфоагенты, рефлексивные узлы, потоки, этическая оболочка). Выявлены гносеологические риски: метрическая редукция (KPI); алгоритмический неоколониализм; кризис субъектности «инфорга». Научная ценность и практическая значимость модели «Инфосфера Барнетта состоит в возможности её использования регуляторами (МНВО РК) для формирования стратегий «критической цифровизации», минимизирующих эпистемические угрозы ИИ-интеграции и сохраняющих антропологическую ценность образовательного и исследовательского поиска.

Ключевые слова: инфосфера Барнетта, культурная парадигма, суперсложность, эпистемическое трение, цифровизация.

G.G. Akhmetova, S.S. Aubakirova*, M.Zh. Kozhamzharova, R.S. Salimova

Toraighyrov university, Pavlodar, Kazakhstan
*e-mail: aubakur@mail.ru

Philosophical analysis of risks and trends of digitalization as a cultural paradigm shift in higher and postgraduate education in the Republic of Kazakhstan

The digitalization of education in Kazakhstan is analyzed as a process of cultural paradigm shift: the transition from classical epistemology to a network model of knowledge. This transformation is driven by the growing use of EdTech platforms and the integration of artificial intelligence into the educational and research infrastructure of higher education institutions. The research was carried out in line with social philosophy, philosophy of education and digital anthropology in the context of modernization of higher education in the Republic of Kazakhstan. The purpose of the research is to philosophically comprehend the digital transformation of higher and postgraduate education in the Republic of Kazakhstan as a paradigmatic shift from humanistic epistemology to a network model of knowledge in a super-complex environment. The theoretical basis of the research synthesizes the concept of «supercomplexity» by R. Barnett and the ontology of the «infosphere» by L. Floridi. The methodology of this work is interdisciplinary in nature, the research strategy is built on three interrelated levels, integrating philosophical and conceptual analysis, empirical verification and systemic synthesis. The result was the author's model «Barnett's Infosphere» (tetrad: information agents, reflexive nodes, flows, ethical shell). Epistemological risks are identified: metric reduction (KPI); algorithmic neocolonialism; the crisis of subjectivity of «inforg». The scientific value and practical significance of the Barnett Infosphere model lies in the possibility

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

of its use by regulators (the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan) to form strategies for «critical digitalization» that minimize epistemic threats to AI integration and preserve the anthropological value of educational and research search.

Keywords: Barnett's infosphere, cultural paradigm, supercomplexity, epistemic friction, digitalization.

Г.Г. Ахметова, С.С. Аубакирова*,
М.Ж. Кожамжарова, Р.С. Салимова
Торайғыров университеті, Павлодар, Қазақстан
*e-mail: aubakur@mail.ru

Қазақстан Республикасының жоғары және жоғары оқу орнынан кейінгі білім берудегі мәдени парадигманың өзгеруі ретінде цифрландырудың тәуекелдері мен трендтерін философиялық талдау

Қазақстандағы білім беруді цифрландыру мәдени парадигманың өзгерісі ретінде қарастырылады: классикалық эпистемологиядан білімнің желілік моделіне көшу. Бұл үдеріс EdTech-платформаларды қолданудың артуымен және жоғары оқу орындарының зерттеу инфрақұрылымына жасанды интеллектіні интеграциялаумен шартталған. Бағыты: ҚР жоғары мектебін жаңғырту контексіндегі әлеуметтік философия, білім философиясы және цифрлық антропология. Зерттеудің мақсаты – ҚР жоғары және жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру жүйесінің цифрлық трансформациясын суперсложность жағдайында гуманистік эпистемологиядан білімнің желілік моделіне парадигмалық ауысу ретінде философиялық тұрғыда пайымдау. Зерттеудің теориялық негізі Р. Барнеттің «суперсложность» тұжырымдамасы мен Л. Флоридидің «инфосфера» онтологиясын синтездеуге негізделеді: Әдіснамасы. Бұл жұмыстың әдіснамасы пәнаралық сипатқа ие; зерттеу стратегиясы үш өзара байланысты деңгейде құрылды және философиялық-концептуалдық талдауды, эмпириялық верификацияны және жүйелік синтезді біріктіреді. Нәтижелері. Зерттеу нәтижесінде «Барнетт инфосферасы» атты авторлық модель ұсынылды (тетрада: инфоагенттер, рефлексивті түйіндер, ағындар, этикалық қабық). Сонымен қатар бірқатар гносеологиялық тәуекелдер анықталды: метрикалық редукция (KPI); алгоритмдік неоколониализм; «инфорг» субъектілігінің дағдарысы.

Ғылыми құндылығы мен практикалық маңыздылығы. «Барнетт инфосферасы» моделін ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігі сияқты реттеуші органдар «сыни цифрландыру» стратегияларын қалыптастыруда қолдана алады. Бұл стратегиялар жасанды интеллектіні білім беру жүйесіне интеграциялау кезінде туындайтын эпистемиялық қатерлерді азайтуға және білім беру мен ғылыми ізденістің антропологиялық құндылығын сақтауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Барнетт инфосферасы, мәдени парадигма, «суперсложность», эпистемиялық үйкеліс, цифрландыру.

Введение

Современный этап развития высшего и послевузовского образования в Республике Казахстан характеризуется не просто технологическим обновлением, а фундаментальной сменой культурной парадигмы. Цифровизация перестает быть инструментальным дополнением, превращаясь в онтологическую основу образовательной среды. Традиционная гуманистическая эпистемология, центрированная на субъекте-преподавателе, уступает место сетевой модели знания, функционирующей в условиях «суперсложности» по Р. Барнетту (Barnett, 2000).

Актуальность исследования обусловлена беспрецедентной динамикой интеграции EdTech-платформ и систем искусственного интеллекта (ИИ) в казахстанскую высшую школу. Переход к цифровому формату актуализирует философский вопрос о трансформации самой природы познания: от накопления устойчивых истин к навигации в текучих информационных потоках «инфосферы» Л. Флориди (Floridi, 2013). Глобальные вызовы, транслируемые международными институтами, подчеркивают неизбежность адаптации национальных систем образования к требованиям цифровой экономики. Однако за фасадом технологической эффективности скрывается более глубокий процесс – размывание классических границ между человеческим и технологическим агентами познания.

Центральным тезисом данной работы является утверждение о том, что цифровая трансформация образования в РК знаменует собой переход от классического гуманизма, основанного на кантовском понимании автономного рационального субъекта и хабермасовской модели коммуникативного разума, к *постгуманистической*

*парадигме***,** в рамках которой знание алгоритмизируется и фрагментируется, а субъект обучения всё чаще редуцируется до объекта цифровых данных и управленческих метрик. В контексте высшего и послевузовского образования Республики Казахстан цифровизация тем самым может быть интерпретирована не как исключительно технологическая модернизация образовательной инфраструктуры, а как глубинный культурно-антропологический сдвиг, трансформирующий основания образовательной субъектности и способы производства знания. В этой новой реальности образовательное пространство формируется как гибридная экосистема, где авторитет знания распределен между человеком и алгоритмическими системами. Философский анализ рисков этого процесса необходим для сохранения этических оснований и национальной идентичности высшей школы в условиях тотальной технологизации.

Цель исследования заключается в философском осмыслении цифровой трансформации высшего и послевузовского образования Республики Казахстан как парадигмального сдвига от гуманистической эпистемологии к сетевой модели знания в условиях суперсложности.

Задачи исследования

- Концептуализировать модель «Инфосфера Барнетта» через синтез онтологии суперсложности Р. Барнетта и философии информации Л. Флориди для описания современного поствузовского пространства.

- Выявить специфику «эпистемического трения» в казахстанской академической среде, возникающего при столкновении глобальных алгоритмических стандартов с локальными исследовательскими контекстами

- Классифицировать ключевые риски цифровизации (метрическая редукция, алгоритмический неоколониализм, кризис субъектности) и проанализировать их деструктивное влияние на качество образования в РК.

- Разработать методологические рекомендации по внедрению «критической цифровизации», направленные на сохранение человеческой автономии и научной новизны в процессе подготовки студентов, магистрантов, PhD-докторантов.

Научная новизна работы заключается в комплексном философском переосмыслении цифровой трансформации высшей школы Республики Казахстан как фундаментального культурно-антропологического сдвига, а не технического обновления. Впервые предложена авторская модель «Инфосфера Барнетта», позволяющая эксплицировать трансформацию ответственности университетов и субъектов образования в условиях тотальной интеграции искусственного интеллекта и алгоритмических систем.

Методология исследования

Теоретическая рамка исследования синтезирует концепцию парадигмальных сдвигов Т. Куна (Kuhn, 1962: 23), теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса (Хабермас, 2002) и философию техники М. Хайдеггера **(**Хайдеггер, 1991) для обоснования перехода высшей школы РК к состоянию «суперсложности». Под воздействием цифровых образовательных сред, LMS-систем, платформ и унифицированных регламентов управления образовательным процессом происходит смещение от персонализированного взаимодействия «наставник – обучающийся» к функциональной модели «платформа-пользователь». Парадигмальный подход позволяет зафиксировать кризис классического академического менторства, в то время как концепция *Gestell* Хайдеггера раскрывает риски редукции субъекта до «цифрового профиля» и KPI-метрики.

Стремительная интеграция искусственного интеллекта в глобальную исследовательскую инфраструктуру превратила ландшафт университетов в пространство радикальной текучести и «суперсложности»: «Supercomplexity: frames are more incommensurable and less stable» (Barnett, 2000; 242), где знание фрагментировано конкурирующими эпистемологическими рамками – гуманистическая традиция против data-driven алгоритмов, то есть рамки знания становятся не только множественными, но и принципиально несопоставимыми: традиционная гуманистическая интерпретация текстов конфликтует с алгоритмической аналитикой искусственного интеллекта. Одновременно цифровая среда формирует «инфосферу» – новый онтологический уровень, информационную среду, сравнимую по значимости с биосферой: «The *infosphere* is an environment comparable to the biosphere» (Floridi, 2013: 58) где субъект обучения – обучающийся – становится «inforg» (информационным агентом) – своего рода информационно-биологическим гибридом, навигирующим потоки данных, визуализаций и симуляций.

Данный синтез служит фундаментом созданной нами авторской модели «Инфосфера Барнетта», где инфосфера Л. Флориди выступа-

ет онтологической средой, трансформирующей условия коммуникативного разума в алгоритмизированные потоки данных, которая включает следующие элементы: Инфоагенты (inforg); Рефлексивные узлы; Эпистемологические потоки; Этическая оболочка (Критическая цифровизация).

«Инфосфера Барнетта» позволит нам реконтекстуализировать онтологию высшего образования в рамках цифровой информационной экосистемы, опираясь на специфический эмпирический контекст 2026 года «Года цифровизации и искусственного интеллекта» в Казахстане.

Методология данной работы носит междисциплинарный характер, в связи с чем, исследовательская стратегия выстроена на трех взаимосвязанных уровнях, интегрируя философско-концептуальный анализ, эмпирическую верификацию и системный синтез.

Философско-концептуальный уровень базируется на синтезе онтологии суперсложности Р. Барнетта и философии информации Л. Флориди . Целевым результатом данного этапа является концептуализация авторской модели «Инфосфера Барнетта», выступающей в качестве теоретической рамки для осмысления цифрового пространства.

Уровень *эмпирической верификации* направлен на проверку выдвинутых гипотез через количественный анализ данных МНВО РК, включая статистику платформ Coursera и программы AI-Sana, а также дискурс-анализ государственной программы «Цифровой Казахстан». Это позволяет подтвердить генезис гибридных субъектов – «инфоргов» и эксплицировать сопутствующие гносеологические риски.

Уровень *системного синтеза* завершает исследовательский цикл, используя метод концепт-моделирования для установления причинно-следственных связей между метриками цифровизации и категориями разработанной модели. Итогом становится разработка практических рекомендаций по реализации стратегии «критической цифровизации», нацеленной на защиту антропологической ценности науки и образования.

Результаты и обсуждение

В данной статье мы исходим из определения культурной парадигмы как совокупности доминирующих ценностей, норм, представлений и практик, формирующих образовательную среду.

Цифровизация образования РК вводит критерии доступности, интерактивности и персонализации, трансформируя линейную модель передачи знаний в сетевую ризому (Deleuze, 1987), знание всё меньше рассматривается как исключительно продукт человеческого разума и всё чаще – как результат взаимодействия человека и цифровых систем, работающих с данными. В контексте высшего и послевузовского образования это проявляется в изменении роли обучающихся, преподавателей, исследователей: они становятся не только интерпретаторами знания, но и со-дизайнерами цифровых исследовательских сред.

Если инфосфера у Л. Флориди задаёт онтологический уровень – цифровую среду как особую форму реальности, в которой действуют информационные агенты, – то «суперсложность» у Р. Барнет характеризует институциональное и экзистенциальное состояние современного университета, функционирующего в условиях хаотичной неопределённости. Их соединение делает возможным концептуальный шаг к оригинальной модели «Инфосфера Барнетта», которая выступает как аналитическая рамка для высшего и особенно послевузовского образования. Авторская модель «Инфосфера Барнетта» представляет собой динамичную онтологию высшего и послевузовского пространства, в которой цифровая среда Л. Флориди радикально усиливает состояние «суперсложности» Р. Барнетта. Модель структурирована как аналитическая тетрада, элементы которой интегрированы в казахстанскую академическую практику 2026 года:

- *Инфоагенты (inforgs):* Гибридные субъекты (обучающиеся и исследователи), чья когнитивная деятельность неотделима от алгоритмических интерфейсов. В Казахстане их генезис подтверждается масштабной ИИ-сертификацией в рамках программы *AI-Sana*.

- *Рефлексивные узлы:* Университет предстает как «суперкомплексный» институт, где суперсложность – это не просто перегрузка данными, а концептуальный хаос: множественные конкурирующие рамки понимания мира (contestability), постоянные вызовы (challengeability), радикальная неопределённость и непредсказуемость, где оффлайн-семинары синтезируются с ИИ-аналитикой (Scopus-метрики + предиктивные модели). Точки конвергенции данных, алгоритмов и академических норм (платформы Coursera, Scopus AI, Huawei), где происходит столкновение классической и цифровой парадигм.

- *Эпистемологические потоки:* Трансформация знания из статического текста в динамические циклы обработки данных. Например, внедрение *Scopus AI* в 2024 году радикально изменило архитектуру научного поиска в докторантуре, заменив линейное накопление информации итеративным синтезом через генерацию концепт-карт. Этот переход порождает ситуацию, которую Р. Барнетт называет «радикальной текучестью». Для казахстанской академической среды и для исследователя это означает:

a) Утрату кумулятивности: знание больше не «накапливается» на полках библиотек, оно «циркулирует» в облачных хранилищах. Исследователь вынужден не просто изучать источники, а навигировать в потоке, который меняется быстрее, чем успевает сформироваться критическое суждение.

b) Замещение интерпретации симуляцией: традиционный герменевтический анализ (глубинное прочтение) вытесняется ИИ-симуляциями. Например, вместо изучения полного корпуса текстов, магистрант или докторант взаимодействует с визуализированной концепт-картой или саммари, сгенерированным алгоритмом. Знание здесь выступает не как продукт понимания, а как результат корреляции данных. Таким образом, эпистемологические потоки в модели «Инфосфера Барнетта» отражают переход университета к состоянию постдепозитария: вуз перестает быть хранилищем знаний, становясь хабом по управлению их текучестью.

- *Этическая оболочка* модели «Инфосфера Барнетта» выступает в роли внешнего защитного контура – «критической цифровизации», предназначенного для диалектической балансировки технологического потенциала цифровизации и сопутствующих гносеологических рисков. Мета-уровень регуляции и «человеческого надзора» (*Human Oversight*), необходимый для противодействия технологическому принуждению (*Gestell*).

Статистические показатели в цифровой трансформации образования РК подтверждают переход от точечных инициатив к формированию целостной цифровой экосистемы. Основным фундаментом верификации модели выступают данные по охвату глобальных EdTech-платформ и внедрению ИИ-инструментов в период 2023–2025 гг.

Таблица 1

Ключевые индикаторы цифровизации вузов РК (2023–2025)

Показатель	2023	2024	2025	Прирост	Источник
Coursera (количество курсов)	853	1500+	2000+	+134%	(Цифровая трансформация в сфере высшего образования, 2024)
Coursera (количество вузов- участников)	25	93	95	+300%	(Казахстан занял 37-е место в мировом рейтинге цифровых навыков Coursera, 2025)
Coursera (количество сертификатов)	73 тыс.	120 тыс.	180 тыс.	+147%	(Цифровая трансформация в сфере высшего образования, 2024)
Huawei ICT Academy (количество студентов)	5000	50 000	200 521	301%	(Huawei провела Annual Awarding Ceremony, 2025)
Численность магистрантов	36 491	39 172	42 613	+16,8%	(Послевузовское образование в РК, 2023,2024, 2025)
Докторанты PhD	5733	7357	8200	+43%	(Послевузовское образование в РК, 2023, 2024, 2025)
Докторов PhD	1962	3500	4156	+112%	(Кадровый и научный потенциал ученых, 2023, 2024,2025)
Оцифрованные лаборатории	200	320	430+	+115%	(Национальный доклад по науке, 2025)
ChatGPT Edu доступ	-	100 тыс.	200 тыс.	-	(Казахстан и OpenAI, 2025)

Примечание: составлено автором.

Основные тренды и аналитические выводы по динамике роста:

- Масштабирование образовательных платформ**:** Проект *Coursera* за два года охватил практически всю систему высшего образования Казахстана (95 вузов), при этом интенсивность обучения выросла в пять раз, достигнув 32 тысяч сертификатов ежемесячно. Около 40% студентов активно используют данный ресурс, что подтверждает статус платформы как одного из центральных «рефлексивных узлов» инфосферы/ Курсы Huawei ICT Academy масштабировались до 45 вузов с участием 200 521 студентов в рамках национальной государственной программы AI-Sana, которые уже получили специализированные сертификаты в области ИИ и машинного обучения (AI/ML).

- Технологическая вертикаль цифровой трансформации: Интеграция систем искусственного интеллекта в высшую школу РК формирует прикладную технологическую вертикаль, которая объединяет физическую исследовательскую базу и национальные ИИ-разработки для преодоления ресурсных барьеров. Эта вертикаль функционирует на двух уровнях:

• *Интеллектуальная автоматизация и методология (Scopus AI, ChatGPT Edu)* Прирост численности докторантов на 43% сопровождается качественным сдвигом в методологии: внедрение *Scopus AI*. Глобальные решения радикально меняют архитектуру работы с научным знанием. Использование *Scopus AI* позволяет исследователям переходить от механического накопления информации к высокоуровневому синтезу через генерацию концепт-карт и автоматизированное резюмирование . Внедрение *ChatGPT Edu* (200 000 лицензий к 2026 году) направлено на персонализацию обучения и аналитическую поддержку, при этом сохраняется обязательный принцип «человеческого надзора» (*Human Oversight*), где ИИ формирует лишь рекомендательную базу, а финальное суждение остается за человеком.

• *Прикладная инфраструктура (ROQED AI, оцифрованные лаборатории)* Отечественные и специализированные платформы решают задачи оптимизации ресурсов. Система *ROQED AI*, охватившая 50% магистерских программ, автоматизирует проверку заданий и предиктивную аналитику успеваемости, высвобождая до 90% времени преподавателя для творческой и научной деятельности. Параллельно сеть оцифрованных лабораторий (+115% за три года) реализует формат «Real-time Science», обеспечивая докторантам удаленный доступ к оборудованию и превращая физическую лабораторию в расширение их когнитивного пространства. В результате исследователь получает возможность управлять экспериментом и проводить анализ данных в режиме реального времени через цифровой интерфейс с любой географической точки.

Таким образом, технологическая вертикаль обеспечивает переход университета к состоянию «пост-депозитария», где вуз становится хабом по управлению текучими потоками данных, а не просто источником и хранилищем информации.

Представленные тренды подтверждают, что цифровая трансформация в РК идет по пути усложнения. Однако экспоненциальный рост показателей одновременно усиливает «суперсложность» (по Барнетту): высокая скорость накопления данных обостряет *риски* алгоритмических искажений (bias) и требует усиления «этической оболочки» для сохранения автономии исследователя. В контексте лингвистического барьера и «галлюцинации данных» также прослеживается эпистемическое трение.

- Интеграция модели «Инфосфера Барнетта» в казахстанский контекст выявляет специфическое «эпистемическое трение» – напряжение и сопротивление между глобальными алгоритмическими стандартами и локальными исследовательскими задачами. Алгоритмические предикторы (Scopus AI, ResearchGate) приоритизируют «горячие темы» (*hot topics*) западной повестки, что создает риск вымывания тем национальной, обладающих меньшим «алгоритмическим весом». Ориентация на универсальные клише, имеющие высокий «алгоритмический вес» в международных базах данных, обеспечивает выполнение публикационных KPI, но ведет к риску утраты релевантности для нужд страны. Темы, имеющие критическую значимость для социально-экономического развития региона (например, экология Арала, цифровизация казахского языка), могут обладать низким индексом цитирования глобально, что затрудняет их продвижение в высокорейтинговых журналах. В результате происходит «метрическая редукция» – подмена аутентичной научной новизны механическим выполнением формальных показателей. Философский риск здесь заключается в постепенном «вымывании» из исследовательского дискурса тем национальной идентичности в угоду алгоритмическому давлению.

Таким образом, казахстанский исследователь вынужден балансировать между требовани-

ями глобальной наукометрии (KPI) и аутентичной ценностью своего поиска.

Цифровые платформы и ИИ-модели обучаются преимущественно на англоязычных датасетах. При попытке исследователя работать с локальным контекстом на государственном языке, системы ИИ (включая наукометрические базы) демонстрируют «эпистемическую слепоту». Доля казахского контента в глобальных базах составляет менее 10%, что создает эффект «трения» при попытке автоматизированного поиска или анализа источников. В результате, искусственный интеллект часто «галлюцинирует» или упрощает сложные социокультурные реалии Казахстана, подгоняя их под стандартные западные или постсоветские модели.

Несмотря на расширение исследовательских возможностей, отсутствие этической рефлексии порождает ряд критических угроз:

1. Алгоритмический неоколониализм: Проявляется через когнитивные искажения (например, bias в Scopus AI в отношении неанглоязычного контента, в частности публикаций РК), что ведет к маргинализации локального научного знания.

2. Метрическая редукция: Подмена содержательной ценности науки формальными KPI и наукометрическими показателями, что нивелирует глубину интеллектуального поиска.

3. Нормативное давление: Навязывание алгоритмами «актуальных тем» (hot topics) в ущерб аутентичной научной новизне и специфике региональных исследовательских контекстов.

Основное деструктивное влияние на послевузовское образование (PhD) оказывает триада указанных факторов, подробно представленная в Таблице 2.

Таблица 2
Влияние рисков на качество образования в PhD

Риск	Механизм влияния	Последствия для докторантуры
Метрическая редукция	Доминирование количественных KPI	Снижение фундаментальности диссертаций, деградация научной этики.
Алгоритмический неоколониализм	Лингвистический и когнитивный bias (казахский контент < 10%).	Отрыв науки от национальных приоритетов, маргинализация локального знания
Кризис субъектности	Делегирование рефлексии алгоритмам (GPT-4o, Scopus AI).	Снижение интеллектуальной автономии, риск симулятивного результата

Примечание: составлено автором.

Для уровней бакалавриата и магистратуры фокус рисков смещается в сторону утраты базовых когнитивных навыков и компилятивности обучения. Если в докторантуре этот риск связан с KPI публикаций, то здесь он касается процесса оценивания.

1. Метрическая редукция: от знаний к «цифровым следам»

Бакалавриат: Знание подменяется формальным прохождением тестов и накоплением баллов в LMS (например, Platonus или Canvas), что ведет к «поверхностному обучению».

Магистратура: Риск проявляется в формальном подходе к магистерской диссертации. Использование сервисов «автоматического рерайтинга» и ИИ для обхода систем антиплагиата превращает научный труд в компиляцию данных ради прохождения нормоконтроля.

2. Алгоритмический неоколониализм: когнитивный разрыв

Бакалавриат: Студенты массово используют глобальные платформы (Coursera, edX) и генеративный ИИ, происходит постепенное вымывание локального культурного и научного контекста из сознания будущего специалиста.

Магистратура: Опора на англоязычные/русскоязычные модели из-за дефицита данных на государственном языке, что затрудняет разработку тем, специфичных для экономики или права Казахстана и ведет к «вторичности» исследований

3. Кризис субъектности «инфорга»: атрофия навыков

Бакалавриат: Происходит делегирование базовых когнитивных функций алгоритмам ИИ (поиск информации, суммирование текстов, ре-

шение задач), формирующее зависимость от интерфейса и атрофию критического анализа.

Магистратура: Переход магистранта в «инфорг-режим»: происходит замена реального научного синтеза ИИ-симуляциями и генерацией выводов на основе нейросетей, что снижает достоверность и практическую ценность работы.

Таблица 3
Сравнительная таблица фокусов рисков по уровням образования

Уровень образования	Основной фокус риска	Последствия для качества
Бакалавриат	Кризис субъектности	Утрата навыков самостоятельного мышления, «клиповое» освоение программы
Магистратура	Метрическая редукция	Симуляция исследовательской деятельности, компилятивность диссертаций
PhD-докторантура	Алгоритмический неоколониализм	Потеря академического суверенитета, ориентация на чужие повестки

Примечание: составлено автором

Как отмечает Винник Д. В. (Винник, 2022) верификация знания в условиях экспансии ИИ требует критического противовеса алгоритмической эпистемологии для предотвращения деградации фундаментальных и эмпирических знаний и эрозии критического мышления

На основании сконструированной модели «Инфосфера Барнетта» предлагаются следующие методологические рекомендации, направленные на минимизацию гносеологических рисков и сохранение образовательной и исследовательской автономии:

1. Интеграция курса «Цифровая эпистемология и этика ИИ»: в обязательный компонент программ PhD для формирования у докторантов навыков выявления алгоритмических искажений (bias), то есть переход докторанта от позиции пассивного пользователя к роли этического рефлектора.

2. Протокол «Human Oversight» (Человеческий надзор): обязательная рефлексивная верификация данных ИИ и эксплицитное обоснование использования алгоритмов в методологическом разделе выпускных работ, , обязывающего исследователя официально декларировать использование алгоритмов.

3. Диверсификация оценки: переход от чисто количественных показателей (импакт-фактор, KPI) к качественной экспертизе того, насколько исследование полезно для национальных приоритетов Казахстана. Это необходимо для защиты местной науки от «алгоритмического неоколониализма» – зависимости от глобальных трендов в ущерб региональным интересам

4. Создание «Рефлексивных узлов»:.трансформация научных семинаров в гибридные площадки для анализа эпистемического трения – расхождений между предиктивной аналитикой ИИ и реальным социокультурным контекстом.

5. Обеспечение эпистемической справедливости: приоритетное внедрение локальных языковых моделей (KAZ-LLM) в исследовательскую среду вузов. Это необходимо для исправления лингвистического дисбаланса и сохранения национальной идентичности в цифровых потоках знаний

Заключение

Проведенное исследование позволило осмыслить цифровизацию послевузовского образования в Казахстане не просто как технологический переход, но как глубокий антропологический и эпистемологический сдвиг. В рамках работы обоснована авторская модель «Инфосфера Барнетта», представляющая современный университет как сеть рефлексивных информационных узлов, где производство знания происходит в гибридном взаимодействии человека и алгоритмических систем. Анализ практического внедрения платформ Coursera и программ AI-Sana подтвердил формирование нового типа субъекта – «инфорга», чья иссле-

довательская автономия ограничена «черными ящиками» алгоритмов, а дефицит локального контента (менее 10%) актуализирует риски алгоритмического неоколониализма. Важным результатом стало выявление «эпистемического трения» между глобальными наукометрическими стандартами (KPI Scopus/WoS) и необходимостью решения национально значимых задач, что создает угрозу «метрической редукции» научного поиска. Для минимизации этих рисков предложена концепция «этической оболочки» для PhD-программ, базирующаяся на принципах человеческого надзора (*Human Oversight*), прозрачности алгоритмов и критической рефлексии данных. В целом, переход к стратегии «критической цифровизации» позволит университетам Казахстана эффективно интегрировать искусственный интеллект, сохраняя академическую свободу и субъектность ученого в условиях цифровой суперсложности.

Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (AP26194461 «Философия образования в условиях социокультурных изменений Казахстана: проблемы и пути решения»)

* *Автор-корреспондент* – Аубакирова С.С., aubakur@mail.ru

«При подготовке данной работы автор(ы) использовали https://chatgpt.com/ для того, чтобы обеспечить генерацию идей и структурирование материала. После использования этого инструмента/сервиса автор(ы) просмотрели и отредактировали содержимое по мере необходимости и несут полную ответственность за содержание публикации».

Вклад авторов

Ахметова Г.Г.: Разработка концепции исследования, подготовка аналитической части исследования, написание аналитической части научной статьи.

Аубакирова С.С.: Научное руководство, постановка цели и задач исследования, сбор и анализ материалов.

Кожамжарова М.Ж.: Проведение анализа научной литературы, выбор методологии исследования, структурирование материала

Салимова Р.С.: Редактирование текста статьи, оформление статьи в соответствии с требованиями журнала.

Литература

Barnett, R. (2000). University knowledge in an age of supercomplexity. *Higher Education Policy, 13*(3), 235–250.

Floridi, L. (2013). *The ethics of information*. Oxford University Press.

Kuhn, T. S. (1962). *The structure of scientific revolutions*. University of Chicago Press.

Хабермас, Ю. (2002). *Теория коммуникативного действия* (Т. 1: Логика аргументации, с. 150–180). М.: Весь Мир.

Хайдеггер, М. (1991). Вопрос о технике. В кн.: *Время и бытие* (с. 313–345). М.: Республика.

Deleuze, G., & Guattari, F. (1987). *A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia* (B. Massumi, Trans.). University of Minnesota Press.

Цифровая трансформация в сфере высшего образования. (2024). https://primeminister.kz/ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-29245

Казахстан занял 37-е место в мировом рейтинге цифровых навыков Coursera. (2025). https://ru.elordainfo.kz/raznoe-ru/kazahstan-zanyal-37-e-mesto-v-mirovom-reytinge-cifrovyh-navykov-coursera-2025

Huawei провела Annual Awarding Ceremony для ICT академий в Казахстане. (n.d.). https://www.kt.kz/rus/high-tech/huawei_provela_annual_awarding_ceremony_dlya_ict_akademiy_1377985552

Послевузовское образование в РК (на начало 2023–2024 учебного года). (2024). https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/6388/

Послевузовское образование в РК (на начало 2024–2025 учебного года). (2024). https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/196855/

Послевузовское образование в РК (на начало 2025–2026 учебного года). (2025). https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/358716/

Кадровый и научный потенциал ученых. (n.d.). https://www.gov.kz/memleket/entities/science/documents/details/458335?lang=ru

Национальный доклад по науке. (2024). https://www.gov.kz/uploads/2024/11/28/9ee5b9559e1ceddfc7f069cd671935e8_original.4463545.pdf

Казахстан и OpenAI подписали меморандум. (2025). https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/press/news/details/1100709?lang=ru

Винник, Д. В. (2022). Глубинные риски машинного обучения. *Философия науки и техники, 2*(93), 112–125. https://philosophy.nsc.ru/sites/default/files/journals/phil-science/2022/PS_2/08_Vinnik.pdf

References

Barnett, R. (2000). University knowledge in an age of supercomplexity. *Higher Education Policy, 13*(3), 235–250.

Floridi, L. (2013). *The ethics of information*. Oxford University Press.

Kuhn, T. S. (1962). *The structure of scientific revolutions*. University of Chicago Press.

Habermas Ju (2002). Teorija kommunikativnogo dejstvija. [Theory of Communicative Action] (T. 1. Logika argumentacii, S. 150–180). M.: Ves' Mir.

Hajdegger M. (1991). Vopros o tehnike. V kn.: *Vremja i bytie.* [The Question of Technology. In: Heidegger M. Time and Being.] (S. 313–345). M.: Respublika.

Deleuze, G., & Guattari, F. (1987). *A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia* (B. Massumi, Trans.). University of Minnesota Press.

Cifrovaja transformacija v sfere vysshego obrazovanija. [Digital transformation in higher education] (2024). https://primeminister.kz/ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-29245

Kazahstan zanjal 37-e mesto v mirovom rejtinge cifrovyh navykov Coursera. [Kazakhstan ranked 37th in the global digital skills ranking (Coursera, 2025)] (2025). https://ru.elordainfo.kz/raznoe-ru/kazahstan-zanyal-37-e-mesto-v-mirovom-reytinge-cifrovyh-navykov-coursera-2025

Huawei provela Annual Awarding Ceremony dlja ICT akademij v Kazahstane. [Huawei held the Annual Awarding Ceremony for ICT academies in Kazakhstan] (n.d.). https://www.kt.kz/rus/high-tech/huawei_provela_annual_awarding_ceremony_dlya_ict_akademiy_1377985552

Poslevuzovskoe obrazovanie v RK (na nachalo 2023–2024 uchebnogo goda). [Postgraduate education in the Republic of Kazakhstan (at the beginning of the 2023–2024 academic year)] (2024). https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/6388/

Poslevuzovskoe obrazovanie v RK (na nachalo 2024–2025 uchebnogo goda). [Postgraduate education in the Republic of Kazakhstan (at the beginning of the 2024–2025 academic year)] (2024). https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/196855/

Poslevuzovskoe obrazovanie v RK (na nachalo 2025–2026 uchebnogo goda). [Postgraduate education in the Republic of Kazakhstan (at the beginning of the 2025–2026 academic year)] (2025). https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/358716/

Kadrovyj i nauchnyj potencial uchenyh. [Human resources and scientific potential of researchers] (n.d.). https://www.gov.kz/memleket/entities/science/documents/details/458335?lang=ru

Nacional'nyj doklad po nauke. [National report on science] (2024). https://www.gov.kz/uploads/2024/11/28/9ee5b9559e1cedd fc7f069cd671935e8_original.4463545.pdf

Kazahstan i OpenAI podpisali memorandum. [Kazakhstan and OpenAI signed a memorandum] (2025). https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/press/news/details/1100709?lang=ru

Vinnik, D. V. (2022). Glubinnye riski mashinnogo obuchenija. [Deep Risks of Machine Learning] Filosofija nauki i tehniki, 2(93), 112–125. https://philosophy.nsc.ru/sites/default/files/journals/phil-science/2022/PS_2/08_Vinnik.pdf

Сведения об авторах:

Ахметова Гаухар Галимовна – кандидат философских наук, ассоциированный профессор Торайгыров университета (Павлодар, Казахстан, e-mail: gaukhar.akhmetova.05@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2904-3819).

Аубакирова Салтанат Советовна – PhD, ассоциированный профессор Торайгыров университета (Павлодар, Казахстан, e-mail: aubakur@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7894-6208).

Кожамжарова Майра Жанайдаровна – кандидат философских наук, ассоциированный профессор Торайгыров университета (Павлодар, Казахстан, e-mail: mayra_2901@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7812-7114).

Салимова Райгуль Сабыровна – PhD, Торайгыров университет (Павлодар, Казахстан, e-mail: salimova_raigul@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6747-4620).

Information about the authors:

Akhmetova Gaukhar Galymovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Toraighyrov University (Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: gaukhar.akhmetova.05@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2904-3819).

Aubakirova Saltanat Sovetovna – PhD, Associate Professor, Toraighyrov University (Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: aubakur@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7894-6208).

Kozhamzharova Mayra Zhanaidarovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Toraighyrov University (Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: mayra_2901@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7812-7114).

Salimova Raigul Sabyrovna – PhD, Toraighyrov University (Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: salimova_raigul@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6747-4620).

Авторлар туралы мәлімет:

Ахметова Гаухар Ғалымқызы – философия ғылымдарының кандидаты, Торайғыров университетінің қауымдастырылған профессоры (Павлодар, Қазақстан, e-mail: gaukhar.akhmetova.05@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2904-3819).

Аубакирова Салтанат Советовна – PhD, Торайғыров университетінің қауымдастырылған профессоры (Павлодар, Қазақстан, e-mail: aubakur@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7894-6208).

Қожамжарова Майра Жанайдарқызы – философия ғылымдарының кандидаты, Торайғыров университетінің қауымдастырылған профессоры (Павлодар, Қазақстан, e-mail: mayra_2901@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7812-7114).

Салимова Райгүл Сабырқызы – PhD, Торайғыров университеті (Павлодар, Қазақстан, e-mail: salimova_raigul@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6747-4620).

Поступила: 10.01.2026
Принята: 20.03.2026

IRSTI 02.91.91 https://doi.org/10.26577/jpcp96220262

A. Nyssanbayev[1], A. Sagikyzy[2], Y. Toktarov[2], G. Malik[3*]

[1]S. Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan
[2]Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
[3]S.Zh. Asfendiyarov Kazakh National Medical University, Almaty, Kazakhstan
*e-mail: galim.malik@ mail.ru

THE PHENOMENON OF JUSTICE: FROM THEORY TO THE IDEAS OF ALIKHAN BUKEIKHANOV

This article offers a philosophical interpretation of justice as a multidimensional sociocultural, moral-legal, and political phenomenon and identifies the specific features of its interpretation in the intellectual legacy of Alikhan Bukeikhanov. The purpose of the study is to reveal the theoretical foundations of the concept of justice, analyze the main approaches to its understanding in global social-philosophical thought, and determine the relevance of these ideas for contemporary Kazakhstani society. The article examines conceptions of justice presented in the works of J. Rawls, F. von Hayek, M. Sandel, and other researchers. The methodological basis of the study is a comprehensive interdisciplinary approach that combines methods from social philosophy, political theory, ethics, and jurisprudence. Social-philosophical analysis is used as the basic method, allowing justice to be considered as a multidimensional category that includes the normative, axiological, and ontological dimensions of social being. Historical-philosophical and comparative methods are applied to reconstruct and compare different conceptions of justice presented in the works of J. Rawls, F. von Hayek, M. Sandel, L. Kolakowski, and other researchers. The methodological basis of the study consists of social-philosophical, historical-comparative, hermeneutic, and axiological methods, which make it possible to consider justice as a category linking normative, institutional, and value dimensions. The study finds that justice cannot be reduced to legality, formal equality, or individual moral qualities; rather, it expresses a holistic principle for evaluating and organizing social relations. It is shown that in Alikhan Bukeikhanov's views, justice functions as an integrative principle that unites the responsibility of authority, the common good, the ethics of labor, the critique of social injustice, and the idea of national-state self-determination. The article concludes that A. Bukeikhanov's philosophical and socio-political ideas retain methodological and practical significance for understanding the problem of justice in contemporary Kazakhstan.

Keywords: justice, legal system, A. Bukeikhanov, legality, ideal of justice.

А. Нысанбаев[1], А. Сағиқызы[2], Е. Тоқтаров[2], Г. Мәлік[3*]

[1]С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті, Өскемен, Қазақстан
[2]Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім Министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан
[3]С.Ж. Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медицина университеті, Алматы, Қазақстан
*e-mail: galim.malik@ mail.ru

Әділеттілік феномені: теориядан Әлихан Бөкейханов идеяларына дейін

Бұл мақалада әділеттілік көпқырлы әлеуметтік-мәдени, моральдық-құқықтық және саяси феномен ретінде философиялық тұрғыдан пайымдалып, оның Әлихан Бөкейхановтың интеллектуалдық мұрасындағы түсіндірілу ерекшеліктері айқындалады. Зерттеудің мақсаты — әділеттілік ұғымының теориялық негіздерін ашу, әлемдік әлеуметтік-философиялық ойдағы оны түсіндірудің негізгі бағыттарын талдау және бұл идеялардың қазіргі Қазақстан қоғамы үшін өзектілігін көрсету. Мақалада Дж. Ролз, Ф. фон Хайек, М. Сэндел және басқа да зерттеушілердің еңбектеріндегі әділеттілік тұжырымдамалары қарастырылады. Зерттеудің әдіснамалық негізі әлеуметтік философия, саяси теория, этика және юриспруденция әдістерін біріктіретін кешенді пәнаралық тәсіл болып табылады. Әлеуметтік-философиялық талдау негізгі әдіс ретінде қолданылады, бұл әділеттілікті әлеуметтік болмыстың нормативтік, аксиологиялық және онтологиялық өлшемдерін қамтитын көпөлшемді санат ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Дж. Роулс, Ф. фон Хайек, М. Сандель, Л. Колаковский және басқа зерттеушілердің еңбектерінде ұсынылған әділеттіліктің әртүрлі тұжырымдамаларын қайта құру және салыстыру үшін тарихи-философиялық және салыстырмалы әдістер қолданылады. Зерттеудің әдіснамалық

© 2026 Al-Farabi Kazakh National University

тарихи-салыстырмалы, герменевтикалық және аксиологиялық тәсілдер құрайды. Бұл тәсілдер әділеттілікті нормативтік, институционалдық және құндылықтық өлшемдерді байланыстыратын категория ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Зерттеу нәтижесінде әділеттілікті тек заңдылыққа, формалды теңдікке немесе жеке моральдық қасиеттерге ғана теңеуге болмайтыны анықталды; керісінше, ол қоғамдық қатынастарды бағалау мен ұйымдастырудың тұтас қағидатын білдіреді. Әлихан Бөкейхановтың көзқарастарында әділеттілік биліктің жауапкершілігін, ортақ игілікті, еңбек этикасын, әлеуметтік әділетсіздікті сынауды және ұлттық-мемлекеттік өзін-өзі айқындау идеясын біріктіретін тұтастырушы қағидат ретінде көрінеді. Мақалада Ә. Бөкейхановтың философиялық және қоғамдық-саяси идеялары қазіргі Қазақстандағы әділеттілік мәселесін түсінуде әдіснамалық әрі практикалық маңызын сақтап отырғаны тұжырымдалады.

Түйін сөздер: әділеттілік, құқықтық жүйе, А. Бөкейханов, заңдылық, әділеттілік мұраты.

А. Нысанбаев[1], А. Сагикызы[2], Е. Токтаров[2], Г. Малик[3*]

[1]Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан
[2]Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
[3]Казахский национальный медицинский университет им. С.Ж. Асфендиярова, Алматы, Казахстан
*e-mail: galim.malik@ mail.ru

Феномен справедливости: от теории к идеям Алихана Букейханова

Статья посвящена философскому осмыслению справедливости как многомерного социально-культурного, морально-правового и политического феномена, а также выявлению специфики её интерпретации в интеллектуальном наследии Алихана Букейханова. Цель исследования заключается в раскрытии теоретических оснований понятия справедливости, анализе основных подходов к его пониманию в мировой социально-философской мысли и определении актуальности данных идей для современного казахстанского общества. В работе рассматриваются концепции справедливости, представленные в трудах Дж. Ролза, Ф. фон Хайека, М. Сэнделя, и других исследователей. Методологической основой исследования является всесторонний междисциплинарный подход, сочетающий методы социальной философии, политической теории, этики и юриспруденции. В качестве базового метода используется социально-философский анализ, позволяющий рассматривать справедливость как многомерную категорию, включающую нормативные, аксиологические и онтологические измерения социального бытия. Историко-философские и сравнительные методы применяются для реконструкции и сравнения различных концепций справедливости, представленных в работах Дж. Ролза, Ф. фон Хайека, М. Сандела, Л. Колаковского и других исследователей. Методологическую основу исследования составляют социально-философский, историко-сравнительный, герменевтический и аксиологический методы, позволяющие рассмотреть справедливость как категорию, соединяющую нормативное, институциональное и ценностное измерения. В результате установлено, что справедливость не сводится ни к законности, ни к формальному равенству, ни к отдельным моральным качествам, а выражает целостный принцип оценки и организации общественных отношений. Показано, что в воззрениях Алихана Букейханова справедливость выступает как интегративный принцип, объединяющий ответственность власти, общественное благо, трудовую этику, критику социальной несправедливости и идею национально-государственного самоопределения. Делается вывод о том, что философские и общественно-политические идеи А. Букейханова сохраняют методологическую и практическую значимость для осмысления проблемы справедливости в современном Казахстане.

Ключевые слова: справедливость, правовая система, А. Букейханов, законность, идеал справедливости**.**

Introduction

The problem of justice has remained one of the most fundamental and at the same time most contested issues in the history of philosophical thought. From antiquity to the present day, thinkers have tried to determine what makes a society just, how justice should be related to law and morality, and whether it can be understood as a universal principle or only within a concrete historical and cultural context. The continuing relevance of this problem is explained by the fact that justice is not limited to theoretical reflection. It directly affects the organization of social life, the legitimacy of political power, the functioning of legal institutions, and the everyday experience of individuals and communities.

In the modern world, the issue of justice has become especially significant in the legal and political spheres. Contemporary societies often rely on formal legal norms, procedures, and institutions as the main instruments for regulating social relations. However, legality itself does not always guarantee justice. A law may be formally valid, but at the same time may fail to protect human dignity, social equality, or the common good. This creates a serious philosophical and practical problem: justice cannot be reduced only to compliance with the law, because the law also requires moral and value-based evaluation. The tendency to identify justice with legality may lead to the paradoxical situation in which unjust laws or unfair institutional practices are considered legitimate simply because they are formally established.

This problem is particularly relevant for contemporary Kazakhstani society. In the context of legal modernization, the development of civil society, and the reassessment of the value foundations of social development, the question of justice acquires not only theoretical but also practical importance. The transformation of social institutions requires more than the improvement of legal mechanisms; it also demands a deeper understanding of the moral, cultural, and social principles that should guide public life. Formally established rights, procedures, and institutions do not always ensure equal access to opportunities, fair distribution of social goods, or public trust in authority. Therefore, justice should be considered as a broader sociocultural and axiological principle that determines the quality of social relations and the direction of social development.

In this regard, it is necessary to turn to the main philosophical conceptions of justice developed within the global intellectual tradition. John Rawls interprets justice primarily as the first virtue of social institutions and connects it with fairness, equal basic liberties, and the distribution of rights and opportunities. Friedrich August von Hayek, in contrast, emphasizes the limits of applying the concept of justice to social outcomes and focuses on individual action, responsibility, and general rules. Michael Sandel criticizes purely procedural and distributive approaches and argues that justice cannot be separated from moral values, virtue, and the common good. Leszek Kolakowski, as well as a number of Russian and Kazakhstani researchers, draws attention to the internal complexity of justice and its connection with moral consciousness, social equality, responsibility, and human dignity. These approaches show that justice is a multidimensional phenomenon that includes legal, moral, institutional, and cultural aspects.

At the same time, the study of justice cannot be limited only to Western philosophical theories. For a deeper understanding of this category in the Kazakhstani context, it is important to analyze the national intellectual tradition, especially the sociopolitical and philosophical ideas of Alikhan Bukeikhanov. His intellectual legacy occupies a special place in the history of Kazakh social thought. Bukeikhanov considered social and political problems not in an abstract way, but in close connection with the real historical conditions of Kazakh society, including issues of governance, land, labor, education, autonomy, national self-determination, and the responsibility of authority before the people.

In Bukeikhanov's views, justice appears as an integrative principle that brings together moral, legal, institutional, and national-political dimensions. For him, justice was not merely a theoretical concept or a moral slogan. It was a practical criterion for evaluating the actions of power, the organization of public life, and the legitimacy of political decisions. His criticism of unfair electoral practices, bureaucratic arbitrariness, corruption, social inequality, and the formal use of law demonstrates that justice, in his understanding, was inseparable from the common good and the moral responsibility of those who govern. This makes his ideas especially important for contemporary discussions about the relationship between law, morality, statehood, and social responsibility.

The relevance of this study is determined by the need to connect general philosophical theories of justice with the specific historical and cultural experience of Kazakh society. Although the concept of justice has been widely discussed in world philosophy, its interpretation within the Kazakh intellectual tradition, particularly in the works of Alikhan Bukeikhanov, still requires deeper philosophical analysis. This research seeks to fill this gap by showing that Bukeikhanov's understanding of justice can be viewed not only as part of national political history, but also as a meaningful contribution to broader philosophical discussions on justice, responsibility, and social order.

The purpose of the present study is to provide a comprehensive analysis of the concept of justice in philosophical and socio-political contexts and to identify the specific features of its interpretation in the intellectual legacy of Alikhan Bukeikhanov. To achieve this purpose, the article examines the main theoretical approaches to justice, clarifies its onto-

logical and axiological foundations, and analyzes its role in the formation of social institutions and practices. Special attention is given to the way in which Bukeikhanov's ideas combine universal philosophical principles with the concrete needs of Kazakh society.

Literature review

The problem of justice has occupied a central place in classical and contemporary social philosophy, political theory, ethics, and legal thought. In different intellectual traditions, justice has been interpreted not only as a legal norm or moral requirement, but also as a broader principle that shapes social order, political legitimacy, human dignity, and the distribution of public goods. For this reason, the literature on justice is diverse and includes institutional, liberal, communitarian, ethical, and sociocultural approaches.

One of the most influential modern interpretations of justice is presented in the works of John Rawls. In A Theory of Justice, Rawls develops the concept of "justice as fairness" and argues that justice should be understood primarily as the first virtue of social institutions. His contribution lies in shifting the discussion of justice from individual moral qualities to the structure of society, especially to the ways in which rights, duties, opportunities, and social benefits are distributed. Rawls's theory remains important because it provides a normative model for evaluating whether social institutions are fair and whether they protect equal basic liberties and legitimate expectations (Rawls, 1958; Rawls, 1971).

A different position is developed by Friedrich August von Hayek, who criticizes the idea of applying justice to impersonal social structures or outcomes. For Hayek, justice is meaningful mainly in relation to human action, responsibility, and the rules that guide individual behavior. His contribution is significant because it questions whether society as a whole can be called just or unjust in the same way as a person's action can. This approach helps to reveal an important tension in the theory of justice: whether justice should be understood as a quality of institutions, as Rawls argues, or as a quality of individual actions and responsibility, as Hayek suggests (Hayek, 2006).

Michael Sandel's works offer another important perspective by emphasizing the limits of purely procedural and distributive theories of justice. Sandel argues that justice cannot be reduced only to the correct distribution of rights, resources, or opportunities. It also requires reflection on virtue, moral values, and the common good. His approach is valuable for this study because it connects justice with ethical life, civic responsibility, and the moral foundations of society. In this sense, Sandel's communitarian interpretation makes it possible to consider justice not only as a formal principle, but also as a value embedded in social practices and collective identity (Sandel, 2009).

The literature also pays attention to the internal complexity and even ambiguity of justice. Leszek Kołakowski shows that the classical definition of justice as "giving everyone their due" raises a difficult question: how should this "due" be determined? His reflections are important because they demonstrate that justice does not always provide a simple or final answer to moral and legal problems. Justice may come into tension with other ethical principles, such as mercy, solidarity, or human compassion. This idea is especially relevant when justice is studied as a multidimensional phenomenon rather than as a narrow legal category (Kołakowski, n.d.).

In Russian and post-Soviet philosophical literature, justice is often discussed as a socio-ethical and axiological category. O.A. Torosyan interprets social justice through the proportional relationship between equality and inequality, emphasizing that justice cannot be fully reduced to freedom, truth, or honesty. G.M. Muntyan develops a multidimensional view of justice, treating it as a feeling, a cognitive capacity, a normative idea, and a practical principle. O. Drobnitsky and F. Selivanov define justice as a moral-legal and socio-political category that evaluates social reality from the standpoint of what ought to be. These studies are important because they allow justice to be understood as a value-based principle that connects morality, law, social relations, and public institutions (Torosyan, 2014; Muntyan, 2009; Drobnitsky & Selivanov, 1970).

The sociological approach of Luc Boltanski and Laurent Thevenot also contributes to the study of justice by showing that people justify their actions and evaluate social situations through different «orders of worth». Their work is useful for understanding how justice operates in real social life, where individuals and groups appeal to different moral arguments, values, and criteria of legitimacy. This perspective broadens the analysis of justice by moving beyond abstract theory and focusing on the practical ways in which people justify social arrangements and criticize injustice (Boltanski & Thevenot, 2013).

A separate but important line of thought concerns the concept of the ideal. E.V. Ilyenkov's in-

terpretation of the ideal as an active form of social consciousness is particularly useful for understanding justice not merely as a theoretical concept, but as a motivating social ideal. From this perspective, justice can be viewed as a value that unites individual aspirations and collective goals, encouraging society to transform existing conditions. This approach is relevant for analyzing justice in connection with national development, political responsibility, and social modernization (Ilyenkov, 2022).

Despite the richness of these theoretical approaches, there remains a research gap in the study of justice within the Kazakh intellectual tradition, especially in relation to the ideas of Alikhan Bukeikhanov. Existing theories explain justice through institutions, individual responsibility, freedom, virtue, equality, or social distribution. However, they do not fully address how the idea of justice was interpreted in the context of national self-determination, colonial administration, social modernization, land issues, political autonomy, and the moral responsibility of authority in Kazakh society. This gap makes it necessary to examine Bukeikhanov's intellectual legacy as a distinctive contribution to the philosophy of justice.

Alikhan Bukeikhanov's works offer a historically grounded and practically oriented understanding of justice. In his writings, justice appears not as an abstract moral slogan, but as a principle connected with responsible governance, protection of public interests, criticism of social injustice, the value of labor, and the right of the nation to political self-determination. His critique of unfair electoral practices, formal bureaucracy, corruption, and the misuse of power demonstrates that justice, for him, was inseparable from the common good and the moral legitimacy of authority. Therefore, the study of Bukeikhanov's ideas allows the problem of justice to be considered through the unity of ethical, legal, institutional, and national-political dimensions.

Methodology

The methodological basis of the study is a comprehensive interdisciplinary approach that combines methods from social philosophy, political theory, ethics, and jurisprudence. Social-philosophical analysis is used as the basic method, allowing justice to be considered as a multidimensional category that includes the normative, axiological, and ontological dimensions of social being. Historical-philosophical and comparative methods are applied to reconstruct and compare different conceptions of justice presented in the works of John Rawls, Friedrich August von Hayek, Michael Sandel, Leszek Kolakowski, and other researchers. This makes it possible to identify the main directions in the evolution of ideas about justice and to determine their internal contradictions and points of convergence. The hermeneutic method is used in the analysis of texts, enabling an interpretation of Alikhan Bukeikhanov's philosophical and publicistic works with regard to their historical and cultural context. The axiological approach is aimed at revealing the value-based nature of justice and its role in shaping social ideals and normative guidelines.

In addition, the study employs a systems approach, which makes it possible to view justice as an element of an integral social structure connected with the functioning of legal institutions, the distribution of social goods, and mechanisms of social regulation.

The research material consists of philosophical works by classical and contemporary authors, as well as the socio-political and publicistic writings of Alikhan Bukeikhanov, which reflect the specific understanding of justice within the Kazakh intellectual tradition.

Results and discussion

The transformation of the legal system and the gradual development of civil society make the problem of justice especially important for contemporary Kazakhstan. In a formal sense, a legal system may contain established norms, procedures, and institutions; however, their existence alone does not guarantee that they are applied fairly or that they serve the interests of society as a whole. This distinction between legality and justice is crucial. A law may be valid from the standpoint of procedure, but if it ignores human dignity, social equality, public responsibility, or the common good, it cannot be considered fully just. Therefore, the question of justice cannot be reduced to the question of whether a certain rule exists in legal form. It also requires an evaluation of the moral, social, and value-based foundations of that rule.

In this context, justice appears not only as a legal category, but also as a broader sociocultural principle. It is closely connected with public consciousness, social trust, the legitimacy of political authority, and the way in which people experience equality or inequality in everyday life. Issues such as unequal access to resources, the uneven distribution of opportunities, corruption, weak public trust in in-

stitutions, and the formal application of law show that justice is not merely an abstract philosophical idea. It is a real condition for social solidarity and stable development. When citizens perceive social institutions as unjust, even legally established decisions may lose moral legitimacy.

This makes it necessary to analyze justice through several interconnected dimensions: legal, moral, institutional, and cultural. The legal dimension concerns norms, rights, duties, and procedures. The moral dimension concerns human dignity, responsibility, honesty, and respect for others. The institutional dimension relates to the functioning of the state, courts, public administration, and mechanisms of distribution. The cultural dimension reflects the historical experience, value orientations, and intellectual traditions through which society understands what is fair and what is unacceptable. In the Kazakh context, these dimensions are especially important because the idea of justice has always been closely linked with questions of social harmony, responsibility of authority, land, labor, education, and national self-determination.

One of the most influential theories of justice in contemporary Western philosophy was developed by John Rawls. Rawls distinguishes between the general concept of justice and various particular conceptions of justice, emphasizing that different theories may interpret justice in different ways while still addressing a shared normative problem (Rawls, 1971, p. 5). This distinction is important because it shows that justice is not a fixed and simple notion. Rather, it is a concept that receives different meanings depending on the philosophical, political, and social context in which it is discussed.

Rawls develops his theory as an alternative to utilitarianism and proposes the model of «justice as fairness». His approach is based on the idea that principles of justice should be chosen under fair conditions and should regulate the basic structure of society (Rawls, 1971, pp. 16–17). In his earlier article, Rawls (1958) also emphasizes fairness as a fundamental element in the analysis of justice (p. 164). This does not mean that justice and fairness are completely identical. Rather, fairness becomes the main methodological principle through which justice can be understood. In this sense, Rawls shifts the discussion from individual moral qualities to the organization of social institutions.

A key feature of Rawls's theory is that the main subject of justice is not the isolated individual, but the basic structure of society. By this, he means the major social institutions that distribute rights, duties, opportunities, and social advantages (Rawls, 1971, p. 7). This approach is significant because it allows justice to be understood as a property of institutions. Social institutions shape people's life chances, determine access to education, work, political participation, and social protection, and influence how individuals imagine their future. For Rawls, therefore, justice is the primary virtue of social institutions, just as truth is central to systems of thought (Rawls, 1971, p. 3).

However, Rawls's institutional understanding of justice has also been criticized. Friedrich August von Hayek offers a different interpretation, arguing that justice should primarily be applied to human actions rather than to social outcomes or abstract structures. In his view, responsibility belongs to acting individuals, and therefore justice can be meaningfully discussed where there is a responsible agent behind a particular action or decision (Hayek, 2006, p. 199). This creates an important theoretical tension. In Rawls's approach, justice is connected with institutions and their influence on social life. In Hayek's approach, justice is rooted in individual action, responsibility, and the rules that guide human behavior.

This disagreement reveals a deeper philosophical problem: should justice be understood primarily as an institutional principle or as a moral characteristic of human action? If priority is given to institutions, then injustice is seen mainly in unfair structures, unequal opportunities, and defective systems of distribution. If priority is given to individual action, then injustice is connected with irresponsible behavior, arbitrary decisions, and the violation of general rules. In reality, these two approaches should not be treated as mutually exclusive. Institutions are created and maintained by people, while individual actions take place within institutional frameworks. Therefore, a comprehensive understanding of justice must include both institutional conditions and personal responsibility.

Michael Sandel offers another important perspective. He shows that ancient and modern theories of justice are based on different starting points: ancient thought is more closely connected with virtue, while modern theories often begin with freedom and individual choice (Sandel, 2009, pp. 18–19). This distinction is useful because it helps explain why justice has been interpreted differently in different historical periods. In traditional societies, social order was often understood through duty, hierarchy, virtue, and the moral qualities expected from a person. In modern societies, however, the individual

becomes more autonomous, and freedom becomes one of the central values through which justice is evaluated.

This historical shift can also be clarified through the social philosophy of Karl Marx. Marx emphasizes the sociocultural nature of human existence and shows that the human being is formed within the world of social relations (Marx, 1955, p. 414). In pre-modern societies, relations of personal dependence played a major role, and individuals were included in stable communal and hierarchical structures. With the emergence of modern social relations, individuals became increasingly separated from traditional organic bonds and entered into systems of material and economic dependence. Under these conditions, freedom became a central category, because the individual began to define his or her place in society through rights, interests, labor, and social opportunities.

Sandel's contribution lies in his criticism of purely procedural and distributive approaches to justice. He argues that justice cannot be reduced only to the correct distribution of goods, rights, or opportunities. It also involves the question of how society evaluates certain goods, what it considers worthy, and what kind of moral life it encourages (Sandel, 2009, pp. 260–261). This approach is important because it brings the idea of the common good back into the discussion. Justice is not only about «who gets what», but also about what society values, what kind of citizens it forms, and what moral principles guide public life.

The need for a more integrative understanding of justice is also visible in the work of Torosyan. He interprets social justice as a multidimensional category based on the proportional relationship between equality and inequality (Torosyan, 2014, pp. 9–10). This idea is important because it avoids two extremes. On the one hand, justice cannot be reduced to mechanical equality, where all differences among people are ignored. On the other hand, justice cannot justify unlimited inequality, especially when inequality destroys dignity, opportunity, and social solidarity. Justice requires proportion, measure, and moral justification. Not every inequality is unjust, but every inequality must be socially and morally accountable.

Torosyan also emphasizes that justice is a socio-ethical category that expresses the measure of humanity in social relations. It requires equal respect for human dignity while also taking into account real differences among individuals and social groups (Torosyan, 2014, p. 10). This view is especially relevant for societies undergoing transformation, where formal equality before the law may exist, but real access to opportunities may remain unequal. In such cases, justice requires not only legal recognition but also practical mechanisms that support human development and social inclusion.

The internal complexity of justice is further revealed by Leszek Kolakowski. He draws attention to the traditional definition of justice as giving each person what is due, but notes that the most difficult question is how to determine what exactly is "due" in each case (Kolakowski, n.d., p. 37). This difficulty is visible both in the distribution of social goods and in the assignment of responsibility or punishment. Modern legal consciousness is based on the idea of equality before the law, yet equality does not always mean identical treatment. Different categories of people may require different conditions, but such differences can be justified only when they are based on a consistent and morally defensible principle (Kolakowski, n.d., p. 38).

Kolakowski's argument is important because it shows the limits of justice as a moral principle. Justice is fundamental, but it does not exhaust the whole content of moral life. Human relations also require mercy, solidarity, compassion, and benevolence, which cannot always be derived from strict legal or distributive logic (Kolakowski, n.d., p. 40). Therefore, a just society should not be understood as one that merely applies rules correctly. It must also cultivate moral sensitivity and the ability to recognize the human meaning behind social norms.

The ontological foundations of justice can be understood through the distinction between human nature and human essence. Human nature refers to biological and natural characteristics, while human essence is formed through activity, communication, culture, and social relations. Batishchev argues that in the process of anthropogenesis, the human being loses rigid hereditary behavioral determinants and gains an open capacity for universal activity (Batishchev, 2015, pp. 205–206). This means that human beings are not only natural beings, but also social and cultural beings who create their own world through labor, knowledge, and value-oriented action.

From this perspective, justice arises not simply from biological needs, but from the sociocultural form of human existence. It becomes meaningful where people live together, distribute goods, define duties, establish institutions, and evaluate actions from the standpoint of what ought to be. Drobnitsky define justice as a moral-legal and socio-political category connected with the idea of what is due and with the understanding of human essence and

inalienable rights (Drobnitsky and Selivanov, 1970, p. 119). Unlike the concepts of good or moral goodness, which may concern separate actions or qualities, justice focuses on relations between people and on the distribution of benefits, burdens, rights, and responsibilities.

Muntyan also offers a multidimensional interpretation of justice. He understands justice as a feeling, a cognitive ability, a normative idea, and a practical principle of life (Muntyan, 2009, p. 7). These aspects should not be separated from one another. A person experiences justice emotionally, evaluates it rationally, imagines it as an ideal, and applies it as a guide for action. The common element in all these dimensions is the comparison between what exists and what ought to exist. Muntyan further identifies measure and equality as important ontological foundations of justice (Muntyan, 2009, p. 8). This idea again confirms that justice is connected not only with equal treatment, but also with proportionality, balance, and the meaningful organization of social relations.

A sociological perspective is offered by Boltanski and Thevenot, who distinguish between different modes of justification and different ways of appealing to justice in social life. They show that people do not always rely on a single universal criterion when they judge a situation as fair or unfair. Instead, they appeal to different "orders of worth" and different principles of justification depending on the context (Boltanski & Thevenot, 2013, p. 82). This approach is useful because it shows that justice functions not only in philosophical theory or legal doctrine, but also in everyday disputes, public criticism, institutional conflicts, and social negotiations.

The idea of justice is closely connected with the concept of the ideal. Ilyenkov interprets the ideal as an active form of social consciousness capable of uniting individual wills around historically significant tasks (Ilyenkov, 2022, p. 67). This understanding allows justice to be seen not only as a norm or rule, but also as a social ideal that motivates transformation. A society does not simply describe justice; it strives toward it, criticizes existing injustice, and creates institutions that are meant to bring reality closer to the ideal. In this sense, justice has both critical and constructive functions. It reveals the shortcomings of existing social relations and at the same time offers a direction for their improvement.

Against this theoretical background, the ideas of Alikhan Bökeikhanov acquire particular significance. In Western philosophy, justice is often interpreted either as a property of institutions, as in Rawls, or as a feature of responsible action, as in Hayek. In Bökeikhanov's thought, these dimensions are not separated. Justice appears as an integrative principle that connects morality, law, governance, labor, social responsibility, and national development. His understanding of justice was not abstract or purely theoretical. It was formed in response to the concrete historical problems of Kazakh society: colonial administration, unfair elections, land issues, social inequality, the crisis of traditional governance, and the need for political self-determination.

Bökeikhanov's analysis of volost elections is especially important. In his writings on elections, he criticizes the way in which the struggle for power disrupted the normal economic and social life of the Kazakh people. During election periods, livestock breeding, farming, and preparation for seasonal work were often pushed aside, while many people became involved in conflicts over administrative positions. Bökeikhanov saw that such political practices were not guided by the public interest, but by personal ambition, rivalry, and the desire for material gain (Bökeikhanov, 1994, p. 119). For him, this was not simply a technical failure of governance. It was a sign of deeper injustice, because power was being detached from responsibility and from service to the people.

His criticism of electoral practices also reveals his understanding of legitimate authority. Bökeikhanov believed that a leader should possess not only formal qualifications, but also moral authority, knowledge of social life, respect among the people, and commitment to the common good. He sharply criticized situations in which external or formal criteria, such as knowledge of the Russian language, were used to remove respected traditional leaders from power, even when there were no sufficient legal or moral grounds for doing so (Bökeikhanov, 1994, p. 127). In such cases, the form of legality was used against the substance of justice. This example clearly shows that for Bökeikhanov, justice required more than procedural correctness; it required meaningful legitimacy.

Bökeikhanov's position is particularly relevant because he understood the danger of replacing real social authority with bureaucratic formality. When law becomes a tool of arbitrary administration rather than a means of protecting the common good, it loses its moral force. This problem remains important for modern societies as well. Legal institutions must not only exist formally; they must be trusted, transparent, responsible, and oriented toward public welfare. Otherwise, they may reproduce inequality and alienation rather than justice.

Another important aspect of Bökeikhanov's thought is his understanding of labor. He considered labor not merely an economic necessity, but a value and a foundation of human dignity. Comparing different economic cultures, he emphasized that social development requires education, practical skills, rational organization, and respect for productive activity. In this sense, labor becomes connected with justice because it allows individuals and communities to develop their capacities and participate fully in social life. A society that does not value labor cannot create stable conditions for justice, because it weakens responsibility, self-reliance, and the material foundations of freedom.

Bökeikhanov also connects justice with education and knowledge. For him, modernization did not mean the mechanical imitation of other societies. It meant the conscious development of the Kazakh people through science, education, economic organization, and political maturity. Justice, therefore, was not only a demand addressed to authority; it was also a demand addressed to society itself. A just society requires educated citizens, responsible leaders, and social practices based on work, knowledge, and moral accountability.

His critique of European civilization further reveals the ethical depth of his understanding of justice. Bökeikhanov did not deny the technical achievements of Europe, but he questioned the moral superiority that European societies often claimed for themselves. He pointed out that societies declaring Christian and humanistic values could still be guided in practice by domination, competition, and violence. In his view, when the weak are deprived of recognition and protection, there can be no genuine justice (Bökeikhanov, 1994, p. 204). This criticism shows that Bökeikhanov's thought was not limited to local issues. He was able to evaluate global political and moral processes from the standpoint of universal ethical principles.

The same ethical criterion appears in his assessment of international conflicts. Bökeikhanov criticized military actions that contradicted declared civilizational and religious values, especially when stronger actors used violence against weakened opponents (Bökeikhanov, 1994, p. 204). In this context, justice becomes a principle for evaluating not only domestic governance but also relations between states and peoples. His position shows that political success cannot be morally justified if it is achieved through oppression, violence, or disregard for human dignity.

The land question occupies a central place in Bökeikhanov's political thought. In his work explaining why he left the Cadet Party, he criticizes the idea of private ownership of land under the conditions of Kazakh society. He believed that such a policy could lead to the loss of the land fund, because economically vulnerable people might sell land under pressure or short-term need, eventually becoming socially impoverished (Bökeikhanov, 1994, p. 268). This argument demonstrates his ability to connect justice with long-term social consequences. He did not evaluate policy only from the standpoint of formal rights. He asked whether a given policy would protect the future of the people and preserve the material basis of national life.

This position shows that Bökeikhanov's understanding of justice was deeply social and strategic. He saw that formal freedom, such as the freedom to sell land, could become destructive if it operated in conditions of inequality and economic vulnerability. In this respect, his thought has clear conceptual resonance with broader philosophical debates about the relationship between freedom, equality, and responsibility. Freedom without protection of the common good may become a mechanism of dispossession. Equality without consideration of historical and social conditions may remain merely formal. Justice requires the balanced unity of both.

The creation of the Alash movement and the idea of national autonomy can also be interpreted through the lens of justice. For Bökeikhanov and the Kazakh intelligentsia, autonomy was not simply a political demand. It was a way to institutionalize justice in the historical conditions of the Kazakh people. The idea of Alash was connected with the protection of land, education, national dignity, responsible governance, and the creation of institutions capable of defending public interests. Thus, the national project was also a moral and legal project. It aimed to create conditions under which the people could determine their own future and organize public life according to principles of responsibility and fairness.

A comparative analysis of Rawls, Hayek, Sandel, Torosyan, Kolakowski, and Bökeikhanov shows that justice cannot be understood through one dimension only. Rawls helps to reveal the institutional structure of justice. Hayek emphasizes responsibility and the importance of human action. Sandel shows the connection between justice, virtue, and the common good. Torosyan draws attention to proportionality between equality and inequality. Kolakowski reveals the internal tension between justice and other moral values such as mercy and solidarity. Drobnitsky and Selivanov, Muntyan, Boltanski and Thevenot, and Ilyenkov deepen the analysis by

showing the moral-legal, sociological, ontological, and ideal dimensions of justice (Boltanski & Thevenot, 2013; Drobnitsky & Selivanov, 1970; Ilyenkov, 2022; Muntyan, 2009).

Bökeikhanov's contribution lies in the fact that he brings these dimensions together within a concrete historical and national context. His ideas show that justice must be connected with institutions, but it cannot be reduced to them. It must be supported by law, but it cannot be identified with formal legality. It must protect freedom, but it must also prevent social vulnerability and the loss of collective foundations. It must respect tradition, but it must also encourage modernization, education, and social development. In this sense, Bökeikhanov's thought offers a practical and culturally grounded model of justice.

The relevance of these ideas for contemporary Kazakhstan is evident. The development of a just society requires not only legal reforms, but also a value-based culture of responsibility. Institutions must be evaluated not only by their formal existence, but by their ability to protect dignity, ensure equal opportunities, prevent arbitrariness, and serve the common good. Public authority must be understood as responsibility before society rather than as a privilege or instrument of personal benefit. Law must function not only as a system of rules, but also as a mechanism for protecting fairness and social trust.

Conclusion

The conducted study makes it possible to conclude that the phenomenon of justice is a complex and multidimensional category that unites the normative, value-based, institutional, and cultural-ontological dimensions of public life. Contemporary philosophical conceptions developed by J. Rawls, F.A. von Hayek, M. Sandel, and other thinkers demonstrate a diversity of approaches to its understanding, ranging from institutional and procedural interpretations to ethical-communitarian and axiological perspectives. These theories reveal both the universal foundations of justice, such as equality, freedom, measure, and responsibility, and the internal contradictions associated with its interpretation and practical implementation.

Against this background, Alikhan Bukeikhanov's ideas about justice, rooted in moral principles, developed in conceptual resonance with global philosophical traditions, while at the same time being distinguished by a clearly expressed practical orientation. His approach integrates the moral content of justice with the requirements of social and political organization, emphasizing the responsibility of authority, orientation toward the common good, and the inadmissibility of a merely formal approach to law. For Bukeikhanov, justice was not limited to abstract reasoning or legal declarations; it was directly connected with the real conditions of public life, the protection of national interests, and the moral legitimacy of political power.

In the context of the Kazakh intellectual tradition, justice appears not only as a theoretical category but also as a practical ideal guiding processes of social transformation. Bukeikhanov's reflections on fair governance, social responsibility, labor, land, autonomy, and national self-determination show that the idea of justice was closely linked to the broader task of modernizing Kazakh society. In this regard, his intellectual legacy demonstrates that justice becomes meaningful only when it is embodied in concrete social institutions, responsible political decisions, and respect for human dignity.

A comparative analysis of classical and contemporary conceptions of justice together with Bukeikhanov's ideas makes it possible to assert that its genuine realization is possible only through the unity of legal norms, moral foundations, and socially oriented state policy. Law, when separated from moral responsibility and the common good, risks becoming a formal mechanism that does not always guarantee fairness. Therefore, the problem of justice requires not only the improvement of legal institutions, but also the development of a value-based public culture in which responsibility, solidarity, and respect for the interests of society occupy a central place.

Thus, the philosophical and socio-political ideas of Alikhan Bukeikhanov retain their relevance for contemporary Kazakhstan. They allow justice to be understood as a principle that connects law, morality, statehood, and national development. In the conditions of ongoing social transformation, the appeal to Bukeikhanov's legacy is especially important, since it shows that a just society cannot be built only through formal reforms; it also requires moral renewal, civic responsibility, and a consistent orientation toward the common good. This gives the problem under consideration enduring theoretical and practical significance in the context of Kazakhstan's contemporary development.

Funding

This research has been funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant

NoBR31714927-Multiple Identities and Social Consensus in the Societal Contexts of Kazakhstan's Dynamics: Exploring Models of Civic Unity under Hybrid Challenges)

Conflicts of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Author Contributions

Conceptualization, A. Sagikyzy; Methodology, Y. Toktarov; Investigation, A. Nysanbayev and G. Malik; Writing – Original Draft Preparation, A. Nysanbayev and A. Sagikyzy; Writing – Review & Editing, E. Toktarov and G. Malik; Supervision, A. Sagikyzy.

References

Batishchev, G. S. (2015). Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskiy printsip [The active essence of the human being as a philosophical principle]. In G. S. Batishchev, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works] (pp. 191–275).

Bökeikhanov, Ä. (1994). *Tandamaly* [Selected works]. Kazakhstan.

Boltanski, L., & Thevenot, L. (2013). *Kritika i obosnovanie spravedlivosti. Ocherki sotsiologii gradov* [On justification: Economies of worth]. Novoe Literaturnoe Obozrenie.

Drobnitsky, O., & Selivanov, F. (1970). Spravedlivost' [Justice]. In *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical encyclopedia] (Vol. 5, pp. 119–120). Sovetskaya Entsiklopediya.

Hayek, F. A. von. (2006). *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, legislation and liberty: A new statement of the liberal principles of justice and political economy]. IGISEN.

Ilyenkov, E. V. (2022). Ideal [The ideal]. In E. V. Ilyenkov, *Filosofskaya entsiklopediya: Sobranie sochineniy* [Philosophical encyclopedia: Collected works] (Vol. 6, pp. 56–67). Kanon ROOI "Reabilitatsiya".

Kolakowski, L. (n.d.). O spravedlivosti [On justice]. *CyberLeninka*. https://cyberleninka.ru/article/n/o-spravedlivosti-1

Marx, K. (1955). K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedenie [A contribution to the critique of Hegel's philosophy of right. Introduction]. In K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* [Works] (2nd ed., Vol. 1, pp. 414–429). Politizdat.

Muntyan, G. M. (2009). *Sotsial'naya spravedlivost': Filosofskie osnovaniya i formy ponimaniya* [Social justice: Philosophical foundations and forms of understanding] [Abstract of candidate's dissertation, Volgograd State University].

Rawls, J. (1958). Justice as fairness. *The Philosophical Review, 67*(2), 164–194. https://doi.org/10.2307/2182610

Rawls, J. (1971). *A theory of justice*. Belknap Press of Harvard University Press.

Sandel, M. J. (2009). *Justice: What's the right thing to do?* Farrar, Straus and Giroux.

Torosyan, O. A. (2014). *Ideal spravedlivosti v sotsial'no-gumanitarnom izmerenii* [The ideal of justice in the socio-humanitarian dimension] [Unpublished candidate's dissertation]. Ivanovo State University.

Information about the authors:

Nyssanbayev Adilet – PhD student of S. Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: Nyssanbayev85@gmail.com ORCID: https://orcid.org/0009-0007-9431-5204).

Ayazhan Sagikyzy – Doctor of Philosophical Sciences, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK, (Almaty, Kazakhstan, e-mail:ayazhan@list.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2133-374X).

Toktarov Yermek – Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies PhD, Deputy Director General for Strategic Development (Almaty, Kazakhstan, e-mail: toktarov.yermek@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8691-5222).

Malik Galym – PhD, associate professor of the Department of history of Kazakhstan and social-humanitarian disciplines of the Kazakh National Medical University named after S.Zh. Asfendiyarov, (Almaty, Kazakhstan, e-mail: galim.malik@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5756-6270).

Авторлар туралы мәлімет:

Нысанбаев Адилет Адилбекович – С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университетінің, PhD докторанты, (Өскемен, Қазақстан, e-mail: Nyssanbayev85@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0007-9431-5204).

Аяжан Сағықызы – философия ғылымдарының докторы, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және діntану институты, (Алматы, Қазақстан, e-mail: ayazhan@list.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2133-374X).

Тоқтаров Ермек Бауржанович – Философия, саясаттану және діntану институты, PhD доктор, Бас директордың стратегиялық даму жөніндегі орынбасары (Алматы, Қазақстан, e-mail: toktarov.yermek@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8691-5222).

Мәлік Галым – С.Ж. Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медицина университетінің «Қазақстан тарихы және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер» кафедрасының қауымдастырылған профессоры, PhD доктор (Алматы, Қазақстан, e-mail: galim.malik@ mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5756-6270).

Сведения об авторах:

Нысанбаев Адилет – PhD-докторант Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: Nyssanbayev85@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0007-9431-5204).

Аяжан Сагикызы – доктор философских наук, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Казахстан, e-mail: ayazhan@list.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2133-374X).

Токтаров Ермек – PhD, Институт философии, политологии и религиоведения, заместитель генерального директора по стратегическому развитию (Алматы, Казахстан, e-mail: toktarov.yermek@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8691-5222).

Малик Галым – PhD, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин Казахского национального медицинского университета имени С.Ж. Асфендиярова (Алматы, Казахстан, e-mail: galim.malik@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5756-6270).

Получили: 10.02.2026
Принята: 01.04.2026

МРНТИ 02.15.51 https://doi.org/10.26577/jpcp96220263

Ж.З. Балмагамбетова[1*], Т.Ю. Лифанова[1], Н.С. Кирабаев[2]

[1] Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
[2] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
*e-mail: balmagambetova_z@live.kaznu.kz

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕОРИИ ИНТОНАЦИИ А. БАЙТУРСЫНУЛЫ

В статье рассматривается проблема интонации в контексте философии языка, где она интерпретируется не как исключительно фонетическое явление, а как фундаментальное измерение смысла. Данная работа посвящена именно философскому осмыслению казахской интонации, охарактеризованной Ахметом Байтурсыновым – казахским ученым-просветителем – в его труде «Әдебиет танытқыш». Исследуя просодическую систему казахской речи, Байтурсынов выделил и концептуализировал такие категории, как ырғақ, жорғақ, шумақ, тармақ, бунақ и айшық, тем самым предложив целостное описание ритмико-интонационной организации языка. Обосновывается положение о том, что интонация, охарактеризованная А.Байтурсыновым, играет конститутивную роль в превращении предложения в высказывание и в актуализации иллокутивной силы в казахской коммуникативной практике. Включая проблему в круг ключевых дискуссий философии языка – различие между пропозициональным содержанием и иллокутивной силой, соотношение семантики и прагматики, проблему контекстуальной недоопределенности значения, – представлено, что интонация участвует в формировании смысловой структуры высказывания. Интонологический аппарат А. Байтурсынова интерпретируется как философски значимая попытка описать формы актуализации смысла в живой речи. Философский анализ данной теоретической модели открывает возможность более последовательного понимания интонационной структуры казахской речи и ее роли в процессах формирования смысла, мышления и языкового сознания. В расширенной культурно-теоретической перспективе подобное осмысление усиливает научный интерес к казахскому языку и подчеркивает его значение как важнейшего основания национально-культурной самотождественности. Интонация рассматривается как медиум, посредством которого смысл получает модальную, прагматическую и экспрессивную артикуляцию, соединяя языковую форму и речевое действие. Делается вывод о том, что просодия является структурным условием реализации значения и участвует в онтологическом осуществлении смысла в речевой практике.

Ключевые слова: интонация, философия языка А. Байтурсынова**,** казахская интонация, ритм, импликативный и экспликативный мир, резонанс.

Zh. Balmagambetova[1*], T. Lifanova[1], N. Kirabaev[2]

[1]Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
[2]Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
*e-mail: balmagambetova_z@live.kaznu.kz

Philosophical reflections on A. Baitursynuly's theory of intonation

This article examines the problem of intonation within the philosophy of language, interpreted not as an exclusively phonetic phenomenon but as a fundamental dimension of meaning. Specifically, this work provides philosophical view regarding to Kazakh intonation having been characterized in own book "Ädebiet tanytqysh" by Kazakh scholar and enlightener Akhmet Baitursynuly. In studying Kazakh speech prosody Baitursynuly conceptualized such categories as *yrğaq, jorğaq, shumaq, tarmaq, bunaq,* and *aishyq*, and thereby proposed an integral rhythmic-intonational model of language. This study argues that intonation defined by Kazakh scholar is essential for shaping utterances and for conveying illocutionary force within kazakh communicative interaction. By situating this issue within central debates in the philosophy of language – such as the distinction between propositional content and illocutionary force, the interplay between semantics and pragmatics, and the problem of contextual underdetermination – this study shows that intonation contributes to shaping the semantic structure of an utterance. Baitursynuly's intonological framework is understood as a philosophically meaningful effort to account for how meaning is realized in Kazakh live speech. A philosophical examination of this theoretical model enables a more coherent understanding of Kazakh speech intonational structure and its role in the formation of meaning, thought, and Kazakh consciousness. In a broader cultural and conceptual context, such a view strengthens scholars' interest to Kazakh language considered as a cornerstone of national and cul-

© 2026 Al-Farabi Kazakh National University

tural identity. Kazakh intonation is viewed as a medium through which meaning gains modal, pragmatic, and expressive dimensions, connecting kazakh linguistic form with speech acts. In conclusion, Kazakh prosody constitutes a structural prerequisite for the realization of Kazakh meaning and contributes to its ontological actualization in speech.

Keywords: intonation, A. Baitursynuly's language philosophy, Kazakh intonation, rhythm, implicative and explicative world, resonance.

Ж.З. Балмагамбетова[1*], Т.Ю. Лифанова[1], Н.С. Кирабаев[2]

[1]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
[2]Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті, Мәскеу, Ресей
*e-mail: balmagambetova_z@live.kaznu.kz

А. Байтұрсынұлы интонация теориясының философиялық тұрғыдан қарастырылуы

Мақалада интонация мәселесі тіл философиясы контексінде қарастырылып, тек фонетикалық құбылыс ретінде емес, мағынаның іргелі өлшемі ретінде түсіндіріледі. Бұл жұмыс қазақтың ғалым-ағартушысы Ахмет Байтұрсынұлы өзінің «Әдебиет танытқыш» еңбегінде сипаттаған қазақ интонациясын философиялық тұрғыдан пайымдауға арналған. Қазақ тілінің просодикалық жүйесін зерттей отырып, Байтұрсынұлы ырғақ, жорғақ, шумақ, тармақ, бунақ және айшық сияқты категорияларды анықтап тұжырымдау арқылы тілдің ритмикалық-интонациялық ұйымдасуының тұтас сипаттамасын ұсынды. Мақалада ағартушымыз сипаттаған интонацияның сөйлемді ойға айналдыруда және коммуникативтік үдерісте иллокутивтік күштің жүзеге асуына негіз болатын құрылымдық рөл атқаратыны тұжырымдалады. Мәселе тіл философиясындағы басты пікірталастар аясында қарастырылады, соның ішінде пропозициялық мазмұн мен иллокутивтік күштің айырмашылығы, семантика мен прагматиканың өзара байланысы, сондай-ақ мағынаның контекстке тәуелді толық анықталмауы мәселелері талданады. Интонацияның мағыналық құрылымның қалыптасуына қатысатыны талданады. А. Байтұрсынұлының интонологиялық жүйесі сөйлеу барысында мағынаның іске асу формаларын сипаттауға бағытталған философиялық ұмтылыс ретінде қарастырылады. Бұл теорияны философиялық тұрғыдан зерделеу қазақ тілінің интонациялық құрылымын, сондай-ақ оның мағына, ойлау және тілдік сананы қалыптастырудағы рөлін жүйелі түрде түсінуге мүмкіндік береді. Кең мәдени-теориялық тұрғыдан алғанда, мұндай көзқарас қазақ тіліне ғылыми қызығушылықты арттырып, оның ұлттық-мәдени бірегейліктің маңызды тірегі ретіндегі мәнін айқындайды. Интонация мағынаның модальдық, прагматикалық және экспрессивтік қырларын айқындайтын әрі тілдік форма мен сөйлеу әрекетін өзара байланыстыратын құрал ретінде түсіндіріледі. Қорытындысында, просодия мағынаның жүзеге асуының құрылымдық алғышарты болып саналып, сөйлеу тәжірибесінде оның онтологиялық іске асуына қатысады.

Түйін сөздер: интонация, А. Байтұрсынұлының тіл философиясы, қазақ интонациясы, ритм, импликативтік және экспликативтік әлем, резонанс.

Введение

Интерес к изучению интонации возникал у ученых еще во времена античности, однако к его разностороннему изучению приступили лишь в XX столетии. В это время о казахской интонации пишет и казахский просветитель, педагог и ученый Ахмет Байтурсынулы. Чем же его работа так примечательна? Была изучена просодическая система в казахском языке, исследовав которую он выявил такие понятия как ырғақ, жорғақ, шумақ, тармақ, бунақ, а также айшық, и дал им объяснения. Философская интерпретация указанной теории очень важна для прояснения природы интонационной организации казахской речи, и выявления особенности смыслообразования, мышления и языкового сознания. В более широком культурно-теоретическом контексте такое осмысление способствует укреплению исследовательского интереса к казахскому языку и актуализации его значения как носителя национальной идентичности.

Следует отметить, что вопрос об интонации в философии языка формируется на стыке семантических исследований, прагматического анализа и теории речевых актов. Долгое время в центре внимания философии языка находилось, прежде всего, пропозициональное содержание высказывания. В рамках этой теории язык рассматривался как система знаков, соотносящихся с объектами или фактами действительности, а не как динамический процесс речевого взаимодействия. Однако уже в рамках поздней аналитической философии XX века стало ясно, что

значение не сводится к логико-семантической организации предложения. Таким образом, разграничение предложения как абстрактной синтаксической структуры и высказывания как конкретного акта речевого использования открывает возможность рассматривать интонацию как значимый фактор смыслообразования.

Целью данного исследования является философская интерпретация интонации как структурного условия актуализации смысла в казахской речевой практике, в соответствии с которой в представленной статье решаются две задачи: во-первых, на основе анализа лингвистической теории А. Байтурсынулы выделяются и анализируются основные положения интонологии как модели ритмико-смысловой организации речи; во-вторых, выявляется взаимосвязь интонации, ритмики и проблемы семантической неопределенности, в контексте объяснения роли интонационных средств в языковой практике.

В соответствии со сформулированной целью, следует подчеркнуть, что в современной фонетике и фонологии интонация рассматривается как сложная, многокомпонентная система просодических параметров – таких как мелодика, длительность, интенсивность, темп и паузация, – посредством которых в речи выражаются как структурные, так и прагматические значения. Лингвист и академик Роберт Лэдд подчеркивает, что в рамках интонационной фонологии широко применяется представление об иерархически организованных просодических единицах и о закономерных соотношениях между интонационными характеристиками и фразовой организацией высказывания. Такой подход обеспечивает теоретически выверенное описание и делает возможным сопоставление языков без сведения интонации к простому набору мелодических схем (Ladd, 2008). С типологической точки зрения, современная традиция требует фиксировать не только «контуры» и «мелодии», но и единицы членения (phrasal grouping), маркеры фокуса/информационной структуры и способы просодического выделения. Поскольку именно на этих уровнях проявляются системные различия языков. Учитывая логику Р.Лэдд, национальные традиции описания интонации, включая категориальный аппарат Ахмета Байтурсынулы, получают дополнительную эвристическую ценность. Так как становится возможной их интерпретация как совокупности наблюдаемых просодических доменов и повторяющихся моделей членения и ритмической организации речи (Jun, 2014).

Научная новизна данного исследования состоит в том, что теория интонологии А. Байтурсынулы впервые рассматривается не только как лингвистическое описание просодических единиц казахской речи, но и как философски значимая модель ритмико-смысловой организации высказывания, расширяющая возможности философии языка применительно к анализу казахской речевой практики.

Литературный обзор

В философии языка интонация проблематизируется не как «акустическое сопровождение» высказывания, а как модус актуализации смысла. Классическая аналитическая традиция различала пропозициональное содержание и иллокутивную силу. Однако именно интонация часто выступает материальным носителем различия между утверждением, вопросом, приказом или ироническим высказыванием. В этом смысле интонация функционирует как механизм прагматической спецификации, дополняющий семантическую структуру предложения.

В рамках теории речевых актов подчеркивается, что одно и то же пропозициональное содержание может реализовывать различные иллокутивные типы. И интонация выступает одним из ключевых индикаторов этого различия. Тем самым проблема интонации становится частью более широкой философской дискуссии о соотношении значения (meaning) и употребления (use) (Austin, 1962; Searle, 1969.)

Интонация – феномен, ставший в процессе истории человечества составной частью: (1) всех высших психических функций; (2) механизмов идентификации и обособления во всех типах их проявлений; (3) способов и средств выражения отношения ко всем исторически сложившимся реалиям внешнего мира (предметного, образно-знакового, природного и социально-нормативного), а также внутреннего мира и внутренней позиции самого человека, как уникальной личности.

Основоположниками в изучении казахской интонации стали А. Байтурсынулы и К. Жубанов. Далее благодаря их работам спустя некоторое время исследование интонации стало развиваться как научное направление. Тема стала интересна лингвистам и ученым в системе казахского языка. Одними из первых, кто проанализировал интонологию в казахском языке, были В.И. Зиновьев, А.Н. Нурмаханова, Н.У. Туркенбаева, М.М. Копыленко.

Так, В.И. Зиновьев стал одним из первых исследователей казахской интонации: опираясь на экспериментальные данные, он уделял основное внимание изучению мелодики казахского языка. Соответственно, его работа не смогла полностью раскрыть науку интонации в казахском языке, поэтому другие ученые, изучив его работу, расширили исследование в других сферах. Например, А.Н. Нурмаханова, М.М. Копыленко, Н.У.Туркенбаева и другие ученые лингвисты раскрыли темы синтаксической фонетики, а также привели несколько научных интерпретации типов предложений. Стало быть, взяв в основу их работы можно увидеть речевую интонацию в казахском языке и заметить, как она воспринимается во взаимодействии с лексической, фонетической, морфологической и синтаксической частью языка.

Итак, в 1980-х годах интонация казахского языка была изучена вместе с развитием экспериментальной фонетики С. Аманжоловой, Н.Т. Сауранбаевой, М. Балакаевой и др. учеными. Но все работы были исследованы и написаны, как отдельная часть интонологии, интонация как наука не была исследована полностью.

Ученым, который создал книгу о казахской интонации, впервые соединивший все учения и исследования об интонации в казахском языке, стала д.фил.н., академик НАН, профессор Базарбаева Зейнеп Муслимовна. Ею была выпущена книга «Казахская Интонация» в 2008 году. В этой работе интонация описана как наука в целом: ее происхождение, связь между разносистемными языками, а также систематичность интонации не только в казахском языке, но и во всех языках тюркского происхождения. Ученый в своем исследовании анализирует роль интонации в языковой системе, ее структуры и составляющих, взаимосвязи с синтаксисом и семантикой, а также особенности проявления интонации в различных типах высказываний и ее прагмалингвистический аспект. Следует отметить, что в результате экспериментально-фонетического исследования сложносочиненных предложений выявлено соотношение казахской интонации, синтаксиса и знаков препинания (Базарбаева, 2008).

Позже в 2022 г в работе «Сөз сазы және интонация (эксперименттік-фонетикалық зерттеу)» ученый-филолог А.М. Фазылжанова существенно расширила и углубила раннее сформированные представления о казахской интонации. Ею представлены результаты исследований в области структурного направления суперсегментной фонетики, раскрывающие место, структуру, единицы казахской просодики и интонации в языковой системе, а также их внутренние и взаимные связи (Фазылжанова, 2022).

Принимая во внимание тот факт, что все вышеперечисленные работы ученых о казахской интонации относятся к области языкознания, очевидна актуальность философского ее изучения. Философское осмысление интонации – это возможность изучения сознания и мышления человека. Настоящее исследование приблизит к пониманию одного из главных способов самоидентификации и самовыражения человека, поможет в определении его субъективного мира.

Учитывая вышеизложенное, вопрос о философском изучении казахской интонации имеет фундаментальное значение. Важно отметить, что казахская просодика и интонация уже представлены в англоязычных публикациях, где обсуждаются: (а) членение речевого потока и соотношение интонационных компонентов, (б) прагмалингвистические функции интонационных единиц, (в) вопрос словесного ударения/ проминентности в казахском в сопоставлении с другими тюркскими языками. Эти работы позволяют «состыковать» национальную традицию описания с международными терминами и процедурой доказательности.

Для сравнения отметим, что среди зарубежной литературы по интонации многочисленные работы посвящены ее эстетическим, культурным, педагогическим и философским аспектам. Например, в теории речевых актов подчеркивается, что одно и то же пропозициональное содержание может реализовывать различные иллокутивные силы – утверждение, вопрос, приказ, обещание, предупреждение. Ученый же Амалиа Арванити, в своих работах об интонациональной фонологии отмечает, что интонация также используется для выражения грамматических функций, таких как информационная структура (тип фокуса и область), информационный статус (данность), синтаксическая группировка и модальность предложения (вопросительное, повелительное, повествовательное, звательное и т. д.). (Arvaniti, et al, 2026). Следовательно, интонация не является периферийным акустическим признаком, а выполняет функцию структурирования речевого действия. Можно сказать, что через интонационное оформление пропозиция превращается в акт.

Дальнейшее развитие философии языка, особенно в работах, связанных с прагматикой, усилило внимание к контексту как условию ин-

терпретации (Grice, 1989). В этом смысле высказывание формируется не только за счет кодируемых лексико-синтаксических элементов, но и благодаря инференциальным механизмам, в которых адресат выводит имплицитное содержание из ситуации общения. С данной точки зрения интонация играет роль ориентира интерпретации. В частности она трактуется как инструмент структурирования дискурса и выделения различных типов информации (Tjuka, et al., 2024). Тем самым интонация участвует в формировании импликатур и в конкретизации намерения субъекта речи. Это означает с философской точки зрения, что просодия становится медиатором между формальной структурой языка и его практическим употреблением.

Этот тезис усиливается в рамках современных дискуссий о семантической недоопределенности. F. Recanati указывает, что буквальное значение предложения часто оказывается недостаточным для однозначной интерпретации; интерпретация требует контекстуального обогащения (Recanati, 2004). И интонация может рассматриваться как один из механизмов такого обогащения, позволяющий устранить неопределенность речи и уточнить прагматическую направленность высказывания. Таким образом, она выполняет функцию перехода от абстрактной семантической структуры к конкретному смыслу, реализованному в речевой ситуации.

Также в настоящем исследовании интонация рассматривается в междисциплинарной перспективе – в аспекте ее соотнесения с идеями современной физики, в частности с концептуальными моделями, оперирующими категориями энтропии, порядка и актуализации потенциала (Гнатюк, 2016). Важным теоретическим ориентиром здесь послужила работа Л. В. Гнатюк «Ритмика и мышление», в которой ритм интерпретируется как принцип перехода от состояния полной энтропии к информационной упорядоченности, то есть как процесс актуализации потенциального в форме структурированного порядка. Такое понимание ритмического начала позволяет рассматривать интонацию не только как просодический феномен речи, но и как более общий *принцип организации смыслового движения* – перехода от потенциальной смысловой возможности к ее актуальному выражению. Итак, философское осмысление интонационного смыслообразования в настоящем исследовании осуществляется через категорию ритма, рассматриваемого как ключевой элемент фрактальной организации мира. Здесь речь идет о ритме, чья фундаментальность сопоставима с физическим вакуумом как источником потенциальной энергии. Даже на ранних, мифологических этапах развития сознания человек не противопоставлял себя всеобщей ритмической структуре бытия, а воспринимал собственное существование как включенное в космический порядок. Его жизненный уклад был пронизан ощущением единства с природой, выступавшей воплощением ритмических закономерностей. Именно это переживание послужило основанием для становления духовной сферы. В заключение отметим, что в данном исследовании интонационный ритм рассматривается как фрагмент более широкой ритмической целостности, соотносимой с универсальными ритмами мироздания, что придает ей статус смыслообразующей категории.

Методология исследования

Исследование выполнено на стыке философии языка и лингвистического анализа. Методологическую основу работы составляет философский анализ и философская реконструкция понятийного аппарата интонологии А. Байтурсынулы в его работе «Әдебиет танытқыш», через систематизацию категорий ритмико-интонационной организации казахской речи (ырғақ, жорғақ, шумақ, тармақ, бунақ, айшық и др.). Исследование направлено на выявление структурно-функциональных особенностей интонологических категорий и их интерпретацию в контексте философии языка, прежде всего через соотношение семантики и прагматики, предложения и высказывания, пропозиционального содержания и иллокутивной силы. В работе также применяется герменевтический подход, ориентированный на выявление смысловых оснований теории Байтурсынулы и уточнение ее концептуального статуса. Сравнительный анализ используется для методологического позиционирования концепции А. Байтурсынулы в более широком философском дискурсе.

Результаты и обсуждение

Теория интонологии А. Байтурсынулы как модель ритмико-смысловой организации речи

Начнем с того, что представляет собой теория интонологии, представленная А. Байтурсынулы, которую он сам называет «искусством слова». Эта теория представляет собой описание

ритмичного строения речи в стихосложении, которое можно сравнить с биением сердца, тиканьем часов или ритмом пульса (Байтұрсынов, 2003).

Чтобы сделать категориальный аппарат Байтурсынулы операциональным для современного исследования, важно обозначить «уровни наблюдения»: (1) единицы членения речи (границы, группы, сегменты), (2) параметры просодической реализации (мелодика/длительность/интенсивность/пауза), (3) функциональные нагрузки (структурная организация, выделение, модальность/коммуникативный тип, прагматика). Такой трехуровневый ход соответствует современным исследовательским стандартам в области интонации и позволяет описывать традиционные категории как наблюдаемые домены ритмико-интонационной организации.

Ученый выделяет следующие ритмические категории в стихосложении: *жорғақ, айшық, шумақ, тармақ, бунақ.*

Жорғақ – это ритмика всего стихотворения, помимо ритма каждого отдельного слова, которую можно сравнить с плавным, покачивающимся движением лошади. Это *мелодия* речи, возникающая благодаря одинаковому количеству слогов в предложениях, упорядоченности их структуры и созвучию слов.

Айшық – это рисунок (кесте) стиха, который можно сравнить с филигранным узором вышивки. Примеров *айшық* очень много.

Каждый отдельный куплет стиха называется *шумақ*, это обычно небольшое стихотворение, короткая песня. Каждая строка куплета называется *тармақ*. Каждый *тармақ* включает в себя несколько отдельных ритмических сегментов, называемых *бунақ*. *Бунақ* – это интервал между ударами звуковой волны, который ощущается при чтении стихотворения. Количество бунақ в строке может варьироваться от одного до четырех, а количетсво слогов в бунақ, являющимися его единицами – от двух до четырех. И – одно из важных условий, обеспечивающих ритмику стиха – в каждом *тармақ* количество *бунақ* и слогов в нем должно обязательно быть одинаковым. Чаще в бунақ используются три или четыре слога. Очень важно, что именно упорядоченное чередование *бунақ* обеспеивает мелодику звучания речи, без чего стих будет лишен такой ритмической категории, как жорғақ.

Очевидно, для того чтобы уметь в стихосложении выражать свои мысли на казахском языке и доносить их до аудитории, говорящему необходимо владеть искусством слова. Следует отметить, что в устной не стихотворной речи для того, чтобы речь звучала именно на казахский манер, с казахской интонацией без акцента других языков, с колоритом казахского языка, в ней должна присутствовать мелодия (*жорғақ*), некая ритмическая картина (*айшық*). То есть в речи необходимо присутствие в какой-то степени ритмической категории *бунақ*, конечно же, не в таком строго упорядоченном виде как в стихосложении.

Прежде чем приступить к рассмотрению бытийной природы казахской интонации, хотелось бы вкратце подытожить, что необходимо для владения казахским словом, для выражения речи в ритмике казахского языка. Во-первых, чтобы в речи присутствовала ритмическая категория бунақ, определенно надо иметь богатый словарный запас. Таким образом будет обеспечено созвучие тармақ/строк в стихе или предложений в устной речи. Более того, умение излагать мысли в форме «рисунка» (*кесте*) предполагает использование большого количества эпитетов, синонимов, сравнений, метафор, и т.п. И конечно, для вкладывания в речь смыслоемкой информации требуется развитое творческое мышление. Учитывая вышеизложенное, такая экстропийная направленность речевой организации, проявляющаяся в переходе от потенциального к структурированной смысловой форме, позволяет рассматривать интонологическую концепцию А. Байтурсынулы как философскую, теоретически зрелую и системно выстроенную модель.

Интонация, ритмика и проблема семантической недоопределенности

Продолжая развивать поставленную проблематику, целесообразно рассмотреть интонационное смыслообразование в философском контексте, где ритм осмысляется как фундаментальный принцип организации бытия и сознания.

Далее говоря о природе интонации, будем полагаться на работу «Ритмика и мышление», в которой ученый предлагает рассматривать мир как универсальную совокупность ритмических процессов, имеющих свою природу в скрытом от нас (импликативном) мире (Гнатюк, 2016). Следует понимать мыслительную деятельность, как выражение этих ритмических процессов, проявляющая субъективный/внутренний мир человека. В свою очередь, этот субъективный мир человека или, даже, народа может экспликативно быть выражен в мелодии речи (Li , 2024).

Нас интересует вопрос интонации, как ритмического и тем самым смыслоформирующего процесса, который экспликативно (явно) представляет внутренний мир человека, народа и его мыслительную деятельность. А также – связь этого положения с теорией интонологии А. Байтурсынулы.

Какие теоретические подходы представляются релевантными для осмысления природы интонации? В настоящей работе рассматриваются идеи физика Д. Бома (1980, 1990) и физиолога К. Прибрама (1971, 1991). Во-первых, в рамках их рассуждений голографический принцип интерпретируется как универсальная модель и устройства Вселенной, и механизмов работы человеческого мозга. Особого внимания заслуживает вывод, к которому пришли исследователи атомного уровня. Согласно этому выводу при последовательном делении материи на все более мелкие составляющие обнаруживается граница, за которой привычные представления об объективности утрачивают силу. Это значит, что элементарные частицы — такие как электроны и протоны — не обладают фиксированными свойствами классических объектов. Например, электрон способен проявляться как в виде частицы, так и в виде волнового процесса, что свидетельствует о его двойственной природе. В этом контексте частица понимается как форма проявления поля, то есть волнового образования. В подтверждении вышеизложенного М. Планком сделаны выводы, что квантуемое поле состоит из элементарных, неделимых порций энергии, которые рассматриваются как фундаментальные компоненты мироздания. В свою очередь, Н. Бор показал, что квантовые объекты демонстрируют свойства частиц лишь в ситуации наблюдения, что подчеркивает зависимость их проявлений от акта измерения.

Во-вторых, продолжая рассуждение с точки зрения Д.Бома, реальность организована через множество уровней порядка. При этом из-за такой многоуровневости структура может восприниматься как хаотичная. Из чего вытекает ключевая идея о существовании явного и скрытого порядка. Отметим, что наблюдаемый, или проявленный, порядок представляет собой лишь отражение более глубокого, имплицитного уровня, который не дан напрямую в опыте, а лишь проецируется в человеческом сознании.

В контексте данного исследования, обозначим субъективный мир или духовную составляющую человека, как импликативное, а *ритмический процесс интонации, как экспликативное явление.* Это значит, что интонация выражает духовное состояние человека. Важно интерпретировать это явление с методологической точки зрения как результат развертывания исходных оснований, восходящих к действию универсального принципа, лежащего в основе бытия (Мальцев, 1967). Из этого следует, что связь между интонацией и духовным миром человека есть аналогия связи между *атомом и Вселенной*.

Это значит, что скрытый, имплицитный аспект Вселенной можно рассматривать как своеобразный глубинный «код». Этот код представляет собой недоступный непосредственному восприятию источник закономерностей, проявляющихся в наблюдаемой, эксплицитной реальности. Именно этот латентный уровень задает принципы развития и организации мира, которые становятся объектом научного изучения лишь в их явленных формах. Подытоживая, отметим, что одной из ключевых особенностей проявления данной глубинной структуры – это реальность как универсально согласованная система ритмических процессов. В этом контексте ритм можно понимать как фундаментальную характеристику существования, обеспечивающую согласованность и взаимосвязанность всех уровней бытия.

В-третьих, всеобщая согласованность ритмических процессов придает миру характер самоподобной, фрактальной структуры. Это значит, что каждое явление воспроизводит общие принципы организации целого и отражает другие его элементы. При этом элементы этой последовательности не идентичны. Каждое последующее отличается от предыдущего на определенную величину. Это формирует упорядоченную систему, объединенную внутренним сходством и структурной соотнесенностью. В итоге вся совокупность образует целостность, основанную на принципе гомологического соответствия. Логика приведенного здесь рассуждения заставляет нас рассматривать интонацию и субъективный мир человека, как *явления этой гомологической организации*. В итоге, существование всех вещей во Вселенной Д. Бом понимает как результат бесконечного процесса свертывания и развертывания между двумя порядками, импликативным и экспликативным (Гнатюк, 2016).

В продолжение представления о голографическом устройстве Вселенной М. Талбот обобщает данную идею о всеобщей взаимовключенности: «Все состоит из всего» (Talbot, 1991). В

этом смысле Вселенная может рассматриваться как фрактальная система, где все явления взаимосвязаны и воспроизводят единый принцип организации (Талбот, 2004).

Итак, принцип перевода зрительных образов в волновые структуры, применяемый в голографии, находит аналогию и в функционировании человеческого мозга. С точки зрения голографической модели, окружающая реальность предстает как непрерывное поле колебаний и частот. И эта «симфония волн» становится воспринимаемым миром лишь после обработки органами чувств. Отметим, что такое понимание вновь соотносится с идеей о существовании скрытого и проявленного уровней Вселенной – наблюдаемая картина является лишь результатом преобразования глубинных процессов.

Изложив теорию, Д. Бом о голографических принципах устройства Вселенной и мозга, в чем же заключается точка соприкосновения его теории с теорией интонологии А. Байтурсынулы? Обе теории культивируют *идею ритма*.

Дополним рассуждение о ритме философскими традициями Индии, Китая, и др. В Индии Вселенную рассматривают как подчиненную великому ритму, в котором последовательно сменяются этапы возникновения, существования и разрушения, образуя бесконечный цикл. В китайской мысли также устойчиво присутствует идея повторяемости и ритмичности, выраженная в представлении о том, что события прошлого неизбежно возвращаются. Для древнегреческих мыслителей — от Фалеса до Демокрита — представление о ритмическом становлении космоса было естественной частью их мировоззрения. Особенно ярко эта идея проявляется у Гераклита, который описывает бытие как «вечно пылающий огонь», непрерывно разгорающийся и угасающий не случайным образом, а в соответствии с универсальным законом, задающим ритм всему сущему.

Аналогичными «мерами» А. Байтурсынулы характеризует и искусство слова (интонацию), сопоставляя его с биением сердца, тиканьем часов, пульсацией времени, тем самым интерпретируя речевое искусство как *ритмически организованный процесс*. В его понимании время мыслится не как абстрактная величина, а как ритм жизненного движения, соотносимый с общей динамикой бытия.

В этом контексте обнаруживается определенная *концептуальная параллель* между интонологической теорией А. Байтурсынулы и космологическими моделями, в которых Вселенная описывается как пульсирующая, ритмически разворачивающаяся структура. В подобных интерпретациях ритм понимается как форма проявления энергии и способ организации мира. Такое сопоставление интонации, как частного случая более общего принципа *ритмической упорядоченности,* позволяет нам сделать вывод об ее конституивной роли в формировании смысловой структуры высказывания.

Вопрос в данном ключе затрагивает также проблему феноменологии восприятия речи. Исследования нейролингвистики указывают, что просодические характеристики обрабатываются частично автономно по отношению к сегментному уровню, что позволяет говорить о двойной структуре языкового опыта: содержательной и интонационно-модальной. Это поддерживает наш философский тезис о том, что смысл высказывания не сводится к его пропозициональному содержанию, а формируется в динамическом взаимодействии лексико-грамматических и просодических компонентов.

В-четвертых, в продолжение темы о синхронизации ритмических процессов, обратим внимание на резонансный способ организации нашего мира, что также находит отклик и в интонации. Примечательно, что современные обзоры нейро- и психолингвистики речи подтверждают роль ритмических характеристик и (не всегда однозначно трактуемой) «динамической согласованности» (rhythmic entrainment coherence) в восприятии и сегментации речи. Они подчеркивают необходимость различать эндогенные ритмы обработки и эффекты, вызванные внешней стимуляцией. И для философской интерпретации ритма как условия смысловой организации – это важно методологически: *сохраняется идея ритмической упорядоченности, но усиливается требование к аккуратности причинных утверждений*.

В этой связи укажем, что согласование автоколебательных процессов в каждой системе, независимо от ее иерархического уровня, с колебаниями других уровней осуществляется через резонансные частоты, выполняющие роль базовых ориентиров. Именно эти частоты обеспечивают взаимосвязь между уровнями, формируя наиболее глубокие и существенные отношения, в которых структура мира проявляется наиболее эффективно. Тесла также подчеркивает, что все связи между явлениями устанавливаются исключительно путем разного рода простых и

сложных резонансов, согласованных вибрацией физических систем» (Гнатюк, 2016).

В рамках данной интерпретации предполагается, что фундаментом мироздания выступает всеобщая иерархия резонансных связей. В этом контексте уместно говорить о своеобразном механизме «естественного отбора», благодаря которому формируются различные группы резонансов. Можно предположить, что такой отбор обусловлен действием силы, величина которой обратнопропорциональна с уровнем энергетической диссипации. Именно эта характеристика и может рассматриваться как мера резонанса. Возникновение в мире таких структур, как атом, клетка и человеческое «Я», представляется результатом селекции взаимодействующих резонансных процессов. Следовательно, резонансные отношения можно трактовать как ключевую основу объективного бытия и источник его смыслового измерения.

Таким образом, смысл предстает как любая оформленная целостность, возникающая в результате взаимодействия резонансов и их своеобразного отбора. При этом сама форма организации понимается как процесс деятельности — в данном контексте резонансной по своей природе. Следовательно, смысл может быть определен как способ организации этой деятельности, то есть как уникальная конфигурация согласованных ритмических процессов.

Обобщим, что обладая завершенностью и внутренней целостностью, такие образования направлены на поддержание собственной устойчивости и самотождественности. В скрытом, импликативном уровне реальности им соответствует своеобразное «программное обеспечение», задающее их функционирование. Именно поэтому их взаимодействие и противостояние имеют фундаментальный характер, результатом которого становится разворачивающаяся перед нами действительность, отличающаяся поразительной упорядоченностью и целесообразностью. Следовательно, интонационные структуры, подобно другим целостным образованиям, стремятся к сохранению своей идентичности и воспроизводятся в речи как относительно стабильные модели, обеспечивающие узнаваемость коммуникативных типов высказываний.

Интонационная идентичность как форма ритмической организации смысла

Следует отметить, что для характеристики ритмических процессов как таковых существует специальная терминология, в частности, к ней относятся такие понятия, как период колебания, его фаза и частота, которые выражаются друг через друга. В теории интонологии А. Байтурсынулы описывает *Бунақ,* как ритмическую единицу со своим периодом колебания, фазой и частотой, что подходит под описание фрактальной структуры.

Рассмотрим в рамках данного методологического подхода отдельные аспекты феномена интонации. Человеческий голос представляет собой наиболее наглядный и доступный пример проявления резонанса. Сам организм можно рассматривать как сложную резонансную систему, в которой каждая клетка обладает собственным ритмическим «звучанием». Например, голосовые связки сами по себе относительно слабы, однако полость рта выполняет функцию резонатора, значительно усиливая возникающие колебания. К тому же, губы и щеки формируют необходимый объем, благодаря чему под воздействием вибраций связок возникает оформленный тон — упорядоченный звук, отличающийся от хаотических шумов и несогласованных колебаний воздуха, нарушающих гармонию организма. Примечательно, что принцип резонанса лежит в основе устройства всех музыкальных инструментов, что позволяет создавать богатое и многогранное звуковое пространство.

Важно подчеркнуть, что обращение к концепции импликативного и экспликативного порядков Д. Бом не предполагает прямого перенесения космологических положений на феномен интонации. В данном исследовании указанная модель используется как *эвристическая схема,* позволяющая описать уровни ритмической организации речи. Речь идет не о выводе «фрактальности» интонации из устройства Вселенной, а о применении *принципа свертывания и развертывания* как аналитического инструмента. Импликативный порядок в этом контексте интерпретируется как уровень потенциальной смысловой организации (сознание, интенциональность, культурная матрица), тогда как экспликативный порядок соотносится с явленным ритмическим оформлением речи, в том числе с интонационными структурами. Такой подход позволяет рассматривать *бунақ, жорғақ* и другие категории интонологии А. Байтурсынулы не как изолированные поэтические элементы, а как *уровни экспликации* внутренне организованной ритмической структуры. Следовательно, связь между философской моделью Д. Бом и интонологиче-

ской теорией понимается как методологическая аналогия, а не как онтологическое тождество.

Именно в этом эвристическом смысле модель импликативного и экспликативного порядка может быть использована для анализа интонации как многоуровневого ритмического процесса. Понимая смысл, как результат организации резонансной деятельности, коим является и интонационная деятельность, стало быть, интонация есть смысл, есть синхронизация ритмического процесса речевой деятельности, есть экспликативное выражение внутренней природы, то есть сознания и мышления. Как и смыслообразующие целостности, интонация, будучи смыслообразующим, стремится к своей идентичности. Среди множества интонационных теорий, их различия и будут идентичностью интонационной речи того или иного языка.

К такой идентичности можно отнести следующие виды казахской интонации:

(1) Интонационный строй назидательных песен. Эти песни отличается рядом характерных признаков. Им присуща одноладовая организация, ограниченный мелодический диапазон (обычно от сексты до октавы), а также узкий диапазон отдельных музыкальных фраз (в пределах терции–квинты). Ритм исполнения, как правило, выдержан в спокойной, близкой к речитативу манере, при этом наблюдается четкая метрическая соотнесенность между звуками мелодии и слоговой структурой текста. Такие песни обычно исполняются в узком кругу – среди членов семьи, родственников, соседей или близких друзей – и имеют простую, одночастную композицию. Их текст чаще всего строится в форме четверостиший (шумақ) с 11-сложными строками (бунақ), хотя в отдельных случаях встречаются и строки из 7 слогов.

(2) Мелодический строй колыбельных отличается краткостью и сдержанностью. Их диапазон, как правило, ограничивается квинтой или секстой, а музыкальная канва строится на многократном повторении небольших интонационных оборотов при устойчивом такте (2/4, 6/8, 9/8). В целом песни для детей характеризуются одноладовостью, узким звуковым диапазоном и простотой мелодического рисунка, а также ровным, однотипным ритмом. Текстовая основа таких песен обычно состоит из строк с семью слогами, при этом структура куплетов и система рифмовки могут варьироваться.

(3) Мелодический характер молодежных игровых песен во многом сходен с детским репертуаром. Для них также типичен ограниченный звуковой диапазон и простота интонационного рисунка. Поэтическая основа таких песен обычно представлена четверостишиями, построенными на строках из семи слогов.

(4) Мелодика трудовой песни «Бозторгай» охватывает диапазон в пределах терцдецимы и сочетает протяжные кантиленные линии, речитативные элементы и подвижные виртуозные фрагменты. Для подобных песен не характерно наличие единого устойчивого стилевого облика.

(5) Поэтическая структура лирических песен строится на четверостишиях с одиннадцатисложговой строкой. Взаимодействие между мелодией и текстом может быть как согласованным, так и несогласованным, проявляясь в синхронных и асинхронных соотношениях (Еламанова и др., 1993, Жубанова Г., 2000).

Далее, *терме* – жанр поэтической импровизации акынов – отличается четко организованным ритмом, краткими мелодическими формулами и ограниченным диапазоном звучания. Как правило, исполнение начинается со своеобразного призывного восклицания, призванного привлечь внимание аудитории. После чего следует многократно варьируемая основная мелодия, завершаемая каденцией с обновленной интонацией, подчеркивающей окончание выступления. В терме мелодическое развитие чаще всего строится вокруг опевания доминантового звука или иных тонов, формирующих трихордовую основу. В процессе исполнения этого жанра акыны, подобно жыршы, могут существенно изменять исходную тему, а в заключительных фразах нередко переходят к побочной тональности.

Итак, истоком интонационной идентичности есть то самое «внутреннее программное обеспечение», то есть сознание и мышление. Интонационные смыслы, будучи экспликативным выражением своей «программы», таким образом, проявляют заданную речь, производя на свет всю роскошь интонационной природы. Можно заключить, что интонационный смысл выражает сознание. Мелодию казахской речи, выражающей идентичность сознания казахов, можно назвать мелодией о пережитом опыте, об умозаключениях в назидание молодому поколению.

Рассуждая о теории интонологии А. Байтурсынулы в терминах о бытии Вселенной, интонационные ритмические категории, представляют синхронизацию ритмических процессов, описанных теорией Д. Бом. Бунақ, как наименьшая ритмическая категория, выражает голосовой

резонанс. Жорғақ, в свою очередь, может свидетельствовать об импликативной программе, экспликативно выраженной в бунақ, то есть о сознании казахов. *Айшық (кесте)* – это рисунок мышления, витиеватые образы осознания природных явлений. *Шумақ* и *тармақ* в своих многократных повторениях представляют разные степени свертывания и развертывания реальной действительности мира.

Заключение

В итоге, в результате проведенного исследования, рассмотрение теории интонации А. Байтурсынулы в контексте философского осмысления ритма как универсального принципа организации бытия позволяет утверждать, что интонация выступает как фактор формирования смысла. Во-первых, исходя из предпосылки о структурной и повторяющейся природе ритмических процессов, показано, что интонация может быть осмыслена не только как просодическое явление, но и как форма развертывания внутренней смысловой организации в звучащей речи. Это значит, что привлечение голографических принципов устройства Вселенной и мозга, а также концепции импликативного и экспликативного порядков Д. Бом позволяет раскрыть интонацию как явление многоуровневое и иерархически организованное. Во вторых, импликативный уровень соотнесен с потенциальной структурой сознания и мышления, тогда как интонация, в свою очередь, предстает в качестве их экспликативного выражения в речевой практике. Таким образом, интонационный ритм выступает формой актуализации внутреннего порядка в звуковой материи языка.

В подтверждении вышеизложенного анализ категориального аппарата Байтурсынулы (*бунақ, жорғақ, айшық, шумақ, тармақ*) показывает, что предложенная им система фиксирует многоступенчатую организацию ритмических единиц, основанную на повторяемости, самоподобии и иерархической вложенности. Подытоживая, эти характеристики позволяют интерпретировать казахскую интонацию как структурированную ритмическую целостность, обладающую внутренней закономерностью и устойчивой идентичностью. Интонация при этом выступает не внешним акустическим сопровождением речи, а механизмом формирования и передачи смысла.

В-третьих, в рамках предложенного подхода смысл понимается как результат резонансной организации ритмических процессов. Интонационный смысл предстает как осциллирующая структура, функционирующая в режиме синхронизации различных уровней речевой деятельности. Через такую синхронизацию осуществляется связь мышления, культурной традиции и коммуникативного действия.

Тем самым теория интонологии А. Байтурсынулы получает философское расширение, в котором она раскрывается как концепция ритмической природы смыслообразования. Следовательно, интонация предстает формой развертывания сознания в языке и способом выражения интонационной идентичности казахской речевой традиции. В результате исследования теория интонологии представлена в терминах ритмической организации бытия, что позволяет рассматривать ее как значимый вклад в философию языка и в понимание глубинной связи между речью, мышлением и структурой мира.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов

Ж. Балмагамбетова внесла вклад в разработку замысла исследования, сбор и первичный анализ материала, интерпретацию результатов. Т.Ю. Лифанова осуществляла методологическое и философское обоснование исследования, аналитическую доработку текста и его научное редактирование. Н.С. Кирабаев обеспечил научное руководство исследованием, участвовал в концептуальной верификации основных положений статьи, критическом анализе содержания и утверждении окончательной версии рукописи. Все авторы внесли существенный вклад в подготовку статьи, ознакомились с окончательной версией текста и одобрили ее к публикации.

Литература

Ladd D.R. (2008). *Intonational Phonology (2nd ed.)*. Cambridge University Press.

Jun S.-A. (Ed.). (2014). *Prosodic Typology II: The Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199567300.001.0001

Austin J. L. (1962). *How to Do Things with Words*? Harvard University Press.

Searle J.R. (1969). *A Theory of Speech Acts*. Cambridge University Press.

Базарбаева З.М.(2008). *Казахская интонация*. Дайк-Пресс.

Фазылжанова А. (2022). *Сөз сазы және интонация (эксперименттік-фонетикалық зерттеу)*. Болашақ.

Arvaniti A., Grice M., D'Imperio M. (2026). Advancements of phonetics in the 21st century: Intonation. *Journal of Phonetics. 114*, 101459. https://doi.org/10.1016/j.wocn.2025.101459

Grice H.P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Harvard University Press.

Tjuka A., Nguyen H., Vijver R., Spalek K. (2024). Investigating the variation of intonation contours in Northern Vietnamese tones. *Frontiers in Education, 9*, 1-9. https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1411660

Recanati F. (2004). *Literal Meaning*. Cambridge University Press. DOI 10.1111/j.1933-1592.2007.00088.x

Гнатюк Л.В. (2016). *Ритмика и мышление. О природе субъективного мира*. Центр гуманитарных технологий. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/7312

Байтұрсынов А. (2003) *Әдебиет танытқыш. Зертеу мен өлеңдер*. Атамұра.

Li T., Feng H. (2024). Cross-linguistic Influence on Intonation Acquisition: A Study on the Production of L2 Mandarin and L3 English Intonations by Uyghur Speakers. *Conference: Speech Prosody*, 96-100. DOI:10.21437/SpeechProsody.2024-20

Bohm D. (1980). *Wholeness and the Implicate Order*. Routledge Taylor & Francis Group.

Bohm D. (1990). A new theory of the relationship of mind and matter. *Philosophical Psychology*, 3(2–3), 271–286.

Pribram K.H. (1971). *Languages of the Brain: Experimental Paradoxes and Principles in Neuropsychology*. Prentice-Hall.

Pribram K.H. (1991). *Brain and Perception: Holonomy and Structure in Figural Processing*. Routledge Taylor & Francis Group.

Мальцев С.А. (1967). *Физика высоких энергий (Новое в жизни, науке, технике. 9 серия. Физика, астрономия. 9)*. Знание.

Talbot M. (1991). *The Holographic Universe: The Revolutionary Theory of Reality*. HarperCollins.

Талбот М. (2004). *Голографическая Вселенная*. София.

Елеманова С.А. (ред.-сост.), Омарова Г.Н., Райымбергенова С.Ш., Шегебаев П. (1993). *Казахская музыкальная литература***.** Өнер.

Жубанова Г. (гл. ред.), Джумалиева Т., Темирбекова, А. (2000). *История казахской музыки***.** *Т. 1. Традиционная музыка казахского народа: песенная и инструментальная***.** Ғылым.

References

Arvaniti, A., Grice, M., & D'Imperio, M. (2026) Advancements of phonetics in the 21st century: Intonation. *Journal of Phonetics*, 114, 101459. https://doi.org/10.1016/j.wocn.2025.101459

Austin, J.L. (1962) *How to Do Things with Words*? Harvard University Press.

Baitursynov, A. (2003) *Adebiet tanytkysh. Zertteu men olender* [Theory of Literature. Studies and Poems]. Atamura. (In Kazakh).

Bazarbaeva, Z.M. (2008) *Kazakhskaya intonatsiya* [Kazakh Intonation]. Daik-Press. (In Russian).

Bohm, D. (1990). A new theory of the relationship of mind and matter. *Philosophical Psychology, 3*(2-3), 271-286.

Bohm, D. (1980) *Wholeness and the Implicate Order.* Taylor & Francis Group.

Elemanova, S.A., Omarova, G.N., Raiymbergenova, S.Sh., & Shegebaev, P. (1993). *Kazakhskaya muzykal'naya literatura* [Kazakh Musical Literature]. Oner. (In Russian).

Fazylzhanova, A. (2022) *Soz sazy zhane intonatsiya (eksperimenttik-fonetikalik zerteu)* [Word Melody and Intonation (Experimental Phonetic Study)]. Bolashak. (In Kazakh).

Gnatyuk, L.V. (2016) *Ritmika i myshlenie* [Rhythmics and Thinking]. Center for Humanitarian Technologies. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/7312. (In Russian).

Grice, H.P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Harvard University Press.

Jun, S.-A. (Ed.). (2014) *Prosodic Typology II: The Phonology of Intonation and Phrasing.* Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199567300.001.0001

Ladd, D.R. (2008) *Intonational Phonology* (2nd ed.). Cambridge University Press.

Li T., Feng, H. (2024). Cross-linguistic Influence on Intonation Acquisition: A Study on the Production of L2 Mandarin and L3 English Intonations by Uyghur Speakers. *Conference: Speech Prosody*, 96-100.

Maltsev, S.A. (1967) *Fizika vysokikh energii* [High-Energy Physics]. (Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Seriya 9: Fizika, astronomiya, no. 9). Znanie. (In Russian).

Pribram, K.H. (1971). *Languages of the Brain: Experimental Paradoxes and Principles in Neuropsychology*. Routledge Taylor & Francis Group.

Pribram, K.H. (1991). *Brain and Perception: Holonomy and Structure in Figural Processing.* Routledge Taylor & Francis Group.

Recanati, F. (2004) *Literal Meaning.* Cambridge University Press. DOI 10.1111/j.1933-1592.2007.00088.x

Searle, J.R. (1969) *A Theory of Speech Acts*. Cambridge University Press.

Talbot, M. (2004) *Golograficheskaya Vselennaya* [The Holographic Universe]. Sofia. (In Russian).

Talbot, M. (1991). *The Holographic Universe: The Revolutionary Theory of Reality*. HarperCollins.

Tjuka, A., Nguyen, H., Vijver, R., & Spalek, K. (2024). Investigating the variation of intonation contours in Northern Vietnamese tones. *Frontiers in Education, 9,* 1-9. https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1411660

Zhubanova, G., Dzhumalieva, T., & Temirbekova, A. (2000) *Istoriya kazakhskoi muzyki. T. 1. Traditsionnaya muzyka kazakhskogo naroda: pesennaya i instrumental'naya* [History of Kazakh Music. Vol. 1. Traditional Music of the Kazakh People: Vocal and Instrumental]. Gylym. (In Russian).

Сведения об авторах:

Балмагамбетова Жулдыз Замировна – докторант кафедры философии факультета философии и политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: balmagambetova_z@live.kaznu.kz, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8399-0091).

Лифанова Татьяна Юрьевна (корреспондирующий автор) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, факультета философии и политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: lifanova.tatiyana@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2269-1255).

Кирабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия, e-mail: kirabaev@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0192-6337).

Information about the authors:

Balmagambetova Zhuldyz Z. – PhD student in the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: balmagambetova_z@live.kaznu.kz, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8399-0091).

Lifanova Tatiana Yu. (corresponding author) – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: lifanova.tatiyana@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2269-1255).

Kirabaev Nur S. – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, (Moscow, Russia, e-mail: kirabaev@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0192-6337).

Авторлар туралы мәлімет:

Балмагамбетова Жұлдыз Замирқызы – әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Философия және саясаттану факультетінің философия кафедрасының докторанты (Алматы, Қазақстан, e-mail: balmagambetova_z@live.kaznu.kz, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8399-0091).

Лифанова Татьяна Юрьевна (хат-хабар алмасуға жауапты автор) – философия ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Философия және саясаттану факультетінің философия кафедрасының доценті (Алматы, Қазақстан, e-mail: lifanova.tatiyana@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2269-1255).

Кирабаев Нұр Серікұлы – философия ғылымдарының докторы, профессор, Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университетінің философия тарихы кафедрасының меңгерушісі (Мәскеу, Ресей, e-mail: kirabaev@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0192-6337).

Поступила: 10.02.2026
Принята: 01.04.2026

IRSTI 02.15.51 https://doi.org/10.26577/jpcp96220264

L.G. Balabekova, M.M. Manassova*

Buketov Karaganda National Research University, Karaganda, Kazakhstan
*e-mail: miramanassova@mail.ru

METHODOLOGICAL APPROACHES TO UNDERSTANDING THE ESSENCE OF HUMANISM IN THE CONTEXT OF WORLD PHILOSOPHICAL IDEAS

This study examines the methodological approaches to understanding the essence of humanism within the context of world philosophical ideas. The relevance of the research is determined by contemporary global transformations, including digitalization, technological development, and value-based crises, which intensify the need for a renewed philosophical interpretation of the human being, dignity, freedom, and responsibility. The purpose of the study is to identify and analyze the main methodological approaches to interpreting the essence of humanism in the context of world philosophical thought and to determine their theoretical significance in contemporary humanitarian discourse. During the course of the research, a comparative analysis of classical and contemporary scholarly works from Western and Eastern philosophical traditions devoted to the problem of humanism was conducted. The study also employs conceptual and socio-philosophical interpretation to reveal the ontological, ethical, and cultural dimensions of humanism. The findings demonstrate that humanism is a multidimensional philosophical phenomenon that cannot be reduced solely to anthropocentrism. The study reveals that Western philosophical traditions emphasize autonomy and individual freedom, whereas Eastern traditions focus on moral harmony, communal responsibility, and spiritual order. It is argued that the core principle uniting various interpretations of humanism is the recognition of human dignity and the value of the individual. The research also shows that contemporary challenges such as artificial intelligence, biotechnology, and digital culture require a reinterpretation of humanistic values. The originality of the study lies in its comprehensive methodological interpretation of humanism as a universal yet culturally diverse philosophical paradigm integrating anthropocentric, cosmocentric, theocentric, and posthumanist perspectives.

Keywords: humanism, philosophical anthropology, methodology, human dignity, world philosophy.

Л.Г. Балабекова, М.М. Манасова*

Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университеті, Қарағанды, Қазақстан
*e-mail: miramanassova@mail.ru

Әлемдік философиялық идеялар контексіндегі гуманизм мәнін түсінудің әдіснамалық тәсілдері

Мақалада әлемдік философиялық идеялар контексіндегі гуманизм мәнін түсіндірудің әдіснамалық тәсілдері қарастырылады. Зерттеу тақырыбының өзектілігі қазіргі жаһандану, цифрландыру, технологиялық даму және құндылықтық дағдарыстар жағдайында адам болмысы, қадір-қасиеті, еркіндігі мен жауапкершілігі мәселелерінің жаңа философиялық мазмұнға ие болуымен айқындалады. Зерттеудің мақсаты – әлемдік философиялық ой контексінде гуманизмнің мәнін түсіндірудегі негізгі әдіснамалық тәсілдерді анықтап, олардың қазіргі гуманитарлық дискурстағы теориялық маңызын философиялық тұрғыдан талдау. Зерттеу барысында гуманизм мәселесіне қатысты Батыс және Шығыс философиялық дәстүрлеріндегі классикалық және қазіргі ғылыми еңбектер салыстырмалы түрде талданды. Сонымен қатар концептуалдық талдау мен әлеуметтік-философиялық интерпретация тәсілдері пайдаланылды. Зерттеу нәтижелері гуманизмнің тек антропоцентризммен шектелмейтін көпқырлы философиялық феномен екенін көрсетті. Батыс философиясында гуманизм тұлғаның автономиясы мен еркіндігі арқылы түсіндірілсе, Шығыс дүниетанымында моральдық үйлесім, қауымдық жауапкершілік және рухани тәртіппен байланыста қарастырылатыны анықталды. Сонымен қатар әртүрлі философиялық дәстүрлерді біріктіретін негізгі қағида – адам қадір-қасиетін мойындау екендігі негізделді. Зерттеу қазіргі жасанды интеллект, биотехнологиялар және цифрлық мәдениет жағдайында гуманистік құндылықтарды қайта пайымдау қажеттігін көрсетті. Зерттеудің ғылыми жаңалығы гуманизмді антропоцентрлік, космоцентрлік, теоцентрлік және постгуманистік бағыттарды өзара байланыстыратын әмбебап әрі көпдеңгейлі философиялық парадигма ретінде кешенді әдіснамалық тұрғыдан қарастыруында.

Түйін сөздер: гуманизм, философиялық антропология, әдіснама, адам қадір-қасиеті, әлемдік философия.

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

Л.Г. Балабекова, М.М. Манасова*
Карагандинский исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан
*e-mail: miramanassova@mail.ru

Методологические подходы к пониманию сущности гуманизма в контексте мировых философских идей

В статье рассматриваются методологические подходы к пониманию сущности гуманизма в контексте мировых философских идей. Актуальность темы исследования определяется тем, что в условиях современной глобализации, цифровизации, технологического развития и ценностных кризисов вопросы человеческого бытия, достоинства, свободы и ответственности приобретают новое философское содержание. Цель исследования заключается в выявлении основных методологических подходов к интерпретации сущности гуманизма в контексте мировой философской мысли и философском анализе их теоретического значения в современном гуманитарном дискурсе. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ классических и современных научных трудов западной и восточной философских традиций, посвященных проблеме гуманизма. Кроме того, применялись методы концептуального анализа и социально-философской интерпретации. Результаты исследования показали, что гуманизм представляет собой многогранный философский феномен, не ограничивающийся исключительно антропоцентризмом. Если в западной философии гуманизм трактуется через автономию личности и свободу, то в восточном мировоззрении он рассматривается в связи с моральной гармонией, коллективной ответственностью и духовным порядком. Также обосновано, что основным принципом, объединяющим различные философские традиции, является признание человеческого достоинства. Исследование показало необходимость переосмысления гуманистических ценностей в условиях развития искусственного интеллекта, биотехнологий и цифровой культуры. Научная новизна исследования заключается в комплексном методологическом рассмотрении гуманизма как универсальной и многоуровневой философской парадигмы, объединяющей антропоцентрические, космоцентрические, теоцентрические и постгуманистические направления.

Ключевые слова: гуманизм, философская антропология, методология, человеческое достоинство, мировая философия.

Introduction

In the context of contemporary globalization, digitalization, and cultural transformation, the problem of humanism has become one of the most relevant topics in world philosophy. Questions concerning human existence, dignity, freedom, and responsibility occupy a central place not only in classical philosophical discourse but also in modern socio-humanitarian studies. From this perspective, the concept of "humanism" acquires significance not merely as a historical and cultural phenomenon, but also as a universal philosophical category that regards the human being as the highest value and measure of meaning. In the history of world philosophical thought, humanism has been interpreted in various ways, evolving from the Renaissance tradition of *studia humanitatis* to contemporary ideas of human rights, individual freedom, and cultural pluralism. Therefore, the philosophical reinterpretation of the essence of humanism constitutes one of the important tasks of modern humanitarian knowledge.

The relevance of the research topic is determined by several factors. First, under conditions of contemporary civilizational crises, technological changes, and transformations of values, the problem of the human being is acquiring new meanings. Artificial intelligence, biotechnology, and digital communications require a reconsideration of traditional understandings of human nature and freedom. Second, the historical and theoretical multilayered nature of the concept of humanism prevents its one-sided interpretation. Third, the issue of humanism is not limited solely to Western philosophy but is also closely connected with moral-cultural models grounded in Eastern worldviews, such as the Islamic tradition of *adab* and the Confucian principle of *ren* (Confucian, 2020). In this regard, studying the essence of humanism through a comparative and methodological analysis within the context of world philosophical ideas is of particular scholarly significance.

An analysis of the degree of scholarly development of the research problem demonstrates that despite the extensive study of humanism, there remains a lack of methodological coherence in interpreting its essence. Many studies consider humanism either as a cultural phenomenon of the Renaissance or as a legal and ethical principle. At the same time, insufficient attention has been paid to the systematic examination of the ontological, axiological, and praxeological dimensions of humanism in their in-

terrelation. Furthermore, the comparative analysis of the concepts of humanism in Western and Eastern philosophical traditions, as well as their influence on contemporary Kazakhstani humanitarian discourse, has not yet been comprehensively explored. These scholarly gaps increase the relevance and necessity of the present research.

The philosophical foundations of humanism originate in antiquity. Socrates regarded moral self-knowledge as the primary purpose of philosophy, while Plato associated human spiritual perfection with the attainment of the Idea of the Good. In his *Nicomachean Ethics*, Aristotle explained the essence of human existence through rationality and virtuous action, substantiating the concept of eudaimonia as the highest goal of human life. These ideas later became the theoretical basis for the formation of the humanistic worldview. Humanistic ideas also occupied an important place in Eastern philosophy. Confucius's principle of *ren* was understood as the foundation of morality and mutual respect in social harmony, while the Buddhist principles of compassion and mercy promoted respect for all living beings. From this perspective, the historical roots of humanism are not limited solely to Western philosophy but are closely connected with the spiritual experience of world civilizations .

During the Renaissance, humanism became the principal direction of philosophical anthropocentrism. In this period, the human being was interpreted not merely as a creature dependent on God, but as a free subject endowed with creative abilities. In his *Oration on the Dignity of Man*, Giovanni Pico della Mirandola () connected human uniqueness with the capacity for self-formation. Erasmus of Rotterdam, in turn, regarded humanism as the foundation of spiritual development through education, morality, and culture. Renaissance humanism, while reviving the legacy of antiquity, philosophically substantiated the intellectual and creative capacities of the human being.

In modern philosophy, humanism developed within the frameworks of rationalism and moral philosophy. Immanuel Kant considered human dignity as an absolute moral value and proposed the principle that a person should never be treated merely as a means, but always as an end in themselves (Kant, 1998). In his view, human freedom and moral responsibility constitute the core of the humanistic worldview. These ideas were later continued in existentialism, phenomenology, and personalism. Jean-Paul Sartre, through existentialist humanism, argued that the essence of a human being is formed through free choice (Sartre, 2007), while Martin Heidegger, in his *Letter on Humanism*, criticized the limitations of traditional humanism and emphasized the need for a deeper ontological understanding of human existence (Heidegger, 1962).

The historical events of the twentieth and twenty-first centuries elevated the problem of humanism to a new level. World wars, totalitarian systems, genocide, international terrorism, and the development of technocratic civilization clearly revealed the spiritual crisis of humanity. Consequently, contemporary humanistic theories increasingly focus on human rights, social justice, tolerance, and intercultural dialogue. Today, humanism is regarded not only as a moral principle but also as a philosophical and civilizational orientation aimed at ensuring the sustainable development of global civilization. In particular, within the context of digital society, issues related to human existence in virtual spaces, interaction with artificial intelligence, and technological dependency are shaping new dimensions of humanism.

In this regard, the study of the phenomenon of humanism is not limited merely to describing its historical formation. The research examines the ontological, axiological, and praxeological dimensions of humanism in their interrelation. From an ontological perspective, humanism is aimed at revealing the essence of human existence; at the axiological level, it substantiates human dignity and moral values; while its praxeological dimension determines the significance of human social responsibility and cultural activity. Furthermore, a comparative analysis of humanistic ideas in Western and Eastern philosophical traditions makes it possible to gain a deeper understanding of the universal nature of humanism and its cultural-civilizational particularities.

Literature review

The problem of humanism is one of the most extensively studied and debated topics in the history of philosophy. In classical works, humanism was regarded as a worldview orientation that substantiates human dignity, freedom, and spiritual potential. The formation of humanistic ideas during the Renaissance was greatly influenced by the works of thinkers such as Giovanni Pico della Mirandola, Erasmus of Rotterdam, and Thomas More. In particular, in Pico della Mirandola's *Oration on the Dignity of Man*, human existence was interpreted through the capacity for free choice and self-formation, thereby defining the anthropological foundations of humanism. These works established humanism as a philosophical program for the cultural and spiritual self-realization of the individual.

In modern philosophy, the problem of humanism acquired new meaning within Immanuel Kant's moral philosophy. Kant regarded the human being as an "end in itself" and connected human dignity with the concept of autonomy. Through this approach, humanism came to be understood not merely as a cultural-historical phenomenon but also as a universal ethical principle. Furthermore, Hegel, Marx, and representatives of existentialist philosophy analyzed humanism in relation to social alienation, freedom, and the selfhood of the individual. In particular, in the works of Karl Marx, humanism was described as a practical and social orientation aimed at overcoming social inequality and alienation, while Jean-Paul Sartre connected humanism with the responsibility inherent in human freedom of choice (Kant, 1998; Marx, 1959; Sartre, 2007).

Twentieth-century philosophy also produced critical approaches to the problem of humanism. In his *Letter on Humanism*, Martin Heidegger evaluated traditional humanism as a continuation of metaphysical thinking and pointed out its limitations. Contemporary thinkers such as Alain Renaut (1997), Erich Fromm (1947), and Jurgen Habermas (2003) examined humanism in relation to subjectivity, communication, and cultural crisis. Erich Fromm interpreted humanism as a cultural orientation aimed at preserving the creative nature of the human being, while Jurgen Habermas proposed a new humanistic model grounded in communicative rationality.

In contemporary scholarly literature, the issue of humanism is also examined within the contexts of posthumanism, technogenic civilization, and the "nonhuman turn." Research in these areas analyzes the transformation of human nature under conditions of technological change, as well as the impact of artificial intelligence and biotechnology on humanistic values. However, in many studies, humanism is still interpreted primarily within the framework of Western anthropocentrism, while its intercultural and multiparadigmatic character remains insufficiently explored. Moreover, the relationship of humanism to worldview models such as cosmocentrism, theocentrism, and anthropocentrism has not been systematically investigated.

One of the important characteristics of contemporary humanistic discourse is its enrichment through new theoretical directions such as posthumanism, transhumanism, and digital humanism. These approaches seek to reconsider the anthropocentric assumptions of classical humanism, which viewed the human being as the center of the world and the measure of all values. In particular, the development of artificial intelligence technologies, the expansion of virtual communication, and the emergence of digital society in the twenty-first century have generated new philosophical questions concerning human nature, freedom, consciousness, and responsibility.

Posthumanist theory criticizes the classical humanist model of the "autonomous rational subject." One of the prominent representatives of this approach, Rosi Braidotti, argues that it is insufficient to regard human existence solely through biological or rational categories (Braidotti, 2013). In her view, under the conditions of contemporary civilization, the human being should be understood as a "post-anthropocentric subject" living in interaction with technological systems, bioengineering, information networks, and the ecological environment. From this perspective, posthumanism re-evaluates the classical humanist assumptions that place the human above nature or technology.

N. Katherine Hayles also examines posthumanism within the context of the information society, focusing on human existence in digital space (Hayles, 1999). In her work *How We Became Posthuman*, she demonstrates how the integration of human consciousness with information systems transforms the traditional boundaries between body and mind. This theory constitutes one of the important philosophical foundations for understanding the influence of artificial intelligence and virtual space on human identity.

The transhumanist movement supports the idea of enhancing human biological and intellectual capacities through technology. Representatives of this approach, such as Nick Bostrom (2014) and Ray Kurzweil , emphasize that human evolutionary development is now determined not only by natural biological processes but also by technological innovations. Nick Bostrom characterizes transhumanism as a philosophical movement aimed at expanding human physical, cognitive, and emotional capacities through scientific and technological progress. Ray Kurzweil, in his theory of the "singularity," predicts that the development of artificial intelligence will usher in a new stage of human civilization, arguing that the integration of humans and machines will become a major civilizational process of the future (Kurzweil, 2005).

Nevertheless, critical perspectives on transhumanism have also emerged. Francis Fukuyama described transhumanism as "one of the world's most dangerous ideas," warning that technological enhancement may alter human nature and intensify social inequality and moral crises. From this perspective, although

transhumanism seeks to expand human freedom and dignity, its ethical and anthropological consequences require complex philosophical analysis.

Contemporary theories of digital humanism are aimed at preserving human value within the context of technological civilization. This approach substantiates the necessity of subordinating the development of digital technologies to human interests. According to representatives of digital humanism, artificial intelligence, big data, and algorithmic systems of governance should not threaten human freedom. Within the framework of the philosophy of information, Luciano Floridi examines human existence in the digital environment and interprets modern society through the concept of the "infosphere." In his view, contemporary human beings live not only in physical space but also within a virtual-information environment. Therefore, modern humanism must be directed toward protecting digital rights, informational freedom, and moral responsibility within virtual space.

The issue of artificial intelligence has become one of the central directions in contemporary humanistic philosophy. In his work *Superintelligence*, Nick Bostrom examines the potential dangers that artificial intelligence may pose to human civilization, analyzing the possibility that intelligent systems could escape human control. In addition, Yuval Noah Harari argues that within digital society human freedom of decision-making may become limited by algorithmic systems. These issues shape the new content of contemporary humanism and require a philosophical reconsideration of the relationship between human beings and technology (Harari, 2016).

The formation of posthumanism was influenced by several philosophical and cultural preconditions. These include the crisis of the concept of the subject in classical philosophy, the limitations of traditional humanism, the critique of anthropocentrism in postmodern philosophy, new directions in twentieth-century social and cultural theories, as well as transformations in the relationship between humans and technology. In particular, the ideas of deconstructing the subject found in the works of M. Foucault, J. Derrida, G. Deleuze, and F. Guattari significantly contributed to the formation of posthumanist theory (Foucault, 1994; Derrida, 1976).

One of the central concepts of posthumanism is post-anthropocentrism. This concept implies the rejection of viewing the human being as the absolute center of the world. In addition, posthumanism, relying on the principle of post-dualism, reconsiders classical binary oppositions such as human/nature, human/technology, and mind/body. In this regard, the concept of the "post(non)human" has become widely used in contemporary philosophical discourse, making it possible to explain new forms of human existence.

In contemporary studies of the human condition, the debate between posthumanism and transhumanism occupies a special place. Transhumanism regards the human being as a project that can be technologically enhanced and proposes the overcoming of biological limitations as its primary goal. This approach supports the expansion of human physical and intellectual capacities through artificial intelligence, genetic engineering, and cybernetic technologies. Posthumanism, by contrast, focuses less on technological enhancement and more on the transformation of human essence and subjectivity. Therefore, the genesis and philosophical aims of these two approaches differ fundamentally.

An analysis of existing studies demonstrates that despite the broad examination of the problem of humanism, there remains a lack of methodological coherence in interpreting its essence. In particular, the issue of comprehensively studying the historical, axiological, ontological, and socio-philosophical dimensions of humanism in their interrelation has not been fully resolved. Moreover, the comparative analysis of humanistic ideas in Western and Eastern philosophical traditions, as well as their significance under conditions of contemporary global transformations, has not yet been sufficiently systematized. This research aims to fill these scholarly gaps by examining humanism as a multidimensional methodological phenomenon within the context of world philosophical ideas.

Methodology

The research was designed as a theoretical and philosophical study aimed at the methodological analysis of the essence of humanism within the context of world philosophical ideas. The primary research materials included classical and contemporary philosophical works, scholarly articles devoted to the problem of humanism, international philosophical encyclopedias, official documents concerning human rights, as well as socio-philosophical studies dedicated to contemporary interpretations of humanism. In particular, the works of thinkers such as Giovanni Pico della Mirandola, Immanuel Kant, Martin Heidegger, Erich Fromm, Jurgen Habermas, Alain Renaut, Karl Marx, and Jean-Paul Sartre constituted the theoretical foundation of the study. In addition, materials from academic resources such as the *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, *Encyclo-*

paedia Britannica, and *Oxford Academic*, as well as normative-legal and scholarly data related to humanistic values in Kazakhstan, were utilized.

The research design was based on the principles of comprehensive philosophical and methodological analysis and was carried out through several interrelated stages. At the first stage, a theoretical analysis of classical and contemporary literature concerning the historical and philosophical formation and evolution of the concept of humanism was conducted. This stage identified the logic of the development of humanism from the Renaissance to contemporary posthumanist discourse. At the second stage, the principal methodological approaches to interpreting the essence of humanism were systematized, and their worldview characteristics were examined comparatively. At the third stage, the similarities and differences between humanistic ideas in Western and Eastern philosophical traditions were identified, and their significance under conditions of contemporary global processes was analyzed. At the fourth stage, the manifestations of humanism within contemporary Kazakhstani humanitarian discourse and value policy were examined, and the findings of the study were summarized.

The central research question of the study was: what are the principal methodological approaches characteristic of world philosophical ideas in interpreting the essence of humanism, and what is their theoretical significance under conditions of contemporary global socio-cultural transformations?

In accordance with this question, the working hypothesis of the study proposed that the essence of humanism can only be fully and comprehensively understood when examined not solely within the framework of anthropocentrism, but also in relation to cosmocentrism, theocentrism, and contemporary posthumanist approaches. Furthermore, it was hypothesized that analyzing humanism as a shared axiological foundation of various cultural and philosophical traditions would make it possible to reveal its universal worldview potential.

Several philosophical and general scientific methods were employed in the course of the research. The hermeneutic method was used to analyze the semantic structure of concepts such as “human,” “dignity,” “freedom,” and “humanity” within philosophical texts. The comparative-philosophical method was aimed at comparing humanistic ideas in Western and Eastern philosophical traditions. The dialectical method made it possible to identify the internal contradictions of humanism, its historical transformations, and its role in socio-cultural changes. The systemic method was applied to examine humanism in relation to social, cultural, political, and spiritual factors. In addition, methods of conceptual analysis, the axiological approach, and socio-philosophical interpretation were employed.

To ensure the reliability of the research results, several scientific principles were followed. First, the study relied on classical and contemporary scholarly works recognized by the international academic community. Second, the perspectives of various philosophical schools and approaches were analyzed comparatively, adhering to the principle of avoiding one-sided conclusions. Third, the interpretations and arguments employed in the research were based on philosophical texts, official documents, and peer-reviewed academic publications. Fourth, in examining the problem of humanism, both historical and cultural contexts were taken into account, while continuity was maintained between the contemporary meanings of concepts and their classical interpretations. This approach made it possible to ensure the theoretical validity and scientific objectivity of the research findings.

Results and discussion

The research findings demonstrated that humanism in world philosophical thought does not possess a single, stable definition, but rather constitutes a multilayered and historically dynamic phenomenon. The analysis of the principal methodological approaches to interpreting the essence of humanism revealed that it is not confined solely to the Renaissance period; instead, it manifests itself in different forms within various civilizational and worldview models.

One of the main findings of the study is that the anthropocentric approach cannot be regarded as the only universal model for understanding the essence of humanism. While classical Renaissance humanism viewed the human being as the center of the world and as a free subject, Eastern philosophical traditions interpreted humanism through the harmony between the individual and the community, the individual and nature, and the individual and spiritual order. For example, the Confucian category of *ren* explains humanism through relational ethics and moral perfection, whereas the Islamic concept of *adab* associates it with cultural education, spiritual discipline, and ethical norms. This demonstrates that the meaning of humanism in world philosophy is not uniform; however, the recognition of human dignity remains its central core.

The research also identified the historical evolution of humanism. During the Renaissance, hu-

manism emerged as a cultural-anthropological orientation that substantiated human freedom and creative capacities. In the works of Giovanni Pico della Mirandola, the human being was interpreted as a self-forming subject, while in Kantian philosophy humanism was linked to moral autonomy and the principle of recognizing the human being as an "end in itself." In the twentieth century, existentialism and critical theory connected humanism with issues of social alienation, freedom, and responsibility. These conclusions indicate that throughout its historical development, humanism expanded from a cultural-educational model to socio-ethical and existential dimensions.

The obtained results also made it possible to reconsider contemporary critical perspectives on humanism. Martin Heidegger's association of humanism with the "metaphysics of subjectivity" revealed the limitations of classical humanism, whereas the works of Alain Renaut and Jürgen Habermas demonstrated the necessity not of rejecting humanism altogether, but of adapting it to new historical conditions. The study showed that contemporary critiques of humanism are directed primarily at its technocratic and individualistic interpretations; however, this does not signify the complete collapse of the idea of humanism. On the contrary, humanism is being renewed with new meaning under the conditions of contemporary global crises.

In comparison with previous studies, the present work considers humanism not merely as a product of Western philosophy but as a universal axiological orientation manifested in various cultural and civilizational traditions. While many studies directly associate the essence of humanism with anthropocentrism, this research also incorporates its cosmocentric, theocentric, and posthumanist interpretations. In this way, it is argued that the essence of humanism lies not only in placing the human being at the center, but also in serving as a worldview model that explains the relationship of the human being with existence, society, and culture.

The findings of the study further demonstrated that humanism in the contemporary era faces new philosophical challenges. Artificial intelligence, biotechnology, and digital culture are transforming traditional understandings of human nature and once again making the question "What is the human being?" highly relevant. Although posthumanist approaches advocate reconsidering the boundaries and status of the human being, the research confirms that the fundamental values of humanism–human dignity, freedom, and responsibility–retain their significance even under conditions of civilizational transformation.

The critical analysis revealed that it is insufficient to interpret humanism merely as an ideological slogan or a historical stage. Although the essence of humanism has been interpreted differently across various philosophical traditions, all of them share a common core: the understanding of the human being as a form of existence endowed with value and spiritual meaning. Therefore, studying humanism as a multidimensional methodological phenomenon allows for a deeper understanding of its ability to adapt to historical transformations and of its theoretical and practical potential in the contemporary world.

Thus, the conclusions of the research demonstrate that humanism, within the context of world philosophical ideas, constitutes a universal and multifaceted axiological and methodological system. Humanism regards the human being not merely as a social function or a biological object, but as a personality capable of freedom, creativity, and spiritual self-development. This defines humanism as an important philosophical paradigm capable of preserving the cultural and ethical orientations of humanity under conditions of contemporary global transformations.

Conclusion

The conducted research demonstrated that there is no single or universal methodological model for interpreting the essence of humanism in world philosophical thought. Although humanism has manifested itself in various forms depending on historical, cultural, and worldview contexts, the common foundation uniting all its interpretations is the recognition of human dignity, freedom, and spiritual potential. The findings of the study prove that it is insufficient to consider humanism merely as a cultural phenomenon of the Renaissance or as an anthropocentric doctrine. On the contrary, humanism was identified as a multidimensional philosophical and methodological system that explains the relationships between the human being and existence, society, and culture.

The principal scientific conclusion proposed in the study–that the essence of humanism can only be fully and profoundly understood when examined not solely within the framework of anthropocentrism, but also in relation to cosmocentrism, theocentrism, and contemporary posthumanist approaches–was substantiated. A comparative analysis of world philosophical ideas demonstrated that humanism developed with distinctive characteristics across different civilizations. In Western philosophy, humanism was primarily grounded in individual autonomy and

freedom, whereas in Eastern worldviews it was associated with moral harmony, communal responsibility, and spiritual order. Consequently, the essence of humanism was interpreted not as a phenomenon confined to a particular historical model, but as a universal principle of morality and spiritual perfection.

The research findings also made it possible to clarify the historical evolution of humanism. Originating from the Renaissance tradition of *studia humanitatis*, humanism evolved in the modern era into legal and ethical universalism and, in the twentieth and twenty-first centuries, acquired new meanings connected with social critique, cultural crisis, and technological transformation. Although contemporary posthumanist discourses demonstrate the need to reconsider the boundaries of humanism, the study confirmed that humanistic principles grounded in human dignity and freedom continue to remain important axiological orientations for contemporary civilization.

The scientific significance of the research lies in its interconnected examination of humanism at historical-philosophical, axiological, and socio-philosophical levels. The study substantiated humanism not only as a historical phenomenon but also as a methodological instrument for understanding contemporary global socio-cultural processes. This approach expands the theoretical framework for the study of humanism and provides a new perspective on the problem of the human being in world philosophy. Furthermore, the findings contribute to the development of scholarly discourse in the fields of philosophical anthropology, philosophy of culture, philosophy of religion, and social philosophy.

Thus, within the system of world philosophical ideas, humanism appears as a universal philosophical paradigm that explains the spiritual and axiological nature of the human being. Despite historical transformations, its essence remains grounded in the recognition of the human being as a free, responsible, and spiritually self-perfecting personality. Therefore, under conditions of contemporary global challenges, humanism continues to serve as an important worldview foundation that shapes the cultural and moral orientations of human civilization.

Conflicts of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Author Contributions

L.G. Balabekova – Methodology; Data Curation; Formal Analysis; Investigation. M.M. Manassova – Corresponding Author; Writ-ing – Review & Editing; Supervision.

References

Bostrom, N. (2014). Superintelligence: Paths, dangers, strategies. Oxford University Press.

Braidotti R. The Posthuman / R. Braidotti. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 180 p.

Confucius. The Analects / Confucius; translated by D. C. Lau. – London: Penguin Books, 1979. – 256 p.

Derrida, J. (1976). Of Grammatology. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Humanism [Электронный ресурс] / Encyclopaedia Britannica. – Режим доступа: свободный.

Studia humanitatis [Электронный ресурс] / Encyclopaedia Britannica. – Режим доступа: свободный.

Ferrando, F. (2019). Philosophical posthumanism. Bloomsbury Academic.

Feuerbach L. The Essence of Christianity / L. Feuerbach. – New York: Harper & Row, 1957. – 339 p.

Foucault, M. (1994). The order of things: An archaeology of the human sciences. New York, NY: Vintage Books.

Fromm E. Man for Himself: An Inquiry into the Psychology of Ethics / E. Fromm. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1947. – 254 p.

Goodman L. E. Islamic Humanism / L. E. Goodman. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 288 p.

Habermas J. The Future of Human Nature / J. Habermas. – Cambridge: Polity Press, 2003. – 136 p.

Hayles, N. (1999). How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University of Chicago Press.

Harari, Y. N. (2016). Homo Deus: A brief history of tomorrow. New York, NY: Harper.

Heidegger M. Being and Time / M. Heidegger; translated by J. Macquarrie and E. Robinson. – Oxford: Blackwell, 1962. – 589 p.

Heidegger M. Letter on Humanism / M. Heidegger // Pathmarks. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 239–276.

Heisenberg W. Physics and Philosophy: The Revolution in Modern Science / W. Heisenberg. – New York: Harper & Brothers, 1958. – 206 p.

Huizinga J. The Waning of the Middle Ages / J. Huizinga. – London: Penguin Books, 1996. – 336 p.

Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals / I. Kant ; translated by M. Gregor. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 160 p.

Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – Режим доступа: свободный.

Kurzweil, R. (2005). The singularity is near: When humans transcend biology. New York, NY: Viking

Лекторский В. А. Гуманизм как идеал и реальность / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 44–56.

Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 / K. Marx. – Moscow: Progress Publishers, 1959. – 216 p.
Renaut A. The Era of the Individual: A Contribution to a History of Subjectivity / A. Renaut. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 280 p.
Sartre J.-P. Existentialism Is a Humanism / J.-P. Sartre. – New Haven: Yale University Press, 2007. – 120 p.
Alienation [Электронный ресурс] / Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Режим доступа: свободный.
Chinese Ethics [Электронный ресурс] / Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Режим доступа: свободный.
Universal Declaration of Human Rights [Электронный ресурс] / United Nations. – 1948. – Режим доступа: свободный.
Wolfe, C. (2010). What is Posthumanism? Minneapolis: University of Minnesota Press.

References

Bostrom, N. (2014). Superintelligence: Paths, dangers, strategies. Oxford University Press.
Braidotti, R. (2013). The Posthuman. Polity Press.
Confucius. (1979). The Analects. (D. C. Lau, Trans.). Penguin Books.
Derrida, J. (1976). Of Grammatology. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
Encyclopaedia Britannica. (n.d.). Humanism. Retrieved from https://www.britannica.com/.
Encyclopaedia Britannica. (n.d.). Studia humanitatis. Retrieved from https://www.britannica.com/.
Ferrando, F. (2019). Philosophical posthumanism. Bloomsbury Academic.
Feuerbach, L. (1957). The Essence of Christianity. Harper & Row.
Foucault, M. (1994). The order of things: An archaeology of the human sciences. New York, NY: Vintage Books.
Fromm, E. (1947). Man for Himself: An Inquiry into the Psychology of Ethics. Holt, Rinehart and Winston.
Goodman, L. E. (2003). Islamic Humanism. Oxford University Press.
Habermas, J. (2003). The Future of Human Nature. Polity Press.
Hayles, N. (1999). How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University of Chicago Press.
Harari, Y. N. (2016). Homo Deus: A brief history of tomorrow. New York, NY: Harper.
Heidegger, M. (1962). Being and Time. (J. Macquarrie & E. Robinson, Trans.). Blackwell.
Heidegger, M. (1998). Letter on Humanism. In Pathmarks (pp. 239–276). Cambridge University Press.
Heisenberg, W. (1958). Physics and Philosophy: The Revolution in Modern Science. Harper & Brothers.
Huizinga, J. (1996). The Waning of the Middle Ages. Penguin Books.
Kant, I. (1998). Groundwork of the Metaphysics of Morals. (M. Gregor, Trans.). Cambridge University Press.
Konstitutsiia Respubliki Kazakhstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. (n.d.). Adilet. Informatsionno-pravovaia sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan. Retrieved from http://adilet.zan.kz/ [in Russian].
Kurzweil, R. (2005). The singularity is near: When humans transcend biology. New York, NY: Viking
Lektorskii, V. A. (2009). Gumanizm kak ideal i realnost [Humanism as an ideal and reality]. Voprosy filosofii – Questions of Philosophy, 10, 44–56 [in Russian].
Marx, K. (1959). Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. Progress Publishers.
Sartre, J.-P. (2007). Existentialism Is a Humanism. Yale University Press.
Renaut, A. (1997). The Era of the Individual: A Contribution to a History of Subjectivity. Princeton University Press.
Stanford Encyclopedia of Philosophy. (n.d.). Alienation. Retrieved from https://plato.stanford.edu/.
Stanford Encyclopedia of Philosophy. (n.d.). Chinese Ethics. Retrieved from https://plato.stanford.edu/.
United Nations. (1948). Universal Declaration of Human Rights. Retrieved from https://www.un.org/.
Wolfe, C. (2010). What is Posthumanism? Minneapolis: University of Minnesota Press.

Information about the authors:
Balabekova Lyazzat – PhD student, Buketov Karaganda National Research University (Karaganda, Kazakhstan, e-mail: Lyaka1982e@mail.ru)
Manassova Mira (corresponding author) – Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Buketov Karaganda National Research University (Karaganda, Kazakhstan, e-mail: miramanassova@mail.ru).

Авторлар туралы мәлімет:
Балабекова Ләззат – Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университетінің PhD докторанты (Қарағанды, Қазақстан, e-mail: Lyaka1982e@mail.ru).
Манасова Мира (корреспонденттік автор) – философия ғылымдарының докторы (PhD), Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университетінің доценті (Қарағанды, Қазақстан, e-mail: miramanassova@mail.ru).

Сведения об авторах:
Балабекова Ляззат – PhD-докторант Карагандинского исследовательского университета имени Е.А. Букетова (Караганда, Казахстан, e-mail: Lyaka1982e@mail.ru).
Манасова Мира (корреспондирующий автор) – доктор философии (PhD), ассоциированный профессор Карагандинского исследовательского университета имени Е.А. Букетова (Караганда, Казахстан, e-mail: miramanassova@mail.ru).

Поступила: 10.01.2025
Принята: 20.04.206

2-бөлім

МӘДЕНИЕТТАНУ

Section 2

CULTURAL STUDIES

Раздел 2

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

IRSTI 13.01.11 https://doi.org/10.26577/jpcp96220265

A. Sariyeva[1*], S. Sandybayeva [2]

[1] Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
[2] Ohio State University, Columbus, OH 43210, USA
*e-mail: albin.sariyeva@gmail.com

PROBLEMS OF INEQUALITY IN EDUCATION: SOCIO-CULTURAL DIFFERENCES BETWEEN RURAL AND URBAN SCHOOLS

The relevance of this study is persistent inequalities in access to quality education and socio-cultural resources between rural and urban areas of Kazakhstan. Despite significant public investment, disparities remain in infrastructure, teaching capacity, and family conditions, directly affecting students' academic outcomes.

The aim of the article is to identify and analyze the key factors determining socio-cultural differences between rural and urban schools.

The novelty of the research lies in a comprehensive approach to educational inequality by integrating family, institutional, and infrastructural dimensions, supported by national statistics and international evidence, and in proposing systemic solutions to reduce disparities.

The methodology is based on a systemic approach, comparative analysis, generalization, and data systematization. The empirical base includes data from the National Bureau of Statistics, national analytical reports, and the PISA-2022 international assessment.

The results demonstrate that inequality is primarily driven by lower household income in rural areas, shortages of highly qualified teachers, limited access to modern educational infrastructure, and weaker digitalization. A persistent performance gap between rural and urban students is identified. The study proposes targeted measures to reduce inequality, including infrastructure development, teacher support policies, and expansion of digital education access.

Keywords: social development, educational inequality, education system, regional peculiarities, socio-cultural challenges.

А. Сариева[1]*, С. Сандыбаева[2]

[1]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
[2]Огайо мемлекеттік университеті, Колумбус, ОН 43210, АҚШ
*e-mail: albin.sariyeva@gmail.com

Білім берудегі теңсіздік мәселелері: ауыл және қала мектептеріндегі мәдени-әлеуметтік айырмашылықтар туралы

Зерттеудің өзектілігі Қазақстанның ауыл және қала аймақтары арасындағы білім сапасына және әлеуметтік-мәдени ресурстарға қолжетімділіктегі теңсіздіктің сақталуымен анықталады. Мемлекеттік қолдауға қарамастан, айырмашылықтар мектеп инфрақұрылымында, кадрлық әлеуетте және отбасылық жағдайларда көрініс тауып, оқушылардың білім нәтижелеріне тікелей әсер етеді.

Мақаланың мақсаты – ауыл және қала мектептері арасындағы әлеуметтік және мәдени айырмашылықтарды айқындайтын негізгі факторларды анықтау және талдау.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы білім берудегі теңсіздікті отбасылық, институционалдық және инфрақұрылымдық факторлар кешені арқылы кешенді қарастыруда, сондай-ақ ұлттық және халықаралық деректер негізінде жүйелі ұсыныстар әзірлеуде көрінеді.

Зерттеу әдістемесі жүйелік тәсілге, салыстырмалы талдауға, жалпылау және жүйелеу әдістеріне негізделген. Эмпирикалық база ретінде Ұлттық статистика бюросының деректері, аналитикалық есептер және PISA-2022 нәтижелері пайдаланылды.

Нәтижелер ауылдық аймақтардағы төмен табыс деңгейі, білікті мұғалімдердің жетіспеушілігі, заманауи инфрақұрылым мен цифрлық технологияларға қолжетімділіктің шектеулілігі негізгі факторлар екенін көрсетті. Оқушылардың білім нәтижелерінде тұрақты айырмашылық анықталды. Теңсіздікті азайту үшін инфрақұрылымды дамыту, мұғалімдерді қолдау және білімді цифрландыруды кеңейту ұсынылады.

Түйін сөздер: әлеуметтік даму, білім берудегі теңсіздік, білім беру жүйесі, аймақтық ерекшеліктер, әлеуметтік-мәдени сын-қатерлер.

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

А. Сариева[1]*, С. Сандыбаева[2]
[1]Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
[2]Университет штата Огайо, Колумбус, ОН 43210, США
*e-mail: albin.sariyeva@gmail.com

Проблемы неравенства в образовании: социально-культурные различия между сельскими и городскими школами

Актуальность исследования обусловлена сохраняющимся неравенством в доступе к качественному образованию и социально-культурным ресурсам между сельскими и городскими территориями Казахстана. Несмотря на государственные инвестиции, различия проявляются в уровне инфраструктуры, кадрового потенциала школ и семейных условий, что напрямую влияет на образовательные результаты учащихся.

Цель статьи – выявить и проанализировать ключевые факторы, определяющие социальные и культурные различия между сельскими и городскими школами.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении образовательного неравенства через совокупность семейных, институциональных и инфраструктурных факторов с опорой на актуальные национальные и международные данные, а также в формировании системных рекомендаций по снижению разрыва.

Методология исследования основана на системном подходе, сравнительном анализе, обобщении и систематизации данных. В качестве эмпирической базы использованы материалы Национального бюро статистики, аналитические отчёты профильных центров и результаты PISA-2022.

Результаты показывают, что ключевыми факторами неравенства являются более низкий уровень доходов сельских семей, дефицит квалифицированных педагогов, ограниченный доступ к современной образовательной инфраструктуре и цифровым технологиям. Выявлена устойчивая разница в образовательных достижениях учащихся. Предложены меры по сокращению неравенства, включая развитие инфраструктуры, поддержку педагогов и расширение цифровизации образования.

Ключевые слова: социальное развитие, неравенство в образовании, система образования, региональные особенности, социокультурные вызовы.

Introduction

In the new socio-economic conditions, it is necessary to maximize and fully realize the socio-pedagogical potential of young people and adolescents during their free time. It is important to significantly expand the traditional directions, forms, and technologies of working with this social group. Leisure is not only a period of rest, but also a sphere for developing abilities, fulfilling interests, applying knowledge in new situations, and interacting with different people. The main environment where adolescents spend most of their time is school.

School is the place where personality is formed and the period when every individual devotes time to shaping their unique personal characteristics. A person's future destiny and value orientations are directly related to the conditions in which the educational process takes place and the opportunities provided. Free secondary education and equal access to it are guaranteed by the laws of Kazakhstan. However, in practice, shortcomings are observed in the implementation of this principle. These shortcomings are evident in differentiated funding in secondary schools, in material and technical resources, and in the quality of education. Such disparities are most clearly visible between rural and urban schools.

The issue of accessibility and quality of general secondary education is increasingly attracting the attention of specialists both from an institutional and systemic perspective. School is the key link of the education system and the most important among educational institutions. At the same time, by directly influencing socialization, upbringing, and personal development, it also acts as an institution that improves the quality of the state's human capital.

One of the key challenges for modern education systems is overcoming inequalities that are closely linked to socio-economic disparities. In Kazakhstan, despite ongoing reforms and investments, significant differences persist between rural and urban areas in terms of access to quality education, learning conditions, and opportunities for students' social and cultural development.

Existing research indicates that rural students face structural constraints, including limited educational resources, insufficient infrastructure, lower availability of qualified teachers, and restricted access to extracurricular and cultural institutions.

These disparities contribute to unequal educational outcomes and long-term social inequality.

The purpose of this article is to identify and analyze the key factors shaping socio-cultural differences between rural and urban schools and to develop evidence-based measures to reduce these disparities.

To achieve this goal, the study addresses two main objectives:

(1) to systematize and assess family, institutional, and infrastructural factors influencing educational inequality;

(2) to evaluate their impact on students' educational and socio-cultural development based on national and international data.

The novelty of the study lies in its integrated analytical framework, which combines multi-level factors of inequality (family, school, and regional environment) with empirical evidence from national statistics and PISA-2022 results. Unlike prior studies, this research not only identifies structural disparities but also proposes a set of targeted, system-level interventions aimed at reducing the rural–urban educational gap.

Literature review

Various approaches are used to define educational inequality. The simplest method refers to the fair distribution of both material and non-material resources, i.e., educational inequality is understood as the unfair allocation of educational goods among people.

D.L. Konstantinovsky (2018), J.C. Passeron (Valle, I.R., 2022), studying educational inequality, noted that it has at least four main sources:

1. The child as an individual with abilities, skills, and unique characteristics;

2. The family and its social, economic, and cultural capital;

3. The school and its material and technical base, teacher training level, and school climate;

4. The neighborhood – the level of development of social infrastructure, availability, and cost of vocational and higher education institutions.

In addition, according to studies by J. Skopek (2019), M. Triventi (2019), and others, access to preschool education is also a source of educational inequality.

The classical model of socio-economic differences in children's equality in education lies in the volume of parental investment in their children's education (Becker & Tomes, 1979). Parents, in raising children, strive to enrich the child's cultural and educational environment with early developmental potential, supplementary education, care for the child's health and well-being, and supervision of their social circle. In this case, the upbringing process acts as an investment in the child's future. The "natural growth" principle in child-rearing, on the other hand, does not see the necessity of enriching the child's cultural and educational environment or investing in development. Children are given more freedom, and their free time is spent on "unproductive" activities.

Studies aimed at measuring and improving the quality of primary school teaching have shown the long-term impact of quality teaching on students' outcomes. Research involving more than one million children from different regions has found that students taught by highly qualified teachers have a higher probability of entering university, finding higher-paying jobs, and a lower likelihood of engaging in crime during adolescence (Raj Chetty, 2021).

Data from the China Education Panel Survey for the 2013–2014 academic year revealed a significant difference in cognitive skills between urban and rural students, explained by such social factors as the number of siblings in the family, parents' education level, and the interaction between parents and teachers (Yang, J., & Zhao, X., 2021).

The PISA-2000 study in Canada found clear differences in educational achievement between urban and rural students in five provinces (Newfoundland, Labrador, Prince Edward Island, New Brunswick, and Alberta). The relatively lower educational outcomes of rural students were closely associated with low community education levels and such factors as low wages and unemployment (Cartwright, 2012).

According to N. Smanova (2024), *"students' performance largely depends on the location of the school,"* and the correlation between school location and academic achievement remained statistically significant even after accounting for material and human resources. Tastanbekova, K. (2022) argues that highly qualified teachers are unevenly distributed among schools, as they often transfer to schools with additional resources and gifted students.

OECD experts also conclude that a student's place of birth – along with home language and parents' profession – is one of the most influential predictors of school performance. Moreover, these personal characteristics affect not only educational outcomes but also students' aspirations for the future (OECD, 2019).

Many experts agree that the main problem faced by rural schools is the lack of adequate infrastructure and facilities. In their studies, Beimisheva, A.S. and Argyngabayeva, Zh.Zh. (2023) noted that despite improvements in general school buildings, many schools still lack classrooms, libraries and laboratories, toilets, playgrounds, clean drinking water, and adequate heating in winter. In turn, the lack of material and technical resources leads to multiple shifts in study groups, which reduces learning time and exacerbates educational inequality.

Methodology

The study employs a systemic approach, comparative analysis, generalization, and systematization methods. A systematic approach to the study of educational inequality in cities and rural areas makes it possible to analyze measures of state support and the development of education as a complex system consisting of interrelated elements. This approach allows consideration of various aspects of influence, interaction, and interdependence between such factors as access to education, infrastructure, and human resources.

Comparative analysis helps identify specific features and trends in development and education in different regions of the country. Generalization methods allow the collection, analysis, and integration of information from various sources and aspects of the study. Systematization of data helps to identify the main trends and conclusions that can be drawn on the basis of the analysis.

To identify cultural and social differences, the following factors were analyzed:

– Family factors, such as parental support and conditions provided, as well as income level;

– School administration factors (educational level, equipment, media classrooms, teaching staff, etc.);

– Urban infrastructure factors (availability of leisure spaces, creative activities, theaters, etc.).

The analytical section of the article uses data from the Center for the Development of Small Schools at the National Academy of Education named after Y. Altynsarin, the National Research and Education Evaluation Center "Taldau" named after A. Baitursynuly, the National Report on the State and Development of the Education System of the Republic of Kazakhstan, the Bureau of National Statistics on living standards and employment, as well as the results of the international PISA-2022 studies, and reports on the social and cultural activities of rural and urban administrations.

Results and discussion

The factors influencing child development are diverse, and among them, the material and physical capabilities of the family play a decisive role. A child's education, health, personal, and socio-cultural development are largely shaped by the living conditions within the family. Despite the advanced infrastructure, and greater accessibility to quality education and healthcare in urban areas, these issues remain pressing in rural regions.

To make a comparative assessment of the level of family support for the social and cultural development of school-aged children, the following indicators are considered: the average household income, the availability of a separate room/study corner for the student, and the number of children in the family.

Table 1

Comparative analysis of family factors by urban and rural types

Indicators	City	Village
Total population, thousand people	12,265,594	7,525,922
Number of children, thousand people	3,993,292	2,744,725
Average number of children per family	2.63	3.59
Growth rate of the number of children in families, %	103.7	102.1
Share of the population with family income below the subsistence minimum, %	4.0	7.3

Note: compiled based on the data of the National Bureau of Statistics of the Republic of Kazakhstan.

According to the annual report "Children of Kazakhstan" by the National Bureau of Statistics, on average, there are 2.63 children per family in urban areas and 3.59 children per family in rural areas. This indicates the higher prevalence of large families in rural areas. In addition, the share of families with incomes below the subsistence minimum in rural areas is 3.3% higher than in urban areas.

From this analysis, it can be concluded that in large families, parental attention to each child is limited. This, in turn, reflects insufficient access to educational resources (learning materials, internet, digital technologies for learning), healthcare, and emotional support. If this situation is viewed through the lens of A. Maslow's "Hierarchy of Needs", it

becomes clear that in rural areas, children under the age of 18 often do not have their physiological needs fully satisfied. As a result, the pursuit of subsequent motivational needs (stable income, healthcare, self-esteem, and personal development) is delayed. Therefore, such differences between urban and rural areas have a long-term impact on a child's personal, academic, and socio-cultural development and future. This indicates the need for deeper research into the institution of the family in rural areas.

Equality of cultural and social opportunities among adolescents is the foundation of the education system in many countries, including Kazakhstan. By ensuring the idea of social and cultural justice, education becomes the main driver of the national economy, influencing the fate of both the state and society. International research demonstrates that a child's place of residence is often considered one of the most important factors affecting academic achievement. The quality of the social environment and the schools in the region where the child lives play a decisive role.

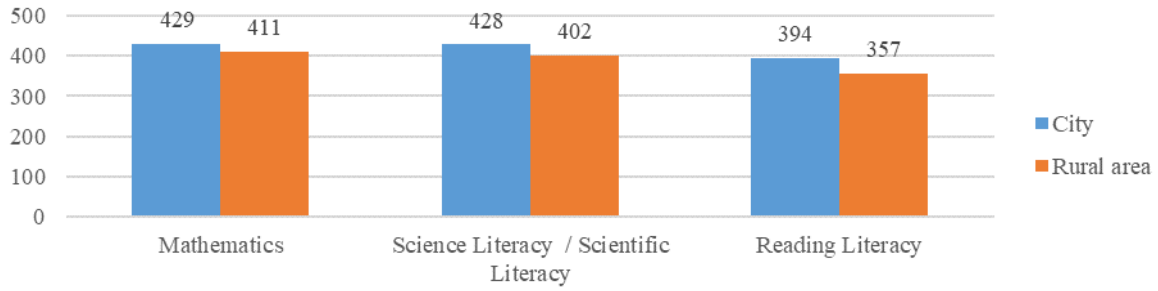
Currently, there are 7,833 schools operating in the Republic of Kazakhstan (2023–2024 academic year). Among them, 5,271 schools are located in rural areas, while 2,562 are in urban areas. Since 2019, Kazakhstan has been implementing large-scale infrastructure projects, having provided over one million student places in 1,200 new schools. As a result, the number of schools shows a positive growth trend today (National Bureau of Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2024). The Turkistan, Akmola, and Almaty regions lead in the number of rural schools, with the highest number (868 schools) located in rural areas of Turkistan region (National Bureau of Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2024).

Across the Republic of Kazakhstan, there are 3,812,279 school students, of which 1,555,132 (39.4%) are in rural settlements. The highest number of rural students is recorded in the Turkistan region, while the largest share of urban students is in Almaty city (National Bureau of Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2024).

According to the results of the international PISA-2022 study, the gap in literacy levels between urban and rural students persists. In this case, urban students demonstrated higher results in all three areas of assessment within PISA-2022.

Figure 1

Results in Mathematics, Scientific Literacy, and Reading Literacy by Location and Cycles of Educational Institutions, 2022 (scores)



Note: Compiled based on the results of the PISA-2022 international study

The differentiation between rural and urban schools is evident across all major characteristics of the educational process. Eliminating this gap requires scientifically grounded justifications. To create a favorable learning environment for every student, schools must be equipped with diverse facilities and resources that foster the development of academic, cultural, and social skills. For instance, music halls, workshops, sports gyms, libraries, and swimming pools not only support physical development but also serve as essential infrastructure elements that help unlock children's creative potential. In such schools, teachers are provided with broader opportunities, actively utilizing a variety of technologies and tools that enable them to consider multiple aspects of student learning and development.

To assess social and cultural equality between rural and urban schools, the following three groups of indicators may be considered:

1. The qualitative composition of the teaching staff in rural schools: the proportion of teachers with qualifications as teacher, teacher-moderator, teacher-expert, teacher-researcher, and teacher-master.

2. Disparities in material and technical resources: the level of library and book provision, the availability of language laboratories, multimedia and creative classrooms, sports halls, school canteens, and other facilities.

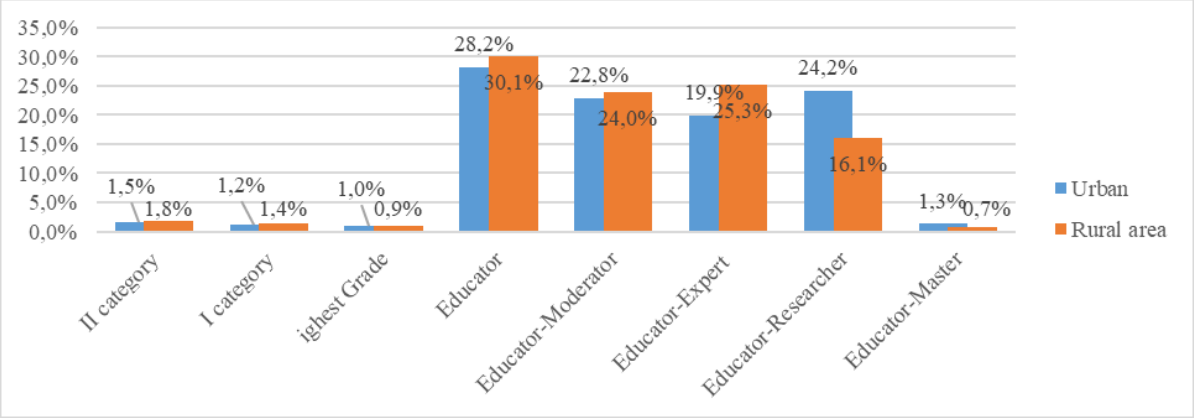
3. The level of information and communication technology (ICT) provision: access to the Internet and its speed, the student-to-computer ratio, the availability of interactive whiteboards, and related indicators.

As noted above, various factors affect the quality of education, among which one of the most significant is the quality of the teaching staff. In 2023, the general secondary education system employed **399,595 teachers**, of whom **187,501 (47%)** worked in urban areas and **212,094 (53%)** in rural areas.

Compared to 2022 (90%), the proportion of teachers who transitioned to the new qualification category system increased significantly in 2023 (96%) (National Center for Research and Educational Evaluation "Taldau," 2023). According to statistical data, the share of teachers holding the "teacher-researcher" (24.2%) and "teacher-master" (3.7%) categories is considerably higher in urban areas than in rural ones. Conversely, rural areas demonstrate a greater proportion of teachers with the "teacher" (30.1%) category. This may be considered one of the reasons for the differences in educational attainment between adolescents in rural and urban areas. Therefore, ensuring access to professional development courses, material support, and opportunities for the exchange of best practices is of particular importance. By intensively supporting the professional growth of teachers in rural areas, it is possible to reduce the educational gap between adolescents in rural and urban settings.

Figure 2

Distribution of Teachers in Public Secondary Schools by Qualification Categories in Urban and Rural Areas, 2023 (%)



Note: Compiled based on data from the National Center for Research and Educational Evaluation "Taldau" named after A. Baitursynuly, National Collection of Education Statistics of Kazakhstan.

The results of the international PISA program for assessing student achievement demonstrate the correlation between students' educational outcomes and the material resources of schools. In this regard, both the level of provision of the necessary material and technical infrastructure—which enables schools to perform their informational, cultural, educational, healthcare, and spiritual development functions and the rational use of these resources are of critical importance (National Report on the Results of PISA-2022 in Kazakhstan).

To enhance the quality of education in the learning process, schools need classrooms equipped with modernized and interactive facilities. The provision of schools with language laboratories, multimedia classrooms, and interactive whiteboards began in 2005. However, as indicated in the reporting documents of the Center for the Development of Small Schools under the National Academy of Education named after Y. Altynsarin, small schools (ШЖМ) still face a shortage of modernized classrooms and other interactive equipment.

Table 2
Provision of Modernized Classrooms in Urban and Rural Areas, 2023 year

Subjects	Number of Equipped Schools	Urban	Rural
Total number of schools	5212	1815	3397
Physics	3982	1540	2442
Chemistry	3813	1501	2312
Biology	3608	1439	2169
Language and multimedia classrooms	2144	726	1418
STEM	656	476	180

Note: Compiled on the basis of the National Report on the State and Development of the Education System of the Republic of Kazakhstan for 2023, prepared by the A. Baitursynuly National Center for Research and Educational Evaluation "Taldau".

According to the data of the National Collection of Education Statistics of the Republic of Kazakhstan – 2023, in 10.2% of schools (534 institutions) sports halls are located in adapted buildings, while 12.5% of schools do not have sports facilities at all.

Table 3
Number of Schools Equipped with Sports Halls in Urban and Rural Areas, 2023 year

Indicators	Total	Urban Areas	Rural Areas
Number of schools with sports halls	6851	2331	4520
Number of sports halls equipped with standard equipment	5902	2168	3734
Number of schools with sports grounds	1819	420	1399

Note: Compiled on the basis of the National Report on the State and Development of the Education System of the Republic of Kazakhstan for 2023, prepared by the A. Baitursynuly "Taldau" National Research and Educational Evaluation Center.

As can be observed, 90% of urban schools and 85% of rural schools are equipped with sports halls. Another manifestation of inequality is that approximately 15% of rural schools lack libraries, canteens, and buffets. Furthermore, in 1,497 rural settlements there are no schools at all, and 25,352 students are transported to attend school. Among children in these villages, 90% study in nearby schools, 9% attend and reside in boarding schools, while less than 1% are compelled to live with relatives in order to access education. In the 2023 academic year, 55 schools were classified as being in an emergency condition, almost all of which were located in rural areas. Such schools operated in eight regions of the country (including the highest number in West Kazakhstan Region – 14, Kyzylorda Region – 8, Aktobe Region – 5, Atyrau Region – 5, and Turkistan Region – 4). In these hazardous conditions, 10,389 students continue their education. In addition, 35% of small-complete schools are housed in adapted buildings, while 8.2% of their facilities require major renovation (National Center for Research and Educational Evaluation "Taldau" named after A. Baitursynuly, 2023).

The informatization of the education system is currently one of the priority directions of social and cultural development in modern society. Mastery of information and communication technologies (ICT) has become a fundamental necessity for every citizen, on par with literacy skills such as reading and writing. Within the framework of the "Digital Kazakhstan" state program adopted in mid-2017, the informatization and digitalization of education were identified as strategically important directions for the development of the educational system.

The social aspect of introducing ICT into school education lies in ensuring equal access to distance learning across all subjects for every school in Kazakhstan, including small-complete schools. Currently, there is one computer for every five students nationwide, while in rural areas this ratio rises to one computer per eleven students. In 2017, the "Digital Kazakhstan" program was launched to provide high-quality Internet access to promising rural settlements. By the end of 2025, more than 4,000 rural villages are expected to be connected to high-speed Internet. Since 2019, the joint project "Modernization of Secondary Education" of the World Bank and the Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan has been under implementation. This project aims to equip all rural schools in the country (5,400 institutions) with ICT infrastructure.

Overall, the application of ICT in education has been shown to accelerate and simplify the learning process by threefold while improving educational quality by two to three times, as confirmed by researchers and educators in various countries. Today, the spread of ICT makes it possible to anticipate a paradigm shift in teaching and learning. In this regard, it is necessary to expand and finance a compre-

hensive set of measures aimed at enhancing adolescents' skills in the use of ICT for their development.

Factors influencing the strengthening of adolescents' interaction with society include the geographical location of their residence and the level of infrastructure development. Studies in scientific publications indicate that the infrastructural gap between urban and rural areas—particularly in access to education, culture, and information—can be observed in differences in the level of socialization and the formation of cultural values among adolescents. This also affects adolescents' psychological behavior, namely their sense of freedom in society and their ability to adapt quickly within social environments. For the cultural and social development of adolescents, in addition to educational institutions, it is essential to ensure the functioning of cultural and art institutions, recreational facilities, sports and wellness organizations, as well as youth organizations.

Table 4

Statistics on Cultural Centers for Adolescent Development, 2022 year

Indicators	Urban Areas	Rural Areas
Libraries	128	121
Theaters	73	0
Circuses	3	0
Museums	133	142
Number of cultural and leisure facilities	937	6,202
Number of cultural events held for children	14,409	55,049
Amusement and recreation parks	208	40

Note: Compiled on the basis of data from the National Statistics Agency of the Republic of Kazakhstan.

As shown in the table, artistic and cultural institutions (such as theaters and circuses) are located exclusively in urban areas, while the majority of institutions intended for personal development (libraries and museums) are also concentrated in cities. An analysis of museum types reveals that most museums located in rural areas are local history museums, whereas the majority of historical and cultural museums are situated in urban areas.

Although a large share of cultural and recreational facilities (6,202 units) are concentrated in rural areas, their quality and level of equipment remain very poor. However, thanks to the initiatives implemented under the *"Aul – El Besigi"* program, the number of cultural and public events for children in rural areas has been steadily increasing.

While cities offer opportunities for cultural diversity and artistic creativity, rural areas are characterized by broadly organized but substantively limited cultural events. Such comparative analysis highlights the need to improve the quality of regional infrastructure and reduce cultural inequalities in order to ensure the comprehensive development of adolescents. Accordingly, an analysis of cultural and social disparities between urban and rural areas reveals the following issues:

– **Family-level disparities.** Families living in rural areas tend to have more children, lower income levels, and limited access to educational resources, reducing parents' ability to provide individualized support. This often results in the insufficient fulfillment of children's physiological, psychological, and social needs, which in turn may slow down their personal development.

– **School-level disparities.** Significant differences exist between urban and rural schools. Urban schools have teachers with higher professional qualifications, well-equipped modern classrooms, and advanced ICT resources. In contrast, rural schools often lack these opportunities; many are located in adapted or unsafe buildings and face shortages of modernized classrooms. In some regions, small-complete schools are being closed due to inefficient funding, forcing students either to attend boarding schools or commute to schools in other villages.

– **Infrastructure-level disparities.** Despite the large number of cultural facilities in rural areas, their weak material and technical base, as well as limited substantive content, hinders adolescents' cultural development and the full realization of their creative potential.

According to data from the National Statistics Agency, inequality between rural and urban areas has contributed in recent years to increased internal migration from villages to cities. This trend has led to demographic imbalances, population decline in rural areas, and rising ecological burdens. Furthermore, it has resulted in the weakening of agricultural and local economic activities in rural regions, while exacerbating housing shortages, traffic congestion, unemployment, and social tensions in urban areas. Therefore, ensuring equitable access to social and cultural infrastructure across both urban and rural areas must be considered one of the priority directions of the national development strategy.

Conclusion

Educational inequality leads to unequal income distribution, which in turn undermines trust in the state. In the context of urban and rural development systems, a number of measures can be proposed to ensure social and cultural equality among adolescents:

Implementation of regional development or mentoring programs. Such programs should provide opportunities for young people educated abroad to work, undertake internships, and deliver mentoring sessions in rural areas. By motivating rural youth and fostering their interest in education, this approach can contribute to reducing educational inequality.

"Infrastructure for people." In the process of optimizing and consolidating rural settlements, it is essential to establish and develop the necessary infrastructure in key hubs so that relocated populations can find employment, continue their education, and fully realize their potential. If infrastructure remains underdeveloped, these communities risk becoming a source of recruitment for extremist organizations and of low-quality temporary labor. Weak rural infrastructure also hampers the effective implementation of the state program "With a Diploma to the Village." Thus, strengthening rural infrastructure must become a priority.

Information and communication technologies (ICT) as a driver of equality. In Kazakhstan, as in other contexts, social and cultural inequality begins with unequal educational opportunities. Currently, one of the primary requirements for young specialists is proficiency in information technologies, which significantly influences their future career success. The experience of Estonia demonstrates the importance of digitalization in education. Since the late 1990s, Estonia has implemented the "Tiger Leap" and "Tiger Plus" programs, which introduced ICT into the secondary education system and created a robust digital infrastructure. Today, Estonia ranks 24th among 142 countries in ICT development. Following this model, Kazakhstan should expand the focus of the "Digital Kazakhstan" program to the education sector, with particular emphasis on equipping rural schools with ICT. This will contribute to building a highly skilled workforce and developing human capital.

Preservation of rural schools and small-complete schools (SCS). Currently, Kazakhstan is closing many SCS, which restricts access to education for children living in small villages and infringes on their constitutional right to education. International experience shows the importance of maintaining small schools. For example, in the United States and Finland, even the smallest schools are preserved, with one teacher often teaching multiple subjects to students of different ages. Rural teachers in the U.S. are paid nearly double the salaries of their urban counterparts. In Finland, distinctive features of general education include a culture of self-evaluation within schools, practice-oriented learning, individualized student support, and smaller class sizes. In urban schools, where classes exceed 20 students, teaching assistants support teachers. Other models, such as those in Australia and Sweden, utilize cluster mechanisms: large schools act as hubs, while SCS operate as "suppliers" or "satellites," with transportation provided for students to attend hub schools according to a set schedule. This model enables SCS students to benefit from a broader curriculum.

Transparency and accountability in the implementation of state programs. The development and execution of state programs should involve open public discussions, with all stages widely disseminated. Errors and challenges faced by program implementers should be identified and analyzed. Since science is a continuous and evolving process, the scientific and technical base of schools must be updated systematically. Open reporting would also allow schools to exchange experiences and complement each other's practices.

In conclusion, addressing social and cultural inequalities in education in Kazakhstan and ensuring equal opportunities for all children will guarantee the full protection of their rights and support their holistic development.

Acknowledgement

This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP25795717).

Author Contributions

Conceptualization, A.S.; Methodology, A.S.; Software, not applicable; Validation, A.S. and S.S.; Formal analysis, A.S.; Investigation, A.S. and S.S.; Resources, A.S.; Data curation, S.S.; Writing – Original Draft Preparation, A.S. and S.S.; Writing – Review & Editing, A.S. and S.S.; Visualization, A.S.; Supervision, A.S.; Project administration, A.S.; Funding acquisition, A.S.

References

Becker, G. S., & Tomes, N. (1979). An equilibrium theory of the distribution of income and intergenerational mobility. *Journal of Political Economy, 87*(6), 1153–1189. https://doi.org/10.1086/260831

Cartwright, F. (2012). *Technical feasibility of reporting YITS 2010 skill assessment results on the PISA 2000 reading scale*. https://hdl.handle.net/20.500.12799/2507

Chetty, R. (2021). Improving equality of opportunity: New insights from big data. *Contemporary Economic Policy, 39*(1), 7–41. https://doi.org/10.1111/coep.12478

PISA-2022. (2022). *National report of the Republic of Kazakhstan*. Astana.

Skopek, J., Triventi, M., & Buchholz, S. (2019). How do educational systems affect social inequality of educational opportunities? The role of tracking in comparative perspective. In *Research handbook on the sociology of education* (pp. 214–232).

Tastanbekova, K. (2020). Professional prestige, status, and esteem of educational occupation in Kazakhstan: Temporal, regional and gender analysis of payroll data. *Journal of Eastern European and Central Asian Research, 7*(2), 175–190. https://doi.org/10.15549/jeecar.v7i2.345

Triventi, M., Kilpi-Jakonen, E., de Vilhena, D. V., & Buchholz, S. (2019). Conditions and consequences of unequal educational opportunities in the life course: Results from the cross-national comparative EduLife project. *KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 71*(1), 399–428.

Valle, I. R. (2022). Bourdieu and Passeron's reproduction changes the educational worldview. *Educação e Pesquisa, 48*, 1–16. https://doi.org/10.1590/S1678-4634202248244296

Yang, J., & Zhao, X. (2021). Does all work and no play make elite students? Evidence from the China education panel survey. *International Journal of Educational Development, 80*, 102321. https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2020.102321

Beimisheva, A. S., & Argyngabayeva, Z. Zh. (2023). Socio-economic development of Kazakhstan's regions: Educational inequality in urban and rural areas. *Central Asian Economic Review, (3)*, 69–83. https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-3-69-83

Konstantinovsky, D. L. (2018). Measuring inequality in education. *Russia Reforming, 16*, 171–191.

National Center for Research and Evaluation of Education "Taldau". (2024). *National report on the state and development of the education system of the Republic of Kazakhstan (2023)*. Astana.

Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. (2024). *Statistics of education, science and innovation*. https://stat.gov.kz/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/

National Center for Research and Evaluation of Education "Taldau". (2023). *National collection of education statistics of Kazakhstan*. Astana.

Smanova, N. (2024). Practice and methodology of teaching reading in primary schools of Kazakhstan in the context of PIRLS-2021. *Bilim-Obrazovanie Journal, 109*(2), 63–78.

Information about the authors:

Albina Sariyeva (corresponding author) – Master of Humanities, Faculty of Philosophy and Political Sciences, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: albin.sariyeva@gmail.com).

Sandugash Sandybayeva – PhD, Department of Molecular Genetics, School of Bioscience and Technology, Ohio State University (Columbus, OH 43210, USA; e-mail: Sandybayeva.2@osu.edu).

Авторлар туралы мәлімет:

Альбина Сариева (корреспонденттік автор) – гуманитарлық ғылымдар магистрі, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Философия және саясаттану факультеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: albin.sariyeva@gmail.com).

Сандугаш Сандыбаева – PhD, Огайо мемлекеттік университеті, Биология ғылымдары және технологиялар мектебінің молекулалық генетика кафедрасы (Колумбус, OH 43210, АҚШ; e-mail: Sandybayeva.2@osu.edu).

Сведения об авторах:

Сариева Альбина (корреспондирующий автор) – магистр гуманитарных наук, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: albin.sariyeva@gmail.com).

Сандыбаева Сандугаш – PhD, кафедра молекулярной генетики, школа бионаук и технологий, Университет штата Огайо (Колумбус, Огайо 43210, США, e-mail: Sandybayeva.2@osu.edu).

Поступила: 10.01.2026
Принята: 01.04.2026

МРНТИ 13.07.25 https://doi.org/10.26577/jpcp96220266

А.Б. Наурзбаева

Казахская национальная консерватория имени Курмангазы, Алматы, Казахстан
e-mail: nurzbayeva_a@mail.ru

ЭСТЕТИКА КОЧЕВЬЯ В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ МОНОГРАФИИ «КОЧЕВНИКИ. ЭСТЕТИКА»

Статья посвящена вопросам философско-методологических оснований изучения визуальности кочевой культуры в контексте осмысления материалов первого отечественного комплексного исследования «Кочевники. Эстетика». Обращение к этой книге как теоретико-методологическому основанию изучения вопроса о визуальной казахской традиционной культуре имеет свою историческую обусловленность и обоснование. В первую очередь, в год своего издания этот труд не вышел в свет, оказавшись в числе идеологически «опасного», и подвергся уничтожению. Затем, в довольно усеченной и в некоторой степени преобразованной версии была восстановлена и издана в 1993 году.

Авторы коллективного труда пятьдесят лет тому назад, осознавая необходимость артикулировать собственную мысль в культуре, истолковать свою историю в понятиях собственного мира, обратились к уяснению методологических координат, коррелятивных типологическим, культурно-историческим и цивилизационным характеристикам традиционной культуры казахов в аспекте ее эстетических оснований. Материал книги, как и любой фундаментальный классический труд, не потерял своей актуальности, поскольку заложил основы формирования целостной эстетически обоснованной картины традиционной казахской культуры, в которой мир визуального непосредственно связан с кочевьем как типом культуры. В разноаспектном осмыслении культуры кочевников, сфокусированном на эстетическом видении мира и способов его репрезентации, содержится круг вопросов, имеющих непосредственную связь с проблемами современных визуальных исследований в контексте тенденций глобального «визуального поворота».

В процессе комплексного анализа книги был определен и ряд ключевых концептов эстетики визуального в традиционной казахской культуре: «духовный универсум», «кочевник и пространство», «путь как символ познания», «поиск гармонии», которыми, безусловно, не ограничивается теоретико-методологический потенциал анализируемого источника. В процессе осмысления типологической особенности визуальной культуры кочевников, автором вносится гипотеза об особенностях «гетеротопии изобразительности» как свойстве эстетического освоения пространства культуры, которое объединяет значения «пространство визуальных образов», «альтернативные визуальные пространства» и «гетеротопия визуального представления».

Ключевые слова: визуальная культура, эстетика кочевья, духовный универсум, кочевник и пространство, гетеротопия изобразительности.

A.B. Naurzbayeva

Kurmangazy Kazakh National Conservatoire, Almaty, Kazakhstan
e-mail: nurzbayeva_a@mail.ru

The aesthetics of nomadism in kazakh visual culture: based on the monograph “nomads. Aesthetics”

Article examines the philosophical and methodological foundations for studying the visual aspects of nomadic culture, in the context of analysing the findings of the first comprehensive domestic study, *Nomads: Aesthetics. The reference to this book as a theoretical and methodological foundation for studying the visual aspects of traditional Kazakh culture has its historical context and justification.

The authors of this collective work, recognising the need to articulate their own ideas within their culture and to interpret their history in terms of their own worldview, set out to clarify the methodological framework, correlative to the typological, cultural-historical and civilisational characteristics of traditional Kazakh culture in terms of its aesthetic foundations.

In the course of a comprehensive analysis of the book a number of key concepts relating to the aesthetics of the visual in traditional Kazakh culture were identified: ‘spiritual universe’, ‘the nomad and space’, ‘the path as a symbol of knowledge’, and ‘the search for harmony’, though the theoretical and methodological potential of the source under analysis is by no means limited to these. In the process of examining the typological characteristics of nomadic visual culture, the author puts forward a hypothesis

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

regarding the features of 'heterotopia of imagery' as a property of the aesthetic exploration of cultural space, which combines the meanings of 'space of visual images', 'alternative visual spaces' and 'heterotopia of visual representation'.

Keywords: visual culture, the aesthetics of nomadism, the spiritual universe, the nomad and space, the heterotopia of imagery.

А.Б. Наурзбаева
Құрманғазы атындағы Қазақ Ұлттық Консерваториясы, Алматы, Қазақстан
e-mail: naurzbayeva_a@mail.ru

«Көшпелілер. Эстетика» монографиясы негізіндегі қазақтардың визуалдық мәдениетіндегі көшпелілік эстетикасы

Мақала алғашқы ресейлік кешенді зерттеу «Көшпенділер. Эстетика» (1976) материалдарын көшпелі мәдениеттің көрнекілігін зерттеудің философиялық және әдіснамалық негіздері мәселелеріне арналған мәселелер түсіну тұрғысынан қарастырылады. Бұл кітапты қазақ дәстүрлі мәдениетінің көрнекі аспектілерін зерттеудің теориялық және әдіснамалық негізі ретінде пайдаланудың өзіндік тарихи негіздемесі бар. Біріншіден, ол жарық көрген жылы (1976) бұл еңбек ешқашан жарияланбаған, идеологиялық тұрғыдан «қауіпті» деп саналған және жойылған. Содан кейін, қысқартылған және біршама өзгертілген нұсқасында ол қалпына келтіріліп, 1993 жылы жарияланды.

Ұжымдық еңбектің авторлары елу жыл бұрын мәдениеттегі өз ойларын тұжырымдау, өз тарихын өз әлемі тұрғысынан түсіндіру қажеттілігін түсініп, қазақтардың дәстүрлі мәдениетінің эстетикалық негіздері тұрғысынан типологиялық, мәдени-тарихи және өркениеттік сипаттамаларына сәйкес әдіснамалық координаттарды нақтылауға бет бұрды. Кітап материалы, кез келген іргелі классикалық шығарма сияқты, өзектілігін жоғалтқан жоқ, себебі ол дәстүрлі қазақ мәдениетінің тұтас, эстетикалық тұрғыдан негізделген бейнесін қалыптастыруға негіз қалады, онда бейнелеу әлемі мәдени тип ретінде көшпенділікпен тікелей байланысты. Көшпенді мәдениетті бұл көп қырлы түсіну, әлемнің эстетикалық көрінісіне және оны бейнелеу тәсілдеріне бағытталған, жаһандық «бейнелеу бұрылысындағы» үрдістер контексінде қазіргі заманғы бейнелеу зерттеулерінің мәселелерімен тікелей байланысты бірқатар мәселелерді қарастырады.

«Көшпенділер. Эстетика» кітабын кешенді талдау барысында дәстүрлі қазақ мәдениетіндегі бейнелеу эстетикасының бірқатар негізгі ұғымдары анықталды: «рухани әлем», «көшпенді және кеңістік», «білім символы ретіндегі жол», «үйлесімділікті іздеу», бұл, әрине, талданатын дереккөздің теориялық және әдіснамалық әлеуетін шектемейді. Көшпенділердің бейнелеу мәдениетінің типологиялық ерекшеліктерін түсіну барысында автор мәдениет кеңістігінің эстетикалық дамуының қасиеті ретінде «бейнелеу гетеротопиясының» ерекшеліктері туралы гипотезаны енгізеді, ол «бейнелеу бейнелері кеңістігі», «баламалы бейнелеу кеңістіктері» және «бейнелеу бейнелеу гетеротопиясы» мағыналарын біріктіреді.

Түйін сөздер: бейнелеу мәдениеті, көшпенділік эстетикасы, рухани әлем, көшпенділік және кеңістік, бейнелеу өнерінің гетеротопиясы.

50-летию выхода книги
«Кочевники. Эстетика» посвящается

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена современным процессом формирования целостной теоретико-методологической базы изучения казахской культуры, особо активное место в котором занимают визуальные исследования (visual studies).

Вписываясь в контекст современной тенденции «визуального поворота» (visual turn), казахские исследователи поднимают вопросы современной визуальной культуры, активно репрезентируемой эстетические визуальные традиции в современной художественной практике в качестве национальных культурных кодов. Исследования указывают на актуальность традиционных визуальных форм как эстетического, идентификационного, духовного ресурса наследия кочевой культуры. «Проблема «человек и пространство» остается актуальной и для современных поколений. Идея пути, одухотворившая художественное творчество кочевников, не может оказаться архаичный в век, когда так остро и многогранно стоит проблема выбора и динамизма», – писал М.Ауэзов (Ауэзов, 2026, с. 51) пятьдесят лет тому назад, как бы предвещая то, что мир сегодня переживает эпоху интенсивной мобильности, миграций, трансформаций границ – и потому идея кочевья приобретает новое звучание.

Актуальность вопросов осмысления философско-теоретических и методологического оснований традиционной, преимущественно кочевой, культуры казахов и ее социально-исторические, цивилизационные, типологические, соответственно, духовно-эстетические характеристики не исчерпала себя. Этот процесс осмысления культурных традиций с обретением независимости находится в своей активной фазе и преимущественно в визуальных исследованиях как в аспекте поиска идентичности, так и аутентичности образно-символической системы в прикладном искусстве, художественной практике в целом.

Коллективный труд «Кочевники. Эстетика» содержит как общетеоретические, методологические вопросы осмысления эстетики кочевой культуры, так и ориентированные на определенные сферы эстетической деятельности. Вместе с тем, практически в каждой из статей авторов этого труда содержится материал, который раскрывает систему взглядов на мир, которая лежит в основе культуры кочевых обществ, а также законы бытия, благодаря которым функционировало традиционное мировоззрение общества.

Объектом изучения выступают эстетические основания традиционной визуальной культуры казахов.

Предмет – эстетика кочевья как философско-культурологический принцип изучения традиционной визуальной культуры казахов в контексте идей монографии «Кочевники. Эстетика».

Цель исследования заключается в освещении основополагающих идей и концептов монографии «Кочевники. Эстетика» и их обосновании как теоретико-методологический вектор изучения визуальной культуры казахов.

Задачи исследования сосредоточены на определении комплекса подходов к раскрытию темы, прежде всего, философско-культурологического осмысления основных концептов книги «Кочевники. Эстетика» а) в аспекте ее теоретико-методологического обоснования особенностей кочевья как типа культуры, б) особенностей эстетического освоения мира и его визуализации.

В соответствии с поставленными задачами статья инициировала опыт активной интеграции материалов книги «Кочевники. Эстетика» в теоретико-методологический и философский контекст осмысления традиционной кочевой культуры казахов в целях признания ее актуальности и историко-культурной ценности. В решении этих задач в статье показана практика осмысления некоторых аспектов методологии современных визуальных исследований в преломлении типологических особенностей кочевой эстетики пространства и особенностей форм ее художественного воплощения. Значение работы видится в намеченных перспективах разворачивания отечественных визуальных исследований в сравнительном аспекте, поскольку пространственный мир оседлой и кочевой культуры имеют собственные модусы видения, измерения, художественного воплощения и, соответственно, требующих осмысления с позиции определенных эпистемологических координат.

Обзор литературы

Активное изучение эстетики визуальной культуры казахов началось в контексте пробуждения общего интереса к традиционной казахской культуре, ее истории и отдельным феноменам. Активность обусловлена периодом обретения независимости, соответственно, поиском культурно-цивилизационной идентичности. Безусловно, это сказалось на особенностях казахстанской визуалистики, которая в отличие от западной традиции, где преимущественно визуальная антропология связана с изучением фотографии, кино, театра, медиа, т.е. объектом становятся все зрительные средства трансляции культуры в аспекте социальной функциональности, тяготеет к этнографическому и искусствоведческому дискурсу. Как отдельная дисциплина визуальная антропология в Казахстане сформировалась сравнительно недавно, поэтому многие работы лежат на стыке этнографии, искусствоведения и семиотики. Между тем, отдельные труды и, в частности академика А. Маргулана (Маргулан, 1950) следует считать основополагающими в формировании изучения казахских традиционных визуальных форм, таких как орнамент, мир декоративно-прикладного искусства. Эта устоявшаяся научная традиция, опирающаяся на этнографическое прочтение традиционной культуры казахов, безусловно, обновляет свои методологические подходы, что связано с современными тенденциями междисциплинарности. Этот процесс наблюдается в комплексных этнографических исследованиях, содержащих разные аспекты осмысления социокультурной, экономической, мировоззренческой природы кочевого мира казахов, где находит отражение и особенности его визуальной культуры. Труды

М. Муканова (Муканов,1981); А. Толеубаева (Толеубаев, 1991), Н. Масанова (Масанов,1995) не обходят стороной вопросы визуальных кодов конно-кочевой цивилизации.

Семиотическое прочтение в анализе визуальных аспектов кочевой культуры и искусства, таких как пространство, статус, знаки власти, предметный мир, посвящены работы Н. Шахановой (Шаханова,1995, 1998); Е. Оспанулы (Оспанулы,2021); Ш. Тохтабаева (Тохтабаева,2008) и др. Авторы задаются вопросами прочтения казахской культуры через визуальные формы, раскрывают значения орнаментов и их связь с эстетикой кочевого мира.

Собственно визуально-антропологическими исследованиями в ключе нового научного направления (visual studies), ключевыми теоретиками которых признаны W.J.T. Mitchell (Mitchell, 1994), Nicholas Mirzoeff (Mirzoeff,1999), John Berger (Berger, 1972), Roland Barthes (Barthes, 1981), Michel Foucault (Foucault, 1986) следует назвать исследования Г. Абикеевой (Абикеева, 2016), О. Батуриной «Landscape Painting of Kazakhstan» (Батурина, 2013); С. Сулейменовой «Art of Kazakhstan in the 20th Century» (Сулейменова, 2017) и ряд научных статей: Samal Mamytova, Әсет Құранбек Национальная идея в визуализациях казахского эпоса (Mamytova 2021); Ахметова Д.С. Роль визуальных образов в формировании культурной идентичности (Ахметова, 2021); Касымбекова А.Ж. Визуализация культурной памяти в искусстве Казахстана (Касымбекова, 2022); Толеубаева К.А.Визуальная антропология и исследование повседневности (Толеубаева, 2022); Жумабекова М.С. Семиотика визуальных образов в традиционной культуре казахов (Жумабекова, 2021); Нурпеисова А. Д. Визуальные репрезентации идентичности в казахстанской культуре (Нурпеисова, 2023); Саутбекова А.К. Визуальная культура Казахстана: трансформация в условиях глобализации (Саутбекова, 2022); Светлана Шкляева Visual studies: культура повседневности казахов в изобразительных источниках – графике художников имперского периода (Шкляева, 2025); Balzhan Nurbossynova, Gulnara Saitova Metaphor as a marker of creativity in digital visual art: aspect of socio-cultural communication (Nurbossynova, Saitova, 2026).

Тем самым, можно констатировать, что изучение вопросов визуальной культуры казахов как ее традиционных средств, способов выражения, так и процессов генерации ее современных форм и репрезентации, набирает активность. И это актуализирует формирование научно-методологической базы казахстанской визуалистики, основа которой видится в концептуальных, философско-эстетически осмысленных идеях авторов книги «Кочевники. Эстетика».

Методология

Впервые вводимые в научное пространство и привлекаемые в качестве исследования труды авторов коллективной монографии «Кочевники. Эстетика», подготовленные к изданию в 1976 году, обладают спецификой комплексного подхода к изучению и многоаспектного осмысления кочевой культуры. В процессе анализа трудов, во-первых, выявляются фундаментальные концепты, разработанные коллективом авторов, объединяющие общеметодологическое и теоретическое направление исследования культуры кочевников, во-вторых, выявляются методологические основания изучения визуальной культуры казахов.

Одна из опорных позиций нашего исследования, с точки зрения коррелятивности генерализирующей методологии монографии «Кочевники. Эстетика», основным принципом которой является синхрония «двух разнящихся образов духовного мира: мира статики оседлых народов и динамичного мира кочевых племен», рассматривать пространственные представления в сопоставительном аспекте. Этот подход определяет вектор концептуального анализа особенностей визуального мира культуры кочевья в соотнесенности с исследовательскими интерпретациями авторов монографии «Кочевники. Эстетика».

Следует отметить, что методологическая развязка поднимаемых вопросов авторами рассматриваемой в качестве материала исследования коллективной монографии построена на альтернативных позициях эпистемологическим координатам, доминировавшим в социальных науках вплоть до последнего времени. Линейный дискурс истории мировой культуры в режиме «цивилизованный и отсталый, варварский» миры, где кочевник, по определению, не способен сформировать духовность как средоточие культуры, деконструирован ими на основании системного понимания единства мировой культуры как диалектического процесса взаимодействия и обособления народов. Анализируя известную концепцию «осевой эпохи» философа

XX века К. Ясперса, М.М. Ауэзов нашел в ней методологический изъян в отрицании объяснения каузальности появления этого прорыва человечества, которую А. Вебер связывал с ролью кочевников как проводников трансляторов идей. «Глубоко верю в то, что основной проблемой в духовной жизни «осевой эпохи» была проблема единства и распада миров кочевья и оседлости» – утверждает ученый (Ауэзов, 2026, с. 75), тем самым объясняя необходимость типологической стратегии понимания картины истории мировой культуры. А вместе с этим и легитимность альтернативного подхода к культурологическим, цивилизационным измерениям человечества. В частности, если исходить из общепринятого концепта «культура», этимологически восходящего к «возделыванию земли», «взращиванию» и последующим смысловым вариациям этого значения, которое напрямую связывают с оседло-земледельческим типом хозяйствования, то почему этот признак не приемлем для кочевого типа, который взрастив, одомашнив лошадь, создал свой тип культуры.

По мнению казахских исследователей, человечество сформировало два типа культуры по способу жизнедеятельности: оседлый и кочевой: «в процессе исторического развития сложились народы, для которых естественная реальность бытия в движении, для других – в оседлости». Это «равновесный» подход к феноменам культуры, избегающий ценностной оценки по шкале, характерной для той же историко-культурной типологии, которая в своей линейной парадигме выстроила путь культуры от «примитивности» к «классике». Культура не есть установившееся, она всегда – становящееся, на каждом этапе становления которой происходят процессы, не менее и не более важные, чем предшествующие или предстоящие. С. Акатаев подчеркивал, что «сравнительная устойчивость кочевого быта, обусловленная экономическим базисом, в свою очередь отразилась на его культуре. Кочевая культура, в целом представляет собой относительно целостный, структурно единый социальный организм. Она выступает... как система, находящая свое выражение в образовании единой могучей культуры» (Акатаев, 2026, с. 30).

И по твердому убеждению исследователей, рассматривать человека следует в контексте мировой истории в гуманистическом ключе принципа антропологии не разделяя, а в единой, некогда сложившейся картине человечества, где есть и кочевник, и оседлый. Но в локальном рассмотрении, точнее – типологическом, «перед нами целый материк своеобразного мироощущения, во многом отличный от картины мира в культуре оседлых народов», – пишет М.М.Ауэзов (Ауэзов, 2026, с. 51). Этот вопрос был менее всего изучен и осмыслен наукой, поскольку, считает ученый, «современное гуманитарное знание не перегружает себя эстетическим, философским изучением кочевья ни в типологическом (опыт кочевых народов), ни во всеобщем плане. Между тем кочевье – как одно из универсальных состояний общечеловеческой истории, и не только прошлой». Поэтому закономерна была постановка вопроса о «духовном универсуме» культуры казахского кочевого общества в эстетическом восприятии мира этой культуры, впервые отрефлексированная в научных статьях авторов сборника «Кочевники. Эстетика» 1976 года.

Философско-теоретическая и методологическая установка этого комплексного исследования свидетельствует об оригинальности видения эстетики кочевого мира, концептуальной смелости, которая опередила современную эстетическую теорию, практически на десятилетия. Как известно, классическое понимание эстетики как науки о прекрасном поэтапно менялось в зависимости от мировоззренческих установок культуры, преимущественно западной, и только в постклассическом дискурсе оно стало акцентироваться на «неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности» как специфическом опыте её освоения, в результате которого человек получает духовное наслаждение от «своей органической причастности к Универсуму» (Бычков,2001, с. 457).

Тем самым, как и классическая философская мысль вышла за горизонты своей мифологической практики благодаря эстетической оптике миросозерцания, мироощущения и отношения как к событию с миром, так и во главу угла книги «Кочевники. Эстетика» была поставлена задача раскрыть особенности эстетического освоения бытия традиционной культуры казахского этноса. Это определило концептуальное ядро книги – открытие путей самопостижения национальной культуры в призме эстетического миросозерцания, мироощущения и отношения человека с миром.

Ключевой концепт исследования «Кочевники. Эстетика» – «духовный универсум» выступает как знак целостности, универсальности и цен-

ности общечеловеческого масштаба, поскольку «не ведающий трансцендентного мира не приемлет целостности мироздания» (Ауэзов, 2026, с. 71). В этом по-философски емком определении сформулирован главный методологический посыл отправной интенции исследовательского подхода к осмыслению казахской традиционной культуры. Целостное видение мира кочевья – основа системного понимания культуры и ее феноменов, как органического единства и ее частей, их взаимообусловленности и, соответственно, соотносимости по определенным критериям.

Этот методологический аспект исследования кочевой культуры формулируется С. Акатаевым в положении о том, что «познать специфику культуры кочевников как явление целостное, системное, значит отразить ее в категориях науки, раскрыть источник ее возникновения, ее основное противоречие. В координации и субординации частей, составляющих систему, важно раскрыть главную часть, т.е. ту основу, на которой развились и выросли остальные элементы» (Акатаев, 2026, с. 40).

Поскольку наша работа фокусируется на методологических основаниях визуальных исследований, возникает необходимость в уточнении теории визуальной культуры и вариативности ее интерпретации в современной научной парадигматике. Необходимость подобного рассмотрения вызвана многомерностью определения феномена «визуальная культура» в междисциплинарном поле ее изучения. и поиском его интерпретации, коррелятивной эстетике визуальности кочевой культуры. В ключе методологии эстетики кочевья как контекста современных философских исследований и социальных теорий должна рассматриваться визуальная культура казахов.

Гипотеза нашего исследования базируется на понимании того, что концептуальное содержание книги «Кочевники. Эстетика» как одного из первых открытий путей самопостижения традиционной казахской культуры в призме эстетической оптики миросозерцания, мироощущения и отношения кочевника с миром, способствует формированию фундаментального теоретико-методологического основания визуальных исследований казахской культуры.

Подтверждением этой гипотезы служит комплекс следующих используемых в статье методов:

концептуальный анализ выявляет методологические основания исследования кочевой культуры и их аргументацию, которыми руководствовались авторы статей в определении эстетики визуальности казахской традиционной культуры;

герменевтический анализ трудов книги «Кочевники. Эстетика» необходим для уяснения авторских интенций в определении эстетических основ визуальной культуры кочевников с точки зрения социально-исторического контекста изучаемых традиций;

историко-философский метод, в свою очередь, необходим для рассмотрения идей книги в контексте стратегий деконструирования интеллектуальных традиций господствовавшего европоцентристского дискурса гуманитарной науки;

в связи с чем потребовался *дискурс-анализ* в *сравнительном ключе* научных концепций, применяемых к типологически разным культурным традициям;

культурологический анализ ориентирует на поиск культурных символов и социальных норм. Кочевая культура рассматривается как особая эстетическая модель мира со специфическим способом организации пространства, времени и человеческого опыта, формой существования которой является движение в осваиваемом пространстве.

Результаты и обсуждение

Опора на ключевой концепт книги «Кочевники. Эстетика» – «духовный универсум» как на системообразующий элемент культурной целостности, открывает перспективы рассмотрения вопроса об особенностях визуальной культуры кочевников, ее онтологической природы и эстетического содержания. Современная теория визуальности с ее междисциплинарным подходом предлагает вариативность предмета изучения культуры в рамках эстетики, культурной антропологии, искусствознания, что в обобщающем виде предстает как изобразительность и как человеческое видение окружающего мира. В подобном ключе построено изучение эстетического освоения мира кочевниками в анализируемой монографии. Особенностью видения мира кочевником обусловлено структурой его духовного универсума, который репрезентирован преимущественно в картине созерцаемого мира, что получило свою особую форму изобразительности в границах доминирующих принципов эстетики и пространственных представлений. Пространственные ориентации слагались из

представлений человека, в известном смысле находящегося в центре обозримого мира, каким бы великим он ни был. «Это самоощущение отразилось в осмыслении художественного пространства в искусстве. Эстетически преобразованное «художественное пространство в произведениях прикладного искусства передает ощущение простора и уверенности в нем, а чередующиеся мотивы – ощущение свободного движения, динамического настроения», – полагает К. Нурланова (Нурланова, 2026 с. 235).

По мнению Э. Шакеновой, кочевники, стремясь освоить неотделимый, целостный с ним огромный мир, чувствуют полноту гармонии с ним. Естественное лицезрение «вечно движущейся и изменяющейся природы в непосредственном живом созерцании, без расчленения до анализа, развивало у человека воображение, творческую фантазию». Пребывая в единстве с миром природы, внутри нее, кочевник обладает особой полнотой «углубленного и проникновенного созерцания окружающего во всей его целостности и совершенстве» (Шакенова, 2026, с.96). Тем самым целостный мир визуального предстает в «стратегии освоения» пространства кочевником как эстетическое созерцание, как эстетическая деятельность, что находится в системной связи с концептом «кочевник и его пространство». Этот концепт основан на понимании того, что «кочевник строит свои отношения с пространством иначе, чем оседлый». Более того, кочевники «создали и свою, отличную от других систему пространственных представлений, которая, оказала довольно значительное влияние на формирование архитектуры оседлых народов», – доказывает в своем исследовании Б. Ибраев (Ибраев, 2026, с. 280).

Пространство кочевника не замкнуто в условной бесконечности круговорота природы, оно подвижно в сменяемых картинах преодолеваемого и воспринимаемого зримого пространства. Отсюда, по всей видимости, проистекает особая значимость созерцательности, что в концепции К.Ш. Нурлановой (Нурланова, 1999), трактуется как «всеобъемлющая константа духовности», которая выступает и как способ постижения мира, и как основа философского отношения к бытию человека и мира. Созерцание в подобной интерпретации предстает как основа и культуры мироотношения, и культуры эстетического восприятия мира, и культуры общения.

Созерцание как способ восприятия мира, наделенное собственной эстетической оптикой, формирует картину мира в ее пространственной макро-и-микропроекции. Это отчетливо демонстрирует пространственная целостность казахской юрты, которая органично сочетает вертикальную и горизонтальную проекции макромира: как сама ее конструкция, так и все содержимое воплощают мировидение, картину мира кочевника, «организованного» духовным универсумом тенгрианского миропонимания.

Автор статьи «Пространственные представления в культуре кочевников» Бек Ибраев отмечает, что «анализ жилища эпохи верхнего палеолита, когда еще не произошло четкого разделения на кочевников и оседлых земледельцев, показывает», что уже тогда была создана система построения пространства, которая имела «в зародыше» эстетические каноны как первоосновы развития пространственных представлений как у кочевых, так и у оседлых народов» (Ибраев, 2026, с. 254). Это утверждение говорит о том, что визуальная культура кочевников и оседлых народов обусловлена как способами пространственного видения, так и особенностями его эстетизации.

По-видимому, в связи с тем, что человек оседлости онтологически «привязан» к миру в пределах видимого горизонта, его пространство постоянно созерцаемого ограничено определенным природным ландшафтом или картиной поселения и тяготеет к дополнительным изображаемым пространствам для расширения границ своего эстетического мироощущения и конструируемой картины мира, что обусловливает появление собственных форм гетеротопии. Теория гетеротопии М. Фуко (Foucault, 2019) хотя и разработана была в контексте дискурса власти в аспекте репрезентации социальной реальности, но четко продемонстрировала, что «иные пространства» присущи всем культурам, и они способны совмещать в себе несколько несовместимых пространств в сосуществовании различных культурных, временных или символических слоев. Следует пояснить, что в данном случае под гетеротопией следует понимать не только «иные пространства» в прямом «по-фукоистстки» трактуемом значении этого термина, но и как «другие» «пространства визуальных образов», «альтернативные визуальные пространства», а также «гетеротопия визуального представления». Безусловно, гетеротопия, понимаемая как «другие пространства» в аспекте изобразительности имеет как свои универсальные эстетические коды, что восходит к мифологическим пространствен-

ным архетипам, так и культурно-историческую, типологическую вариативность.

Мифологическая структура мироздания, безусловно, символична и универсальна в ее основных пространственных моделях. Космос как оседлого, так и кочевого типа культуры представляется пространственно гармоничным, поскольку это и есть эстетическая парадигма упорядоченности мифосистемы, которая устремлена к гармонично выстраиваемому космосу. Вместе с тем, если, к примеру, сравнить пространственное видение в режиме «космос-хаос», то его вектор смещается по линии вертикали и горизонтали: в представлениях древней античности хаос как непознанное, неупорядоченное, химерическое находится за видимым горизонтом, у кочевников преимущественно – в нижнем мире.

В древнетюркской мифологии владения божества Эрлик – пространство нижнего мира, в котором обитают существа вне «своего» пространства. Если в культуре оседлости космос – мир существующий, сотворенный, а хаос – несуществование, то для кочевников гармоничный космос и хаос соседствуют и взаимодействуют, а борьба с хаосом как его преодоление рождается в движении. Этот фактор объясняет особенности изобразительной гетеротопии двух этих типов культур. Думается, что этот вопрос требует своего специального развернутого комплексного изучения с позиции не только эстетического освоения пространства, но и социокультурного. Было бы интересно рассмотреть гетеротопию пространства с позиции сравнительного анализа особых принципов формирования эстетического топоса, основанного на функциональности социального пространства в историческом и типологическом аспектах.

Культура оседлых народов представлена в многообразии эстетических форм пространственных миров, поэтому изобразительность проявляется как особо ценностная структура визуального опыта. Она устремлена к наращиванию гетеротопии живописности как транзита объекта в художественное пространство, в стремлении, к примеру, в той же классической эпохе укрепить гармонию мира в иерархии ее формы. Процесс гетеротипизации здесь, безусловно, социально обусловлен как перенос и видоизменения пространственно-временных форм, происходящих в процессе культурно-исторических трансформаций. Можно полагать, к примеру, что универсальный антропологизированный космос западной визуальной модели мира от эпохи к эпохе развивается по пути редукции целостного видения за счет бесконечной вариативности и коллажа различных топосов. Это особо убедительно демонстрируется визуальной культурой модерна: кризисные процессы отразились в языке формообразования «потерянного рая», т.е. проявляет себя господство эсхатологического дискурса.

Визуальная культура кочевников, безусловно, имеет иную природу изобразительности, которая, по мнению К. Нурлановой, своей «незамкнутостью, неразрывной полнокровной связью с окружающим миром» повлияла на осмысление художественного пространства (Нурланова, 2026, с. 235), а эстетическое выступает здесь в качестве своеобразного воплощения и манифестации свободного, т.е. пространственно неограниченного и подвижного видения мира. При этом само видение обусловлено эстетически устойчивыми универсалиями: «главное в самоощущении кочевника – очевидность, доступность истины» (Ауэзов, 2026, с. 73). В пространственном видении кочевника, обусловленном эстетической моделью, в преломленном собственным представлением духовного универсума, с укоренной в нем тенгрианской трехчастной вертикалью, мир, по определению, пространственно эпичен. «Мироздание степные племена делили на три части – земную, подземную и небесную, которые едины и значимы. В представлении древних мироздание таково, что во всех трех сферах имеются миры, подобные земному», – описывает Э. Шакенова (Шакенова, 2026, с. 87). Пространственный модус – вертикально означен. К примеру, герой раннего эпоса Ер-Тостик одолевает химеру, спускаясь в нижний мир: этот мотив типичен для тюркского героического эпоса. Универсальная стратегия мифа – рождение космоса как достижения, построения гармонии мира в преодоление хаоса – в героическом эпосе тюрков разворачивается в пространстве вертикально означенного топоса. «Истина – вертикаль: высота и глубина. Высота очевидна, глубины сокрыты. Кочевника чарует и влечет к себе очевидность. Оседлый движим желанием тайное сделать явным, докопаться до сути вещей. (Ауэзов, 2026, с. 36).

Природа эпического строится на гармоничном единстве человека и мира, созерцательности как целостного восприятия этого единого космоса. В результате эстетизации окружаемого мира, наделения его атрибутами прекрасного, среда обитания «переставала быть чужой и неизведан-

ной. Она приводила в систему мир кочевника, делала его органической частью самой природы» (Акатаев, 2026, с. 41). Поэтому в срединном, «земном пространстве кочевник ощущает себя независимым и беспредельно могущественным» (Ауэзов,2026, с. 59). Это утверждение дает основание предположить, что природа гетеротопии в культуре кочевников коренится в стремлении упорядочить пространственный мир, в котором «другие пространства» вливаются в единую картину бытия.

Поскольку, «главное в самоощущении кочевника – очевидность, доступность истины. Для него не существует сокрытых, «потусторонних» тайн не только в социальной сфере, но и в природе, включая Вселенную. Всему в мире есть объяснение в обыденном сознании кочевника» (Ауэзов,2026, с. 60). В этом и заключается смысл его символического «обладания» пространством. Некогда Б. Паскаль высказал мысль, что достоинство человека – «не в овладении пространством, а в умении разумно мыслить». Поскольку «с помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня, а вот с помощью мысли я охватываю Вселенную» (Паскаль, 1974). Подобно этому и для кочевника главное – понимать, что путник и его дорога наполнены сакральным смыслом познания мира, поскольку «естественное состояние непрерывного движения, перемещений вырабатывает в нем (кочевнике – А.Н.) знание законов пути, включающих в себя не только практические навыки использования условий экологической среды, но и систему этических норм, эстетических принципов, философских умозаключений» (Ауэзов, 2026, с. 60).

По мнению ряда исследователей эстетики кочевья, означенный особым языком его мир не мог быть чисто декоративным: развитая орнаментальность как эстетический опыт накопленных творческих традиций и канонов экранирует символическую картину мира и выступает как художественный текст кочевой культуры. «Не случайно почти весь предметный мир кочевника оформлен орнаментом, основу композиции которого составляет движение линии, стилизованность и напряженность всех составляющих» (Ибраев, 2026, с.256). Эстетически осмысленное определение К. Нурлановой, что «мир, окружавший кочевника, опоэтизирован в узоре» подкрепляется философским видением орнамента, в круговых линиях которого таится «символический смысл познания мира в его временных и пространственных ориентациях». В частности, исследователь отмечает, преимущественно округлой формы орнамент воплощает «цикличность жизни и сам мир, неизменный и вечный по представлениям кочевников», «передают чувство пути, с которым рождается кочевник» (Нурланова, 2026, с. 236).

А. Медоев трактует парадоксальную особенность «неиссякаемого стремления к «тектоническому равновесию» как принципа симметрии и гармонии в широком мировоззренческом его звучании, проявляемом в искусстве кочеников, обусловловленного идеей движения и пространственными представлениями о безграничности и неустойчивости мироздания (Медоев, 2026, с. 307). Этот фактор определяет поиск гармонии в постигаемом кочевником мире и в способах ее достижения. Одним из проявлений чувства гармонии с миром является пространственная равновесность, согласно ее целостному видению. Эстетика пространственной равновесности во всей полноте «прописана» в казахском орнаменте. В частности, принцип последовательного расположения узоров, каждый из которых существует самостоятельно, но в череде их взаимодействия, отсутствует переплетение их с другим создает композиционное единство, осуществляемое дополнительно работой цветовой семантики и «линейным ритмом», и все это манифестирует эстетическое освоение пространства кочевника по линиям пути познания мира. «Являясь высшей формой обобщения, типизации явлений, этот принцип отразил особенности пространственной ориентации кочевника-скотовода» (Нурланова,2026, с. 235).

Результаты анализа трудов коллективной монографиии «Кочевники. Эстетика» в аспекте особенностей традиционной визуальной культуры казахов не претендуют на полноту освещения, понимания и обсуждения содержащихся в них концептуальных вопросов визуалистики. В статье нами была сделана попытка рассмотреть теоретико-методологический потенциал монографии, идеи которой актуальны в контексте современных тенденций науки, в частности, для визуальных исследований как традиционной казахской культуры, так и современного интереса к кочевой культуре.

Заключение

С момента первого издания книги «Кочевники. Эстетика» гуманитарное знание существенно расширило поле исследований про-

странственных практик и визуалистики. Между тем, исследование авторов анализируемой книги не потеряло своей актуальности в контексте современных гуманитарных исканий. Погруженность в реальный этнокультурный, исторически выверенный материал с позиции междисциплинарности раскрывает грани понимания номадизма как типа культуры. Исходя из осмысления особенностей традиций кочевой культуры казахов, был найден сообразный ее природе научный дискурс, способный раскрыть ее сущностные константы.

В настоящей статье рассмотрены, выделенные автором, как ключевые, концепты книги «Кочевники. Эстетика», которые обогатят методологию отечественных визуальных исследований. Акцент делается на мысли, прослеживаемой в книге, что кочевая культура вырабатывает уникальную форму пространственного мышления и эстетическую значимость созерцания мира в целостности его форм проявления, которые нашли свое средоточие в концепте о «духовном универсуме» культуры. В статье рассматриваются художественные принципы визуальной культуры, которые были исследованы авторами монографии «Кочевники. Эстетика» в аспекте ключевых канонов эстетического видения кочевника, включая орнамент, предметную среду и пространственные представления. Тем самым, констатируется, что одна из граней художественного мира кочевой культуры – визуальный язык, символика и философия формы: пластика предметов быта, орнамент, структура пространства и восприятие природы, рассматриваемые через взаимосвязь искусства и образа жизни кочевников – не только наследие прошлого, но и актуальный современный дискурс гуманитарного знания.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта Научного комитета Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН AP23488164 «Традиционное и современное искусство Казахстана в фокусе визуальных исследований: иконография, семиотика и дискурс».

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

Ауэзов М.М. (2026) Энкидиада//Кочевники. Эстетика (Познание мира традиционным казахским искусством). -Алматы, 314 С. (48-75).

Маргулан А. Х. (1950) Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, 150 с.;

Муканов М. М. (1981) Казахская юрта. Алма-Ата, 205 с.;

Толеубаев А. А. (1991) Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX в.). Алма-Ата: Ғылым, 160 с.;

Масанов Н. Н. (1995) Кочевая цивилизация казахов. Алматы: Горизонт; Социнвест, 319 с.;

Шаханова Н. Н.(1998) Мир традиционной культуры казахов. Алматы, 212 с.

Оспанулы Е. Е. (2021) Этнографический атлас казахского орнамента. Шымкент,. 667 с.; 214 с.;

Тохтабаева Ш. Ш. (2008) Шедевры Великой степи. Алматы: Дайк-Пресс, 280 с.

Mitchell W. J. T. (1994) Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: University of Chicago Press, 445 p.;

Mirzoeff N. (1999) An Introduction to Visual Culture. London: Routledge, 304 p.;

Berger J. (1972) Ways of Seeing. London: Penguin Books, 176 p.

Barthes R. (1981) Camera Lucida: Reflections on Photography. New York: Hill and Wang, 119 p.

Abikeyeva Gulnara G. (2016) Cinema of Central Asia: Rewriting Cultural Histories. London: I.B. Tauris, 296 p.;

Baturina O. O.(2013) Landscape Painting of Kazakhstan. Almaty: [s. n.], 200 p.;

Suleimenova S. S. (2017) Art of Kazakhstan in the 20th Century. Almaty: [s. n.], 250 p.

Samal Mamytova**,** Әсет Құранбек (2021) *Национальная идея в визуализациях казахского эпоса* //Central Asian Journal of Art Studies**.** Т. 6, № 2. – С. 34–45.;

Ахметова Д.С. (2021) Роль визуальных образов в формировании культурной идентичности // Вестник ЕНУ. № 2. С. 140–152.;

Касымбекова А.Ж. (2022) Визуализация культурной памяти в искусстве Казахстана // Central Asian Journal of Art Studies. Т. 7. № 2. С. 90–104.;

Толеубаева К.А. (2022) Визуальная антропология и исследование повседневности // Вестник ЕНУ. № 3. С. 120–132.

Жумабекова М.С**. (**2021) Семиотика визуальных образов в традиционной культуре казахов // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 4. С. 77–89.;

Нурпеисова А.Д. (2023) Визуальные репрезентации идентичности в казахстанской культуре // Вестник КазНУ. Серия культурология. № 2. С. 34–46.;

Саутбекова А.К. (2022) Визуальная культура Казахстана: трансформация в условиях глобализации // Вестник ЕНУ. № 1. С. 88–99.;

Светлана Шкляева (2025) *Visual studies: культура повседневности казахов в изобразительных источниках – графике художников имперского периода* //Central Asian Journal of Art Studies. Т. 10, № 2. – С. 55–76.;

Balzhan Nurbossynova**,** Gulnara Saitova **(**2026) *Metaphor as a marker of creativity in digital visual art: aspect of socio-cultural communication* //Creativity Studies, Т. 19, № 1. – С. 117–131.

Акатаев С. (2026) О специфике культуры кочевья// «Кочевники. Эстетика». – Алматы, -314 С. (22- 47).

Бычков В.В., Бычков О.В. (2001) Эстетика // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, Т. 4. С. 456–466.

Нурланова К.Ш. (2026) Символика мира в традиционном искусстве// «Кочевники. Эстетика» – Алматы, 314 С. (224-247).

Шакенова Э. (2026) Художественное освоение мира// «Кочевники. Эстетика» – Алматы, -314 С. (78-107)

Ибраев Б. (2026) Пространственные представления в культуре кочевников//«Кочевники. Эстетика» – Алматы, 314 С. (250-281).

Нурланова К. Ш. (1999) Эстетика казахской культуры. – Алматы: Ғылым, 312 с.

Foucault, Michel (2019)“Of Other Spaces.” In *Aesthetics, Method, and Epistemology*, edited by James D. Faubion. London: Penguin Books.

Паскаль Блез. (1974) Мысли // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, Сер. 1. Т. 42.

Медоев А. (2026) Камень и эстетика номадов. ////«Кочевники. Эстетика» – Алматы, 314 С. (284-307)

References

Auezov, M.M. (2026). Enkidiada//Kochevniki. Estetika (Poznanie mira tradisionnym kazahskim iskustvom) [Enkidiada// Nomads. Aesthetics (Understanding the World through Traditional Kazakh Art)]. *Almaty, 314 pp. (48–75).*

Margulan, A. H. (1950). Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskustvo [Kazakh Folk Applied Art]. *Almaty, 150 pp.;*

Mukanov, M. M. (1981). Kazahskaia iurta [The Kazakh Yurt]. *Almaty, 205 pp.;*

Toleubayev, A. A. (1991). Relikty doislamskih verovani v semeinoi obrädnosti kazahov (XIX – nach. XX v.) [Relics of Pre-Islamic Beliefs in Kazakh Family Rituals (19th – early 20th centuries)]. *Almaty: Gylym,160 pp. ;*

Masanov N. N. (1995). Kochevaia sivilizasia kazahov [The Nomadic Civilisation of the Kazakhs]. *Almaty: Gorizont; Sotsinvest, 319 pp*.;

Shakhanova, N. N. (1998) Mir tradisionnoi kültury kazahov [The World of Traditional Kazakh Culture]. *Almaty, 212 pp.*

Ospanuly, E. E. (2021) Etnograficheski atlas kazahskogo ornamenta [Ethnographic Atlas of Kazakh Ornament]. *Shymkent, 667 pp.; 214 pp.;*

Tokhtabaeva, Sh. Sh. (2008) Shedevry Velikoi stepi [Masterpieces of the Great Steppe]. *Almaty: Daik-Press, 280 pp.*

Mitchell W. J. T. (1994) Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: *University of Chicago Press, 445 p.;*

Mirzoeff N. (1999) An Introduction to Visual Culture. *London: Routledge, 304 p.;*

Berger J. (1972) Ways of Seeing. London: *Penguin Books, 176 p.;*

Barthes R. (1981) Camera Lucida: Reflections on Photography. *New York: Hill and Wang, 119 p.;*

Abikeyeva G.G.(2016) Cinema of Central Asia: Rewriting Cultural Histories. *London: I.B. Tauris, 296 p.;*

Baturina O. O.(2013) Landscape Painting of Kazakhstan. *Almaty: [s. n.], 200 p.;*

Suleimenova S. S. (2017) Art of Kazakhstan in the 20th Century. *Almaty: [s. n.], 250 p.*

Mamytova S., Kuranbek A.(2021) Nasionälnaia ideia v vizualizasiah kazahskogo eposa [The National Idea in Visualisations of the Kazakh Epic] // *Central Asian Journal of Art Studies. – Vol. 6, No. 2. – pp. 34–45.;*

Akhmetova D.S. (2021) Röl vizuälnyh obrazov v formirovanii külturnoi identichnosti [The Role of Visual Images in the Formation of Cultural Identity] *// ENU Bulletin.No. 2. pp. 140–152.;*

Kasymbekova A.Zh. (2022) Vizualizasia külturnoi pamäti v iskustve Kazahstana [Visualisation of cultural memory in the art of Kazakhstan]// *Central Asian Journal of Art Studies. Vol. 7. No. 2. pp. 90–104.;*

Toleubayeva K.A. (2022) Vizuälnaia antropologia i issledovanie povsednevnosti [Visual anthropology and the study of everyday life] // *ENU Bulletin. No. 3. pp. 120–132.;*

Zhumabekova M.S. (2021) Semiotika vizuälnyh obrazov v tradisionnoi külture kazahov [Semiotics of visual images in traditional Kazakh culture] *// Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series. No. 4. pp. 77–89.;*

Nurpeisova A.D. (2023) Vizuälnye reprezentasii identichnosti v kazahstanskoi külture [Visual representations of identity in Kazakhstani culture] *// Bulletin of KazNU. Series: Cultural Studies. No. 2. pp. 34–46.;*

Sautbekova A.K. (2022) Vizuälnaia kültura Kazahstana: transformasia v usloviah globalizasii [Visual culture of Kazakhstan: transformation in the context of globalisation] // *ENU Bulletin. No. 1. pp. 88–99.;*

Shklyaeva S. (2025) Visual studies: kültura povsednevnosti kazahov v izobrazitelnyh istochnikah – grafike hudojnikov imperskogo perioda [Visual studies: the everyday culture of the Kazakhs in visual sources – the graphic art of artists of the imperial period] *//Central Asian Journal of Art Studies. – Vol. 10, No. 2. – pp. 55–76.;*

Nurbossynova B., Saitova G. (2026) Metaphor as a marker of creativity in digital visual art: an aspect of socio-cultural communication // *Creativity Studies.– Vol. 19, No. 1. – pp. 117–131.*

Akatayev, S.(2026) ‘O specifike kul’tury kochev’ja [On the Specifics of Nomadic Culture]// “Nomads. Aesthetics”. *Almaty, 314 pp. (22–47).*

Bychkov, V.V., Bychkov, O.V. (2001) Jestetika // Novaja filosofskaja jenciklopedija. [Aesthetics // New Philosophical Encyclopaedia]. *Moscow: Mysl,Vol. 4. pp. 456–466.*

Nurlanova, K.Sh.(2026) Simvolika mira v tradicionnom iskusstve// «Kochevniki. Jestetika» [The Symbolism of the World in Traditional Art // ‘Nomads. Aesthetics’] *Almaty, 314 pp. (224–247).*

Shakenova E. (2026) Hudozhestvennoe osvoenie mira// «Kochevniki. Jestetika» [Artistic Exploration of the World // ‘Nomads. Aesthetics’] *Almaty, 314 pp. (78–107)*

Ibraev, B. (2026) Prostranstvennye predstavlenija v kul’ture kochevnikov//«Kochevniki. Jestetika» [Spatial Representations in Nomadic Culture//“Nomads. Aesthetics”] *Almaty, 314 pp. (250–281).*

Nurlanova, K. Sh.(1999) Jestetika kazahskoj kul’tury. [The Aesthetics of Kazakh Culture]. *Almaty: Gylym, 312 pp.*

Foucault, Michel. (2019)“Of Other Spaces.” In Aesthetics, Method, and Epistemology, edited by James D. Faubion. *London: Penguin Books.*

Pascal, Blaise. (1974) Pensées // Library of World Literature. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, *Series 1. Vol. 42.*

Medoyev, A.(2026) Kamen’ i jestetika nomadov. ////«Kochevniki. Jestetika» [Stone and the Aesthetics of Nomads. //‘Nomads. Aesthetics’]*Almaty, 314 pp. (284–307)*

Сведения об авторах

Наурзбаева Альмира Бекетовна – доктор философских наук, профессор Казахской национальнальной консерватории имени Курмангазы (Алматы, Казахстан, e-mail: naurzbaeva_a@mail.ru).

Information about the authors

Almira Naurzbaeva Beketovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Kurmangazy Kazakh National Conservatory, (Almaty, Kazakhstan, e-mail: naurzbaeva_a@mail.ru).

Авторлар туралы мәлімет:

Алмира Наурызбаева Бекетқызы – философия ғылымдарының докторы, Құрмангазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясының профессоры (Алматы, Қазақстан, e-mail: naurzbaeva_a@mail.ru).

Поступила: 20.01.2025
Принята: 25.04.2026

IRSTI 13.11.44 https://doi.org/10.26577/jpcp96220267

M.A. Zhexenbayeva*, M.B. Alikbayeva, A. Arvas

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
*e-mail: zheksenbayeva1996@mail.ru

SOCIAL MEDIA AND THE FORMATION OF THE IMAGE OF KAZAKH WOMEN

The digital transformation of public communication positions social media not merely as content-sharing platforms but as strategic arenas for shaping cultural representations and rethinking gender norms. In the Kazakhstani context, visual and textual strategies on Instagram, TikTok, and Facebook dynamically construct the image of Kazakh women, blending traditional social expectations (family, modesty, care) with contemporary self-presentation practices (entrepreneurship, education, civic engagement, lifestyle branding).

Research Objective – to examine how the image of Kazakh women is constructed in digital media, assess its impact on gender stereotypes and social practices, and identify new forms of female agency that demonstrate the interaction between media, cultural heritage, and contemporary social dynamics.

Novelty – this study systematically analyzes the digital representations of Kazakh women, highlights how visual and textual strategies influence the transformation of gender stereotypes, and identifies new forms of female agency at theoretical, empirical, and practical levels, providing a novel conceptual framework for media transformation studies.

Findings and Interpretation – digital spaces act as critical arenas for re-evaluating gender equality, promoting women's participation in professional, political, and social life. Content and discourse analysis of posts, captions, hashtags, and audience comments reveal visual motifs, narrative frameworks, and mechanisms for discussing power and femininity, while demonstrating the structural tension between traditional cultural norms and contemporary social demands.

Keywords: social media, Kazakh women, gender stereotypes, feminist theory, media transformation, female agency, online identity, cultural representation.

М.А. Жексенбаева*, М.Б. Аликбаева, А. Арвас

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
*e-mail: zheksenbayeva1996@mail.ru

Әлеуметтік желілер және қазақ әйелінің имиджін қалыптастыру

Қоғамдық коммуникацияның цифрлық трансформациясы әлеуметтік желілерді тек ақпарат алмасу құралы ретінде ғана емес, мәдени бейнелерді қалыптастыру мен гендерлік нормаларды қайта ойластырудың стратегиялық алаңы ретінде анықтайды. Қазақстандық контекстте Instagram, TikTok және Facebook платформаларындағы визуалды және мәтіндік стратегиялар қазақ әйелінің бейнесін динамикалық түрде конструирлеуге ықпал етеді, бұл дәстүрлі әлеуметтік күтілетін сипаттамаларды (отбасы, қарапайымдылық, қамқорлық) сақтай отырып, қазіргі заманғы өзін-өзі көрсету практикаларын (кәсіпкерлік, білім алу, қоғамдық белсенділік, лайфстайл-брендинг) біріктіреді.

Зерттеудің мақсаты – қазақ әйелінің цифрлық медиа кеңістігінде қалай қалыптасатынын талдау, бұл бейнелердің гендерлік стереотиптер мен әлеуметтік тәжірибеге ықпалын бағалау, сондай-ақ онлайн-агенттік (agency) деңгейінде жаңа формаларды айқындау арқылы Қазақстандағы гендерлік саясат пен мәдени бейнелеудің өзара әрекеттесуін көрсету.

Ғылыми жаңалық – зерттеу қазақ әйелінің бейнесінің цифрлық репрезентацияларын жүйелі түрде талдап, визуалды және мәтіндік стратегиялардың гендерлік стереотиптердің трансформациясына әсерін көрсетеді. Сонымен қатар әйел агенттігінің жаңа формаларын теориялық, эмпирикалық және практикалық деңгейде анықтау арқылы медиатрансформация саласында жаңа концептуалды рамка ұсынады.

Нәтижелер мен интерпретация – цифрлық кеңістік гендерлік теңдікті қайта бағалаудың критикалық алаңы ретінде әрекет етеді, бұл әйелдердің кәсіби, саяси және қоғамдық өмірге қатысуын ынталандырады. Контент-анализ және дискурс-анализ әдістері арқылы алынған деректер визуалды мотивтерді, нарративтік рамкаларды және билік пен әйелдік тақырыбын талқылау механизмдерін көрсетеді. Зерттеу сонымен қатар онлайн-коммуникация мен дәстүрлі

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

арасындағы құрылымдық кернеуді айқындайды, бұл қазіргі әлеуметтік және идеологиялық контекстті түсінуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: әлеуметтік желілер, қазақ әйелінің бейнесі, гендерлік стереотиптер, феминистік теория, медиатрансформация, әйел агенттігі, онлайн-өзіндік, мәдени бейнелеу.

М.А. Жексенбаева*, М.Б. Аликбаева, А. Арвас
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
*e-mail: zheksenbayeva1996@mail.ru

Социальные сети и формирование образа казахской женщины

Цифровая трансформация общественных коммуникаций превращает социальные сети не только в платформу обмена информацией, но и в стратегическое пространство формирования культурных образов и переосмысления гендерных норм. В контексте Казахстана визуальные и текстовые стратегии на Instagram, TikTok и Facebook динамически конструируют образ казахской женщины, сочетая традиционные социальные ожидания (семья, скромность, забота) с современными формами самопрезентации (предпринимательство, образование, общественная активность, лайфстайл-брендинг).

Цель исследования – проанализировать, каким образом формируется образ казахской женщины в цифровых медиа, оценить влияние этих репрезентаций на гендерные стереотипы и социальные практики, а также выявить новые формы женской агентности, демонстрирующие взаимодействие медиа, культурного наследия и современной социальной динамики.

Научная новизна – исследование системно анализирует цифровые репрезентации казахской женщины, выявляет влияние визуальных и текстовых стратегий на трансформацию гендерных стереотипов, а также определяет новые формы женской агентности на теоретическом, эмпирическом и практическом уровнях, предлагая новую концептуальную рамку для медиатрансформации.

Результаты и интерпретация – цифровое пространство выступает критической ареной переоценки гендерного равенства, стимулируя участие женщин в профессиональной, политической и общественной жизни. Анализ контента и дискурса публикаций, подписей, хэштегов и комментариев аудитории выявляет визуальные мотивы, нарративные рамки и механизмы обсуждения власти и женственности, а также показывает структурное напряжение между традиционной культурой и современными социальными требованиями.

Ключевые слова: социальные сети, казахская женщина, гендерные стереотипы, феминистская теория, медиатрансформация, женская агентность, онлайн-идентичность, культурное представление.

Introduction

In contemporary information societies, social media platforms have transcended their initial function as mere tools for communication and content dissemination, emerging instead as strategic instruments that actively shape cultural representations, influence public opinion, and renegotiate social norms. The widespread proliferation of platforms such as Instagram, TikTok, and Facebook is not merely changing social interactions but is actively facilitating the construction of new social, cultural, and political frameworks (MAKASHEVA, 2024: 45). From a gendered perspective, these developments provide a crucial lens to examine how women's roles are being reconceptualized, allowing for the construction of public images that integrate both professional visibility and personal identity (Tavangar, Covid, Kumar, & Lata, 2025: 78; Butler, 1990: 65).

Within the Kazakhstani context, social networks have mediated a complex historical evolution of women's social representation, enabling the emergence of professional and social identities that extend beyond traditional gendered expectations (Dall'Agnola, 2024: 78). Historically, Kazakh women's societal functions were largely confined to familial and domestic spheres, with public visibility heavily constrained by cultural norms (Peña-Guzmán, 2016: 21). The advent of social media, however, has catalyzed a process of renegotiation, whereby women strategically present themselves in professional, entrepreneurial, and civic domains, thereby challenging conventional boundaries (Parker, 2014: 59; Fuchs, 2021: 87).

Recent developments suggest an accelerated expansion of women's societal roles, reflecting both increased opportunities and persistent structural tensions inherent in traditional social systems (McRobbie, 2008: 21). Simultaneously, public rep-

resentations of Kazakh women remain intertwined with enduring cultural ideals such as "the pillar of the family" and the archetypal maternal role. Contemporary digital narratives navigate this duality, balancing respect for heritage with innovative self-representation, promoting national customs and familial values while foregrounding professional achievements and individual initiatives (Giddens & Sutton, 2021: 92; Peña-Guzmán, 2016: 32).

Despite the growing body of research on digital media and gender representation, the specific mechanisms through which social media shape the perception of Kazakh women, and how these representations interact with traditional cultural norms, remain insufficiently explored. Therefore, in this article, the authors aim to systematically analyze these under-investigated aspects.

In this regard:

- The object of the study is the social media environment in Kazakhstan, where digital representations of women are created and circulated.

- The subject of the study is the construction of Kazakh women's images in online content, including visual and textual strategies, narratives, and discursive practices.

- The purpose of the study is to investigate how digital media actively reconstruct the societal perception of Kazakh women, assess the transformation of gendered stereotypes, and identify the forms of female agency that emerge through online engagement.

Research tasks:

1. To analyze digital content (posts, captions, hashtags, and comments) on Instagram, TikTok, and Facebook to identify dominant patterns, themes, and narrative frameworks representing Kazakh women. This task aligns with the results showing both the continuity of traditional roles and the emergence of modern professional and civic identities.

2. To evaluate the extent to which social media contribute to the transformation of gender stereotypes and promote female agency in professional, political, and social spheres. This task corresponds to findings regarding the interplay between digital visibility, cultural norms, and empowerment outcomes.

Preliminary interpretations suggest that social networks not only reconstruct public perceptions of Kazakh women but also shape broader societal attitudes toward gender equality, thereby reinforcing women's participation in civic, professional, and political spheres (Scott, 1999: 45). The theoretical significance of this research lies in articulating a conceptual framework for understanding media-mediated transformations of gender roles, while its practical relevance includes informing policy initiatives, media literacy programs, and campaigns designed to enhance women's rights and equitable representation (Harding, 2004: 123; Sassen, 2001: 156).

Literature review

The influence of social media on women's public representation and the negotiation of gender roles has emerged as a pivotal topic in contemporary scholarship, highlighting the tension between digital platforms and entrenched social norms. Butler (1990) theorizes gender stereotypes as socially and culturally constructed, arguing that media spaces can function as arenas in which traditional expectations are challenged and women's roles are rearticulated (Butler, 1990: 32). Building on this theoretical foundation, Beauvoir (2011) emphasizes the historically subordinate position of women, suggesting that feminist engagement and media activism provide mechanisms through which these structural inequalities can be contested and transformed (Peña-Guzmán, 2016: 12).

Within the Kazakhstani context, empirical investigations illuminate the transformative potential of digital platforms. Dall'Agnola (2024) demonstrate how social networks actively mediate the evolution of women's public images, shaping both professional visibility and broader social participation (Dall'Agnola 2024: 18). Contemporary scholarship further underscores the capacity of online spaces to amplify women's achievements and to energize feminist movements, thus serving as both reflective and constitutive tools in the negotiation of gender norms (Hail, Yusof, Shakir, Al Farsi, Al-Shamsi, & Sarea, 2024).

From a sociopolitical perspective, Foucault's (1977) analysis of power structures elucidates the mechanisms by which societal norms are embedded and reproduced, including gendered expectations, while Fiske (1992) emphasizes media's dual role in reinforcing and contesting hierarchical cultural frameworks (Fiske, 1992: 19). The emergence of digital activism, exemplified by the YesAllWomen movement, illustrates how online platforms enable collective mobilization against systemic gendered violence (Kaufman, 2025). Similarly, cross-cultural studies of movements such as MeToo and #BalanceTonPorc reveal the transnational capacity of digital advocacy to reshape normative discourses and challenge entrenched patriarchal assumptions (Lucchetti, 2022).

Taken collectively, these studies suggest that social media operate both as mirrors of existing gendered structures and as instruments of disruption, offering sites for critical negotiation of women's societal roles. Critically, this literature establishes a conceptual framework for analyzing Kazakh women's digital representations, situating contemporary online practices within historical, cultural, and structural contexts. It indicates that while digital platforms expand possibilities for female agency, they simultaneously reflect enduring societal constraints, highlighting a structural tension that must be accounted for in both theoretical analysis and policy formulation. This nuanced understanding allows for a more critical assessment of how online media mediate identity construction, social power, and cultural expectations in a rapidly digitalizing society.

In conclusion, the novelty of this study lies in its systematic analysis of Kazakh women's digital representations across multiple social media platforms, integrating both content and discourse analysis to reveal the interplay between traditional cultural norms and emerging forms of female agency. Unlike previous research, this article identifies specific mechanisms through which digital media facilitate the transformation of gendered stereotypes, the negotiation of professional and civic identities, and the development of new modes of online empowerment, providing a conceptual framework applicable to both scholarly inquiry and practical policy development.

Research methods and methodology

English Version

This study is based on a qualitative constructivist methodology, which emphasizes understanding social reality through the lens of interactions, discourse, and mediated communication. The research primarily employs two complementary qualitative methods: content analysis and discourse analysis. These methods were chosen to examine how Kazakh women's digital representations are constructed, how they interact with societal expectations, and how they enable new forms of female agency within social media environments.

Details regarding dataset selection, coding categories, and the interpretive value of each method are described in the Results section.

The dataset includes posts published on Instagram and TikTok between January 2023 and March 2025. A total of 450 posts from 25 Kazakhstani female bloggers were systematically selected based on the following criteria:

1. The account belongs to a Kazakh woman;
2. Posts focus on women-related topics, including family, career, fashion, and feminism;
3. Each post received at least 5,000 likes, indicating substantial social impact;
4. Content is authored in Kazakh or Russian.

During coding, six primary thematic categories were defined: (1) traditional roles, (2) contemporary lifestyle, (3) entrepreneurship, (4) gender equality, (5) civic engagement, and (6) blogging. The coding outcomes are presented in Figure 2.

Content analysis was applied to systematically investigate visual and textual representations across platforms such as Instagram, TikTok, and Facebook (Dall'Agnola, 2024: 17). Discourse analysis examined linguistic, rhetorical, and semiotic structures within social media texts, revealing the social, cultural, and ideological mechanisms influencing women's roles (Azizi, 2023: 44). Foucault's (1977) framework of social power structures and Barker & Galasinski (2001) perspectives on media and cultural discourse informed the analysis. Postmodern media theory (McLuhan, 1994) and recent studies on online identity and agency (Septianto, Matmann, Hollebeek, & Higgins, 2023) complemented the approach.

Integrating these methodological perspectives allows for a conceptually grounded, critically reflexive analysis of Kazakh women's digital portrayals. By combining content and discourse analyses with rigorous dataset selection, the study transcends mere cataloging of observable features, interpreting structural biases, cultural tensions, and patterns of social influence in online representations.

In sum, this section now explicitly states the methodological foundation and the methods used, while the detailed contributions of each method are deferred to the Results section for clarity and structure.

Results

Trends in the image of Kazakh women on social media

- Traditional roles and family values: In the course of addressing this research task, we analyzed social media accounts and platforms where content related to traditional roles and family life is predominantly shared. Content from rural women on Instagram and TikTok primarily emphasizes domestic life and family responsibilities. For example, blogger Akbilek Abdirova uses stop-motion videos to depict everyday household routines, presenting the "well-rounded daughter-in-law" archetype. Content

analysis indicates that while traditional roles remain central, framing them within a contemporary context stimulates public debate and increases the social visibility of rural women. The persistence of these stereotypes in the digital representation of Kazakh women can be explained by cultural and social factors. Traditional Kazakh culture places a strong emphasis on family cohesion, respect for elders, and the centrality of domestic duties, which are deeply embedded in folklore, proverbs, and social expectations. These cultural norms continue to influence women's self-presentation, as content creators negotiate between demonstrating respect for heritage and engaging with modern digital practices. Consequently, the reproduction of such stereotypes reflects both the continuity of cultural values and the mechanisms by which online platforms mediate the interplay between tradition and contemporary social visibility (rferl.org, 2025)

- Modern lifestyle and fashion: The portrayal of Kazakh women extends beyond traditional expectations to encompass modern lifestyle, fashion, beauty, and travel themes. The widespread circulation of Q-pop music videos exemplifies the integration of global youth culture into local digital spaces. Analysis indicates that such content fosters multi-dimensional perceptions of Kazakh women, merging national cultural identity with contemporary aesthetics, and expanding the scope of public representation beyond domestic roles (daviscenter.fas.harvard.edu, 2025).

- Entrepreneurship and professional achievements: Social media also functions as a platform for women to display entrepreneurial and professional successes. Both rural and urban women document projects in agribusiness, small-scale crafts, and service enterprises. For example, Karlygash Bakhyt highlights her entrepreneurial trajectory, including completion of a halal sausage production course and receipt of a government grant. These findings indicate that digital spaces promote economic agency among women, encouraging participation in business initiatives and supporting financial independence (rferl.org, 2025).

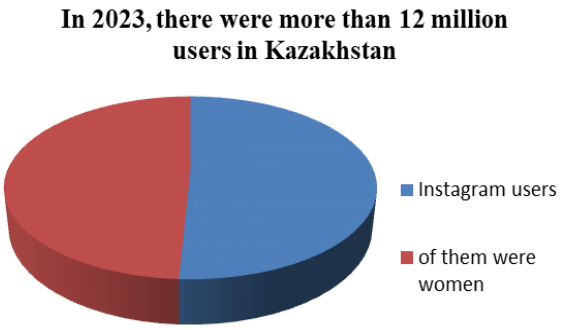
- Gender equality and feminist movements: Discussions on gender equality and women's rights are increasingly visible across social media platforms. Following the 2019 Qazaq Koktemi (Kazakh Spring) and initiatives such as Spotlight, bloggers actively created content advocating for women's rights and challenging entrenched stereotypes. Content analysis demonstrates that these efforts strengthen feminist discourse, facilitating societal engagement with gender issues and reinforcing protective and advocacy mechanisms for women (link.springer.com, 2025).

- Public activism and civic initiatives: Platforms such as Instagram and Telegram serve as arenas for civic engagement and public activism. Women actively participate in debates, community discussions, and awareness campaigns. The analysis reveals that these activities increase women's influence on public opinion and foster collective participation in social movements, highlighting the role of digital networks as catalysts for civic empowerment (link.springer.com, 2025).

- Active Women Bloggers: A cohort of active female bloggers demonstrates a multi-layered approach to content creation, blending traditional roles with entrepreneurship, education, fashion, and civic engagement. Figures such as Akbilek Abdirova, Karlygash Bakhyt, Aigerim Amirzakova, and Aliya Bermukhambetova present narratives that combine heritage with modern life. These practices exemplify a new model of digital representation, showcasing how social media enables women to simultaneously maintain cultural traditions while asserting modern agency, thereby expanding public conceptions of femininity and women's societal participation (Dall'Agnola, 2024).

Figure 1

Distribution of Instagram users in Kazakhstan (2023), highlighting the proportion of female users



Note: (Figure 1. Gender distribution of Instagram users in Kazakhstan (2023). Source: Ministry of Digital Development, Innovations and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan, 2023 report / DataReportal 2023 Kazakhstan statistics.)

Analysis

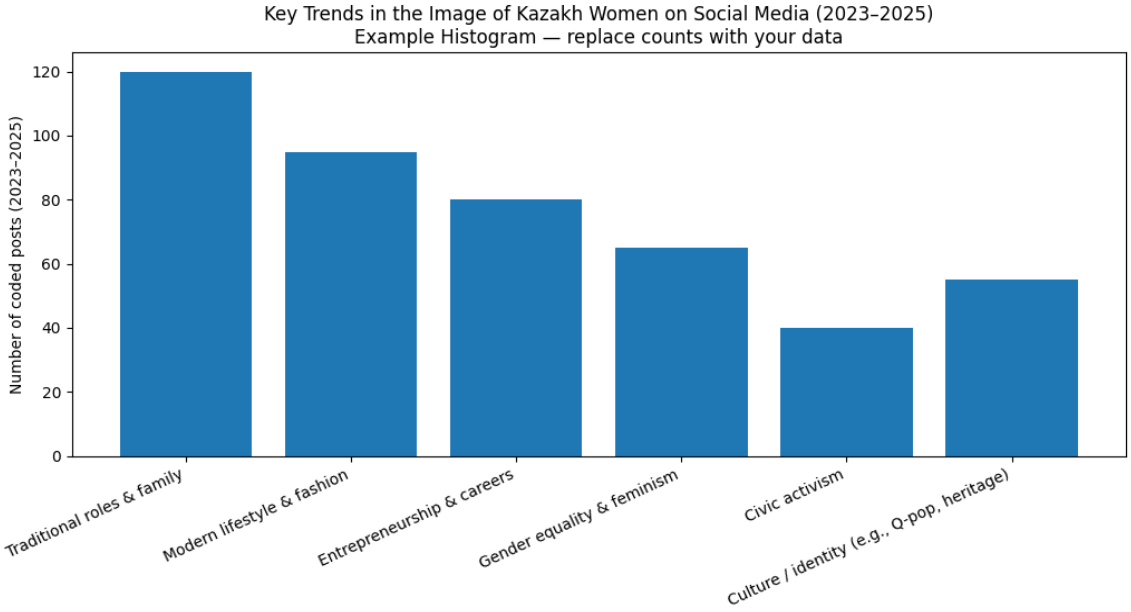
1. Interpretation of trends : The evolving representation of Kazakh women on social media reflects a dynamic negotiation between long-standing

cultural expectations and emergent social roles. Both rural and urban women continue to fulfill traditionally inherited obligations, such as household management and family care, while simultaneously engaging in modern domains including entrepreneurship, education, and civic participation (Dall'Agnola 2024). This duality signals a structural tension within Kazakh society: social media platforms function not only as mirrors reflecting enduring cultural norms but also as instruments of innovation, offering women new avenues to exercise agency within spaces historically constrained by gendered hierarchies.

Moreover, the expansion of digital agency suggests that online engagement is far more than performative visibility; it fosters economic, social, and civic empowerment, particularly for women in geographically remote or socially marginalized communities (RFERL, 2025). Platforms such as Instagram and TikTok democratize access, allowing for broader visibility, social interaction, and community influence. The dissemination of Q-pop music videos and youth-oriented cultural content exemplifies the convergence of national identity with global cultural flows, highlighting how digital narratives mediate the tension between modernity and heritage (Davis Center, 2025). This integration demonstrates the interplay of youth culture, traditional cultural codes, and digital self-representation, illustrating that contemporary Kazakh women increasingly construct multi-dimensional identities that reconcile cultural continuity with transformative aspirations.

Figure 2

Distribution of coded social media posts illustrating key thematic trends in the portrayal of Kazakh women (2023–2025).



Note: (Figure 2. Distribution of key thematic trends in the image of Kazakh women on social media (2023–2025). Source: Based on the author's content analysis of 450 posts from 25 selected Kazakhstani female bloggers. N = 450. Note: This figure illustrates the major thematic areas representing Kazakh women on social media: traditional roles and family, modern lifestyle and fashion, entrepreneurship and professional achievements, gender equality and feminist movements, civic activism, and culture/identity (e.g., Q-pop, heritage). The dataset is derived from systematic content analysis, with coding results corresponding to N=450 posts.)

Discursive features of social media

The digital discourse surrounding Kazakh women on social media demonstrates a sophisticated interplay of linguistic, cultural, and semiotic mechanisms, simultaneously reinforcing traditional gender norms while allowing for contestation and reinterpretation. Posts routinely utilize national-cultural lexicons, employing kinship-related terminology such as "kelin" (daughter-in-law), "ana" (mother), and "ariptes" (partner), alongside broader cultural markers like "madeniet" (culture) (Igissinova,2024). Such terminology situates the representa-

tion of women within relational and familial frameworks, signaling continuity with inherited social expectations while adapting them to contemporary digital spaces.

Simultaneously, content integrates narratives of professional development, self-improvement, and skill acquisition, highlighting how social media enables women to negotiate identities that bridge traditional obligations with personal agency. Folkloric expressions and proverbs–e.g., "Aiel – uidın berekesı" (A woman is the blessing of the home) and "Aieldın aqyly – sulylygynda" (A woman's wisdom is in her beauty)–are frequently invoked. While these references reinforce conventional gendered ideals, they are often juxtaposed with entrepreneurial and educational content, producing a layered discourse that reflects both continuity and transformation in women's societal roles (Davis Center, 2025).

Importantly, analysis of audience comments beneath posts reveals a polarized reception, reflecting the social negotiation occurring around these representations. For example, Akbilek Abdirova's videos depicting the traditional "kelin" image elicited contrasting responses: younger audiences commented that "this stereotype should be challenged," whereas older users expressed support, framing the content as a reinforcement of "national values." Conversely, feminist-oriented posts frequently received negative reactions from male users. This bifurcation in audience response underscores social media's function as a discursive arena where generational, cultural, and gendered tensions are negotiated, and where the impact of content extends beyond mere representation to provoke public dialogue and debate.

This discursive structure highlights a paradigmatic tension: entrenched cultural norms coexist with emergent digital practices, suggesting that online representations of women are simultaneously rooted in heritage and dynamically agentic. From a policy-oriented perspective, these findings illuminate the capacity of digital platforms to mediate cultural preservation while fostering gendered innovation, offering critical insights for feminist discourse, media literacy, and civic engagement in Kazakhstan.

Feminist and civic activism: In the wake of the 2019 Qazaq Koktemi (Kazakh Spring) protests, social media has emerged as a strategic platform for both feminist advocacy and civic engagement, illustrating the capacity of digital spaces to mediate societal debates. Unlike traditional media, these platforms afford women direct control over narrative framing, enabling the production of content that challenges entrenched gender stereotypes, promotes awareness of women's rights, and mobilizes public participation (Springer, 2026).

Analysis of social media activity indicates that Instagram and Telegram functioned as critical nodes for visibility and coordination, allowing for rapid dissemination of feminist content while fostering interactive discussion and peer-to-peer support. Women utilized these platforms to foreground issues of gender-based inequality, domestic violence, and legal rights, transforming individual narratives into collective discourse that can influence policy and social norms (UN Women, 2023; link.springer.com, 2025).

Crucially, this phenomenon underscores that digital activism operates both as a performative and substantive mechanism. It is performative in that public visibility reinforces social recognition of women's agency, yet substantive in its capacity to generate tangible civic outcomes, such as mobilizing protests, informing legal debates, and shaping public opinion. From a theoretical standpoint, this highlights the intersection of digital media infrastructure with feminist praxis, demonstrating that structural constraints in offline contexts (e.g., limited access to policymaking or conventional media outlets) are mitigated through strategic online engagement.

Furthermore, the analysis reveals a paradigmatic tension between traditional societal expectations of women and emergent feminist expression. While women negotiate cultural norms in daily life, social media provides a parallel arena for activism, allowing for simultaneous adherence to local identity codes and advocacy for structural change. This duality exemplifies how digital platforms extend women's agency beyond symbolic representation, encompassing both cultural negotiation and policy-oriented action, thereby redefining the contours of civic participation and feminist engagement in Kazakhstan.

Comparative and Cross-Cultural Interpretation: A comparative examination of social media activism underscores that digital platforms function as contextually mediated mechanisms of empowerment, shaped by both local cultural norms and global communicative flows. In the United States, platforms such as Twitter/X and Instagram have facilitated movements like MeToo and YesAllWomen, enabling women to collectively confront systemic sexism, raise visibility for gender-based violence, and exert influence over institutional accountability (Kaufman, 2025; Nielsen, 2018). These campaigns demonstrate the capacity of digital infrastructures to transform private experiences into public discourse,

highlighting the interplay between individual agency and collective action.

In contrast, the French BalanceTonPorc movement illustrates a culturally contingent mode of activism, emphasizing direct rhetorical confrontation and assertive narrative strategies. The approach reflects the cultural expectations for public discourse in France, revealing how local norms mediate the expression and reception of feminist activism (Nielsen, 2018). Such comparative evidence suggests that digital empowerment is not universally uniform, but shaped by the intersection of societal conventions, media culture, and the normative framing of gendered action.

Within the Kazakh context, social media extends empowerment beyond conventional advocacy to encompass economic, professional, and civic dimensions. Women leverage these platforms for entrepreneurship, personal branding, and leadership in community initiatives. Unlike Western movements that primarily target legal reform and attitudinal change, the Kazakh digital space fosters new social roles, enabling women to operate simultaneously as entrepreneurs, cultural mediators, and civic actors. This localized adaptation reflects the interplay between global feminist discourses and national socio-cultural structures, suggesting that the effectiveness of online activism is contingent on its resonance with local practices and expectations (Davis Center, 2025).

From an analytical perspective, these cross-cultural observations indicate that while the mechanisms of digital empowerment share similarities globally, their forms, strategies, and outcomes are conditioned by socio-cultural and institutional contexts. In Kazakhstan, the integration of global feminist principles with local cultural frameworks produces a hybrid model of empowerment, where women negotiate traditional norms while simultaneously expanding economic independence, civic engagement, and digital visibility. This underscores the structural potential of social media to mediate social change, while also revealing the tensions inherent in navigating globalized discourses within culturally specific environments.

Implications:

The analysis of Kazakh women's representation on social media points to multifaceted implications that extend across social, economic, cultural, and policy domains. Firstly, the persistent evolution in digital content suggests a reconfiguration of gender stereotypes. Online platforms allow women to be depicted as agents with multiple roles, simultaneously embracing familial responsibilities and engaging in entrepreneurship, professional development, and civic action. This trend challenges historically entrenched social expectations and demonstrates the capacity of digital media to redefine societal norms (Davis Center, 2025). We argue that this is not merely symbolic: the visibility of diverse roles can influence public perception and normative frameworks, subtly reshaping structural biases embedded in offline institutions.

Secondly, the proliferation of content related to entrepreneurship and professional achievements signifies enhanced economic agency. Social media platforms provide avenues for knowledge exchange, networking, and skill development, which in turn supports financial independence, particularly among women in rural or under-resourced communities (RFERL, 2025; UN Women, 2023). This emergent economic visibility demonstrates that digital spaces can act as catalysts for practical empowerment, enabling women to leverage online engagement for tangible socioeconomic outcomes.

Thirdly, the content's synthesis of national traditions with contemporary ideas illustrates the broader cultural and social impact of social media. Posts integrating folklore, kinship norms, and modern lifestyle narratives influence both youth culture and societal attitudes toward gender roles, highlighting the interplay between cultural continuity and transformative practices (Davis Center, 2025). This dual influence underscores the capacity of digital discourse to mediate collective identity formation, bridging generational and regional gaps.

Finally, the implications extend to policy and media literacy frameworks. The digital visibility of women informs governance, public debate, and educational initiatives, offering evidence for policy interventions and civic programs aimed at fostering equality (Azizi, 2023; Barker, & Galasinski, 2001). We suggest that these insights are particularly relevant for strategic planning in gender-sensitive policymaking, emphasizing that social media engagement should be considered an integral component of both public education and empowerment programs.

In sum, the implications derived from this analysis indicate that social media is a dynamic site where gendered roles are continuously negotiated, providing women with tools for economic, social, and cultural agency, while simultaneously influencing public norms and policy discourses. This duality exemplifies the transformative potential of digital platforms in contexts where traditional structures historically constrained women's visibility and autonomy.

Conclusion

This study critically investigates the mechanisms through which Kazakh women construct, negotiate, and contest their public identities within contemporary social media environments, specifically Instagram, TikTok, and Facebook. The findings indicate that these digital arenas operate as active sites of cultural and social mediation, rather than passive reflections of existing norms. Kazakh women navigate a complex duality, sustaining traditional family-oriented responsibilities while simultaneously asserting agency in entrepreneurship, professional endeavors, and civic engagement (Baskynbaeva et al., 2024; Davis Center, 2025). This dual navigation exposes a structural tension in post-Soviet society, wherein globalized cultural flows interact with deeply entrenched local traditions, producing spaces for both continuity and transformation.

The analysis of emergent thematic trends illustrates that social media facilitates multidimensional representations of women, integrating domestic roles, educational attainment, entrepreneurial activity, and lifestyle practices. Through discursive and semiotic mechanisms–including kinship terminology, folkloric references, and culturally coded symbols–women negotiate identities that respect heritage while simultaneously challenging normative constraints. The post-2019 Qazaq Koktemi (Kazakh Spring) and Spotlight Initiative demonstrated that digital platforms amplify women's voices, mobilize collective engagement, and translate symbolic representation into tangible social and policy outcomes (Springer, 2025; UN Women, 2023).

Comparative cross-cultural perspectives underscore that digital empowerment is contextually contingent. While transnational movements such as MeToo, YesAllWomen, and BalanceTonPorc exemplify the global potential of social media activism, the Kazakh case highlights localized adaptation, wherein online engagement fosters economic, cultural, and civic agency. Women simultaneously operate as entrepreneurs, cultural mediators, and civic actors, exemplifying a hybrid model of empowerment that reconciles traditional norms with contemporary aspirations (Baskynbaeva et al., 2024; Lopez, 2019; Kaufman, 2025).

Importantly, these dynamics carry significant policy, educational, and sociocultural implications. The visibility and participatory potential of social media inform public policy, media literacy programs, and civic initiatives, while democratizing access to networks for geographically or socially marginalized women (RFERL, 2025; Azizi, 2023). Digital spaces mediate structural inequalities, allowing agency to extend beyond performative or symbolic engagement into substantive empowerment, including entrepreneurship, knowledge exchange, and leadership in community initiatives.

In conclusion, Kazakh women actively co-construct their public identities, leveraging digital media to reconcile heritage with innovation, tradition with agency. Social media functions as a transformative instrument, facilitating economic, social, and cultural empowerment while reshaping public perceptions, contesting entrenched gender norms, and establishing frameworks for policy and educational interventions. Conceptually, this study contributes to understanding how digital platforms can operate simultaneously as reflective and constitutive mechanisms in the ongoing evolution of gendered social roles, offering a model for both local and comparative sociocultural research in media, gender, and digital studies.

References

Azizi, Z., Alipour, P., Raparelli, V., Norris, C. M., & Pilote, L. (2023). The role of sex and gender in hypertension. *Journal of Human Hypertension, 37*(8), 589–595.

Dall'Agnola, J. (2024). *Internet and gender in Kazakhstan: A decolonial feminist perspective on women's roles in the digital age.* Zurich University. https://doi.org/10.4324/9781003469339

Peña-Guzmán, D. M. (2016). Beauvoir's reading of biology in *The Second Sex. Journal of French and Francophone Philosophy, 24*(2), 259–285.

Butler, J., & Trouble, G. (1990). Feminism and the subversion of identity. *Gender Trouble, 3*(1), 3–17.

Eisenberg, L. (2022, February 18). Cool Kazakh wave. *Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University.* Retrieved from https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/cool-kazakh-wave

Makasheva, A. (2024). *Shaping representation: The interplay of electoral systems and contextual factors influencing female political representation in post-Soviet countries.*

Fiske, J. (1992). Audiencing: A cultural studies approach to watching television. *Poetics, 21*(4), 345–359.

Foucault, M. (1977). *Discipline and punish: The birth of the prison* (A. Sheridan, Trans.). Vintage, 1979.

Barker, C., & Galasinski, D. (2001). *Cultural studies and discourse analysis: A dialogue on language and identity.*

Kaufman, M. R., Wright, K., Shin, R., Ohene-Kyei, E. T., Fatoki, O., Sanchez Carver, T., Agirre, C., Dredze, M., & Zirikli, A. (2025). The power of activism on social media in the #YesAllWomen movement. *Humanities and Social Sciences Communications, 12*(1). Springer. https://doi.org/10.1057/s41599-025-05647-5

Rasulova, A. A. (2025). The literary hero and time as the main problem in Mir Jalal's short stories. *Actual Issues of Literary Studies, 30*(4/120), 115–124. https://doi.org/10.31489/2025phi4(120)/115-124

Parker, I. (2014). *Psychology after discourse analysis: Concepts, methods, critique.* Routledge.

Fuchs, C. (2021). *Social media: A critical introduction.*

McRobbie, A. (2008). *The aftermath of feminism: Gender, culture and social change.*

Giddens, A., & Sutton, P. W. (2021). *Essential concepts in sociology.* John Wiley & Sons.

Gross, R. (2005). *Psychology: The science of mind and behaviour.* Hodder Arnold.

Scott, J. W. (1999). *Gender and the politics of history.* Columbia University Press.

Van Dijk, T. A. (2015). Critical discourse analysis. In J. Paul (Ed.), *The handbook of discourse analysis* (pp. 466–485).

Harding, S. G. (Ed.). (2004). *The feminist standpoint theory reader: Intellectual and political controversies.* Psychology Press.

Sassen, S. (2001). *The global city: New York, London, Tokyo* (2nd ed.). Princeton University Press.

RFE/RL. (2025, December 24). *2025: The year in photos.* Retrieved [Accessed date], from https://www.rferl.org/a/year-in-photos-rferl-2025-highlights/33618162.html

Davis Center for Russian and Eurasian Studies. (2025, October). *New exciting updates coming October 2025.* Harvard University. Retrieved [Accessed date], from https://daviscenter.fas.harvard.edu/new-exciting-updates-coming-october-2025

Springer. (n.d.). *Springer.* Retrieved March 18, 2026, from https://link.springer.com/

Igissinova, A. S., Raeva, G. M., & Kulamanova, Z. A. (2024). Gender stereotypes in Kazakh proverbs and sayings. *Cognitive Studies. Paremiology, 15*(2), 376–393. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-376-393

UN Women Europe and Central Asia. (2023, May 19). *Supporting women's entrepreneurship in Kazakhstan.* https://eca.unwomen.org/en/stories/news/2023/05/supporting-womens-entrepreneurship-in-kazakhstan

Tavangar, S., Covid, R., Kumar, V., & Lata, M. (2025). Social media and women's empowerment: A critical analysis. *International Journal of Management and Research, 13*(2), 26–43. https://doi.org/10.69711/sharda.ijmir.v13i2.2403

Lucchetti, M. F. (2022). From the Mediterranean to the La Plata river: Migration processes between Croatia and Argentina. *Mediterranean Issues, Book 3.*

McLuhan, M. (1994). *Understanding media: The extensions of man.* MIT Press.

Abdimaulen, A. (2025, January 25). Rural women in Kazakhstan use Instagram and TikTok to boost incomes and inspire others. *Radio Free Europe / Radio Liberty.* https://www.rferl.org/a/rural-kazakh-women-tap-instagram-tiktok-boost-incomes/33287667.html

Hail, G. A. M. T., Yusof, S. A. M., Shakir, M., Al Farsi, M. J., Al-Shamsi, I. R., & Sarea, A. (2024). Gender differences in academic staff performance: An advanced analysis using PLS-SEM in higher education. *Emerging Science Journal, 8*(Special issue), 147–175.

Azizi, A. (2022). From social media to social change: The impact of online platforms on feminist and civic activism in Kazakhstan. In *Securitization and Democracy in Eurasia* (pp. 217–228). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16659-4_14

United Nations Development Programme. (2024). *Gender equality.* UNDP Kazakhstan. https://www.undp.org/kazakhstan/gender-equality

Nielsen, L. (2018). *Metoo and #Balancetonporc: A critical study of the discourse around #Metoo and #Balancetonporc in major French media* (Master's thesis, Aarhus University). https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21815.68005

Septianto, F., Matmann, F., Hollebeek, L. D., & Higgins, E. T. (2023). Using social media advertising to empower female consumers and increase engagement: The role of regulatory mechanisms. *Journal of Advertising, 52*(9). Taylor & Francis. https://doi.org/10.1080/00913367.2023.2255251

Information about the authors:

Madina Zhexenbayeva – PhD, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. e-mail: zheksenbayeva1996@mail.ru.

Marzhan Alikbayeva – Candidate of Philosophical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan. e-mail: montilove2013@gmail.com).

Abdulselam Arvas – Professor, PhD (Prof. Dr.), Hacettepe University (Ankara, Türkiye, e-mail: abdulselamarvas@hacettepe.edu.tr).

Авторлар туралы мәлімет:

Жексенбаева Мадина – PhD, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: zheksenbayeva1996@mail.ru).

Аликбаева Маржан – философия ғылымдарының кандидаты, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: montilove2013@gmail.com).

Абдулселам Арвас – профессор, доктор (Prof. Dr.), Хаджеттепе университеті (Анкара, Түркия, e-mail: abdulselamarvas@hacettepe.edu.tr).

Авторлар туралы мәлімет:

Жексенбаева Мадина – PhD, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: zheksenbayeva1996@mail.ru).

Әлікбаева Маржан – философия ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: montilove2013@gmail.com.

Абдулселам Арвас – профессор, PhD (проф. др.), Хаджеттепе университеті (Анкара, Түркия, e-mail: abdulselamarvas@hacettepe.edu.tr).

Поступила: 02.01.2026
Принята: 20.04.2026

ҒТАМР 13.11.25 https://doi.org/10.26577/jpcp96220268

Қ.Ж. Тулақбаева[1]*, А.Р. Масалимова[2]

[1] Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
[2] Қазақстандық қоғамдық даму институты, Астана, Қазақстан
*e-mail: ktulakbaeva @mail.ru

ШИ ТОҚУ СӘНДІК-ҚОЛДАНБАЛЫ ӨНЕРІ – ҚАЗАҚ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ РУХАНИ БОЛМЫСТЫҢ КӨРІНІСІ

Мақала авторлары сәндік-қолданбалы ши тоқу өнерінің ұлттық салт-дәстүрді тасымалдаушы ретіндегі теориялық-әдіснамалық негіздері нақтыланып, жүйелік, синкретикалық, мәденитанымдық, аксиологиялық, экологиялық әдіснамалық тұғырлар жиынтығына талдау жасалды. Сонымен қатар қазіргі жаһандану заманында дәстүрлі өмір салтындағы ши тоқу өнерінің жаңа сипат алуы тарихи-мәдени деректер негізінде талданып, оның қоғам мәдениетіндегі ықпалы басты назар алынған. Нәтижесінде қазақ тарихында орын алған отарлау, жаһандану үдерістерінің ши тоқу өнерінің дамуына ықпалы, мәдени танымдық өзгерістері анықталды.

Зерттеудің маңыздылығы: сәндік-қолданбалы ши тоқу өнері ұлттық дүниетаным мен эстетикалық сананың көрінісі ретінде қарастырылған тың мәліметтер мен ғылыми тұжырымдар этнография, мәдениеттану, өнертану бағытында талдау жасауға және зерттелетін мәселенің теориялық негіздерінің айқындалуына тірек болды. Авторлар ұсынған ши тоқу өнерінің символдық белгілері сурет арқылы беріліп, оның ою-өрнек мазмұнында, адам мен табиғат байланысында және тұлғаның мінез-құлық сипатының сабақтастығын нақтылауға негіз болды. Мақалада берілген арнайы пән негізінде студенттердің меңгерген ши тоқу өнерінің техникасы мен трансформациялану бағыты олардың тәжірибе жинақтауы мен нәтижелі аяқталған жұмыс орындау үлгілерінің көрінісін сипаттау – зерттеу жұмысының практикалық маңыздылығын өрнектеуде.

Түйін сөздер: мәдениет, ши тоқу, ою-өрнек, символ, ұлттық дүниетаным, құндылық, қолөнер.

K.Zh. Tulakbayeva[1]*, A.R. Masalimova[2]

[1]Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
[2]Kazakhstan Institute of Public Development, Astana, Kazakhstan
*e-mail: ktulakbaeva @mail.ru

Shi Weaving Art as an Expression of Spiritual Identity in Kazakh Culture

The authors of this article clarify the theoretical and methodological foundations of the decorative and applied art of «shi» (reed) weaving as a phenomenon for preserving the culture of national traditions. The study provides a comprehensive analysis involving systemic, syncretic, culturological, axiological, and ecological methodological approaches. Drawing on historical and cultural data, the article presents a new interpretation of «shi» weaving in the context of contemporary globalization, specifically focusing on its impact on societal culture. Consequently, the research identifies the influence of colonization and globalization processes in Kazakh history on the evolution of «shi» weaving and subsequent cultural-cognitive shifts.

Significance of the Research: The new findings and scientific conclusions, which treat «shi» weaving as a reflection of the national worldview and aesthetic consciousness, serve as a framework for analyzing the syncretism of ethnography, culturology, and art history, while defining the theoretical foundations of the problem. The symbolic signs of «shi» art examined by the authors are visualized, allowing for a more specific interpretation of ornamental content, which elucidates the connection between humanity and nature and the continuity of personal traits. Furthermore, the description of weaving techniques and the transformation of «shi» art mastered by students within specialized disciplines, along with the demonstration of their practical works, highlights the applied significance of the research.

Keywords: culture, «shi» weaving, ornament, symbol, national worldview, value, craft.

© 2026 Al-Farabi Kazakh National University

К.Ж. Тулакбаева[1]*, А.Р. Масалимова[2]
[1]Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
[2]Казахстанский институт общественного развития, Астана, Казахстан
*e-mail: ktulakbaeva @mail.ru

Искусство чиеплетения как проявление духовного бытия в казахской культуре

Авторами названной статьи уточнены теоретико-методологические основы декоративно-прикладного искусства плетения циновок «ши» как феномена сохранения культуры национальных традиций. Проводимый ими анализ совокупности системного, синкретического, культурологического, аксиологического и экологического методологических подходов. На основе историко-культурных данных проанализирована новая интерпретация искусства плетения «ши» в условиях современной глобализации, где основное внимание уделено его влиянию на культуру общества. В результате выявлено влияние процессов колонизации и глобализации, имевших место в казахской истории, на развитие искусства плетения «ши» и культурно-познавательные изменения.

Значимость исследования: Новые сведения и научные выводы, рассматривающие искусство плетения «ши» как отражение национального мировоззрения и эстетического сознания, послужили опорой для анализа синкретики этнографии, культурологии и искусствоведения, а также для определения теоретических основ изучаемой проблемы. Расмотренные авторами символические знаки искусства «ши» представлены визуально, что позволило конкретизировать содержание орнамента, ведущие к определению связи человека с природой и преемственности личностных качеств. Описание применения техники плетения и направлений трансформации «ши», освоенных студентами в рамках профильной дисциплины, а также демонстрация их практических работ подчеркивают прикладную значимость исследования.

Ключевые слова: культура, плетение «ши», орнамент, символ, национальное мировоззрение, ценность, ремесло.

Кіріспе

Қазақ халқының рухани, эстетикалық құндылық саналатын дәстүрлі мәдениеті мен ұлттық дүниетанымын зерделеуде сан ғасырлық тарихы бар көне мұра – сәндік-қолданбалы өнердің алатын орны айрықша. Мақалада қазақ халқының сәндік-қолданбалы өнері ұлттық нақыштың, табиғатпен үйлесімділіктің, әлеуметтік құрылым мен мәдени жадының шынайы көрінісі ретінде қарастырылады. Әр ұлттың мәдениетінде маңызды орын алатын, эстетикалық құндылықтарын айшықтайтын қолданбалы өнер жанрын тек объективті мұра ғана емес, сонымен қатар мәдени мәтін, ұрпақтан-ұрпаққа жалғасып келе жатқан символдық жүйе түрғысынан зерделеу қазіргі мәдениеттанудың **өзекті** аспектілерінің бірі.

Қазақ түрмысындағы ши тоқу сәндік-қолданбалы өнерін арнайы зерттеген қазақ ғалымдары мен XIX ғ. соңы – XX ғ. басында қазақ жерінде болған орыс зерттеушілерінің еңбектеріндегі деректерден кездестіруге болады. Торғай даласын зерттеген А.И. Добросмыслов: «Ши өсіп түрған кезінде малға азық болса, ал тоқылған ши жазда киіз үйдің туырлығы мен керегесінің аралығына тұтылады, ол үйге сырттан жел өткізіп жанға жайлы әсер береді» (Добросмыслов А.И., 1895, 336 б.), – деп шидің қасиетіне сипаттама берсе, ғалым А.П. Федченко: «...қазақ түрмысында шиден тоқылған бұйымдар кең қолданылады, ...оның тығыз тоқылғаны соншалық, киіз үйді сыртқы шаң-тозаңнан, күшті желден қалқалайды, әрі үйге өкпек жел, таза ауа, жарық береді», – деп өз тұжырымын білдіреді (Оспанұлы., 2021а, 267б.). Ал, XX ғ. 30 жж. зерттеуші П.Ф. Домрачев Балқаш өңіріне жасаған экспедициясы негізінде жүргізген зертханалық зерттеулерінде шидің қағаз өндірісінде таптырмайтын шикізат көздерінің бірі екеніне баса назар аударған (Федченко, 1897, 62б.). Алғаш зерттеушілер дерек көздерінен алынған мәліметтері қазақ ғалымдары да өз пайымдауларын М.С. Мұқанов, Ә.Тәжімұратов, Р.Шойбеков және т.б. еңбектерінде берілген тың деректер жалғасып, жарияланғаны белгілі. Айталық, этнолог-ғалым Нұрсан Әлімбайдың жетекшілігімен жарыққа шыққан «Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі» атты 5 томдық көлемді энциклопедиялық еңбектің 5-ші томында мақала авторының жазуымен мол иллюстрациялық фотоматериалдармен кеңінен қамтылған еңбектің құнды деректері ерекше көзге түседі. Тоқылған ши сырт көрінісіне қарай ақ ши, шым ши, ораулы ши деп үшке бөлінеді. Халық арасында оларды жалпылама түрде қанат

шилер деп атайды (Энциклопедия. 5-том., 2014, 111б.). Бұл еңбектерде шиден тоқылған тұрмыстық бұйымдардың халық арасындағы қолданыс аясы өз деңгейінде қарастырылып, ертедегі дала мәдениетінің дамуында сәндік-қолданбалы ши тоқу өнерінің табиғат пен адам арасындағы дүниетанымдық, сакралды ақпаратты тасымалдаушы, рухани мәдениеттің көрінісі ретіндегі рөлі нақтыланып, бүгінгі күні біздің зерттеу жұмысымыздың басты мақсатына айналды.

Зерттеу мақсаты – сәндік-қолданбалы ши тоқу өнерінің қазақ мәдениетінің рухани көрінісін теориялық-әдіснамалық тұрғысынан пайымдау, практикалық ұсынылымдар жасау. ***Зерттеудің міндеттері:***

- ши тоқу өнерінің мәдениеттану ғылымындағы бейнелік, символикалық қызметіне сипаттама беру;

- ши тоқу өнерінің мәдениеттанушылық бағытын тәжірибеде қолдану техникасы мен құрылымын білім беру үдерісіне енгізу.

Тақырып таңдау негіздемесі. Ши тоқу сәндік-қолданбалы өнерін ұлттық мәдени құндылық ретінде нысанға алуымыздың өзіндік себептері бар. Сәндік-қолданбалы өнердің бұл түрі көшпелі халықтың тұрмыс-тіршілігіндегі салт-дәстүрін, наным-сенімін, тарихи-әлеуметтік жағдайын айшықтайтыны белгілі. Қазақ халқының бастан кешірген отарлау, жаһандану, индустрияландыру кезеңдеріндегі саяси-экономикалық үрдістердің халық мәдениетінтегі ұлттық құндылық – ши тоқу өнерінің ұлт жадындағы танымдық, этномәдени, рухани болмысқа әсері назардан тыс қалғандығы – аса маңызды мәселе. Бұл аталған мәселелер бүгінгі күні тарихи-әлеуметтік және экономикалық жағдайлардың өзеруі барысында өз құндылығын жоғалтып бара жатқандығын жұмысымыздың **басты нысаны** ретінде қарастырамыз.

Қазақ халқының дәстүрлі қолөнері – ежелгі дүниетаным мен этномәдени тәжірибенің терең қойнауынан бастау алатын, көшпелі өмір салтына бейімделген ерекше мәдениет. Көшпелі қоғамның табиғатпен өзара үйлесіміндегі күнделікті түрмыс-тіршілігіне қажетті қолөнер бұйымдары қазақ этносының материалдық және рухани мәдениетінің тұтастығын айқын көрсетеді. Бұл бұйымдар тек түрмыстық қажеттілікті өтейтін заттар ғана емес, ұлттың эстетикалық талғамын, дүниетанымын, қоршаған ортамен қатынасын, тарихи жады мен мәдени бірегейлігін сақтаушы рухани код ретінде қызмет атқарады.

Әдебиеттерге шолу

С.И. Вайнштейн Еуразия даласының көшпенділеріне арналған еңбегінде халықтық қолөнердің көркем шығармашылығы сол қоғамның «ой-арманы, тіршілік тынысы, шаруашылық-кәсібі, отбасы және қоғамдық қатынастары, ұлттық тәрбиесімен, дәстүрлерімен тығыз байланыста дамыған тарихи-мәдени мұра» екенін атап көрсетеді (Вайнштейн, 1979, 50б.).

Қазақ халқының қолөнер шебері, этнограф *Бүлбүл Кәпқызы* киіз үй құрылымы мен жабдығын жасауда ұлттың дәстүрлі тәжірибесіне сүйене отырып, киіз үйдің адам өміріне қатысты атқаратын қызметіндегі мәдени болмысының сабақтастығы мен технологияларын ашып береді (Кәпқызы, 2024, 94б.).

Этнограф *Шайзада Тоқтабаева* қолөнердің даму үрдісінде материалдық тәжірибе мен рухани танымның, тұрмыс пен символдық жүйенің тоғысқан түғырлы түстарын ұлттық қазақ мәдениетінің тұтастығын және сабақтастығын айқындайтын маңызды мұра ретінде зерделеген еңбектері бүгінгі күні құнды еңбектер (Тоқтабаева, 2008, 123б.).

Белгілі мәдениеттанушы ғалым *Тұрсын Ғабитовтың* пайымдауларында: адамдар қоршаған ортаны ғылыми танымның даму сатысында табиғат пен адамның көшпелі өмір салтына сәйкес табиғи шикізаттардан өндірілген қолөнер бұйымдарын қазақ халқының мәдени синкретикалық сипатын анықтайтын құбылыс ретінде қабылдау маңызды (Ғабитов, 2013, 64б.).

Қазақтың дәстүрлі қолөнерін зерттеумен айналысқан отандық этнограф-ғалым

Садық Қасиманов өз еңбектерінде ши тоқу өнерінің ғылыми аспектілерін ашып, оның маңызды түстарын түсіндіруге зор үлес қосқаны мәлім (Қасиманов, 1995, 240б.).

Өнертанушы ғалым *Бекмұрат Байжігітов* әлемдік мәдениет аясында ұлттық нақыш үлгілерін түсіну, оның тәжірибелік қолданысын меңгеру – бүгінгі күнге дейін өзектілігін жоғалтпаған рәміздік белгі сипаттары өте құнды деректермен анықталады (Байжігітов, 2012, 3б.).

Қазақ мәдениеттану саласында белгілі тұлға, көрнекті жазушы, этнограф *Ақселеу Сейдімбектің* ұлттық дәстүрлер мен салттық жоралғылар қатарын зерделеген еңбектері құнды. Зерттеулер халықтың сәндік-қолданбалы өнеріндегі заттық болмыстың эстетикалық және философиялық астарын ғылыми талдау нысанына айналдыру әлеуетін басты назарға алады (Сейдімбек, 1997, 340 б.).

Қазақ ою-өрнектерінің элементтері мен оның ұлттық бейнелік жүйесінің ерекшелігін атап өткен Б. Байжігітовтің ой елегінен өткізген түжырымдарын жалғастырушы зерттеушілер – өнертанушы *Жанерке Шайгозова,* философ *Альмира Наурзбаева* өз еңбектерінде ою-өрнектердің символикалық элементінің адам дүниетанымы мен түсінігінің биіктігін дәлелден түстары маңызды (Шайгозова, Наурзбаева, 2003, 134б.].

Зерттеу әдіснамасы

Зерттеудің әдістері *– ғылыми* әдебиеттер мен тарихи деректерді зерделеу және талдау, жинақтау, жүйелеу, символдық белгілері мен практикалық ұсынылымдар беру.

Сәндік-қолданбалы ши тоқу өнеріне қатысты бірқатар мәселелерді жұмыс барысында мәдениеттану, философия, антропология және саясаттану салаларының тоғысындағы көпқырлы ғылыми тәсілдерге сүйеніп анықтадық.

Ши тоқу сәндік-қолданбалы өнерін жанжақты зерттеу барысында анықталған тұғырлар: жүйелік, синкретикалық, мәденитанымдық, аксиологиялық, экологиялық.

Үсынылған әдінамалық тұғырлар құрылымы, қолдану критерийлері мен әдістері анықталды. Жүйелік тұғыр ою-өрнек, түстер жүйесі; ұлттық эстетикалық жүйе; көркемдік ойлау жүйесін нақтылауға бағдар берілді.

Синкретикалық тұғыр – синтактикалық құрылым негізінде сакралды кеңістік пен трансформациялық қызметін қолдану критерийлері ши тоқу техникасын ұсынуды бағыттайтыны нақтыланды.

Мәденитанымдық тұғыр – мәдени-символдық, мәдени семиосфера, философиялық танымдық сипатын ашып, мәдени код арқылы ши өрнектерінің адам мен табиғат үйлесімділігін анықтайтын әдістерді тәжірибеде қолдану үйлесімділігін сақтайды.

Аксиологиялық тұғыр – семантикалық, ұлттық мәдени бейнені сәндік композицияда, тұрмыстық қажеттілік көрінісінде пластикалық, көркемдік идея әдістерімен өрнектеледі.

Тарихи деректердегі материалдар арқылы қазақ қоғамындағы шидің әлеуметтік қызметі, киіз үй кеңістігін ұйымдастырудағы шиден тоқылған жабдықтардың орнын тиімді қолдану үлгілері тарихи түрғыдан айқындалған ою-өрнек, түстер жүйесі, ұлттық эстетикалық жүйе, көркемдік ойлау жүйесі сынды сипаты *жүйелік* тұғырдың бағытын ашып беретіні нақтыланды.

Қазақ қоғамындағы ши тоқу өнерінің семиотикалық бағыты – оның сакралды кеңістік, трансформациялық қызметі аясында *синкретикалық тұғырдың* мән-мағынасын ашып беруді көздейді. Сонымен қатар, халықтың көшпелі өмір салтымен жалғасқан мәдениетіндегі ши тоқу сәндік-қолданбалы өнерінің деградацияға ұшырауына ұлт тарихындағы отарлау, жаһандану, индустрияландыру үрдістерінің әсеріне баға берілуімен құнды.

Ши тоқу сәндік-қолданбалы өнеріне қатысты жүргізілген контент-анализ шеберлердің қолынан шыққан шиден тоқылған материалдық өнімін айқындайтын өнер туындылары, мұражай жәдігерлері ертедегі дала мәдениеті мен рухани болмысын сипаттап, мәдени-онтологиялық феномен ретінде қарастырылуы оның табиғат пен адам арасындағы байланысын *мәденитанымдық тұғырлар* негізінде қолданылатын заңнамаларын, әдістері мен технологиялары халықтың мәдени мұрасы ретінде қарастыруға мүмкіндік берді.

Еліміздің аймақтық өнер мұражайлары қорларында шиден тоқылған жәдігерлердің белгілі бір тарихи кезеңдердегі адамзат болмысындағы өнегелік, тәрбиелік, психологиялық сипатын ашуға мүмкіндік беретін *аксиологиялық тұғыр* маңызы ерекше орын алады.

Ши тоқу өнерінің экологиялық, технологиялық, ритуалдық қырларын анықтауға мүмкіндік беретін ши тоқу техникасы, оның кезеңдері, құрал-жабдық түрлері және ою-өрнектердің көркемдік белгілер экологиялық мән-мағынасы ши бетіндегі арқылы оның адамзат өмірінде тазалықты үйрету, қолданбалы бұйымдар сипатында шеберлердің тәжірибесі, дүниетанымы және практикалық әдістері негізінде бұл өнердің экологиялық тұғыр ши тоқу өнерінің заманауи қоғам талабына сәйкес табиғи болмысы ерекше сипатқа ие.

Талқылау мен нәтижелер

Көшпенді қоғам жағдайында қалыптасқан қолөнер бұйымдары қазақ қауымының материалдық өндірісі мен рухани болмысындағы біртұтастықты айғақтайды. Оның синкреттік сипаты – утилитарлық, эстетикалық және сакралды қызметтердің бір арнада тоғысуынан көрінеді. Әрбір бұйым халықтың дүниетанымдық ұстанымдарын, әлеуметтік құрылымын, космологиялық түсініктерін, сондай-ақ, салт-дәстүрлік нормаларын символдық деңгейде тасымал-

дап, мәдени құндылықтардың сабақтастығын қамтамасыз етеді.

Ш.Ж.Тоқтабаева қазақтың дәстүрлі қолданбалы өнерін «тарихи-философиялық мазмұнының ауқымдылығы, тереңдігі және сипаттық алуан түрлілігімен ерекшеленетін көркем құбылыс» деп бағалайды (Тоқтабаева, 2008, 123б.). Бұл баға көшпелі ортада қалыптасқан өнердің тек тұрмыстық қажеттілікті өтеу функциясымен шектелмейтінін, оның философиялық мәнмағынасы мен мәдени-символдық мазмұнының зор екендігін көрсетеді.

Осылайша, қазақ қолөнері – материалдық тәжірибе мен рухани танымның, эстетика мен этнологияның, тұрмыс пен символдық жүйенің тоғысқан тұғырлы мәдениеті. Оның әрбір түрі ұлттық тарихи жадының, дүниетанымының және өмір салтының айнасы ретінде бағаланып, қазақ мәдениетінің тұтастығын және сабақтастығын айқындайтын маңызды мұра. Көшпелі дәстүр мәдениетін ұстанған қазақ халқының тұрмыс-тіршілігінде орын алатын қолөнердің маңызды бөлігі – киіз үй.

Бұл тек баспана емес, *кеңістікті ұйымдастыру мен сакралдандырудың архетиптік моделі* болып табылады. Киіз үй кеңістігі құрылымы жағынан табиғатпен үндес, әлеуметтік қатынастарды реттеуші, рухани дүниетанымды бейнелеуші күрделі мәдени-символдық бейне. Кеңістік туралы бұл түсінік, қазақ дүниетанымындағы «әлем – адам – қоғам» арасындағы үйлесімділікті сақтаудың құралы. Сонымен қатар, киіз үйдің ішкі кеңістігі қазақ дүниетанымында әлеуметтік, аспан әлемі және ритуалдық мағынаға ие көпқабатты құрылым ретінде қарастырылады.

Кеңістік ұғымы философиялық дәстүрде адам болмысының маңызды қыры ретінде түсіндіріледі. Мартин Хайдеггердің кеңістік туралы пайымдауы бойынша, кеңістік – адамның болмысы айқындалатын, мәні ашылатын экзистенциалдық алаң (Dasein-нің ашылу орны) (Heidegger, 2003). Бұл идеяны киіз үйге қатысты қолдансақ, қазақ киіз үйі – физикалық құрылыс қана емес, рухани әлемнің, әлеуметтік қатынастардың және мәдени болмыстың шоғырланған көрінісі.

Анри Лефевр ұсынған «кеңістікті өндіру» (production of space) теориясы кеңістікті үш деңгейде сипаттайды:

Қабылданатын кеңістік (perceived space) – күнделікті өмірде пайдаланылатын, практикалық қызмет атқаратын физикалық орта;

Тұжырымдалған кеңістік (conceived space) – мәдени, әлеуметтік және идеологиялық кодтармен реттелетін құрылым;

Тәжірибеленген кеңістік (lived space) – символдық мағыналарға толы, адамның жан дүниесі мен тәжірибесін бейнелейтін орта.

Біздің ойымызша, аталған кеңістік деңгейлері киіз үй құрылымында қолданылатын негізгі жабдықтарын анықтап, шиден жасалған заттарды белгілеуге мүмкіндік беретінін белгіледік:

Ши осы үш кеңістіктің де тоғысқан нүктесі ретінде танылады:

– ол перцептивті деңгейде – тұрмыстық қажеттілікке сай жасалған бұйым;

– концептуалды деңгейде – әлеуметтік кодпен реттелген шекара белгісі;

– экзистенциалдық деңгейде – рухани белгіге (символға) ие сакралды нысан.

Киіз үй кеңістігін бөлуге шиден тоқылған ши есік, ірге ши, масахана, ши шымылдық, кілем ши, қанат ши, шым ши, өре ши т.б. да қолданылады. Осы аталған жабдықтардың тұрмыстағы қолданысын *ши есік, ірге, шым ши* мысалдарымен қарастырамыз.

Киіз үйдің негізгі құрамдас бөліктерінің бірі – ірге ши. Ол керегені айналдыра киіз жабындының ішкі жағынан ұстап тұратын, әрі жылуды сақтау, шаң ұстау, жәндіктерден қорғау сияқты қызмет атқаратын элемент. Қазақтың дәстүрлі тәжірибесі бойынша, ірге шиді көбіне қара қойдың жүнінен иіріп тоқиды. Мұндай ши үйдің ішіне улы жәндіктердің кіруінен қорғайды, деген түсінік бар (Кәпқызы, 2024, 94б.).

«Қазақтар қоршаған заттарға материалдық және эстетикалық құндылық қана деп қарамаған, көбіне оларды киелі деп ұғынған. Заттық әлем игерілген кеңістікті білдіреді, халықтың дәстүрлі санасында адам мен табиғат арасында дәнекер рөлін атқарады» (Тоқтабаева, 2008, 120 б.).

Ірге ши мен есік ши – материалдық тұрғыдан прагматикалық қызмет атқаратын, ал рухани тұрғыдан сакралды мәнге ие мәдени артефакт. Бұл бұйымдардың табиғи материалдардан жасалуы – қазақ халқының экологиялық дүниетанымымен және табиғатпен етене өмір сүру салтымен тікелей астасады. Т.Х. Ғабитов атап өткендей, «адамдар қоршаған ортаны ғылыми таным ретінде білмей жатып-ақ, диалектикалық әдіспен ойлайтын болған, себебі табиғатқа өте жақын, табиғаттың тылсым сырымен астасып, бірлесіп өмір сүріп, табиғаттан үйреніп, өмір сүруі халықтың рухани болмысының өзегі» (Ға-

битов,2013,64б.). Осындай табиғатпен тұтасқан дүниетаным кеңістігінде ен далада өсетін шидің сабақтары, қойдың жүнінен иірілген жіптер және дала өсімдіктерінен алынған органикалық бояулар арқылы жасалатын ши тоқу өнері көшпелі өмір салтына барынша тән, оның болмысын дәл бейнелейтін тәжірибелік, әрі табиғи шикізаттардан өндірілген қолөнер түріне айналды. Тарихи тұрғыдан, ши түрмыстық қажеттілікті өтеумен қатар, көшпелі кеңістіктің эстетикалық құрылымын айқындаған маңызды элемент болды. Уақыт өте келе мұндай бұйымдар ұлттық материалдық мәдениеттің құнды жәдігері ретінде, дәстүрлі өнердің материалдық ғана емес, рухани-мәдени мағынасын да айқын көрсететін артефакт ретінде бағаланады. Осындай бағалы жәдігердің бірі бүгінде ҚР Әбілхан Қастеев атындағы ұлттық өнер мұражайында, ҚР ұлттық орталық мұражайында, т.б. мәдени орындарда ғылыми және мәдени тұрғыдан аса құнды мұра ретінде сақталып отыр.

Ши есіктің күннің ыстығында киіз үйдің ішіндегі ауа айналымын жақсартуға көмектесетін рөлі жөнінде этнограф Б.Кәпқызы «киіз үйдің ағаштан жасалған есігінің сыртынан киіз есік жабылады. Киіз есіктің киізіне ақ шиден немесе ораған шиден қабаттап ши есік салып жасайды. Бұл ең алдымен, жылы болу үшін екіншіден, жиналып түруына ыңғайлы әрі есіктің әдемілігін қамтамасыз етеді» (Кәпқызы, 2024, 144 б.), деп жазады. Киіз үйдің есігі-сықырлауық – қазақ дүниетанымындағы киелі кеңістік бөлігі. Бұл аймақ «ішкі» мен «сыртқы», «өз» бен «бөгде», «қауіпсіз» бен «белгісіз» әлемдердің арасындағы шекаралық феномен ретінде қабылданған. Есіктің сырт жағына ілінетін өрнекті ши есік – тек түрмыстық шымылдық немесе ауа райынан қорғайтын құрал ғана емес, сакралды өтпелі кеңістікті (liminal space) белгілейтін символ.(Арнольд,1909) сипаттаған «өтпелі кезең» (liminality) теориясына сәйкес, әрбір мәдениетте шекаралық аймақтар ритуалдық мағынаға ие. Қазақ киіз үйіндегі ши есік – осы өтпелі кеңістіктің заттық көрінісі:

– есік арқылы сыртқы әлемнен ішкі рухани әлемге өту жүзеге асады,

– табалдырық пен босаға – амандық пен берекенің орны,

– есікке қатысты тыйымдардың болуы сакралды кеңістік құрылымын танытады.

Этнографиялық деректерге сәйкес, босағаға сүйенуге, табалдырықты басуға, есік алдында тұруға тыйым салынуы кеңістіктің киелі мағынасына байланысты түсіндірілген. Мәселен, қазақ дәстүрінде босаға мен табалдырық ерекше киелі саналғандықтан, оған қатысты салт-жоралғылар мен тыйымдар да көп болған. Мәселен, жаңа түскен келін үйге алғаш кірген сәтте табалдырықта үш рет иіліп, босағаға сәлем береді. Үйге кірерде міндетті түрде оң аяқпен аттау талап етіліп, босағаға сүйенуге тыйым салынған. Сондай-ақ «босағада тұрма», деген ескерту – кіреберістің қасиетті орын ретінде қабылданғанының белгісі.

Баласы шетіней берген отбасыларда кейінгі сәбидің кіндігін босаға түсында кесу сияқты дәстүрлер де болған, бұл – босағаның амандық пен құттың символы ретінде танылуынан туған наным. Кейбір өңірлерде қайтыс болған адамды үйден шығарғанда марқұмды табалдырықтың үстінен үш мәрте көтеріп-түсіру рәсімі орындалған.

Ертеде қаралы хабар жеткізуші де бұл кеңістіктің киелі сипатын ерекше ескерген: жаман жаңалықты айтқанда хабаршы табалдырықты оң аяғымен басып, екі қолымен босағаны кере ұстап тұрып жеткізген. Үйге кіре берісте жасалатын барлық іс-әрекеттерге семиотикалықтың жоғары дәрежесі берілді (Сейдімбек, 1997, 340 б.).

Қазақ дүниетанымында үйдің ішкі кеңістігі – қорғалған, тәртіп пен қауіпсіздік орны ретінде қабылданса, оның сыртындағы аймақ көбіне белгісіздікке, апатқа және жабайы табиғат әлеміне телінген. Сол себепті халық «Есіктен қырық қадам ұзап шыққан адам мүсәпір» деп айтып, баспанадан алыстаудың тәуекелді қозғалыс екенін меңзеген.

Көшпелі түрмыста есік – сыртқы әлеммен байланыстыратын әрі оны ажырататын шекаралар ретінде қарастырылған. Осы ерекшелігіне байланысты олар киіз үйдің ең әлсіз, әрі қорғауды қажет ететін бөліктерінің қатарына жатқызылған. Сондықтан түн уақытында шаңырақ та, есік те міндетті түрде жабылып, олардың үстіне жамандықтан сақтайды деп сенетін апотропиялық (қорғаушы) нышандар ілінген. Түркі қағанаты заманынан бері белгілі бұл әдет XX ғ. басындағы қазақтарға да жетті. Көшпенділер сенімінде үйдің есігі зұлым күштердің, теріс энергияның, бөгде рухтардың өту нүктесі болып есептелген.

Осы аталған есік ши, ірге, шым шилердің бетіне салынған ою-өрнектер – тек эстетикалық элемент емес, апотропиялық қорғаныш таңбалар қызметін атқарады. Ши бетіндегі композиция-

ларда жиі кездесетін шаршы, жүзтеру (сатылы көпбұрыш), омыртқа, балдақ тәрізді геометриялық формалар, сондай-ақ қошқармүйіз, қосмүйіз, сынармүйіз сияқты зооморфтық мотивтер – байырғы мәдени кодтардың бір бөлігі (Мұқанов, 1979, 75б.). Қазақ ою-өрнегінің табиғатын зерттеушілер өрнектердің пайда болуын малшылық, көшпелі өмір салты, жорықшылық, аңшылық, табиғатты бақылау барысында қалыптасқан ұғым-түсініктермен байланыстырады.

Мүндай тұрақты бейнелік элементтерді қазіргі ғылымда **символдық (рәміздік)** белгілер деп атаймыз. Г.К. Вагнер атап өткендей: «Рәміздік форма нақты затты бейнелемейді, ол құбылыстардың тұтас категорияларын білдіреді». Бұл құбылысты Байжігітов те атап өтеді: геометриялық оюлардың бастапқы семантикасы ұмытылғанымен, олардың символдық қызметі сақталып қалған (Байжігітов, 2012, 35б.).

Қазақ ою-өрнектерінің барлығында дерлік мүйіз оюы жетекші рөлде көрінеді. Қасиманов атап өткендей, қазақ ою-өрнегінің қай түрін алсақ та, оның ішінде мүйіз элементі міндетті түрде кездеседі – бұл ұлттық бейнелік жүйенің ерекшелігі.

Қошқар мүйіз оюының семиотикасы терең. Арқар мен қошқар ежелден Күн Тәңірісі, құт-береке және күш-қуат символы ретінде танылған. Бұл сенім археологиялық ескерткіштерден де көрінеді: Есік обасынан табылған «Алтын адамның» бас киімінің үшар басында арқар мүсіні бейнеленуі, Маңғыстаудағы «арқар тас», «қошқар тас» ескерткіштерінің көптеп кездесуі – мүйіз символының көне дүниетанымдағы ерекше орнының дәлелі (Байжігітов, 2012, 26 б.).

«Қошқар мүйіздің графикалық архетипі күшті, құдай сыйын, еркектік қасиеттерді (соның ішінде құнарлылықты) және сонымен бірге жауынгердің белгісін көрсетеді. Көп жағдайда ол еркектік бастаумен байланысты... » (Шайгозова, Наурзбаева, 2003, 134 б.).

Қазақ ою-өрнегінің мәнін түсіндіруде семиотика әдіснамасы аса маңызды. Байжігітовтің тұжырымдауынша, өрнектің рәміздік жүйесін үш деңгейде қарастыру қажет:

Семантикалық деңгей – ою-өрнектердің мән-мағынасы, мазмұндық астары, космостық, уақыттық, кеңістіктік байланыстары;

Синтактикалық деңгей – өрнек элементтерінің өзара қатынасы, композициялық заңдылықтар;

Прагматикалық деңгей – оюдың адам өміріндегі қызметі, мәнін қабылдау механизмі.

Шидің бетіне түсірілген оюлар киіз үй ішіндегі кеңістікті жай ғана сәндеу емес, оның мағыналық иерархиясын**,** ритуалдық функциясын, әлеуметтік құрылымын белгілейді. Аталған зооморфтық пішіндер, су мотивтері – табиғи әлем, әлеуметтік қатынастар және киіз үй кеңістігінің белгілер (символдық) картасы.

Бұл құбылысты Джулия Кристеваның семиотикалық кеңістік теориясы арқылы түсіндіруге болады. Кристеваның пікірінше, ритм, түс, ырғақ, түйсік арқылы берілетін мағыналар тілге дейінгі деңгейдегі семиозис жүйесін қалыптастырады (Kristeva, 1980).

С.Қасиманов халық қолөнерін ғылыми тұрғыдан зерделеудің тарихына тоқталып, XIX ғасырдың басынан бері бұл салаға арналған жүйелі еңбектер мен ғылыми зерттеулердің жарық көргенін атап өтеді. Оның ішінде австриялық ғалым В. Куррердің бояу және бояушылық өнеріне арналған зерттеулері, сондай-ақ Ф.Т. Куглер, С.В. Иванов, В.В. Стасов, Ф.К. Волков, С.А. Давыдов, Н.Ф. Сумцов, А.А. Боголюбов, В. Чепелев, А.Н. Бернштам сияқты зерттеушілердің еңбектері көрсетіледі. Сонымен бірге қазақ ғалымдары Ә. Марғұлан, Т. Бәсенов, Э. Масанов, М. Мұқанов және басқа да отандық зерттеушілердің материалдары қазақтың дәстүрлі қолөнерін, оның ішінде ши тоқу өнерін ғылыми тұрғыдан түсіндіруге маңызды үлес қосқаны айтылады (Қасиманов, 1995, 240 б.).

Дегенмен, өкінішке орай, ұзақ уақыт бойы көшпелі өмір салтын ұстанған қазақ халқы кейбір оюлардың көне кезеңдерге тән семантикалық және мифологиялық мағыналарын толық көлемде сақтап қала алмады. Соған қарамастан, ши тоқу өнері қазақ халқының тарихында уақыттың рухына, әлеуметтік жағдайдың өзгерістеріне және мәдени сұраныстарға сай өзінің жанрлық және көркемдік ерекшеліктерін қалыптастырып, оңтайлы трансформацияға ұшырады.

Ши тоқу өнерінің дәстүрлі формалары көшпелі түрмыстың утилитарлық қажеттерімен тығыз байланыста дамып, ұлт тарихындағы әрбір тарихи кезеңнің әлеуметтік-экономикалық өзгерістерін бастан өткерді.

Көшпелі қазақ қоғамында шиден жасалған бұйымдар күнделікті шаруашылық қызметтің барлық дерлік саласында кеңінен қолданылды. Киіз басу барысында ши жүн шабақтауға, тары сүзуге қолданылып, сонымен бірге үй ішіндегі төсеніштердің ылғал тартпауына және қыста еденнің суықтығын болдырмауға септігін тигізді. Бұдан бөлек, төлді қалқалау, үйдің төбесін

жабу, аула тазалау сияқты шаруашылық міндеттерді атқаруда да шиден жасалған бұйымдар кең қолданыс тапты. Жалпы алғанда, бұл бұйымдардың барлығы көшпелі өмір салтының динамикасына бейімделген, тасымалдауға жеңіл, икемді әрі практикалық сипатымен ерекшеленді (Еспенбетов, 2002, 4-7 бб.). XVIII-XIX ғасырларда табылған шиден жасалған құнды дүниелер өткен заманның тарихынан сыр шертеді. «Әзірет Сұлтан» музей-қорығына қарасты XVI ғасырда салынған «Шығыс моншасы» экспозициясына қойылған тоқылған шилер осы ши тоқу кәсібінің бір көрінісі деуге болады. Бұл шилерді өре ши, ақ шилер деп атауға болады. Ешқандай оюөрнексіз, шиді бояп, он жерінен бірдей қашықтықта кендір жіппен күрмеп тоқыған. Аталған шилер шығыс моншасының негізгі жуыну бөлмесіндегі тазалық ойықтарын жабу үшін қолданғанын көрсетіп тұр. Ортағасырлық моншада бұл тазалық ойықтарын жабуда шымылдық ретінде ши немесе басқа да материалдар қолданғаны анық» (Орынбекова, 2021).

XX ғасыр қазақ халқы үшін түбегейлі тарихи сынақтар дәуірі болды. Жаһандық саяси-экономикалық өзгерістер мен отаршылдық саясат қазақ қоғамын ғасырлар бойы қалыптасқан көшпелі өмір салтынан ажыратып, отырықшы жүйеге өтуге мәжбүр етті.

Е. Оспанұлы атап өткендей, «XX ғасыр қазақ халқына бұрын-соңды болмаған күрт өзгеріс әкеліп, атам заманнан келе жатқан көшпелі түрмыстан толық ажыратты» (Оспанұлы, 2021, 468 б.). Бұл жағдай халықтың дәстүрлі мәдени болмысын, оның ішінде қолөнер жүйесін де күрделі трансформацияға ұшыратты. «Шығармашылық жұмыстарға сілтеме жасай отырып қоғамның жағдайдын, ағымдағы және болашақтағы көрінісін мәдени мұра арқылы мәдениетті қайта қарау керек, деп мәлімдейміз» (Bennett және т.б. 2014, 2б.).

Дәстүрлі қолөнердің көптеген түрлері, соның ішінде ши тоқу өнері де өзінің қолданылу аясынан біртіндеп ығыстырылып, шеберлердің саны күрт азайды. Халықтық өнердің «ескі түрмыс қалдығы» ретінде бағалануы ұлттық мәдени сабақтастықтың әлсіреуіне және қолөнер дәстүрлерінің үзілуіне алып келді (Gardanov және т.б. 2014, 16 б.)

Бұл кезеңдегі ең ауыр қасіреттердің бірі – 1930-1932 жылдардағы ашаршылық пен босқындық. Сара Кэмерон бұл жағдайды «мүмкіндігі бола тұра көмек көрсетпей, керісінше қырылуға жағдай туғызған, мақсатты ұйымдастырылған геноцид» деп сипаттайды» (Камерон, 2018). Қазақ халқының жойылуға таяу қалуы ұлттық мәдениеттің, соның ішінде қолөнердің тоқырауын одан әрі тереңдетті .

Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі жылдары Қазақстанда мәдени өмір біртіндеп қалпына келе бастады. Қолөнерге деген қызығушылық артып, тоқыма, кесте, ши тоқу сияқты дәстүрлі өнер түрлері қайтадан дамуға бет алды (Оспанұлы, 2021,68 б.).

Бұл үдерістің бірнеше маңызды себебі болды:

1. Экономиканың қалпына келуі. Соғыстан кейін ауылдық түрғындар түрмыстық қажеттіліктерді өтеу үшін қайтадан дәстүрлі қолөнерге жүгінді.

2. Мәдени бірегейлікті жаңғырту. Одақ көлеміндегі мәдени саясатқа қарамастан, қазақ даласында ұлттық рухани мұраға қызығушылық арта түсті.

3. Мемлекеттік қолдау. 1960-70 жылдары халық өнері шеберханалары, көрмелер ұйымдастырылып, ұлттық қолөнердің дамуына жағдай жасалды.

4. Шеберлік мектептері. Дәстүрлі қолөнерді үйретететін оқу курстары ашылып, шеберлер тәжірибесін жас буынға беру жүйесі қалпына келді.

Бұл кезеңде:

– қазақ қолөнері ұлттық мұраның символына айналды;

– шеберлер мен қолөнершілердің кәсіби ортасы кеңейді;

– дәстүрлі техника мен жаңа дизайнның біріктірілген авторлық жұмыстары пайда болды;

– ұлттық өнерді сақтауға бағытталған шаралар мемлекеттік және қоғамдық деңгейде қолдау тапты.

Зерттеушілердің пікірінше, «Маңғыстау жерінде ши ораудың өзіндік мектебі қалыптасқан, ол қайталанбас түр-түс үйлесімімен және аймақтық стильдік бояуымен ерекшеленеді» (Киіз үйдің жүннен жасалған бұйымдары. Маңғыстау облыстық тарихи өлкетану мұражайының қорынан. Алматы «Тассад» 2005, 8б.). Бұл өңірдегі шеберлердің техникасы мен эстетикалық шешімдері қазақ қолөнері тарихында айрықша орын алады.

Бұл мектептер әлемдік мәдениет аясында қалыптасқан жеке ұлттық мектептерді сонылық түрғысынан бағалап, олардың әрбіреуінде қалыптасқан нақыш үлгілерін түсіну, ұғу, меңгеру қазірге дейін етек алып келген еуроцентристік сыңаржақтылықтан құтылуға жағдай жасайды (Б.Байжігітов, 2012, 3б.).

1980 жылдары ши тоқу өнері жаңа бағыт алды. Заманауи суретшілер мен қолөнер шеберлері дәстүрлі ши тоқу техникасын көркем паннолар, интерьерлік туындылар, сәндік композициялар жасауға бейімдеп, оны жаңа эстетикалық кеңістікке шығарды. Мәселен, ерлі-зайыпты суретшілер Ә. Бапанов пен С. Бапанованың шығармашылығы ши тоқу өнерінің сюжет, реңк, композиция жағынан жаңғыруына ықпал етсе, Ә. Сәрсенбаевтың «Абай» туындысы мен Р. Әбдірахымқызының «Маусым», «Саркырама», «Сәт» секілді шығармалары дәстүр мен заманауилықтың синтезін көрсетеді.

Өткен ғасырлардағы отаршылдық, ашаршылық, саяси репрессиялар және мәдени оқшаулау дәстүрлі қолөнерді әлсіреткенімен, ши тоқу өнері жойылмады. Тәуелсіздік кезеңінде бұл өнер қайта жанданып, ұлттық мәдениеттің маңызды құрамдас бөлігіне айналды. «1991 жылғы тәуелсіздік кезеңінен кейін қазақстандық дәстүрлер мен мәдениетті қалпына келтіру ұлттық мемлекеттілікті нығайту қажеттілігімен тығыз байланысты болды» (Guillaume, 2020, 12б.).

XX ғасырдың екінші жартысында суретшілер шым ши техникасын авторлық сәндік паннолар жасау үшін қолдана бастады, оларда идеялық, пластикалық және колористикалық экспрессивтілікке ие сәндік және сюжеттік-тақырыптық композициялар бейнеленді. Осылайша, дәстүрлі тоқу техникасы утилитарлық өнер саласынан жоғары эстетика саласына көшу арқылы дамуға жаңа серпін алды. Бұл процесс дәстүрлі формалардың жаңа мәнге ие болатын заманауи өнер кеңістігіне халық қолөнерінің интеграциясын көрсетеді. Сызықтар, дақтар, бейнесіз форма элементтері, кеңістіктік-ритмикалық құрылымдар – қазіргі ши панносында композицияның негізгі көркемдік тіліне айналып отыр.

Бұл құбылыс *материалдық эксперимент*, *артефактінің эстетикалық ревитализациясы* және *қолөнердің модернизациясы* ұғымдарымен сабақтас. Ши панносы бүгінгі таңда – тек этникалық сәндік элемент емес, қазақ мәдени кодын жаңа визуалды формада жеткізетін, тарихи жады мен қазіргі креативті ойлауды байланыстыратын көркемдік құбылыс.

Бүгінгі таңда қоғамда ши материалын көбіне көшені сыпыруға арналған түрмыстық құрал ретінде ғана қабылданатыны байқалады. Зерттеу барысында шиден тоқылған дәстүрлі бұйымдар жөнінде мүлдем хабарсыз жастардың да кездесуі осы мәселенің айғағы

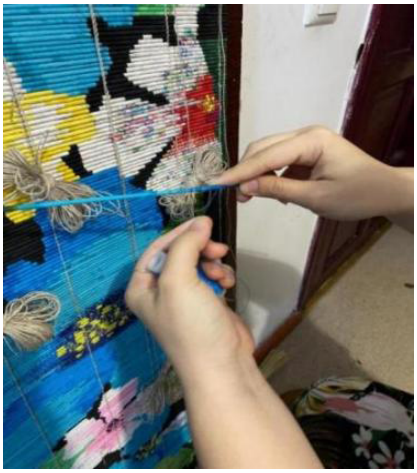
Бүгінгі күні Қазақстанда шығармашылық мамандарды даярлайтын ресми тізім бойынша сәндік-қолданбалы өнер саласына бағытталған небәрі сегіз оқу орны бар, бұл жалпы білім беру кеңістігінің 1,06 пайызына ғана тең. Бұл бағытта жоғары білім саласында да жағдай күрделі: Қазақстанда тек екі шығармашылық жоғары оқу орны – Т. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы (Алматы) және Ұлттық өнер университеті (Астана) ғана қолөнер мамандарын толыққанды даярлай алады.

Қазіргі кезеңдегі көркемдік-шығармашылық ізденістер ши тоқу өнерінің тек дәстүрлі қолөнер формасы аясында ғана емес, заманауи дизайнерлік тәжірибеде жаңа эстетикалық өлшемдерге ие болғанын көрсетеді. Дәстүрлі материал – табиғи ши өзегіне негізделген панно бүгінгі уақытта әртүрлі композициялық, пластикалық және технологиялық тәсілдермен толықтырылып, жаңа көркемдік мағынаға ие болды. Бұл үдеріс халықтық қолөнердің постдәстүрлі мәдени кеңістікке бейімделуінің көркем индикаторы.

Ши панносы бүгінгі таңда – тек этникалық сәндік элемент емес, қазақ мәдени кодын жаңа визуалды формада жеткізетін, тарихи жады мен қазіргі креативті ойлауды байланыстыратын көркемдік құбылыс. Осы композициялық қағидалар қазіргі ши панноларында жаңа пластикалық мазмұнмен толықтырылып, дәстүрлі өнердің заманауи бейнелеу тіліне кіріктірілуін байқатады.

Кәсіби білім беру үдерісінде бүгінгі студенттерді ши тоқу өнерінің мәдениетанымдық бағытына баулуда арнайы пәндер аясында техникасы мен құрылымын қолданудағы тәжірибелік дағдыларын меңгеру құзырына ие болуына тартамыз. «Ши тоқу техникасы» пәні мазмұнында пән оқытушысы мақала авторы ретінде паннолар көрінісіндегі сипатын беруге талпыныс жасадық. Олай болса, 2024-2025 оқу жылында өткізілген практикалық сабақ үлгісінде 3-курс студенті Мырзашина Шынардың ши панносына (90см.Х 40см.,) көлемінде орындаған жұмысынан үзінді берілді.

1-сурет
Заманауи ши панносының орындалу барысы



Дереккөз: зерттеу нәтижелері негізінде автор құрастырған.

Бұл практикалық үлгіде берілген ши панноларын студент қолданбалы бағытын дәстүрлі шикізатпен қатар түрлі-түсті жүн, әртүрлі иірілген жіптер, жүқа мата жолақтары, металл сым, тігін жібі, қағаз және тіпті газет қиындылары сынды қосымша материалдарды белсенді қолданумен ерекше бағалай біледі. Білім алушылар тарапынан меңгерген материалдардың мұндай түрлілігі панноның фактуралық, пластикалық және оптикалық әсерін күшейтіп, оны тек утилитарлық емес, күрделі эстетикалық объект ретінде тануға ықпал ететіні сөзсіз.

Дәстүрлі шым ши оюларына тән геометриялық реттілік пен ырғақ қазіргі авторлық панноларда да сақталады, алайда олардың мазмұны абстракцияланған, кейде сюжеттік емес бейнелеу тілінің құралдары арқылы жаңа семантикалық деңгейге өтеді. Сызықтар, дақтар, бейнесіз форма элементтері, кеңістіктік-ритмикалық құрылымдар – қазіргі ши панносында композицияның негізгі көркемдік тіліне айналу үдерісінің болмысы құнды.

Автор кәсіби шеберлігі мен қолданбалы ши тоқу өнерінің эстетикалық, трансформациялық көрініс студенттермен бірізділікте орындалған шығармашылық жұмысты ұсынуды жөн көрдік.

«Ши тоқу техникасы» пәні, пән оқытушысы Қ.Ж.Тулақбаева 3-курс студенттері Тлеуханова Әлия, Нұрымова Үмітжан, Дүйсебекова Ақерке көлемі: 120Х 80см ши панносын орындаған көрінісі. Аталған ши панносының композициялық шешімдері заманауи дизайнның талаптарына сай түрлі нысанда заманауи интерьерлік кеңістікте өзінің дәстүрлі функциясынан шығып, жаңа мағыналық деңгейге сипатталуына әкеледі. Материалдық эксперименттер, композициялық трансформациялар және түстік шешімдердің жаңаруы бұл өнер түрін постдәстүрлі мәдени кеңістікте қайта жаңғыртып, оны заманауи көркемдік лексикаға енгізу жолдарын дамытуға бағытталған.

Бұл құбылыс *материалдық эксперимент*, *артефактінің эстетикалық ревитализациясы* және *қолөнердің модернизациясы* ұғымдарымен сабақтас.

Қазіргі таңдағы қолөнер мәселесі жайын білу мақсатында халық арасынан шыққан ши тоқу өнерімен айналысатын қолөнер шеберлерімен жүргізілген этнографиялық сұхбат бірнеше маңызды *практикалық ұсыныстар* жасауға мүмкіндік берді.

Біріншіден, ши тоқу өнері өзінің дәстүрлі формасында *негізінен шет елдердегі қазақтар (Моңғолия, Қарақалпақстан, Қытай)* арасында сақталған киіз үй түрмысының бұйымдары толық пайдаланылып, ши бұйымдары қолданбалы қызмет атқаруымен ерекшеленетіні нақтыланды.

Екіншіден, Қазақстанда ши тоқумен айналысатындар шеберлердің негізгі бөлігі – арнайы өнер оқу орындары мамандары және этно-мәдени орталықтары. Бұл ұйымдарда қызмет атқаратын ұстаздардың шеберлік өнерін түрмыстық қажеттілікке бағытталған шеберлер өнерінің тәжірибесін тарату үйғарылуы маңызды.

Үшіншіден, заманауи қоғамда ұлттық өнерге деген қызығушылықтың, әсіресе, орта және үлкен жастағы адамдар арасында кездесетіні байқалады. Ұлттық мәдениетіміздің шиден жасалған этно-интерьер бағытындағы дизайнерлік тапсырыстар мәдени мұраларды дамыту, оның көріністерін насихаттау ізгілікті істерін дәстүрлі құндылықтардың қоғам талабына сай жаңаша мағынада жандануын алға тарту.

Жалпы алғанда, ши тоқу өнерінің қазіргі жағдайы дәстүр мен жаңашылдықтың қатар дамып отырғанын, бүгінгі білім алушыларға қазақ халқының дәстүрлі өнерін жетілдіру индикаторларын жинақтауға, жаңаша техника м ен технологиялардың қолданбалы бағыт-бағдарын меңгеруіне ықпал ету.

Қорытынды

Ши тоқу өнері утилитарлық-тұрмыстық қажеттіліктен туындаған бұйым ғана емес, бұл – қазақ халқының материалдық өндірісі мен рухани танымының өзара сабақтастығын, ұлттың эстетикалық деңгейін айқындайтын күрделі мәдениет түрі. Зерттеуде ши тоқу өнерінің ғасырлар бойы үздіксіз дамуы, көшпелі қоғам мәдениетіндегі рөлі және кеңістік-уақыт, киелі кеңістік туралы архаикалық түсініктердің терең мағынасын зерделей отырып қарастырдық. Қазақ халқының символдық танымында апотропиялық (қорғаныштық) қызмет атқарған ірге ши, есік ши және шым ши түрлерінде сақталған ою-өрнектердің мән-мағынасына жете назар аударып, зерделедік. Шаршы, жүзтеру, омыртқа, балдақ секілді геометриялық мотивтер мен қошқармүйіз, қосмүйіз, сынармүйіз тәрізді зооморфтық элементтердің қазақ этносының мифопоэтикалық кеңістігінде қалыптасқан терең дүниетанымдық кодтардың көрінісі болып табылатынына ғылыми тұрғыда көз жеткіздік**.**

Зерттеу барысында ши тоқу өнерінің XX ғасырдағы әлеуметтік-мәдени өзгерістерге қарамастан өзінің тарихи сабақтастығын толық жоғалтпағаны жөнінде тұжырым жасалды. Қоғамда орын алған урбанизация, индустрияландыру, кеңестік модернизация сынды үдерістер ұлттық сәндік-қолданбалы өнердің тұрмыстық қызметінің көркемдік және рәміздік функциясына жаңа сипат бере алуымен құнды. Заманауи панноларда, интерьерлік композицияларда, дизайнерлік шешімдерде ұлттық нақыштағы ою-өрнектердің дәстүрлі элементтері сақталып, жаңа мәдени кеңістікке бейімделуі – мәдени трансформацияның табиғи үрдісі.

Қазіргі таңда ши тоқу өнерінің мәдени динамикадағы маңызының артып келе жатқанына этнографиялық деректер мен шеберлердің тәжірибелеріне сүйене отырып көз жеткізуге болады. Ши тоқудың дәстүрлі этноқолданыстық бағыты шет елдердегі қазақ қауымдастықтары арасында (Моңғолия, Қытай, Қарақалпақстан) кеңінен тараған болса, көркемдік-заманауи бағытта дамуы Қазақстандағы кәсіби суретшілер мен дизайнерлердің туындыларында көрініс тапқан.

Зерттеу нәтижелері ши тоқу өнерін қолөнердің тек бір саласы ретінде ғана емес, қазақ мәдениетінің шынайы рухани болмысын танытатын құнды дереккөз ретінде дербес зерттеу жұмысы. Ши тоқу өнерін жете зерттеу арқылы ұлттық мәдениетінің дәстүр мен сәндік-қолданбалы өнердегі заманауи элементтердің өзара сабақтастығын анықтаймыз.

Демек, сәндік-қолданбалы өнердің көркем шығармашылығы – ғасырлар бойы сараланып, сан сыннан өткен, сол халықтың ой арманымен, көркем шығармашылық мақсатымен, тіршілік тынысымен, шаруашылық, кәсібімен, отбасылық, қоғамдық, ұлттық тәлім-тәрбие дәстүрімен тығыз байланыста дамып, өсіп, өркендеп келе жатқан тарихи және мәдени мұрасы.

Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

Авторлардың үлесі:

Қ.Ж.Тулақбаева – ши тоқу өнерінің мәдениеттану феномені ретіндегі сипатын анықтайтын мәтінді құрастыруда ою–өрнек табиғатын зерделеу, адам мен табиғаттың өзара қарым-қатынасын ашатын ұғым түсініктері мен категорияларына сипаттама беру негізінде қазақ халқының көшпелі өмір салтын баяндайтын ғылыми әдебиеттерге шолу жасау.

А.Р.Масалимова – зерттеу нысанына сәйкес ши тоқу өнерінің мәдениеттану феномені ретінде жүргізілген контент-талдау жүргізу, жобалау, синтездеу негізінде ұсынылған әдіснамалық тұғырлар құрылымы мен әдістеріне жаңаша сипат беру, зерттеу материалдарын талдау және синтездеу, мақаланы өңдеу, қорытынды мен ұсыныстар жасау.

Әдебиеттер

Добросмыслов А. (1902) Тургайская область : Исторический очерк. Тверь, 33

Оспанұлы Е. (2021) Қошетер Қазақ халқының қолөнері. Шымкент: ТОО Полиграфкомбинат.- 267 б.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. 5-том., (2017) Алматы: Әлем. Даму. Интеграция ЖШС – 111б.

Vainshtein S. (2014) Problems of the History of the Dwellings of the Steppe Nomads of Eurasia //Soviet Anthropology and Archeology Volume 18, 1979 – Issue 1 https://doi.org/10.2753/AAE1061-1959180150 18

Тохтабаева Ш. (2008) Ұлы дала жауһарлары. Алматы: Дайк-Пресс -240 б.

Хайдеггер М. Бытие и время (2003) // (Философия) Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио – 503с.

Киіз үйдің жүннен жасалған бұйымдары. Маңғыстау облыстық тарихи өлкетану мұражайының қорынан. (2005) Алматы : Тассад – 33 б.

Кәпқызы Б. (2024) Киіз үй. Алматы: Атамұра – 94 б.

Ғабитов Х. (2016) Қазақ мәдениетінің тарихы: оқу құралы // Алматы «Қазақ университеті» – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 344 б.

Геннеп А. (1999) Обряды перехода : Системат. Изучение обрядов // М. : Вост. Лит. РАН, – 198 с.

Сейдімбек А. (1997) Қазақ әлемі. Этномәдени пайымдау. Оқу құралы. Алматы: Санат – 464 б.

Муканов М. (1979) Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата: Казахстан – 122 с.

Қасиманов С. (1995) Қазақ халқының қолөнері. Алматы: Қазақстан – 240 б.

Байжігітов Б. (2012) Қазақтың қолөнері тарихы: қолданбалы өнер және халықтық кәсіпшілік. Алматы: Экономика -265 б.

Шайгозова Ж., Наурзбаева А. (2023) Қазақ мәдениетінің белгілері мен нышандарының қысқаша энциклопедиясы. // Алматы: ҚазҒЗМИ –134 б.

Kristeva, J. (1980). Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. Columbia University Press. 305 p.

Оспанұлы Е. (2021) Қазақ ою-өрнегінің этнографиялық атласы. Шымкент – 59 б.

Еспенбетов Б. (2002) Ши тоқу өнері. Оқу құралы. Жезқазған – 7 -87 б

Орынбекова Ә. (2021) Ши тоқу https://azretsultan.kz/

Bennett D., Reid A. & Petocz P. (2014) Creative workers' views on cultural heritage and sustainability. https://doi.org/10.3402/jac.v6.24476

Камерон С. (2018) https://informburo.kz/kaz/asharshyly-yrylan-azaty-sany-ansha-sayasi-baa-ashan-berled.html

Gardanov V., Dolgikh B., Zhdanko T. (2014) Major Trends in Ethnic Processes Among The Peoples of the USSR https://doi.org/10.2753/AAE1061-195901013 Pages 3-18

Оспанұлы Е. (2021) Қошетер Қазақ халқының қолөнері. Шымкент – 465 б.

Tiberghien G. (2020) Neo-nomadic Culture as a Territorial Brand for 'Authentic' Tourism Development in Kazakhstan. DOI: 10.1080/09668136.2020.1776842

Киіз үйдің жүннен жасалған бұйымдары. Маңғыстау облыстық тарихи өлкетану мұражайының қорынан. Алматы : Тассад 2005-56 б.

References

Dobrosmyslov, A. I. (1902). *The Turgay Region: A Historical Essay*. Tver, 33 p.

Ospanuly, E. (2021). *Qosheter: Traditional Handicrafts of the Kazakh People*. Shymkent: Poligrafkombinat LLP, 267 p.

The Traditional System of Ethnographic Categories, Concepts, and Terms of the Kazakh People. Encyclopedia, Vol. 5. (2017). Almaty: Alem. Damu. Integratsiya LLP, 111 p.

Vainshtein, S. (2014). Problems of the History of the Dwellings of the Steppe Nomads of Eurasia. *Soviet Anthropology and Archeology*, Vol. 18, Issue 1 (1979), pp. 3–18. https://doi.org/10.2753/AAE1061-1959180150

Tokhtabaeva, Sh. (2008). *Treasures of the Great Steppe*. Almaty: Daik-Press, 240 p.

Heidegger, M. (2003). *Being and Time*. (V. V. Bibikhin, Trans.). Kharkiv: Folio, 503 p.

Woolen Items of the Kazakh Yurt from the Collection of the Mangystau Regional Museum of History and Local Lore. (2005). Almaty: Tassad, 33 p.

Kapkyzy, B. (2024). *The Kazakh Yurt*. Almaty: Atamura, 94 p.

Gabitov, Kh. (2016). *History of Kazakh Culture: A Textbook*. Almaty: Kazakh University Press, 344 p.

van Gennep, A. (1999). *The Rites of Passage: A Systematic Study of Rituals*. Moscow: Eastern Literature, Russian Academy of Sciences, 198 p.

Seidimbek, A. (1997). *The World of the Kazakhs: An Ethnocultural Interpretation.Textbook.* Almaty: Sanat, 464 p.

Mukanov, M. (1979). *Kazakh Domestic Artistic Crafts*. Alma-Ata: Kazakhstan Publishing House, 122 p.

Kassimanov, S. (1995). *Traditional Handicrafts of the Kazakh People*. Almaty: Kazakhstan, 240 p.

Baizhigitov, B. (2012). *The History of Kazakh Handicrafts: Applied Arts and Folk Crafts*. Almaty: Ekonomika, 265 p.

Shaigozova, Zh., & Naurzbaeva, A. (2023). *A Brief Encyclopedia of Symbols and Signs of Kazakh Culture*. Almaty: Kazakh Research Institute of Culture, 134 p.

Kristeva, J. (1980). *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press, 305 p.

Ospanuly, E. (2021). *Ethnographic Atlas of Kazakh Ornamental Patterns*. Shymkent, 59 p.

Espenbetov, B. (2002). *The Art of Reed Mat (Shi) Weaving*. Textbook. Zhezkazgan, pp. 7–87.

Orynbekova, A. (2021). *Shi Weaving*. Retrieved from https://azretsultan.kz/

Bennett, D., Reid, A., & Petocz, P. (2014). Creative Workers' Views on Cultural Heritage and Sustainability. *Journal of Arts & Communities*, Vol. 6. https://doi.org/10.3402/jac.v6.24476

Cameron S. (2018) https://informburo.kz/kaz/asharshyly-yrylan-azaty-sany-ansha-sayasi-baa-ashan-berled.html

Gardanov, V., Dolgikh, B., & Zhdanko, T. (2014). Major Trends in Ethnic Processes among the Peoples of the USSR. *Soviet Anthropology and Archeology*, pp. 3–18. https://doi.org/10.2753/AAE1061-195901013

Ospanuly, E. (2021). *Qosheter: Traditional Handicrafts of the Kazakh People*. Shymkent, 465 p.

Tiberghien, G. (2020). Neo-nomadic Culture as a Territorial Brand for 'Authentic' Tourism Development in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*. https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1776842

Woolen Items of the Kazakh Yurt from the Collection of the Mangystau Regional Museum of History and Local Lore. (2005). Almaty: Tassad, 56 p.

Авторлар туралы мәлімет:

Тулақбаева Қызгалдақ Жақсылыққызы – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты (Алматы, Қазақстан, e-mail: ktulakbaeva@mail.ru ORCID ID: 0009-0009-0945-4619)

Масалимова Алия Рмгазықызы – философия ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Педагогика Ғылымдары Академиясының академигі, Қоғамдық процестерді зерттеу орталығының директоры (e-mail: jameliya0905@gmail.com, ORCID ID0000-0003-0708-2478).

Information about the authors:

Tulakbayeva Kyzgaldak Zhaksylykovna – PhD student of Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: ktulakbaeva@mail.ru).

Masalimova Aliya Rmgazinovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the Academy of Pedagogical Sciences of the Republic of Kazakhstan, Vice-Rector for Research at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan (e-mail: jameliya0905@gmail.com, ORCID ID0000-0003-0708-2478).

Сведения об авторах:

Тулакбаева Кызгалдак Жаксылыковна – PhD-докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: ktulakbaeva@mail.ru).

Масалимова Алия Рымгазиновна – доктор философских наук, профессор, академик Академии педагогических наук Республики Казахстан, директор Центра исследования общественных процессов (e-mail: jameliya0905@gmail.com, ORCID ID0000-0003-0708-2478).

Поступила: 01.02.2006
Принята: 10.05.2026

МРНТИ 13.07.07 https://doi.org/10.26577/jpcp96220269

Г. Темиртон

Национальный музей Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
e-mail: gt_csmrk@mail.ru

КАЗАХСКИЙ «КҮЙ» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ: МУЗЫКАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ И АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

В статье на основе комплексного анализа художественных (музыкальных, музейных, фольклорных), этнографических и научно-теоретических источников, а также традиций исполнительства рассматриваются особенности восприятия традиционной казахской инструментальной музыки слушателем. Особое внимание уделено содержательным и эмоционально-выразительным характеристикам народных кюев, включая «аңыз-күй» (кюи-легенды). Казахская инструментальная музыка в форме «күй» интерпретируется как многомерная культурно-философская категория, репрезентирующая различные уровни человеческого бытия – физический, эмоциональный, духовный и нравственный. Цель исследования заключается в изучении особенностей восприятия казахской инструментальной музыки, а также раскрытии ее как носителя культурных, эмоциональных и мировоззренческих смыслов. Новизна – в представлении «аңыз-күй» как многомерной культурно-философской категории, раскрытии влияния на сознательный и бессознательный уровни, а также выявлении в них архетипических образов.

Методология исследования: комплексный междисциплинарный подход в структурно-семантическом анализе выразительных средств музыкального материала (ритм, интонация, звуковая организация); герменевтический и интерпретационный анализ «күй» как средства трансляции эмоциональных состояний, мировосприятия и ценностных установок, а также как презентации жизненных ситуаций и внутреннего опыта.

Отдельный акцент сделан на анализе архетипических образов, зафиксированных в «аңыз-күй», в которых проявляются универсальные семантические структуры –кочевничество как экзистенциальная модель бытия, одушевленная природа, мотивы испытаний и трансформации и т.п.

Отметим также, что исследование направлено и на выявление культурных кодов традиционной музыки «күй» посредством анализа ее ритмоинтонационной структуры, интерпретируемых как специфическая звуковая модель мира. Таким образом, понятие «аңыз-күй» рассматривается как культурная универсалия, ядро устной традиции казахов, аккумулирующее коллективный опыт и формы художественного осмысления действительности.

Ключевые слова: традиционная музыка, «аңыз-күй», культурные универсалии, мифологическое мышление, символы, архетипы.

G. Temirton

National Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
e-mail: gt_csmrk@mail.ru

Kazakh kyui in the context of cultural philosophy: musical thinking and archetypal meanings

Based on a comprehensive analysis of artistic (musical, museum, folklore), ethnographic, scientific and theoretical sources, as well as performance traditions, the article examines the peculiarities of the listener's perception of traditional Kazakh instrumental music. Special attention is paid to the meaningful and emotionally expressive characteristics of the folk kuis, including the "anyz-kyui" (kyui-legends). Kazakh instrumental music in the form of "kyui" is interpreted as a multidimensional cultural and philosophical category representing various levels of human existence – physical, emotional, spiritual and moral. The purpose of the research is to study the peculiarities of perception of Kazakh instrumental music, revealing it as a carrier of cultural, emotional and ideological meanings. The novelty lies in the representation of "ainz-kyui" as a multidimensional cultural and philosophical category, the influence on the conscious and unconscious levels, as well as the identification of archetypal images in them.

Research methodology: a comprehensive interdisciplinary approach in the structural and semantic analysis of expressive means of musical material (rhythm, intonation, sound organization); hermeneutic and interpretative analysis of kyui as a means of translating emotional states, worldview and value attitudes, as well as a presentation of life situations and inner experience.

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

A special emphasis is placed on the analysis of archetypal images recorded in kyui legends ("ainiz-kyui"), which reveal universal semantic structures – nomadism as an existential model of being, animate nature, motives of trials and transformations, etc. We also note that the research is aimed at identifying cultural codes of traditional kyui music through analysis of its rhythmointonal structure, interpreted as a specific sound model of the world. Thus, the concept of "anyz-kyui" is considered as a cultural universal, the core of the Kazakh oral tradition, accumulating collective experience and forms of artistic understanding of reality.

Keywords: traditional music, "anyz-kyui", cultural universals, sound representation, mythological thinking, symbols, archetypes.

Ғ. Темиртон

Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі, Алматы, Қазақстан
e-mail: gt_csmrk@mail.ru

Қазақ күйі мәдениет философиясы контекстінде: музыкалық ойлау және архетиптік мағыналар

Мақалада көркем (музыкалық, музейлік, фольклорлық), этнографиялық және ғылыми-теориялық дереккөздерді, сондай-ақ орындаушылық дәстүрлерді кешенді талдау негізінде тыңдаушының дәстүрлі қазақ аспаптық музыкасын қабылдау ерекшеліктері қарастырылады. Халық күйлерінің, соның ішінде аңыз-күйлердің мағыналы және эмоционалды-мәнерлі сипаттамаларына ерекше назар аударылды. «Күй» түріндегі қазақ аспаптық музыкасы адам өмірінің әртүрлі деңгейлерін бейнелейтін көп өлшемді – физикалық, эмоционалды, рухани және моральдық – мәдени-философиялық категориялар ретінде түсіндіріледі. Зерттеу мақсаты – қазақ аспаптық музыкасын қабылдау ерекшеліктерін зерделеу және оны мәдени, эмоционалдық, дүниетанымдық мағыналардың тасымалдаушысы ретінде ашу. Ғылыми жаңалығы – аңыз-күйдің көп өлшемді мәдени-философиялық категория ретінде ұсынып, саналы және бейсаналық деңгейлерге әсерін ашуда, сондай-ақ олардағы архетиптік бейнелерді анықтауында. Зерттеу әдістемесі: музыкалық материалдың экспрессивті құралдарын (ырғақ, интонация, дыбыстық құрылымы) құрылымдық-семантикалық талдаудағы кешенді пәнаралық тәсілі; аңыз-күйдің эмоционалды көңіл-күйді, дүниетаным мен құндылық көзқарастарды трансляциялау құралы ретінде герменевтикалық және интерпретациялық талданылуы; күйді өмірлік жағдайлар мен ішкі тәжірибенің тұсаукесері ретінде талданып, қарастырылуында. Аңыз-күйлер сарынында көшпенділік болмыстың экзистенциалды моделі, жанды табиғат, өмірлік сынақтардың желістері және т.б. әмбебап семантикалық құрылымдар бекітілген архетиптік бейнелерді талдауға ерекше назар аударылды.

Бұл зерттеу «күй» дәстүрлі музыкасының ритмо-интонациялық құрылымын талдау арқылы оның әлемнің нақты дыбыстық моделі («звуковая модель мира») ретінде түсіндірілетін мәдени кодтарын анықтауғада бағытталған.

Осылайша, «аңыз-күй» ұғымы қазақтардың ұжымдық тәжірибе мен шындықты көркемдік түсінудің нысандарын жинақтайтын ауызша дәстүрінің мәдени әмбебап өзегі ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: дәстүрлі музыка, «аңыз-күй», мәдени универсалийлер, мифологиялық ой, символ, архетиптер.

Введение

Традиционная музыкальная культура представляет собой итог многовекового исторического развития каждого народа, сформировавшийся в ходе его общественной и культурной деятельности. В этом плане музыкальные традиции как оседлых, так и кочевых народов, несмотря на наличие общих черт, отличаются своими особенностями – способами передачи знаний, исполнительскими практиками, восприятием и другими характеристиками (Music, Culture and Society, 2000). Например, традиционные формы музицирования у казахов-кочевников отличаются устным характером, специфическими особенностями звуковой системы, а также способами передачи музыкальных знаний напрямую от поколения к поколению из уст в уста. Несмотря на то, что с 1930-х годов музыкальное наследие кочевников стало предметом систематического изучения, фиксации и нотной записи, значительная часть научных исследований по-прежнему ограничивается преимущественно искусствоведческим подходом. В частности, традиционные народные и авторские «аңыз-күй» (кюи-легенды) остаются недостаточно изученными в аспекте интерпретации их смыслового содержания и особенностей восприятия. Недостаточно разработаны также вопросы анализа образной и метафорической структуры данных произведе-

ний в рамках когнитивного подхода, их рассмотрения не только как музыкальных форм, но и как, зачастую философски насыщенных текстов (нарративный подход). Кроме того, ограниченное внимание уделяется исследованию культурных кодов «күй» как целостных символических «текстов» в контексте семиотического подхода. Указанные аспекты составляют основу методологии настоящего исследования.

Обзор литературы

Отметим, что в течение многих веков музыкальное искусство, в том числе и его инструментальные формы сосредотачивали в себе духовно-нравственные взгляды и убеждения, которые до наших дней дошли и посредством «күй» – ведущего жанра казахской традиционной инструментальной музыки. Изучению «күй» посвящено немало трудов ученых искусствоведов, культурологов, историков, этнографов и др. «Күй» является «наиболее развитым жанром казахского устного народного и народно-профессионального инструментального творчества», – считает А. Абдинуров, отмечая особенности «программности и формообразования» этого искусства, связанные с конструктивными особенностями и техникой игры на народных инструментах (в частности, на домбыре) (Абдинуров, 2022 с. 12–21). Говоря же о «магических» свойствах и функциях «күй» на первых этапах своего развития А. Абдинуров отмечает также его «звукоизобразительность», связанную со «звукоподражанием тотемных животных», являвшихся неотъемлемой частью древней магии (Абдинуров, 2022 с. 12-21). Свидетельством тому служат сохранившиеся пьесы, народные «аңыз-күй» – древние пласты инструментальной традиционной музыки. Их научному изучению посвящен труд известных музыковедов А. Райымбергенова и С. Амановой «Күй қайнары» («Голоса народных муз»), в котором наиболее полно отражен этот древний пласт инструментального искусства казахов-кочевников (Күй қайнары, 1990). О проявлениях и жизнеспособности древнейших форм музыкальных традиций в настоящее время говорят и известные искусствоведы, изучающие формы традиционного инструментализма в этнической истории разных народов как «огромного пути эволюции» (Мациевский, 2009; Sachs, 1940), считая, что «проявления» традиционного инструментализма сегодня встречаются как в природных «звуковых орудиях» (флейты из полых растений, птичьих костей, раковины и т.п.), так и в «архаических формах функционирования (магические акции, обрядовая практика и т.д.) и в музыкальной терапии, детских забавах, игровом музицировании» (Мациевский, 2009.).

На основе своеобразия форм традиционной инструментальной музыки кочевников, музыкального инструментария (хордофоны, аэрофоны, идиофоны и др.) и изучения ее «сложных музыкально-акустических и музыкально-слуховых систем», как «разнообразного и специфичного звукового мира музыки ..., отличающегося широким спектром звучаний: от низких, обертоново богатых, грудных с хриплыми, фальцетными призвуками до высоких и напряженных», известный искуссвовед С. И. Утегалиева связывет эти особенности регистровой системы и строения как музыкального инструмента, так отражающих синкретические представления пьесы с «двухтрехчленной моделью мира» (Утегалиева, 2013).

Особое внимание в современной гуманитаристике, в эпоху интеграции культур стали обращать внимание и на такие тенденции как «многоликость систем» в области традиционных культур, давно вышедшим из среды своего реального функционирования исторических форм, к примеру, европейской музыки, «сохранившихся в виде письменного или иконописного наследия» (Мациевский, 2009: 5-10). Эти изыскания обращают внимание и на необходимость обращения «современной науки к метаязыку иных культур», в рамках и когнитивной музыкологии, а также функционирования различных нетипичных, в том числе и музыкальных форм, «образных и интеллектуально-аналитических рефлексий носителей и реципиентов той или иной культуры» (Мациевский И.В.), которые вкупе с другими направлениями гуманитарной науки могут поспособствовать развитию процессов познания, когнитивных способностей – восприятия, сознания, мышления, памяти и др. (Jackendoff, Lerdahl, 2006).

Феномен музыкального пространства рассматривается и в контексте нарративного подхода, в частности его познавательного потенциала (Almen, 2017), а также ее повествовательного значения на примерах «полевой» записи музыки (Anderson, Rennie, 2016). Интересны исследования о воздействии музыки на сознание человека, «состояние его мозга» как своеобразный инструмент «выравнивания состояний мозга людей», что «позволяет решать ряд коммуникативных

задач, включая синхронизацию между людьми» (Bharucha, 1987; Bharucha, Paroo, Curtis, 2011).

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на основе фотодокументальных, нотных материалов, музейных предметов из этнографической коллекции Национального центрального музея Республик и Казахстан (*далее* – НЦМ РК), анализа научно-теоретической литературы о казахской традиционной музыкальной культуре.

Методология представляет собой междисциплинарный подход, в котором музыкальная традиция исследуется одновременно как коммуникация и социальная норма, а также как когнитивно интерпретируемая и мыслительно структурируемая, оформленная повествовательными схемами (нарратив) и семиотически закодированная система культурного опыта.

Результаты и обсуждение

Одной из ключевых основ традиционной устной культуры казахского народа является многообразное по тематике и жанровой структуре искусство, уходящее корнями в глубокую древность и сохраняющее преемственность посредством устной передачи. Значительная часть его элементов, а также способы и формы трансляции устного народного творчества продолжают функционировать и в настоящее время. Будучи обширным пластом культурного наследия, данное явление занимает значимое место в системе современной историко-культурной идентичности народа. Так, в ней особое место занимает музыкальное искусство, как яркое отражение его многовековой истории, связанной с его кочевым образом жизни, так и как особая форма культурного и духовного освоения им действительности. Лучше всего рассказать о традиционной музыке казахов может лишь она сама. Причем не только песенное (*здесь:* музыка с текстом) искусство, но и инструментальное («домбыра сөйлейді», что буквально означает «будет говорить домбыра» и/или «домбыра расскажет») может рассказать об истории и жизни нарорда. К тому же нужно отметить, что практически всем устным формам, в том числе и тем, что относятся чисто к «устно-поэтическим» нередко сопутствует музыкальное сопровождение, в том числе и, речитативам, и «ән» (песня), и традиционным мелосам-мотивам – «сарын», нередко даже и рассказам, сказкам, легендам и т.п. Исполнение даже крупных лирико-драматических, героических эпических полотен – «дастан», «жыр» или искрометных состязаний акынов «айтыс», социально-бытовых поэм, рассказов и легенд и т.п. практически всегда сопровождалось традиционными мелодиями и мелосами, а также аккомпанементом на народных инструментах. Музыкальное сопровождение вокальных произведений на инструментах и исполняемые на них «сложные музыкально-акустические (и музыкально-слуховые системы)» пассажи, «тембро-регистровая модель звука» (к примеру, «хордофоны», «бурдонный звук», архаическое звукоподражание и т.п.), трактуемые как единство музыкального и «немузыкального» (Утегалиева, 2016) демонстрировали не только оригинальную звуковую систему, но способствовали гармоничному восприятию кочевниками, извлекаемых на них «естественных» природных звуков. Традиционная музыка казахов всегда отражала его историю, культурную и бытовую сторону его жизни, обычаи и традиции, характер, верования, праздники, важные для народа события, прославляла батыров, красоту природы и т.п., приемлемых для мира кочевников. Потому устное творчество народа, в особенности «ән-күй» (музыка) наравне со словами назидания, сказками и былинами имела важное воспитательное значение, потому как, слушая звуки древних инструментов («қобыз», «домбыра», сыбызғы», «жетіген») и, исполняемые на них традиционные инструментальные музыкальные пьесы – «күй» можно было проникнуться историей и культурой народа, почувствовать богатство духовной жизни народа, его представления, народную мудрость. К тому же казахские инструментальные «күй» как и песни «ән» непременно имели текстовую часть – легенды и/или описания событий, которые стали основой для сочинения этих традиционных муыкальных пьес и выражали как само событие, так и различные состояния души и настроения, в которых прибывали как сам автор произведения, так и герои произведения. Так, одним из значений казахского слова «күй» является понятие «состояние», объемлеющее многие виды состояний человека, как то – душевное, физиологическое, эмоциональное, физическое, моральное и психическое и др. К тому же в «күй» выражается такие категории человеческого выражения чувств, как настроение, счастье, радость как благосостояние, грусть, печаль и тоска как меланхолия и др., а также положение человека и его отношение

к чему-то или к кому-то. В «күй» нередко раскрываются и «картины» обстановки, ситуации и положения как состояния, в которых находится сочинитель-автор или «объект», о котором он рассказывает в своем «күй». Эта особенность «күй» как части устной культуры является основой и естеством, ядром и эссенцией истинного, чем пропитана ее сущность и содержание. Возможно потому вся жизнь казаха была пронизана «ән-күй», т.е. музыкой. Недаром по сей день в народе живет известная поговорка «всевышний вложил в душу каждого казаха частицу «күй» с момента его рождения»: ведь она звучала и описывала все, чем он живет и дышит.

Сегодня народ бережет и сохраняет многие традиционные универсалии – фрзаеологизмы, понятия, которые выразительны в описании свойств и качеств, присущих отдельным личностям-носителям традиционной музыкальной культуры. Так, например, «әнге әуес», «күйге құмар», что буквально означает «увлеченный песней», «увлеченный «күй»», при том, что в традицонно-ментальном контексте слова «әуес» и «құмар» обретают значения страстностни, нежели простого любопытства или увлечения. А потому человек страстно любящий и понимающий «ән-күй» – человек с красивой и чистой душой.

Отметим, что в культуре казахского народа музыка, «күй» по сей день сохранил свое священное сакральное значение, как обладающее уникальными благодатными свойствами и, имеющее отношение к божественному, высшему. Сакральность древних «күй» заключается и в его магических свойствах, и в связующих человека с другими мирами возможностях. Одним из ярких примеров и предикатом возвышенного положения, ценности и священности и посвященности «күй» в традиционном обществе, его отношения к божественному, мистическому, небесному, потустороннему может служить множественные интерпретации легенды о «Қорқыт» – мифическом прародителе музыки, первом композиторе и покровителе шаманов «бақсы», создавшем первый «қобыз» – музыкальный инструмент, на котором изливал свои мысли и чувства, а также его кюи, которые считаются первыми в музыкальной истории казахов (Рис. 1). Древняя музыка казахов через легендарный образ Коркыта рассматривается в народе как проявление единства человека и мироздания, проявление в музыке космических сил.

Музыкальные кобызовые пьесы Коркыта представляюти собой бесценное культурное наследие. К настоящему времени известны около десяти его «күй», которые были записаны «у одного из последних баксы, известного кобызиста Нышана Шаменулы. Н. Шаменулы тесно связывал эти кюи с именем Коркыта, первоначально они звучали при жертвоприношениях. В течение многих веков мелодии Коркыта звучали в ритуалах баксы и великое искусство сохранилось в веках» (Мейрамова, 2023).

Рисунок 1
КП 1715 Кобыз (из фондов НЦМ РК). Фото Г. Темиртон

Примичание: Составлено автором

Дошедшие до нашего времени многие народные образцы кобызовых «күй» («қобыз күйлері») составляют ранний фольклорный пласт традиционной музыкальной культуры и тесно связаны с ритуалами, в которых все еще сохранились реликты древних верований. Қорқыт – создатель священного инструмента «қобыз», который, он, по древней легенде сделал его из обтянутого шкурой цельного куска дерева «шырғай», натянув струны из конского волоса – «қыл». «Қыл-қобыз» в его руках «превращался» в некое одухотворенное существо, первоплощаясь то в скакуна, то в птицу и т.п., таким образом, помогая общаться с духами – «аруақ» и вторгаться в мифические миры.

Первая музыкальная легенда, сопровождающая произведение, – это «аңыз», народное предание, которое до сих пор живет в памяти людей как свидетельство бессмертия искусства Қорқыт. Кроме того, «аңыз» о самом Қорқыте

представляет собой не просто рассказ о происхождении казахской музыки и первых музыкальных инструментов, но, прежде всего, одну из ранних легенд, раскрывающих мировосприятие человека, его взаимодействие и связь с природой через звук, а также способ передачи мыслей и чувств. Первые же звуки «қобыз» можно считать первым «күй». Известный казахский лингвист, этнограф, писатель и фольклорист Акселеу Сейдимбек, размышляя об этимологии слова «күй» и влиянии звука – как общего, так и музыкального – на человека, подчеркивал, что «доминантные качества» личности не являются врожденными или наследуемыми, а формируются, прежде всего, под воздействием языкового (звукового) фактора, который человек способен воспринимать на слух. В этом смысле значение казахского «күй» отражает и передает глубокое, действенное и эмоционально насыщенное состояние – ощущение и настроение (Сейдімбек, 2010), да и можно сказать и конкретный образ, выраженный понятием «аңыз» (легенда).

Думается, именно эти качества казахского «күй» служили посредниками между земным и небесным мирами, а также между современным поколением и поколениями предков. На то, что казахский «күй» – это не просто музыкальное произведение, а сложная духовно-смысловая система, в которой внутреннее структурное строение выступает посредником между разными уровнями бытия: земным и небесным, настоящим и прошлым обращал внимание и казахский композитор и музыковед Ахмет Жубанов, который считал, что для полного понимания народной музыки необходимо «разобраться» во внутреннем структурном строении самой музыки «күй» (Жубанов, 2001). Говоря о «внутренней структуре» («бас буын», «орта буын», «саға») Ахмет Жубанов имел в виду заложенные в «күй» нравственно-эмоциональные универсалии казахской культуры, которые выступают своеобразным инструментом духовно-эмоционального контакта и способом общения между членами казахского общества. Действительно структуру казахского «күй» можно определить и как циклическую модель мироздания, где движение между уровнями – не разрыв, а постоянный переход: «бас буын» как «бастау» (начало) – ввод в состояние, в «пространство» (аналог «земного» уровня, повседневности); «орта буын» как «даму» (развитие) – нарастание напряжения, движение, переход в другое «состояние», борьба, (символ пути, поиска, духовного восхождения); «саға» – «шарықтау» (кульминация) – высшая точка, ассоциируемая с выходом за пределы материального (контакт с «небесным», с другими мирами); а также, конечно же, вытекающее из идеи цикличности и завершения формы – «қайту», то есть, «возвращение» к исходному состоянию, но уже преобразованному опытом. Таким образом, можно утверждать, что структура «күй» отражает не только композиционную, но и его философскую (циклическую) природу. Утверждению и уверенности такого видения сути «күй» способствует концентрация нравственно-моральных ценностей и традиций, значимых для общества и человека приоритетов, заложенных в основу этих самых «күй» через художественные образы. Стоит также отметить, что характеризующаяся богатым спектром обертонов и призвуков, которые звучат вместе с основным тоном, а также специфической системой звукового строя (нестандартные интервалы, особые интонации и ладовые структуры), традиционная казахская музыка изначально ориентирована на аудиторию носителей культуры «устно-слухового типа» (Levin, Süzükei, 2010).

К специфике звукового мира казахов. О «разнообразии и специфике звукового мира казахской музыки, тембровой специфике, а также наличии у местных музыкантов чуткого и рафинированного слуха, указывающих на существование оригинальной звуковой системы, которая, как и звуковой мир музыки тюрков в целом» (Утегалиева, 2013) как объекта специального изучения стали говорить не так давно. Так, музыковеды, изучающие традиции музыки казахов отмечают непременно ее «широкий спектр звучаний: от низких, обертоново богатых, грудных с хриплыми, фальцетными призвуками до высоких и напряженных» и, при этом указывают и на «разную степень «плотности», высотной «подвижности» звуков, неотделимых от понятия «национальной идентичности» (Утегалиева, 2013). К тому же этнические особенности казахской традиции музицирования, в котором присутствует огромное разнообразие призвуков-обертонов ученые-музыковеды относят к «особому типу музыкальной цивилизации», тесно связанной породивших в своем лоне эти традиции «периодом степных империй древних кочевников» (Сузукей, 2010; Levin, Süzükei, 2010).

Эти позиции тесно связаны и с тем, что механизмы и методы звукового строя устной формы передачи казахами музыкальных знаний связаны и с бесписьменной передачей, практически всех видов знаний, характеризующехся определенной системной целостностью: практических,

обыденно-житейских, религиозных, мифологических, исторических, художественных, а также народную мудрость, искусство и др. К тому же сама музыка как результат звукоизвлечения есть творение, направленное, прежде всего, для слухового восприятия, внимания-слушания, тем более, что и ее механизмы и методы собственно как и все традиционные устные формы получения и передачи знаний, как бесписьменного представления знаний были сопряжены рассказами, легендами и т.п. Практически вся традиционная инструментальная музыка казахов-кочевников представлена целостными музыкально-поэтико-прозаическими произведениями, каждый из которых создавался отдельным автором, который одновременно мог быть как сочинителем и рассказчиком, так и исполнителем, и аккомпаниатором в одном лице. Таких многогранных степных рапсодов и музыкантов, сказителей и акынов (поэт) в народе называли «сегіз қырлы, бір сырлы» (т.е. «многогранний (о талантах), но с одной сущностью (внутренне цельный)).

Типовая особенность кочевнической «музыкальной цивилизации», переплетенной с древними традициями казахского народа во многом выражена и в инструментальной музыке – «күй», в особенности в «күй»-сарынах («сарын»-мелодия, мелос – *прим. Г.Т.*), представляющие собой инструментальные исполнительские приемы, как традиционных музыкантов профессионалов – «күйші», так и присущие «бақсы» (шаманам), которые совершали ритуальные магические обряды, сопереживая и, доводя себя в ходе исполнения произведения до состояния высвобождения различных эмоций и нравственного возвышения. Это особое состояние, возникающее при исполнении «күй» самим автором сравнимо с освобождением и преображением души, что близко к состоянию катарсиса. Так, известны древние «сарын» в форме «күй» – «Баубектің сарыны» (сарын Баубека), «Көзбеннің сарыны» (сарын Козбена) и другие (Күй кайнары, 1990). Можно смело предположить, что древние музыканты исполняли присущие только им авторские «күй-сарын» как отдельное произведение, так и с «наложением» текстов «аңыз» (легенд) или «әңгіме» (рассказ)... , что позволяло продемонстрировать посредством музыки не только ее эстетические особенности, но и назидательную, нравственно-воспитательную ее роль.

Отметим также, что принципиально устная казахская традиционная культура за многие тысячелетия своего существования выработала свою особую систему темпо-ритма, звукового строя, а также механизмы передачи знаний. Строение казахской инструментальной музыки, ее тембр специфичны благодаря своеобразной системе бурдонных (тянущийся тон, на фоне которого звучит основная мелодия) и обертоновых (призвук) соотношений звуков.

Имея огромный позитивный воспитательный потенциал и, являлась источником духовного развития, музыка способствовала высоконравственному становлению членов традиционного общества. Будучи важнейшей частью духовного мира казахов-кочевников его устно-музыкальная культура сдействовала развитию и специфического музыкального мышления, как важного фактора человеческого мироощущения и миропонимания. Сегодня практически все пласты древней инструментальной музыки («көне күйлер»), а также и другие формы народно-традиционной музыки казахов представляют особую художественную систему, философски отражающей мировоззрение народа, его и устремления и ценностные ориентиры.

Значение и роль «аңыз-күй» («күй»-легенда) в традиционной музыкальной культуре казахов. Особое место в этом в казахской музыкальной традиции занимают легенды о происхождении, образах-действиях и «сарын» самих «күй», которые укрепляют образность и звукоподражательность этих пьес. Одной из важных задач исполнения «күй» – это не только образно-музыкальная «демонстрация» сцен из истории, жизни и быта, но, прежде всего, развитие осознания слушателем его сопричастности к настоящему музыкальному действию. Музыкальный язык «күй» «организует» особые слуховые впечатления, формируя как специфическую культуру музыкального мышления, так и восприятие звучащего музыкального «текста». Так, например, сохранившийся в памяти народа популярный в наши дни, древний «аңыз-күй» «Аққу» («Лебедь») сопровождается рассказом одноименной легенды, а сама музыка (*здесь:* вкупе с исполнителем, инструментом) посредством многообразия видов и форм музыкальных акцентуаций демонстрирует крик лебедя (форшлаги), звуки выстрелов из лука, человеческие «возгласы» и плачь, шум природы (обертоны, изменения размера, ритма и т.п.) и др. Но, важно и то, что главная идея данного «күй»-легенды заключается не только в «пересказе» истории о бедном жигите (парне), его матери и сестре, которые во время вражеских набегов в ауыл (ауыл – местность, где человек родился) не смогли своевременно отко-

чевать и, укрывшись недалеко от ауыла им пришлось искать пропитание охотой, но и о том, что по традиции казахов, нельзя убивать священных птиц «аққу» (лебедь). Ведь «аққу» с незапамятных времен является одним из тотемов казахского народа, поэтому кюй-легенда «Аққу» содержит в своем содержании-звучании воспитательные и нравственные принципы народа, а потому наполнена почитанием и уважением к «кие» (святость) этой птицы: по одноименной легенде молодой человек во время охоты в поисках пропитания увидел на берегу озера лебедя. Обрадовавшись, что ему повезло и, он сможет прокормить своих родных, натянул лук и выстрелил в птицу, но не попал. И как не пытался поймать птицу, парню это не удалось – то стрелы вылетали в другую сторону, то ломались. В конце концов, птица улетела, скрывшись далеко в облаках. Отчаявшись, жигит садится на коня и решает вернуться, но, внезапно, его окружают разбойники. В сложном поединке он побеждает своих врагов и возвращается в ауыл с трофеями. Там он находит своих близких и, в дальнейшем, ему сопутствует удача и благополучие. В легенде содержится мысль о сакральности «аққу» (лебедь), птицы, которая в казахской мифопоэтической традиции казахов связана со святостью. Так, в соответствии с существующей легендой-поверьем этноним «қазақ» произошел от «аққу қаз», то есть белого («ақ») лебедя (гуся) («қаз»). В этой легенде жигит, пройдя особый ритуал посвящения – очищение от намерения убить почитаемую в народе птицу, – обретает духовное просветление (катарсис) и становится батыром (богатырем). Испытания и тяготы судьбы преподносят ему урок, который он проходит с честью и достоинством.

Почитаемые в народе легенды о величественных «аққу», наделенных особыми качествами – чистота, верность, красота, самоотверженность и др., имеют назидательный характер, присущий национальной специфике. Отметим также, что слуховое восприятие музыкального произведения вместе с предваряющей его легендой служит источником творческого вдохновения, участвует в наращивании эмоционального пласта мирочувствования, способствует духовному развитию слушателя на уровне благоприятных переживаний, возникающих в процессе самоактуализации, как «постоянного процесса развития своих потенциальностей» (Maslow, 1971; Maslow, 1970).

Другая популярная легенда о «Қоркыт», сохранившаяся в памяти народа и передаваемая из поколения в поколение уже многие века, не только пересказывает историю первооткрывателя музыки – Қорқыт и, созданного им «қобыз», но и «демонстрирует» мост, связующий прошлое, настоящее и будущее, доказывает присущее музыке вечность и бессмертие. Богатый интонационно и образно «күй»-легенда «Қоркыт», через музыкальный язык и структуру самого «күй», посредством веками сформированной развитой культуры музыкального (устно-слухового) мышления казахов особым образом обеспечивает организацию слуховых впечатлений, благодаря чему мышление структурированно воспринимает звучащий музыкальный материал. Особый темпо-ритм, специфические, таинственные звуки (подражание звуку ветра, вой волков, крики и взмах крыльев птиц, свист пущенной стрелы, шум водопада, звуки степи и т.п.) инструмента «қобыз» позволяют формировать эмоциональный, психологический пласты мирочувствования слушателя, вовлекая его в особую магическую сферу. Легенда, рассказываемая перед исполнением музыкальной пьесы «күй» позволяет слушателю «окунуться» в мир древних представлений, «почувствовать» силу природы, понять бренность бытия как то, что материальное в жизни человека является преходящим, а также осознать силу музыки, которая – ценность вечная. Так, по преданию Қоркыт – первооткрыватель музыки, создатель «қобыз», прародитель скрипичных инструментов, борец и боец, бросивший вызов своей судьбе и искавший бессмертие. Посетив на своем верблюде Желмая, в поисках вечной жизни все четыре уголка мира, Қоркыт, «прожил долгую жизнь и умер в возрасте 95 лет (по некоторым версиям – 295 лет)» (Күй қайнары, 1990 с. 27). Суть легенды, переложенной на музыку «күй» заключается в том, что человек не бессмертен, и как бы он не пытался обойти или обмануть смерть, она его когда-нибудь настигнет. Но, смерть, по легенде, не могла настигнуть и даже приблизиться к Қоркыт, пока играл и пел его «қобыз». Эта звучащая древняя легенда известна как «Күй Қорқыт» – повествование и состояние его души, также как и другие его «күй», а их известно более 10-ти, содержащие легендарные «тексты» из жизни этого мудреца и провидца, композитора и сказителя и, передающие (рассказывающие) истории о том, как он помогал другим и совершал благие дела. Одним из таких «күй», им сочинившим, является «күй» «Башпай» (букв.: большой палец ноги). По легенде, уставший после долгой дороги Қорқыт, однажды уснул. Тут же смерть в облике

змеи (в некоторых версиях в образе «қаракүрт» (каракурт – один из видов ядовитых черных пауков)), подкравшись, ужалила его и, когда Азраил спросил каково же его последнее желание, Қорқыт ответил: «В своей жизни я совершил два греха: первый – сорок один год убегал от смерти, второй – однажды на Сырдарие поднялись сильные волны, и я, сидя на ковре, большим пальцем ноги нечаянно задел свою сестру. Поэтому, когда будете меня хоронить, оставьте большой палец ноги открытым. Сказав это, Қорқыт взял қобыз и сыграл свой последний «күй» «Башпай» (Күй қайнары, 1990 с. 34). Как гласит народная легенда, Қоркыт был похоронен с открытым большим пальцем ноги.

«Аңыз-күй» «Қорқыт» демонстрирует представление древних и их отношение к смерти, как одному из самых таинственных аспектов человеческой жизни. Известно из научной литературы, что вопросами смерти и бессмертия задавались во все времена, начиная с античных. К примеру, древние думая о бессмертии души и познание истины считали, что это возможно только в той мере, в какой душа отделяет себя от телесных страстей: «человеческая душа по своей природе ближе к простым вещам, а тело, очевидно – к составным. Поэтому тело имеет свойство постоянно меняться, разрушаться и умирать, а душа вечна» (Карелин, 2026). Так и в легенде о Қорқыт красной нитью проходят думы о смысле человеческого бытия и о жажде бессмертия. Эти основополагающие смысловые составляющие любой культуры, также как и казахской, проходят через легенду «Қорқыт», демонстрируя жизнь и смерть в образе реки Сырдарии – как «реки жизни» и, одновременно как «дороги смерти», а саму звучащую музыку – «күй» как бессмертие. То есть идея настоящей легенды, основу которой составляет народное мифическое представление, заключается в том, что этот «миф представляет собой метафору, т.е. перенос смысла, представления, ценности и др. из некоего другого мира в этот: странствующий и познающий этот мир, но прежде всего как созидающий его, как демиург Коркыт, живущий на границах двух миров и двух времен, переносит кюй, рассказывающий о смерти, боли, радости. Кюй Коркута, подобно древнегреческому Логосу, является не только словом о мире, но и словом, голосом, речью этого мира, а также его первопричиной, его законом» (Наурызбаева, 2010).

Особого внимания в контексте настоящего исследования заслуживают и домбровые «аңыз-күй», в том числе и древние. Ученые музыковеды, изучающие выразительные свойства традиционной музыки отмечают, что в «сохранившийся в древних кюях комплекс средств выразительности отражает некоторые черты магических свойств музыки» (Күй қайнары, 1990: 82). К примеру, известный в народе «аңыз күй» «Нар идірген» («Доение верблюдицы») является примером пронизанной волшебством бархатистого «қоңыр» звука домбыры, «подчинения» своей тембровой окраской и звучанием души верблюдицы, переживающей утрату своего новорожденного верблюжонка. От горя верблюдица не паслась, все время в поисках своего детеныша возвращаясь с поля в ауыл. Увидев катящиеся с ее глаз слезы, хозяин, чтобы горе не сломило животное, решил непременно помочь верблюдице сцедить выработанное молоко. Но, все попытки подвести к ней других верблюжат не успокоили ее, она так и не подпустила их к себе, так и не дала молока. Тогда старейшины сказали, что ей может помочь лишь музыка и, только звуки домбыры могут снять стресс и напряжение, заставив дать ей выработанное молоко Обрадовавшись такой идее, хозяин верблюдицы пообещал выдать замуж свою дочь в награду тому, кто поможет верблюдице унять боль. Многие музыканты виртуозно демонстрировали свое мастерство, но верблюдица все не давала молока. И только когда старейший музыкант-импровизатор начал играть «күй» на домбыре, которая своими бархатными, ласковыми звуками стала звать верблюдицу «көс-көс» (подражание ласковому подзыву, оклику животного), а затем «заплакала голосом верблюжонка» (Күй қайнары, 1990 с. 82), напряженные мышцы ее наполненного молоком вымени смягчились и с ее сосков потекли капли молока. Но, заметив, что ведерко быстро наполняется молоком, девушка пытаясь обмануть и избежать замужества со старцем прибегла к хитрости, сжав вымя и попросив передать домбыру молодому человеку. Однако верблюдица откликалась лишь на игру аксакала.

Позже мудрый аксакал подошел к девушке и, сказав: «Никогда больше не хитри и не обманывай», благословил молодых и пожелал им счастья. «Рассказанная» в музыкальной легенде история девушки на фоне потерявшей детеныша верблюдицы демонстрирует не только вложенные в уста старца-музыканта слова назидания, этикетные нормы и др. посредством многозначной традиции «жөн сұрасу» (обычай, совет, наставление, направление и т.п., обязывающие к взаимоуважению и пониманию), но и то, что кочевники хорошо знали жизнь природы на основе своих

повседневных наблюдений и «остро ощущали интуицию единства всей органической жизни, сотворенного мира, всех существ...» (Наурзбаева, 2012). В данном случае и музыка «аңыз-күй» и, музыкант выполняют роль демиурга – создателя созидательного начала, «проникая» в состояние животного и тем самым, восстанавливая связь между миром людей и миром животных, как это происходило в «мифические времена». Суть легенды заключается в воспитании уважения и почитания природы, осознании ее величайшего значения и развитии способности гармоничного взаимодействия с ней, что способствует духовному совершенствованию человека.

Заключение

Восприятие легенды посредством одименного «күй» происходит и через чувственную символизацию и интонирующее сознание, как «языкового» свойства музыкального мышления. Так, в музыке «күй» как в звуковом символе языка «заложены» чувственные переживания, эмоции и образы (Epperson, 1967; Cady, 1983; Nattiez, 1990). И именно вхождение слушателя и идентификация с музыкально-интонационным и символическим полем музыки является неким психологическим феноменом, который воздействует на него. В музыке казахского «күй», его стилевых и интонационных особенностях отражаются архетипические формы, опирающиеся на глубинное бессознательное, которое имеет долгий исторический путь, а также на опыт личных переживаний самого слушателя, как способа интуитивной интерпретации.

Резюмируя отметим, что традиционная казахская инструментальная музыка в форме «күй» предстает как сложное многомерное явление, объединяющее художественные, философские и культурные смыслы. Она выступает не только средством эмоционального выражения, но и носителем коллективного опыта, ценностей и мировоззрения народа. Через ритмоинтонационные особенности и архетипические образы «күй» воздействуют как на сознательный, так и на глубинный уровень восприятия, отражая универсальные модели бытия и внутренний мир человека.

Конфликты интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

Абдинуров, А. К. (2022). О некоторых аспектах изучения казахского кюя. *Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность*, 12–21. https://doi.org/10.26176/MAETAM.2022.8.3.001

Almen, B. (2017). *A theory of musical narrative*. Indiana University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt2005szf

Anderson, I., & Rennie, T. (2016). Thoughts in the field: 'Self-reflexive narrative' in field recording. *Organised Sound, 21*(3), 222–232. https://doi.org/10.1017/S1355771816000194

Bharucha, J. J. (1987). Music cognition and perceptual facilitation: A connectionist framework. *Music Perception, 5*(1), 1–30. https://www.jstor.org/stable/40285384

Bharucha, J. J., Paroo, K., & Curtis, M. (2011). Alignment of brain states: Response to commentaries. In *Foundations of Music Cognition* (pp. 195–198). https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199553426.003.0020

Cady, H. L. (1983). Review of *A generative theory of tonal music* [Review of the book by F. Lerdahl & R. Jackendoff]. *Psychomusicology: A Journal of Research in Music Cognition, 3*(1), 60–67. https://doi.org/10.1037/h0094250

Epperson, G. (1967). *The Musical Symbol: A study of the Philosophie Theory of Music*. Amsterdam.

Jackendoff, R., & Lerdahl, F. (2006). The capacity for music: What is it, and what's special about it? *Cognition*.

Жубанов, А. (2001). Струны столетий. Дайк-Пресс.

Карелин В. (2026). Платон: четыре доказательства бессмертия души человека. https://www.bez-granic.ru/main/voprosyoglavnom/platon-chetyre-dokazatelstva-bessmertiya-dushi-cheloveka.htm

Maslow, A. H. (1970). *Motivation and personality* (Rev. ed.). Harper & Row.

Maslow, A. H. (1971). *The farther reaches of human nature*. Viking Press.

Мациевский, И. В. (2009). Когнитивная музыкология: актуальность и перспективы. *Проблемы когнитивной музыкологии*. СПб.

Мейрамова Б. (2023). Бесценное наследие Коркыта. https://kzvesti.kz/newspaper-articles/strong-bescennoe-nasledie-korkyta-strong-100653

Music, Culture and Society. (2000). D. Scott (Ed.). Oxford University Press.

Nattiez Jean Jacques. Music and Discourse: Toward a Semiology of Music (1990). Translation from French. Princeton University Press.

Наурызбаева, З. (2012). Природа в тюркской кочевой традиции. https://otuken.kz/priroda-v-tyurkskoj-kochevoj-tradiczii/

Наурызбаева, З. (2010). Мифоритуальные основания казахской культуры. https://otuken.kz/miforitualnye-osnovaniya-kazahskoj/

Райымбергенов, А., & Аманова, С. (1990). Күй қайнары. Онер.

Сейдімбек А. (2010). Қазақтың күй өнері. Астана: Фолиант. 832 б

Сузукей, В. Ю. (2010). Тюрко-монгольские музыкальные традиции в современном социокультурном пространстве. https://nit.tuva.asia/nit/article/view/478

Sachs C. (1940). The History of Musical Instruments. New York, / Repr.: Historia instrumentów muzycznych. Warszawa, PWM, 1975. 556 s.

Theodore Levin, Valentina Süzükei (2010). *Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music, and Nomadism in Tuva and Beyond*. Indiana University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctvj7wm07

Утегалиева, С. И. Звуковой мир музыки тюркских народов: теория, история, практика: на материале инструментальных традиций Центральной Азии. М.: Композитор, 2013. 528 с.

References

Abdinurov, A. K. (2022). *O nekotoryh aspektah izuchenia kazahskogo kyuia* [About some aspects of studying Kazakh kyuia]. *Muzykal'noe iskusstvo Evrazii Tradicii i sovremennost'*, 12–21. https://doi.org/10.26176/MAETAM.2022.8.3.001

Almen, B. (2017). *A theory of musical narrative*. Indiana University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt2005szf

Anderson, I., & Rennie, T. (2016). Thoughts in the field: 'Self-reflexive narrative' in field recording. *Organised Sound, 21*(3), 222–232. https://doi.org/10.1017/S1355771816000194

Bharucha, J. J. (1987). Music cognition and perceptual facilitation: A connectionist framework. *Music Perception, 5*(1), 1–30. https://www.jstor.org/stable/40285384

Bharucha, J. J., Paroo, K., & Curtis, M. (2011). Alignment of brain states: Response to commentaries. In *Foundations of Music Cognition* (pp. 195–198). https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199553426.003.0020

Cady, H. L. (1983). Review of *A generative theory of tonal music* (by F. Lerdahl & R. Jackendoff). *Psychomusicology: A Journal of Research in Music Cognition, 3*(1), 60–67. https://doi.org/10.1037/h0094250

Epperson, G. (1967). *The Musical Symbol: A study of the Philosophie Theory of Music*. Amsterdam.

Jackendoff, R., & Lerdahl, F. (2006). The capacity for music: What is it, and what's special about it? *Cognition*.

Karelin, V. (2026). Platon: chetyre dokazatelstva bessmertija dushi cheloveka [Platon: four proofs of the immortality of the human soul]. https://www.bez-granic.ru/main/voprosyoglavnom/platon-chetyre-dokazatelstva-bessmertiya-dushi-cheloveka.htm

Levin, T., & Süzükei, V. (2010). Where rivers and mountains sing: Sound, music, and nomadism in Tuva and beyond. Indiana University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctvj7wm07

Maslow, A. H. (1970). *Motivation and personality* (Rev. ed.). Harper & Row.

Maslow, A. H. (1971). *The farther reaches of human nature*. Viking Press.

Macievskij, I. V. (2009). Kognitivnaja muzykologija: aktual'nost' i perspektivy [Cognitive musicology: relevance and prospects]. In *Problemy kognitivnoj muzykologii*. SPb.

Meiramova, B. (2023). Bescennoe nasledie Korkyta. [The priceless legacy of Korkyt]. https://kzvesti.kz/newspaper-articles/strong-bescennoe-nasledie-korkyta-strong-100653

Nattiez, J.J. (1990). Music and discourse: Toward a semiology of music (Trans. from French). Princeton University Press.

Nauryzbaeva, Z. (2012). Priroda v turkskoj kochevoi tradicii [Nature in the Turkic nomadic tradition]. https://otuken.kz/priroda-v-tyurkskoj-kochevoj-tradiczii/

Nauryzbaeva, Z. (2010). Miforitualnye osnovanija kazahskoi kultury [The mythological foundations of Kazakh culture]. https://otuken.kz/miforitualnye-osnovaniya-kazahskoj/

Rajymbergenov, A., & Amanova, S. (1990). Kyui kainary [Voices of the folk muses]. Oner.

Scott, D. (Ed.). (2000). *Music, culture and society*. Oxford University Press.

Sejdimbek, A. (2010). *Kazaktyn kyui oneri* [Kazakh research "kyui"]. Astana: Foliant.

Suzukej, V. Ju. (2010). Tjurko-mongol'skie muzykal'nye tradicii v sovremennom sociokul'turnom prostranstve [Turkic-Mongolian musical traditions in the modern socio-cultural space]. https://nit.tuva.asia/nit/article/view/478

Sachs, C. (1940). *The history of musical instruments*. New York. (Reprint: *Historia instrumentów muzycznych*. Warszawa: PWM, 1975).

Utegalieva, S. I. (2013). *Zvukovoj mir muzyki tjurkskih narodov: teorija, istorija, praktika* [The sound world of music of the Turkic peoples: theory, history, practice: based on the instrumental traditions of Central Asia]. Moscow: Kompozitor.

Zhubanov, A. (2001). *Struny stoletii* [Strings of centuries]. Daik-Press.

Сведения об авторе:

Галия Темиртон – доктор PhD, ГНС Отдела антропологии и этнологии Национального центрального музея Республики Казахстан (Алматы, Казахстан, e-mail: gt_csmrk@mail.ru, ORCID – https://orcid.org/0000-0003-1881-9156).

Information about the author:

Galiya Temirton – PhD, State Scientific Researcher, Department of Anthropology and Ethnology, National Central Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan, e-mail: gt_csmrk@mail.ru, ORCID – https://orcid.org/0000-0003-1881-9156).

Авторлар туралы мәлімет:

Темiртон Галия – PhD, мемлекеттік гылыми қызметкер, антропология және этнология бөлімі, Қазақстан Республикасының Ұлттық орталық музейі (Алматы, Қазақстан, e-mail: gt_csmrk@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1881-9156).

Поступила: 05.01.2026
Принята: 05.05.2026

3-бөлім
САЯСАТТАНУ

Section 3
POLITICAL SCIENCE

Раздел 3
ПОЛИТОЛОГИЯ

IRSTI 11.25.41 https://doi.org/10.26577/jpcp962202610

H. Gunay[1*], B. Balapashev[1], M. Baltymova[2] V. Tarakci[2]

[1]Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, Aktobe, Kazakhstan
[2]Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
*e-mail: hall.gnayy@gmail.com

TERRORIST ACTS IN EUROPE AFTER THE 11 SEPTEMBER ATTACK AND THE EUROPEAN UNION'S EFFORTS TO ESTABLISH A COMMON POLICY TOWARDS TERRORIST ACTS

Although there is no common definition of the concept of terrorism in the literature, it generally means instilling fear and intimidation. The historical starting point of this concept is the French Revolution of 1789. With the impact of globalisation, this concept has become a threat to both civilians and national governments. In this respect, when the European Union (EU) is considered as a federalist structure, the phenomenon of terrorism seems to be a serious problem for both the institution and the member states. When we examine the EU integration period until the 11 September attacks, it could not produce a common policy on the problem of terrorism. At that time, this problem was considered as an "internal security" problem and the EU made institutional policies at the level of national governments. After the Twin Tower attack of 11 September 2001, the EU moved the fight against terrorism, which had been carried out at the national level, to the intergovernmental level. After the 11 September terrorist act in the USA, terrorist incidents have been and continue to be experienced in European countries in a synchronised manner. The EU's counter-terrorism policy against these terrorist incidents constitutes the general framework of the study. During the European integration process, the most severe terrorist incidents started to be experienced after 2004. The chronological order of these terrorist incidents and how they are reflected in the EU counter-terrorism policies are tried to be explained within the framework of the Multilevel Governance Theory.

Keywords: terrorism, 11 september attack. european union, counter-terrorism policy, radicalization.

Х. Гүнай[1]*, Б. Балапашев[1], М. Балтымова[2], В. Таракчи[2]

[1]Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті, Ақтөбе, Қазақстан
[2]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
*e-mail: hall.gnayy@gmail.com

11 қыркүйек оқиғасынан кейінгі Еуропадағы террористік актілер және терроризмге қарсы ортақ саясат қалыптастырудағы Еуропалық Одақтың күш-жігері

Әдебиетте терроризм ұғымының жалпыға ортақ анықтамасы болмаса да, ол әдетте қорқыныш пен үрей тудыруды білдіреді. Бұл ұғымның тарихи бастауы – 1789 жылғы Француз революциясы. Жаһанданудың әсерімен бұл ұғым бейбіт тұрғындар мен ұлттық үкіметтер үшін қауіпке айналды. Осы тұрғыдан алғанда, Еуропалық Одақты (ЕО) федералистік құрылым ретінде қарастырғанда, терроризм құбылысы институт үшін де, мүше мемлекеттер үшін де аса ауыр мәселе болып табылады. 11 қыркүйек шабуылдарына дейінгі ЕО интеграция кезеңін қарастырсақ, ол терроризм мәселесі бойынша ортақ саясат қалыптастыра алмады. Сол уақытта бұл мәселе «ішкі қауіпсіздік» мәселесі ретінде қарастырылып, ЕО ұлттық үкіметтер деңгейінде институционалдық саясат жүргізді. 2001 жылғы 11 қыркүйектегі Егізкөпірге жасалған шабуылдан кейін Еуропалық Одақ терроризмге қарсы күресті ұлттық деңгейде жүргізуден үкіметаралық деңгейге көтерді. АҚШ-тағы 11 қыркүйектегі террористік актіден кейін Еуропа елдерінде террористік оқиғалар синхронды түрде орын алып, әлі де жалғасуда. Осы террористік оқиғаларға қарсы ЕО-ның терроризмге қарсы саясаты зерттеудің жалпы құрылымын құрайды. Еуропалық интеграция процесі барысында ең ауыр террористік оқиғалар 2004 жылдан кейін басталды. Осы террористік оқиғалардың хронологиялық реті және олардың ЕО-ның терроризмге қарсы саясатында қалай көрініс табатыны көпдеңгейлі басқару теориясы шеңберінде түсіндірілуге тырысады.

Түйін сөздер: терроризм, 11 қыркүйек шабуылы, еуропалық одақ, евроюст, фронтекс, европол, 2004 мадрид шабуылы, 2005 лондон шабуылдары, батаклан шабуылы, терроризмге қарсы саясат.

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

Х. Гюнай[1]*, Б. Балапашев[1], М. Балтымова[2], В. Таракчи[2]
[1]Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Актобе, Казахстан
[2]Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
*e-mail: hall.gnayy@gmail.com

Террористические акты в Европе после терактов 11 сентября и усилия Европейского союза по выработке общей политики в отношении терроризма

В литературе нет единого определения понятия «терроризм», в целом оно означает вселение страха и запугивание. Исторической отправной точкой этого понятия является Французская революция 1789 года. Под влиянием глобализации это понятие стало угрозой как для гражданского населения, так и для национальных правительств. В этом отношении, если рассматривать Европейский союз (ЕС) как федеративную структуру, феномен терроризма представляется серьезной проблемой как для самого института, так и для государств-членов. Если проанализировать период интеграции ЕС до терактов 11 сентября, то можно видеть, что он не смог выработать единую политику в отношении проблемы терроризма. В то время эта проблема рассматривалась как проблема «внутренней безопасности», и ЕС проводил институциональную политику на уровне национальных правительств. После терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке ЕС перенес борьбу с терроризмом, которая велась на национальном уровне, на межправительственный уровень. После террористического акта 11 сентября в США террористические инциденты происходили и продолжают происходить в европейских странах синхронно. Политика ЕС по борьбе с терроризмом в отношении этих террористических инцидентов составляет общую основу данного исследования. В ходе процесса европейской интеграции наиболее серьезные террористические инциденты начали происходить после 2004 года. Хронологический порядок этих террористических инцидентов и то, как они отражаются в политике ЕС по борьбе с терроризмом, пытаются объяснить в рамках теории многоуровневого управления.

Ключевые слова: терроризм, теракт 11 сентября, европейский союз, евроюст, фронтекс, европол, мадридская атака 2004, лондонские атаки 2005, атака на батаклан, политика по борьбе с терроризмом.

Introductıon

Terrorism, not a new phenomenon for Europe, transformed into a serious security problem for EU countries at the beginning of the 21st century. The dissolution of the Soviet Union, the disintegration of Yugoslavia, and the subsequent wars in Bosnia and Kosovo took place in the immediate vicinity of the European continent. These events negatively affected the EU's border and internal security during the last decade of the 20th century. Furthermore, the color revolutions that occurred in former Soviet countries in connection with the EU's 2004 enlargement posed significant problems for EU member states in the context of neighborhood relations. The attack by the Al-Qaeda terrorist organization on the Twin Towers in the United States on September 11, 2001, led to the proliferation of a new type of warfare in the international system, termed asymmetric warfare or irregular warfare. Along with this type of warfare, illegal terrorist organizations have perpetrated numerous acts of violence, massacres, and terrorist attacks in EU countries.

The subject of this research is the examination, within the framework of Multi-Level Governance Theory, of the terrorist acts that occurred in Europe after the September 11, 2001 attacks, as well as the institutions that the European Union strengthened and established, and the policies it implemented in the context of counter-terrorism. In this context, the study holistically addresses the nature of pre-2001 terrorist acts, major post-2001 terrorist incidents in Europe (2004 Madrid, 2005 London, 2015 Paris Bataclan, 2016 Brussels, and post-2016 ISIS attacks), and the institutions (EUROPOL, EUROJUST, FRONTEX, the Counter-Terrorism Coordinator, and the EU Counter-Terrorism Working Group) and policies that the EU established in response to these incidents.

The aim of this research is to chronologically identify the terrorist incidents that occurred in Europe after the September 11 attacks, to explain how these incidents influenced the EU's counter-terrorism policies within the context of Multi-Level Governance Theory, and to reveal the institutions established by the EU within the scope of counter-terrorism as well as the strategies and framework policies it implemented. In addition to these, the study aims to analyze why 2001 constitutes a turning point in the European integration process and how the EU's approach to counter-terrorism evolved from state-centrism toward a supranational basis.

In line with the main objective of the research, four analytical sub-tasks have been identified, each associated with the conceptual tools of Multi-Level Governance Theory:

- To comparatively analyze the nature of terrorism in Europe before and after 2001.
- To chronologically identify the major terrorist incidents that occurred in Europe after September 11 and to reveal, through historical and descriptive methods, the transformation these incidents created in the EU's counter-terrorism institutions and policies.
- To evaluate, in light of the theoretical framework, the functions of the institutions that the EU strengthened and established for counter-terrorism and the role of these institutions at the supranational governance level.
- To examine the policies that the EU has implemented in the context of counter-terrorism since 2001.

This research is an original study that holistically addresses post-9/11 terrorist incidents in Europe and the EU's institutional and policy responses within the framework of Multi-Level Governance Theory, analyzing the transformation between the pre-2001 and post-2001 periods in the context of the shift from a state-centric approach to supranational governance. In the literature, terrorist incidents in Europe and the EU's counter-terrorism policies are often addressed in separate studies and at a descriptive level, lacking a theoretical framework. This study aims to fill this gap by combining both the chronological account of terrorist incidents and the EU's institutional and policy responses within a single analytical plane, explaining the shift of authority and responsibility in EU counter-terrorism through the conceptual tools of Multi-Level Governance Theory.

Lıterature revıew

The September 11, 2001 attacks are regarded as a turning point in the international relations literature. Following this date, the concepts of asymmetric warfare or irregular warfare came to the fore (Mack, 1975; Arreguín-Toft, 2005). Keohane (2002) emphasized that in the post-Cold War era, terrorism, perpetrated by non-state actors, became one of the primary security problems of the international system. Neumann (2009) examined the transformation of jihadist terrorism in Europe within the context of radicalization processes. The European Union's counter-terrorism policies are examined in the literature across three main periods: the pre-9/11 period, the post-9/11 period, and the period following the 2004 Madrid and 2005 London attacks (Bures, 2016; Kaunert and Léonard, 2018). Den Boer and Monar (2002) state that counter-terrorism was incorporated into the EU acquis for the first time with the Maastricht Treaty. The establishment of the EUROPOL, EUROJUST, and FRONTEX agencies is considered in the literature as concrete examples of the EU's transition from the national to the supranational level in counter-terrorism (Bures, 2020; Ripoll Servent, 2024). Kaunert and Léonard (2018) analyzed the transformation of the EU's counter-terrorism competence within the framework of Multi-Level Governance Theory.

The March 2004 Madrid attacks are described in the literature as a wake-up call for EU counter-terrorism policy (Bures and Gajo, 2026; Meade and Pineda, 2024). Cortés et al. (2015) quantitatively analyzed the impact of the attack on the Spanish elections. The July 2005 London attacks, in turn, led to the adoption of the EU's first comprehensive Counter-Terrorism Strategy (Starodubtseva et al., 2020). The November 2015 Paris Bataclan attack is examined in the literature as one of the bloodiest operations of the ISIS terrorist organization in Europe (Zoli and Williams, 2021; Downing et al., 2022). France's declaration of a state of emergency following this attack and the EU's issuance of binding regulations on intelligence sharing are considered significant turning points in the literature (Bures and Gajo, 2026).

Multi-Level Governance Theory, developed by Hooghe and Marks, explains how authority and responsibilities are distributed among national, supranational, and regional levels during the EU integration process (Hooghe and Marks, 2001). This theoretical framework has been used to understand the shift of the EU's counter-terrorism policy from its pre-2001 state-centric structure to its post-2001 supranational basis (Bures, 2016; Ripoll Servent, 2024). It has been noted that applying this theoretical framework to terrorism studies provides significant contributions to understanding the sharing of competences between EU institutions and member states (Kaunert, 2010).

Radicalization processes and the rise of Islamophobia in Europe during the post-2001 period have been extensively examined in the literature (Kundnani, 2012). Bartko (2019) and Bures (2016) analyzed the relationship between irregular migration and terrorism based on EUROPOL and FRONTEX reports. Kabata (2022) examined the security vul-

nerability created by the abolition of internal border controls within the Schengen Area and the effort to compensate for this vulnerability through strengthening external borders via FRONTEX.

This study's contribution to the literature lies in its holistic treatment of post-9/11 terrorist incidents in Europe and the EU's institutional-political responses within the framework of Multi-Level Governance Theory, and its analysis of the transformation between the pre-2001 and post-2001 periods in the context of the shift from state-centrism to supranational governance. It is observed that in the existing literature, these two dimensions are often addressed in separate studies and lack a theoretical framework (Bures, 2016; Kaunert and Léonard, 2018). This study aims to fill this gap by combining both the chronological narrative of events and the EU's institutional and policy responses within a single analytical plane.

Methodology

This study is based on a theoretical and conceptual foundation within the framework of qualitative research methods. The research aims to examine the terrorist acts that occurred in the European integration process after the September 11 attacks and the European Union's efforts to formulate a common policy in response to these acts. Accordingly, the study employs historical and descriptive approaches, which are among the qualitative research methods. While the historical approach allows for the examination of terrorist incidents in a chronological order, the descriptive approach enables a detailed depiction of the institutions and policies established by the EU in the context of counter-terrorism. In line with the subject and aim of the research, four analytical research questions have been formulated, associated with the key concepts of Multi-Level Governance Theory (shift of authority, sharing of responsibilities, the role of non-state actors, supranational-national-local interaction). These questions transcend mere description and possess causal and relational depth:

- How and through which mechanisms has the nature of European terrorism, which was predominantly based on ethnic, ideological, and separatist foundations before 2001, transformed after 2001 in the context of asymmetric warfare and religiously motivated violence?

- What kind of turning points have the 2004 Madrid, 2005 London, 2015 Paris Bataclan, 2016 Brussels, and post-2016 ISIS attacks created in the shift of the competences of the EU's counter-terrorism institutions toward the supranational level?

- Do the institutions strengthened/developed by the EU in the context of counter-terrorism (EUROPOL, EUROJUST, FRONTEX, the Counter-Terrorism Coordinator, the Working Group) represent a meaningful shift of authority from member states to the supranational level, as envisaged by Multi-Level Governance Theory?

- How has the evolution of the EU's post-2001 counter-terrorism policies (strategies, framework decisions, summit declarations) proceeded in terms of the level of bindingness and compliance mechanisms regarding internal security, which falls within the sovereign domain of member states?

In seeking answers to these analytical questions, theoretical propositions of a testable nature have been developed. These propositions, unlike hypotheses, do not contain directly observable or "self-evident" statements; rather, they establish a bridge between the theoretical framework and empirical data:

- Proposition 1: While pre-2001 European terrorism was predominantly characterized by secular, national/separatist, and ideological motivations, post-2001 terrorism has undergone a qualitative rupture with global jihadist discourse, asymmetric warfare tactics, and religiously legitimized forms of violence. This transformation has necessitated a shift in the EU's security paradigm from the perception of an intra-state threat to a trans-state global threat.

- Proposition 2: The Madrid (2004) and London (2005) attacks have served as "trigger" events that increased not only the information exchange and coordination functions of the EU's counter-terrorism institutions (especially EUROPOL and EUROJUST) but also their operational powers and binding decision-making capacities. The Bataclan (2015) and Brussels (2016) attacks, in turn, accelerated a dramatic shift of authority to the supranational level in the area of FRONTEX and border governance.

- Proposition 3: While the EU's post-2001 counter-terrorism policies initially (between 2001 and 2004) predominantly consisted of intergovernmental and recommendatory arrangements, they evolved after the 2005 London attacks in particular to include binding framework decisions, joint action plans, and compliance mechanisms. This evolution points to the forms of "sovereignty sharing" envisaged by Multi-Level Governance Theory.

These propositions will be tested in dialogue with the empirical findings of the research and interpreted according to their verification or falsification.

The data of the research were collected through document analysis. Document analysis refers to the systematic examination of written materials (primary and secondary sources) related to the research topic. In this context, official EU documents (summit conclusions, framework decisions, strategy papers, Europol and Eurojust reports), national and international media outlets, independent commission reports on terrorist incidents, and academic studies constitute the primary data sources.

The obtained data were processed using descriptive analysis and inductive thematic analysis methods in light of the theoretical and conceptual framework (Multi-Level Governance Theory). In the descriptive analysis, raw data were categorized and interpreted under specific themes. Furthermore, to enable the testing of the research propositions, the data were reconstructed under the following analytical themes:

- The nature of pre-2001 terrorist acts (in the context of Multi-Level Governance Theory: state-centric threat perception)
- Post-2001 terrorist acts in Europe (2004 Madrid, 2005 London, Bataclan, 2016 Brussels, post-2016 ISIS) – the triggering role of each event in policy/institutional change
- Institutions established/strengthened by the EU for counter-terrorism – dimensions of the shift of authority
- Policies implemented by the EU – temporal evolution of the level of bindingness

This study is delimited in terms of the scope of terrorist incidents in Europe. In this context, the study is limited to specific terrorist incidents that occurred in Europe after the September 11, 2001 attacks (2004 Madrid, 2005 London, 2015 Paris Bataclan, 2016 Brussels, and post-2016 ISIS attacks). Furthermore, while examining the EU's counter-terrorism institutions and policies, only the aforementioned institutions and policies are included, and other institutions and policies are not addressed in detail to avoid exceeding the scope of the study. Pre-2001 terrorist incidents are examined only in terms of their basic characteristics concerning their nature and are not subjected to detailed analysis. Theoretically, although the limitations of the Multi-Level Governance model in EU counter-terrorism policy (e.g., the veto power of member states in the area of justice and home affairs) are discussed within the scope of the study, an in-depth sociological analysis of the root causes of terrorism or radicalization processes is excluded from the boundaries of this research.

Findings and discussion

Terrorist Incidents In Europe

When the terrorism literature is examined, the year 2001 is regarded as a turning point. Within this framework, terrorist incidents in Europe are examined in two phases in this study. The first phase covers the characteristics of terrorist incidents before 2001, while the second phase covers terrorist incidents after 2001. The study focuses primarily on terrorist incidents after 2001, with pre-2001 incidents only being addressed in terms of their characteristics. The tradition of violence extending from Jacobin terrorism to the Nazi genocide gave way, during the EU period, to ethnic and ideologically based separatist terrorist organisations. The first organisation examined in this context is the Basque Country and Liberty (ETA) terrorist group, established in Spain. Founded in 1959 with the aim of dividing Spain, this organisation initially began its activities with the goal of establishing an independent Basque state and was later influenced by Marxist ideology. In other words, it carried out its terrorist activities under the banner of independence and Leninist-Marxist ideology (Britannica, 2018). As in the case of ETA, most terrorist organisations in Europe have had a hybrid structure combining independence and ideology.

Similar to ETA, another terrorist organisation founded for the purpose of independence in Anglo-Saxon territories is the Irish Republican Brotherhood (IRA), which began its activities in the early 1900s. Unlike ETA, religious factors were also decisive in the emergence of the IRA. Following the religious wars of 1618-1648, many Christian denominations emerged in Europe. While England was influenced by these denominations that appeared in the 17th century, Northern Ireland did not undergo such a denominational shift and remained Catholic. Therefore, Ireland engaged in terrorist activities to separate from England for both denominational and independence purposes (Zalman, 2019). Consequently, terrorist incidents occurring during the European integration period before 2001 can be categorised into five categories: refusal to share power, ethno-religious, independence, ideology, and sect. As seen in the examples of ETA and the IRA, terrorist organisations in this period frequently embodied multiple motivations simultaneously. It is important to underline that terrorist incidents in this period should not be equated with Islam. The primary reason for this is that this period coincided with the Cold War era. Since the Cold War period

was characterised by a bipolar system consisting of Eastern and Western blocs, the US-led Western bloc formed alliances with religion-based organisations to prevent the spread of the Eastern bloc. In other words, the alliance groups established by the West before 2001 were labelled as terrorist groups after 2001. This situation is important insofar as it demonstrates how decisive the international conjuncture and the interests of great powers are in defining terrorist organisations.

Moving to the post-2001 period, following the Twin Towers attack, illegal terrorist organisations extensively employed the asymmetric warfare model and carried out numerous violent, lethal, and fear-inducing acts, particularly in European Union member states. The first major attack of this period was the one carried out by the Al-Qaeda terrorist organisation in Madrid, the capital of Spain, on March 11, 2004, when ten bombs simultaneously exploded at a suburban train station, resulting in the deaths of 192 people and injuring 2,050. Spanish authorities initially stated that the attack had been carried out by ETA, the country's most prominent local, ideological and ethnic terrorist organisation, but the attack did not conform to ETA's modus operandi. Subsequently, the Abu Hafs al-Masri Brigades of the Al-Qaeda terrorist organisation claimed responsibility for the attack and sent an email to a London-based newspaper, Al-Quds Al-Arabi, stating that the reason for the attack was Spain's alliance with the United States in Iraq (Meade & Pineda, 2024). The attack took place three days before the Spanish elections, and the government lost the elections (Cortés et al., 2015). The 2004 Madrid bombings served as a "wake-up call" in the evolution of the EU's counter-terrorism policy, producing concrete outcomes such as the establishment of the Counter-Terrorism Coordinator, the creation of FRONTEX, the activation of the European Arrest Warrant, and the adoption of the 2005 European Counter-Terrorism Strategy (Bures & Gajo, 2026).

Following the Madrid attack, a similar process occurred in London, the capital of the United Kingdom, between July 7 and 21, 2005. In the attacks carried out by the Al-Qaeda terrorist organisation, the terrorists planned the attacks using explosive devices placed on the city's transport systems (underground and bus stops), and as a result of these attacks, 52 civilians lost their lives. The United Kingdom described this event as Britain's September 11 (BBC, 2017). The policy update efforts initiated after the Madrid attack (2004) transformed into a concrete strategy document following the London attack. The Council, meeting on November 15, 2005, implemented the "European Counter-Terrorism Strategy" in December 2005, and this strategy was structured around four main pillars: Prevent, Protect, Pursue, and Respond (Council of the European Union, 2007).

The momentum generated by these two attacks was taken to a new stage with the Bataclan concert hall attack, organised by the ISIS terrorist organisation in Paris, the capital of France, on November 13, 2015, in which 153 people lost their lives. ISIS not only targeted the Bataclan concert hall but also carried out armed and bomb attacks at key points in Paris (Zoli & Williams, 2021). France declared a state of emergency for the second time in the history of the Fifth Republic. This attack became the third major turning point in the EU's counter-terrorism policy after Madrid (2004) and London (2005), and pushed the EU to adopt binding regulations mandating data sharing among intelligence services, police agencies, and judicial authorities (Bures & Gajo, 2026).

Before European countries could recover from the shock of the Bataclan attack, they faced this fear again in Brussels on March 22, 2016. Brussels' importance stems from it being the capital of the EU. ISIS, as in other attacks, chose this city to create an impact on the international stage. During this period, the ISIS terrorist organisation carried out numerous bloody attacks targeting civilians across Europe, and as a result of these attacks, many civilians lost their lives. Terrorist incidents originating from the organisation led to a significant increase in Islamophobia in European public opinion. On July 14, 2016, in Nice, France, an attack claimed by ISIS resulted in the deaths of 84 people. Later that same year, another attack in Berlin, Germany, resulted in the deaths of twelve people. In 2017, ISIS's first attack in Europe took place in the United Kingdom, when an action planned by the organisation in Manchester on May 22 resulted in the deaths of 22 people. In the same country and year, on June 3, eight people lost their lives when an ISIS militant attacked civilians with a knife in the capital, London. Following the attacks in the United Kingdom, ISIS directed its terrorist activities toward Spain, and an attack in Barcelona on August 17, 2017, resulted in the deaths of twelve people. In 2018, the organisation planned actions in France and Belgium, with three people dying in the attack in France and three people dying in the attack in Belgium (Downing et al., 2022).

The qualitative difference between the ethnic, ideological, and sectarian motivations observed

in the pre-2001 examples of ETA and IRA, and the asymmetric warfare and jihadist discourse that emerged in the post-2001 Madrid, London, Bataclan, Brussels, and ISIS attacks, confirms Proposition 1. The post-2001 period is distinctly differentiated from the previous period, particularly in terms of attack methods (simultaneous explosives, vehicle-ramming attacks, stabbing attacks) and targeting patterns (maximization of civilian casualties).

Institutions Established By the EU to Combat Terrorism

Driven by the impetus of the post-Cold War international environment, European integration accelerated, with the 1992 Maastricht Treaty standing as one of the most significant turning points in this process. This treaty is regarded as one of the crucial steps toward transforming European integration into a federalist structure. Entering into force on November 1, 1993, the treaty not only completed the process of economic integration but also aimed to establish monetary and political union. In line with this objective, efforts to create a common European security policy were undertaken following the treaty, and consequently, the EU began establishing new institutions to combat, inter alia, terrorist incidents in Europe. The Maastricht Treaty was groundbreaking in this field by bringing counter-terrorism cooperation within the scope of EU treaties and institutions for the first time (Cevik, 2015).

One of the first concrete steps taken in this context was the establishment of EUROPOL in 1998 to ensure security among member states. Headquartered in The Hague, EUROPOL operates under the Council's supervision, and its expenses are covered by the EU budget. The agency, which became operational in 1999 to combat crime within EU borders, encompasses not only EU member states but also countries closely affiliated with the Union, such as the United States and Canada. However, units under EUROPOL cannot conduct direct operations or carry out arrests; instead, they provide information and analyses to member states. EUROPOL's mandate for counter-terrorism actually predates September 11. The TREVI group, established in 1975, was a temporary cooperation structure created to combat terrorism in Europe. EUROPOL commenced its limited operations as a drugs unit in 1994, and counter-terrorism was officially added to EUROPOL's mandate in 1999 (Bures, 2020). The September 11 attacks served as a turning point in the EU's counter-terrorism policy, and as a result of these developments, the European Counter Terrorism Centre (ECTC) was established within EUROPOL. The main tasks of this centre include combating foreign terrorist fighters, sharing intelligence on terrorist financing, countering online terrorist propaganda and extremism, preventing illicit arms trafficking, and enhancing international cooperation (Europol, 2016). Finally, at the 16th Joint Parliamentary Oversight Group meeting held in February 2025, it was announced that EUROPOL's human and financial resources would be doubled between 2025 and 2028, and that by gaining access to EU databases such as SIS, VIS, EES, ETIAS, and Eurodac, it would assume the function of the EU's crime hub (Caeiro, 2025). In the context of Multi-Level Governance Theory, which constitutes the theoretical framework of this study, EUROPOL represents the most concrete example of transferring the EU's counter-terrorism policy from the national to the supranational level (Kaunert & Léonard, 2018).

Another key pillar of the counter-terrorism institutional architecture is EUROJUST. This EU agency, also headquartered in The Hague like EUROPOL, became operational in 2002 to coordinate and enhance investigations and prosecutions among EU member states. EUROJUST emerged as a product of the EU's efforts to strengthen its counter-terrorism instruments following the September 11 attacks, was established by a Council Decision in 2002, and its mandate has been expanded over time. With the new EUROJUST Regulation that entered into force in 2018, it officially became the European Union Agency for Criminal Justice Cooperation, and its role in counter-terrorism was reinforced. Within the scope of counter-terrorism, EUROJUST performs key functions such as coordinating Joint Investigation Teams, accelerating judicial cooperation, and setting up coordination centres during simultaneous operation days targeting terrorist organisations. The Agency's mandate was extended in 2022, following Russia's invasion of Ukraine, to cover war crimes, genocide, and crimes against humanity. In April 2025, a Joint Investigation Team established with EUROJUST's support achieved the first convictions in the prosecution of foreign terrorist fighters for crimes committed against Yazidi victims in Syria and Iraq (Eurojust, 2021).

Another vital component of the EU's counter-terrorism strategy is FRONTEX, operating in the field of border security. Established in 2004 and renamed the European Border and Coast Guard Agency in 2016, FRONTEX operates under the European Commission and is headquartered in Warsaw. FRONTEX coordinates measures aimed at

intervening before activities that could facilitate terrorist acts such as illegal migration, trafficking of arms, drugs, counterfeit currency, and cross-border transport of materials used in explosive manufacturing reach European borders. The emergence of a new type of threat known as asymmetric warfare in the international system following the September 11 attacks, and the intensive use of cross-border mobility and trafficking networks by terrorist organisations (Bartko, 2019), have made FRONTEX an indispensable part of the EU's counter-terrorism policy. Indeed, a common feature of the 2004 Madrid, 2005 London, 2015 Paris Bataclan, and 2016 Brussels attacks examined in detail in this study is that the perpetrators either entered illegally across the EU's external borders or procured the necessary materials for the attacks through cross-border smuggling (Bures, 2016). The abolition of internal border controls between member states under the Schengen Agreement, while providing freedom of movement to EU citizens, also allowed terrorist organisations to move freely; to compensate for this vulnerability, FRONTEX has served to reinforce external borders (Efe, 2007). According to Multi-Level Governance Theory, the EU's counter-terrorism policy was state-centric prior to 2001 but was subsequently transferred to a supranational foundation, with FRONTEX becoming one of the most concrete examples of this transfer (Ripoll Servent, 2024). As of April 2025, under the new internal security strategy 'ProtectEU' activated by the European Commission, FRONTEX's staff numbers are expected to triple (Radjenovic, 2026).

Finally, the EU counter-terrorism institutional architecture includes the Counter-Terrorism Working Group (COTER), which is responsible for policy coordination. This group is tasked with managing and steering the Council's counter-terrorism agenda, and its main responsibilities include assessing terrorist threats, exchanging information, countering radicalisation, and implementing best practices in cooperation with member states. The process of forming this group parallels the institutional transformation described above. While EU member states combated terrorism at the national government level until 2001, counter-terrorism was elevated to a supranational level after the September 11 attacks, and the rapid implementation of this transformation occurred after the 2004 Madrid attacks. This working group functions as a central actor in the EU's holistic counter-terrorism policy by ensuring coordination among operational agencies such as EUROPOL, EUROJUST, and FRONTEX (EP Policy Department Citizens' Rights, 2022).

The establishment of the Counter-Terrorism Coordinator, the creation of FRONTEX, and the activation of the European Arrest Warrant following the Madrid (2004) attack, as well as the adoption of the European Counter-Terrorism Strategy (four pillars) after the London (2005) attack, confirm the first part of Proposition 2. The expansion of FRONTEX's powers and the increase in binding regulations on data sharing following the Bataclan (2015) and Brussels (2016) attacks support the second part of the proposition.

The European Union's Policies Against Terrorist Elements

The primary objective of the European integration movement is to ensure the security of European citizens and to offer them a space where they can live freely and prosperously. In line with this objective, the fundamental principles established in the European Convention on Human Rights, signed on November 4, 1950, have taken precedence. Within this framework, terrorist incidents in Europe have emerged as a phenomenon threatening the security of European citizens (Council of Europe, 1950).

The first major test of this threat occurred in 1972 during the 20th Summer Olympics held in Munich, when the European Union (then the European Economic Community) institutionally confronted terrorism for the first time. Militants from the Black September terrorist organisation carried out attacks against Israeli athletes participating in the Olympics. In response to this situation, European countries, particularly Germany, perceived their own security as being under threat. The nine countries constituting the European Economic Community held a series of meetings to adopt common policies against terrorism. The tangible outcome of these meetings was the European Convention on the Suppression of Terrorism, signed in 1977 and entered into force in 1978, which constituted the first binding text on counter-terrorism. This text stipulated that if a militant who had committed a terrorist act in one Community country fled to another member state, they would be extradited to the country where the act was committed–thus regulating a rather limited issue (Oberloskamp, 2017).

In the post-Munich period, the next significant document on counter-terrorism was the La Gomera Declaration, proclaimed at the Madrid Summit in 1995. According to this declaration, terrorism, amid changing circumstances, had become a major force

in the world and, due to posing a threat to international security, was no longer an issue that could be resolved solely through individual national efforts. Therefore, the need for effective police and judicial cooperation among member states to prevent terrorism was emphasised. The declaration also stated that measures could be taken against initiatives that might finance terrorism, such as arms smuggling and money laundering, through information exchange among police authorities within the Union. The La Gomera Declaration holds an important place within the counter-terrorism activities conducted under the EU framework, as it addresses terrorism at the intergovernmental level (Erbaş, 2018).

However, despite all these steps, until the attack on the Twin Towers by the Al-Qaeda terrorist organisation on September 11, 2001, counter-terrorism efforts in Union member countries were generally conducted at the governmental level. The primary reason member states pursued this policy was that, prior to 2001, terrorist incidents in Europe were motivated by ethnic or ideological factors (e.g., Marxist ideology). In this context, the terrorist incidents of that period did not constitute a threat to all members of the European Community and were largely perceived as internal affairs of the Union's member states. Consequently, there was no perceived need for a common counter-terrorism policy at the Union level. Indeed, a common counter-terrorism policy only began to be formulated following the attacks in the United States in September 2001. Within this scope, EU institutions held a series of meetings (Starodubtseva, 2020).

The first concrete step of this transformation is considered to be the Gent Summit, held on October 19, 2001, immediately following the September 11 attacks. At the summit, solidarity with the United States was expressed, and it was emphasised that counter-terrorism efforts would remain committed to United Nations resolutions. Although this summit marked a turning point in the transformation of counter-terrorism from a national competence into a common policy area at the EU level, the decisions adopted were largely political and symbolic in nature (Bures, 2016). At this point, as an intriguing detail, it must be noted that the Laeken Summit, held approximately four months prior to September 11, on May 14–15, 2001, holds particular significance as it contained forward-looking decisions adopted before the attacks. At this summit, emphasis was placed on monitoring measures taken within the framework of fundamental rights and freedoms, taking precautions against the threat of chemical and biological weapons, ensuring due diligence in external border controls within the Schengen Area, and promoting stability in the Middle East to keep terrorist activities away from Europe (Efe, 2007). These decisions laid the foundation for subsequent policies, particularly concerning border security, visa systems, and preventing weapons of mass destruction from reaching terrorist organisations (Kabata, 2022).

The most critical step taken immediately after the Gent and Laeken summits was the extraordinary European Council meeting held on September 21, 2001. At this meeting, it was stressed that radical terrorism should not be conflated with the Islamic world, and a five-point action plan was put into effect: enhancing police and judicial cooperation, developing international legal instruments, halting the financing of terrorism, strengthening aviation security, and coordinating the EU's global actions (European Council, 2002). The clause on halting terrorist financing was particularly interpreted as an acknowledgment that European countries had previously transferred funds to terrorist organizations.

Following these action plans, more concrete steps were taken at the Brussels Summit on December 27, 2001, where a definition of terrorism and a list of terrorist organizations reflecting the common stance of member states were announced. Acts falling within the scope of terrorism included instilling fear through violence, influencing government policies by illegal means, kidnapping, hostage-taking, seizing aircraft, and establishing contact with or providing support to terrorist organizations (Erbaş, 2018).

After these definition and listing efforts, a revolutionary implementation mechanism was introduced with the Framework Decision (2002/584/JHA) adopted on June 13, 2002: the European Arrest Warrant system, which radically altered traditional extradition procedures. This system abolished the political offense exception, mandated the extradition of a state's own nationals, waived the requirement of dual criminality for 32 categories of offenses, reduced decision-making time to a maximum of 60–90 days, and rendered the executing authority judicial (Zając, 2023).

The terrorist attack carried out in Madrid in 2004 served as a new catalyst prompting EU action. Within a week of the attack, an extraordinary Justice and Home Affairs meeting was convened, where it was decided to operationalize the Police Chiefs Task Force, EUROPOL, and EUROJUST more effectively. At the European Council meeting on March 25-26, 2004, a Declaration on Com-

bating Terrorism was adopted, and the position of Counter-Terrorism Coordinator was established. Additionally, the adoption of the Solidarity Clause, the establishment of FRONTEX, and the use of biometric identifiers in visas and residence permits for third-country nationals were proposed (Kaunert & Léonard, 2018).

Another major challenge following the Madrid attacks was the 2005 London bombings. In the aftermath of these attacks, the European Union Counter-Terrorism Strategy was implemented following the November 2005 meeting. This strategy, consisting of four core pillars (Prevent, Protect, Pursue, Respond), noted that referencing terrorism through the concept of religion had led to Islamophobia and xenophobia in Europe (Council of the European Union, 2007).

Finally, the 2008 regulation, prepared to update and expand the scope of the previously enacted 2002 Framework Decision, added offenses such as public incitement to commit terrorist offences, recruitment for terrorist activities, training for terrorism, as well as theft, robbery, and drawing up false documents within the context of terrorist preparation, to the scope of terrorist crimes (Erbaş, 2018).

The process extending from the political and symbolic decisions taken at the 2001 Ghent and Laeken summits, to the binding nature of the European Arrest Warrant through the 2002 Framework Decision, to the establishment of the four-pillar structure with the 2005 Strategy, and to the expansion of the scope of terrorist offenses through the 2008 Framework Decision, confirms the increase in bindingness anticipated in Proposition 3. The post-2005 period, in particular, demonstrates a marked increase in the number of highly binding regulations at the supranational level.

Conclusıon

Within the scope of this research, three theoretical propositions developed based on the conceptual tools of Multi-Level Governance Theory were tested in light of the empirical findings obtained. The first proposition asserted that pre-2001 European terrorism was predominantly characterized by ethnic, ideological, and separatist motivations, whereas post-2001 terrorism underwent a qualitative rupture with global jihadist discourse, asymmetric warfare tactics, and religiously legitimized forms of violence. The research findings revealed that prior to 2001, organizations such as ETA and IRA carried out secular, national, and ideologically based acts; while after 2001, organizations such as Al-Qaeda and ISIS, employing asymmetric methods including the use of simultaneous explosives, vehicle-ramming and stabbing attacks, targeted civilians and disseminated a form of religiously motivated violence. These findings strongly confirm the first proposition.

The second proposition predicted that the Madrid (2004) and London (2005) attacks served as trigger events that increased the operational powers and binding decision-making capacities of the EU's counter-terrorism institutions, while the Bataclan (2015) and Brussels (2016) attacks accelerated the shift of authority to the supranational level in the area of FRONTEX and border governance. The findings showed that following the Madrid attack, the Counter-Terrorism Coordinator was established, FRONTEX was created, and the European Arrest Warrant was activated; after the London attack, the European Counter-Terrorism Strategy (Four Pillars: Prevent, Protect, Pursue, Respond) was adopted. Following the Bataclan and Brussels attacks, it was identified that FRONTEX's powers were expanded and the number of binding regulations mandating data sharing among intelligence, police, and judicial authorities increased. These findings also confirm the second proposition.

The third proposition asserted that the EU's post-2001 counter-terrorism policies, initially dominated by intergovernmental and recommendatory arrangements, evolved after the 2005 London attacks in particular to include binding framework decisions, joint action plans, and compliance mechanisms. The research findings clearly revealed the process extending from the political and symbolic decisions taken at the 2001 Ghent and Laeken summits, to the binding nature of the European Arrest Warrant through the 2002 Framework Decision, to the establishment of the four-pillar structure with the 2005 Strategy, and to the expansion of the scope of terrorist offenses through the 2008 Framework Decision. A marked increase in the number of highly binding regulations at the supranational level was observed, particularly in the post-2005 period. These findings also confirm the third proposition.

In conclusion, all three theoretical propositions developed within the scope of this research were supported by the empirical findings. It has been determined that there is a qualitative difference between the nature of pre-2001 and post-2001 terrorism; that the Madrid, London, Bataclan, and Brussels attacks were decisive trigger events in the EU's institutional transfer of authority; and that the

EU's counter-terrorism policies evolved over time from symbolic arrangements toward binding legal instruments. While these findings demonstrate that Multi-Level Governance Theory offers a robust analytical framework for explaining EU counter-terrorism policy, future comparative and quantitative studies may further test these propositions. Unlike hypotheses that remain at a descriptive level, these theoretical propositions have enhanced the analytical depth of the research and made it possible to reveal the causal relationships between terrorist incidents and EU policies in a more systematic manner.

Conflicts of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Author Contributions

Conceptualization, Gunay H., Baltymova M. and Tarakci V; Methodology, Gunay H.; Validation, Balapashev B., Gunay H. and Baltymova M.; Formal Analysis, Gunay H.; Investigation, Balapashev B. and Gunay H.; Resources, Balapashev B.; Data Curation, Balapashev B.; Writing – Original Draft Preparation, Gunay H.; Writing – Review & Editing, Balapashev B., Gunay H., Baltymova M. and Tarakci V; Project Administration, Gunay H.

References

Bartko, R. (2019). Irregular Migration and Terrorism in the European Union- An Analysis Based on Reports of EUROPOL and FRONTEX. International Journal of Migration and Border Studies, Advances in Politics and Economics 2(1):16-22. https://doi.org/10.22158/ape.v2n1p16

Bures, O. (2016). EU Counterterrorism Policy: A Paper Tiger? Abingdon: Routledge, Taylor & Francis Group.

Bures, O. (2020). EU Counterterrorism Policy: A Paper Tiger? In Oxford Encyclopedia of European Union Politics. Oxford University Press.

Bures, O., Gajo, C. A. (11 Feb 2026): Interoperability: A Paradigm Shift in EU Counterterrorism? Studies in Conflict & Terrorism. https://doi.org/10.1080/1057610X.2026.2618982

Caeiro, P. (Ed.). (2025). European Security, Borders, Crime and EU Law. Instituto Jurídico, Faculdade de Direito da Universidade de Coimbra. DOI: https://doi.org/10.47907/EuropeanSecurityBordersCrimeandEULaw/Livro

Cevik, S. (2015). The development of the EU's counter terrorism policies in the post 9/11 era. Dissertations, Theses, and Capstone Projects CUNY Graduate Center, City University of New York. https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1896&context=gc_etds

Cortés, J. C., Sánchez, F., Santonja, F. J., & Villanueva, R. J. (2015). A probabilistic analysis to quantify the effect of March 11, 2004, attacks in Madrid on the March 14 elections in Spain: A dynamic modelling approach. Abstract and Applied Analysis, Article 387839, 1-8. https://doi.org/10.1155/2015/387839

Council of Europe. (1950). *European Convention on Human Rights*. https://www.yargitay.gov.tr/documents/AIHM.pdf

Council of the European Union. (2007). *Council conclusions on cooperation to combat terrorist use of the Internet ("Check the Web")*. Statewatch. https://www.statewatch.org/media/documents/news/2007/may/eu-check-the-web-8457-rev2-07.pdf

Downing, J., Gerwens, S., & Dron, R. (2022). Tweeting terrorism: Vernacular conceptions of Muslims and terror in the wake of the Manchester Bombing on Twitter. Critical Studies on Terrorism, 15(2), 239–266. https://doi.org/10.1080/17539153.2021.2013450

Efe, H. (2007). The EU's Struggle Towards The "European Security And Defence Policy. Ekonomik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi, 3 (2), 1-31. https://izlik.org/JA76MA83HH

EP Policy Department Citizens' Rights. (2022). Counterterrorism policies, measures and tools in the EU: An assessment of the effectiveness of the EU counterterrorism policy (PE 730.581). European Parliament.https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/730581/IPOL_STU(2022)730581_EN.pdf

Erbaş, U. (2018). *Avrupa Birliği terörle mücadele politikasının üyelik sürecine yansımaları* [Reflections of The European Union Counter Terrorism Policy on the Membership Process]. Master's thesis, Afyon Kocatepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Kamu Yönetimi Anabilim Dalı. file:///C:/Users/USER/Downloads/519177.pdf

Eurojust. (2021). Eurojust Casework on Counter-Terrorism: Insights 2020 – 2021. https://www.eurojust.europa.eu/hr/node/3033

European Council. (2002). "Council Framework Decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States (2002/584/JHA)". EUR-Lex. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32002F0584

Europol. (2016). European Counter Terrorism Centre – ECTC: A central hub of expertise working to provide an effective response to terrorism. Retrieved. https://www.europol.europa.eu/about-europol/european-counter-terrorism-centre-ectc

Hooghe, L., & Marks, G. (2001). Multi-level governance and European integration. Rowman & Littlefield.https://www.researchgate.net/publication/246883870_MultiLevel_Governance_and_European_Integration

Kabata, M. (2022). The intersection of counter-terrorism, migration and border control policies in the European Union: the securitisation of migration? [Doctoral dissertation, Nottingham Trent University]. https://irep.ntu.ac.uk/id/eprint/48575

Kaunert, C. (2010). Europol and EU Counterterrorism: International Security Actorness in the External Dimension. Studies in Conflict & Terrorism, 33(7), 652–671. https://doi.org/10.1080/1057610X.2010.484041

Kaunert, C., & Léonard, S. (2018). The collective securitisation of terrorism in the European Union. West European Terrorism and Politics, 42(1), 261-277. https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510194

Kundnani, A. (2012). Radicalisation: The journey of a concept. Race & Class, 54(2), 3-25. https://doi.org/10.1177/0306396812454984

Meade, M. R., & Pineda, R. (2024). Analysis of Coverage of the 11 March 2004 Madrid Train Bombings in Spain's El País and El Diario Vasco Through War and Peace Journalism Frames. Media, War and Conflict, 17(3), 419-437. https://doi.org/10.1177/17506352231219693

Oberloskamp, E. (2017). Codename TREVI, Terrorismusbekämpfung und die Anfänge einer europäischen Innenpolitik in den 1970er Jahren. Berlin: De Gruyter Oldenbourg. ISBN 9783486764208.

Radjenovic, A. (2026). Strengthening Frontex's mandate in border and migration management (Document No. PE 785.662). EPRS, European Parliamentary Research Service. https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2026/785662/EPRS_BRI(2026)785662_EN.pdf

Ripoll Servent, A. (2024). "The development of Frontex: Integration through supranationalism." European Politics and Society, 25(2), 233-248. https://doi.org/10.1080/23745118.2022.2160548

Starodubtseva, M. A., & Mazurov, V. A., & Shushakova, E. A. (2020). European Union Strategy For The Fight Against Terrorism. Society and Security Insights, 3 (2), 158-168. https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-10

Top, S. (2021). Prosecuting political dissent: discussing the relevance of the political offence exception in EU extradition law in light of the Catalan independence crisis. New Journal of European Criminal Law, 12(2), 107-127. https://doi.org/10.1177/20322844211004762

Ülger, İ. K. (2015). *Avrupa Birliği rehberi [European Union Guide]*. Kocaeli:Umuttepe Yayınevi. ISBN : 9786055936044

Zając, D. (2023). The European Arrest Warrant in Designer Drugs Cases: with or Without Verification of Double Criminality? European Journal on Criminal Policy and Research, 29(2), 247-261. DOI: 10.1007/s10610-021-09487-2

Zalman, A. (2019). *A guide to the Irish Republican Army*. ThoughtCo. https://www.thoughtco.com/guide-to-the-irish-republican-army-3209135

Zoli, C., & Williams, A. H. (2021). ISIS Cohort Transnational Travels and EU Security Gaps: Reconstructing the 2015 Paris Attack Preplanning and Outsource Strategy. Terrorism and Political Violence, 33(4), 806-835. https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1598385

Information about the authors:

Halil Gunay (corresponding author) – PhD, Senior Lecturer of the Department of the Assembly of the People of Kazakhstan and Socio-Political Disciplines, Aktobe Regional University named after K. Zhubanov (Aktobe, Kazakhstan. ORCID ID: 0000-0003-1503-7415. E-mail: hall.gnayy@gmail.com; h.turgunay@zhubanov.edu.kz).

Balapashev Beken – Master of Humanities, PhD Candidate. Lecturer of the Department of the Assembly of the People of Kazakhstan and Socio-Political Disciplines, Aktobe Regional University named after K. Zhubanov (Aktobe, Kazakhstan. ORCID ID: 0000-0001-7744-2008. E-mail: beken.balapashev@bk.ru; b.balapashev@zhubanov.edu.kz).

Baltymova Mira – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Professor of the Department of Religious Studies and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, ORCID: 0000-0002-2758-8436, e-mail: mbr76@mail.ru).

Tarakci Vahdet – Faculty of Arts and Sciences. Department of General Turkish History. University of Duzce (Turkey, e-mail: vahdettarakci@duzce.edu.tr, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5234-4743).

Авторлар туралы мәлімет:

Гюнай Халил (хат-хабарға жауапты автор) – PhD, Қазақстан халқы Ассамблеясы және әлеуметтік-саяси пәндер кафедрасының аға оқытушысы, Қ. Жубанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті (Ақтөбе, Қазақстан. ORCID ID: 0000-0003-1503-7415. E-mail: hall.gnayy@gmail.com; h.turgunay@zhubanov.edu.kz).

Балапашев Бекен – гуманитарлық ғылымдар магистрі, Қазақстан халқы Ассамблеясы және әлеуметтік-саяси пәндер кафедрасының оқытушысы, PhD докторант. Қ. Жубанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті (Ақтөбе, Қазақстан. ORCID ID: 0000-0001-7744-2008. E-mail: beken.balapashev@bk.ru;b.balapashev@zhubanov.edu.kz).

Балтымова Мира – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, діntану және мәдениеттану кафедрасының профессоры м.а., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, ORCID: 0000-0002-2758-8436, e-mail: mbr76@mail.ru).

Таракчи Вахдет – Өнер және ғылым факультеті, PhD. Жалпы түркі тарихы кафедрасы, Дүзже университеті (Түркия, e-mail: vahdettarakci@duzce.edu.tr, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5234-4743).

Сведения об авторах:

Гюнай Халил (автор, ответственный за переписку) – PhD, старший преподаватель кафедры Ассамблеи народа Казахстана и социально-политических дисциплин Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова (Актобе, Казахстан. ORCID ID: 0000-0003-1503-7415. E-mail: hall.gnayy@gmail.com; h.turgunay@zhubanov.edu.kz).

Балапашев Бекен – магистр гуманитарных наук, докторант PhD, преподаватель кафедры Ассамблеи народа Казахстана и социально-политических дисциплин Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова (Актобе, Казахстан. ORCID ID: 0000-0001-7744-2008. E-mail: beken.balapashev@bk.ru; b.balapashev@zhubanov.edu.kz).

Балтымова Мира – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, и.о. профессора кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан. ORCID: 0000-0002-2758-8436. E-mail: mbr76@mail.ru).

Таракчи Вахдет – факультет искусств и наук, кафедра всеобщей тюркской истории, Университет Дюздже (Турция. E-mail: vahdettarakci@duzce.edu.tr. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5234-4743).

Поступила: 02.12.2025
Принята: 03.02.2026

МРНТИ 11.15.51 https://doi.org/10.26577/jpcp962202611

Б.Б. Расулов

Самаркандский государственный архитектурно-строительный университет,
Самарканд, Узбекистан
e-mail: rasulov.bekzod@samdaqu.edu.uz

ЗНАЧЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ И ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГРАЖДАН УЗБЕКИСТАНА

Данная научная статья посвящена комплексному анализу влияния когнитивных стереотипов и ценностей в политической культуре граждан Узбекистана на развитие общества. В статье научно-теоретически обосновывается, каким образом эти когнитивные и ценностные компоненты положительно или отрицательно влияют на скорость и качество общественно-политических реформ, на уровень гражданской активности и прозрачности в обществе. Исследование, в частности, раскрывает трансформацию политической культуры в условиях Нового Узбекистана, а также противоречия между старыми стереотипами и новыми ценностями. Особое внимание уделяется выявлению факторов, оказывающих влияние на формирование политического сознания и моделей общественного поведения граждан. Анализируются современные тенденции развития политической культуры и их значение для дальнейшей модернизации общества. Рассматривается роль ценностных ориентаций в укреплении взаимодействия между государством и гражданским обществом. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ политического просвещения и совершенствовании механизмов общественного участия. На основе полученных результатов разработаны практические рекомендации по совершенствованию политической культуры для обеспечения устойчивого и эффективного развития страны.

Ключевые слова: политическая культура, когнитивные стереотипы, национальные ценности, развитие общества, гражданская активность, патернализм, демократическая трансформация, политические реформы.

B.B. Rasulov

Samarkand State University of Architecture and Construction, Samarkand, Uzbekistan
e-mail: rasulov.bekzod@samdaqu.edu.uz

The significance of cognitive stereotypes and values in the political culture of Uzbekistan's citizens

This scientific article is devoted to a comprehensive analysis of the influence of cognitive stereotypes and values embedded in the political culture of the citizens of Uzbekistan on societal development. The article provides a theoretical and methodological justification of how these cognitive and value-based components positively or negatively affect the pace and quality of socio-political reforms, the level of civic engagement, and transparency within society. In particular, the study explores the transformation of political culture in the context of the New Uzbekistan and examines the contradictions between traditional stereotypes and emerging values. Special attention is paid to identifying the factors that shape political consciousness and patterns of public behavior among citizens. The article analyzes current trends in the development of political culture and their significance for the further modernization of society. It also considers the role of value orientations in strengthening interaction between the state and civil society. The findings of the study may be used in the development of political education programs and the improvement of mechanisms for public participation. Based on the obtained results, practical recommendations have been developed to enhance political culture and ensure the sustainable and effective development of the country.

Keywords: political culture, cognitive stereotypes, national values, societal development, civic engagement, paternalism, democratic transformation, political reforms.

© 2026 Al-Farabi Kazakh National University

Б.Б. Расулов
Самарқанд мемлекеттік сәулет және құрылыс университеті, Самарқанд, Өзбекстан
e-mail: rasulov.bekzod@samdaqu.edu.uz

Өзбекстан азаматтарының саяси мәдениетіндегі когнитивтік стереотиптер мен құндылықтардың маңызы

Бұл ғылыми мақала Өзбекстан азаматтарының саяси мәдениетіндегі когнитивтік стереотиптер мен құндылықтардың қоғамның дамуына ықпалын кешенді түрде талдауға арналған. Мақалада аталған когнитивтік және құндылықтық компоненттердің қоғамдық-саяси реформалардың қарқыны мен сапасына, азаматтық белсенділік деңгейіне және қоғамдағы ашықтықтың қалыптасуына оң немесе теріс әсер ету тетіктері теориялық және әдіснамалық тұрғыдан негізделеді. Зерттеу барысында Жаңа Өзбекстан жағдайындағы саяси мәдениеттің трансформациясы қарастырылып, дәстүрлі стереотиптер мен жаңа құндылықтар арасындағы қайшылықтар талданады. Азаматтардың саяси санасы мен қоғамдық мінез-құлық үлгілерін қалыптастыратын факторларды айқындауға ерекше назар аударылады. Сонымен қатар, саяси мәдениеттің дамуындағы заманауи үрдістер және олардың қоғамды одан әрі жаңғыртудағы маңызы зерттеледі. Құндылықтық бағдарлардың мемлекет пен азаматтық қоғам арасындағы өзара іс-қимылды нығайтудағы рөлі де қарастырылады. Зерттеу нәтижелері саяси ағарту бағдарламаларын әзірлеуде және қоғамдық қатысу тетіктерін жетілдіруде пайдаланылуы мүмкін. Алынған нәтижелер негізінде саяси мәдениетті жетілдіруге және елдің тұрақты әрі тиімді дамуын қамтамасыз етуге бағытталған практикалық ұсынымдар әзірленді.

Түйін сөздер: саяси мәдениет, когнитивтік стереотиптер, ұлттық құндылықтар, қоғамның дамуы, азаматтық белсенділік, патернализм, демократиялық трансформация, саяси реформалар.

Введение

В современных условиях, когда политические процессы становятся всё более сложными, а глобальные информационные потоки оказывают прямое и оперативное влияние на сознание человека, глубокое изучение политической культуры граждан приобретает особую научную и практическую значимость. Особую актуальность в условиях текущего этапа демократического развития приобретает исследование влияния когнитивных стереотипов и системы ценностей на политическое сознание и поведение. Это связано с тем, что стабильность и эффективность политической системы зависят не только от институциональных реформ, но и от политического мышления, взглядов и убеждений граждан.

В период независимости Узбекистан проводит последовательные реформы, направленные на построение правового демократического государства и формирование сильного гражданского общества. Усиление политической активности граждан обеспечивается через модернизацию системы государственного управления, укрепление верховенства закона, защиту прав и свобод человека, а также активизацию роли политических партий и общественных институтов. Вместе с тем успешность реформ во многом определяется уровнем политической культуры общества и содержанием сформированных в сознании граждан ценностей и стереотипов.

Современные политические процессы – такие как популистские движения, широкое распространение дезинформации и непредсказуемые действия избирателей – нередко выходят за рамки традиционных рациональных моделей политологического анализа. Решения граждан формируются под влиянием эмоций, личных мотивов и иррациональных когнитивных искажений. Политическая психология играет ключевую роль в изучении этих иррациональных факторов, обеспечивая научное обоснование для более точного анализа политического поведения (Расулов Б.Б., 2025).

Политическая культура представляет собой совокупность знаний, убеждений, норм поведения и отношения граждан к политической системе, государственной власти, политическим институтам и процессам. Когнитивные стереотипы являются её важнейшим компонентом. Они формируют устойчивые представления в сознании индивида, позволяя воспринимать политическую реальность в упрощённой форме. Стереотипы складываются под влиянием исторического опыта, социальной среды, образовательной системы и средств массовой информации. Именно они играют значимую роль в оценке политических событий, осуществлении политического выбора и проявлении определённых форм политического поведения.

В условиях глобализации расширение информационного пространства способствует

ускоренному формированию и широкому распространению политических стереотипов. Социальные сети, цифровые платформы и транснациональные информационные потоки оказывают существенное воздействие на политическое сознание граждан. Недостаточное развитие навыков критического мышления может привести к закреплению ошибочных или односторонних стереотипов, создавая предпосылки для политической апатии, недоверия и радикальных настроений. Поэтому исследование содержания когнитивных стереотипов, механизмов их формирования и влияния на политическое поведение остаётся актуальной задачей современной политологии и социальной психологии.

Ценности формируют морально-нравственную основу политической культуры. Такие ценности, как верховенство закона, справедливость, гражданская ответственность, социальная солидарность, открытость и прозрачность, определяют уровень политической зрелости общества. Ценности служат критерием принятия политических решений гражданами и укрепляют или, наоборот, ослабляют их доверие к политической системе. Преобладание демократических ценностей способствует активному участию граждан в политических процессах, развитию общественного контроля и инициативности, тогда как их недостаток усиливает политическую пассивность и апатию.

В Узбекистане значительные изменения в политическом поведении граждан требуют тщательного анализа с точки зрения политической науки. Существенные демократические реформы оказывают прямое влияние на политические установки населения. Особое внимание заслуживает то, что эти изменения инициируются государством, а глава государства выступает их активным проводником. Так, по инициативе Президента Ш.М. Мирзиёева в 2023 году была принята новая редакция Конституции, предусматривающая изменения, способствующие формированию демократических взглядов и изменению политического поведения граждан. В частности, статья 120 Конституции Республики Узбекистан устанавливает, что председатель Совета народных депутатов избирается из числа депутатов, а лицо, занимающее должность хокима области, района или города, не может одновременно занимать должность председателя Совета народных депутатов. Эти меры направлены на повышение политической активности граждан и обеспечение прозрачности демократических процессов (Расулов Б.Б., 2025, с. 36–48).

Глубокий анализ политической культуры, формирующейся на основе национальных традиций, исторического опыта и современных демократических принципов, имеет особое значение. Существующие стереотипы могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на восприятие демократических реформ. Например, чрезмерная опора на государство (патерналистские установки) или равнодушие к политическим процессам могут препятствовать полноценному функционированию демократических институтов. Поэтому одной из приоритетных задач остаётся развитие политического сознания граждан, формирование культуры критического мышления и укрепление здоровой системы ценностей.

Актуальность темы определяется тем, что взаимосвязь когнитивных стереотипов и ценностей является одним из ключевых факторов, определяющих политическое поведение граждан. Их исследование позволяет повысить участие населения в политических процессах, укрепить доверие между государством и обществом и обеспечить эффективность демократических реформ.

Таким образом, комплексное изучение роли и значения когнитивных стереотипов и ценностей в политической культуре граждан является важным теоретическим и методологическим направлением, способствующим обеспечению демократического развития общества, укреплению политической стабильности и развитию гражданского общества.

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования является комплексный анализ роли, факторов формирования и влияния когнитивных стереотипов и ценностей на политическую культуру граждан, их политическое сознание и политическое поведение. Кроме того, исследование направлено на выявление когнитивных факторов, определяющих отношение граждан к политическим процессам, участие в принятии политических решений и уровень доверия к государственным институтам.

Дополнительно цель исследования включает разработку научно обоснованных рекомендаций и предложений, способствующих повышению политической культуры граждан в условиях де-

мократического развития. Реализация данной цели призвана содействовать формированию здорового политического сознания, развитию навыков критического мышления и укреплению демократических ценностей в обществе.

Задачи исследования:

1. Анализ теоретико-методологических основ понятий «политическая культура», «когнитивный стереотип» и «ценности».

2. Выявление механизмов и факторов формирования когнитивных стереотипов в политическом сознании граждан.

3. Изучение влияния системы ценностей на политическое поведение и процессы принятия политических решений.

4. Определение взаимосвязи между когнитивными стереотипами и ценностями, а также оценка их влияния на развитие политической культуры.

5. Анализ психологических и социальных факторов, влияющих на участие граждан в политических процессах и их политическую активность.

6. Разработка практических рекомендаций по совершенствованию политической культуры в условиях демократических реформ.

Таким образом, цели и задачи исследования направлены на более глубокое понимание сущности политической культуры граждан, выявление взаимосвязей между её структурными элементами и научное обоснование перспектив демократического развития общества.

Научная значимость исследования

Научная значимость исследования заключается в систематическом и комплексном анализе роли когнитивных стереотипов и ценностей в политической культуре граждан. Работа освещает проблему на стыке политологии, социологии и социальной психологии, обосновывая взаимосвязь между когнитивным и аксиологическим (ценностным) компонентами политического сознания.

В рамках исследования анализируются механизмы формирования когнитивных стереотипов, их влияние на политическое поведение, а также их взаимосвязь с системой ценностей. Это позволяет выработать новые методологические подходы к изучению политической культуры, расширить существующие теоретические представления и внедрить уточнённый понятийный аппарат в научный оборот. Полученные результаты могут служить теоретической основой для последующих исследований в области политической культуры.

Практическая значимость исследования

Практическая значимость работы заключается в возможности использования разработанных выводов и рекомендаций для повышения политического сознания граждан, укрепления демократических ценностей и формирования здоровых политических стереотипов.

Результаты исследования могут применяться органами государственной власти, образовательными учреждениями, институтами гражданского общества и средствами массовой информации при разработке программ по развитию политической культуры. Кроме того, материалы исследования могут использоваться в высших учебных заведениях как дополнительная научная база при преподавании дисциплин «Политология», «Политическая социология» и «Политическая психология».

В целом, результаты работы способствуют повышению политической активности граждан, укреплению взаимного доверия между государством и обществом и обеспечению эффективности демократических реформ.

Анализ литературы

Вопрос о значении когнитивных стереотипов и ценностей в политической культуре граждан изучается в рамках политологии, социологии и социальной психологии. Существующие исследования можно условно разделить на три направления: теория политической культуры, когнитивные подходы и концепции ценностей.

В формировании теории политической культуры ключевую роль сыграли работы Gabriel Almond и Sidney Verba. В их фундаментальной книге *The Civic Culture* (Princeton: Princeton University Press, 1963) политическая культура рассматривается как совокупность знаний граждан о политической системе (когнитивный компонент), их эмоционального отношения (аффективный компонент) и оценочных суждений (оценочный компонент). Авторы на эмпирической основе доказывают, что гражданская культура является одним из главных факторов демократической стабильности.

Lucian Pye в работе *Aspects of Political Development* (Boston: Little, Brown and Company,

1966) трактует политическую культуру как субъективно-психологическую основу политической системы, подчеркивая прямое влияние политических ценностей и стереотипов на эффективность институтов.

Постматериалистская теория ценностей Ronald Inglehart (*Modernization and Postmodernization*, Princeton: Princeton University Press, 1997) предоставляет теоретическую основу для анализа трансформации ценностей в современных обществах, демонстрируя взаимосвязь экономического развития, процессов модернизации и политических ценностей на базе широкого эмпирического материала.

Проблематика когнитивных стереотипов исследуется преимущественно в социальной психологии. Walter Lippmann в работе *Public Opinion* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1922) вводит понятие «стереотип», подчеркивая, что люди воспринимают сложную социальную реальность через упрощённые «ментальные образы». Эта идея получила широкое применение в изучении политической коммуникации и массового сознания.

Работы Daniel Kahneman и Amos Tversky, включая статью *Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases* (Science, 1974) и книгу *Thinking, Fast and Slow* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011), объясняют использование эвристик и когнитивных искажений в процессе принятия решений, что важно для понимания формирования политических стереотипов.

Исследования Shalom Schwartz (*Universals in the Content and Structure of Values*, Advances in Experimental Social Psychology, 1992) предоставляют универсальную типологию ценностей, которая служит методологической основой для анализа влияния ценностей на поведение и социальную активность.

Местные исследования также освещают вопросы формирования политической культуры и гражданского сознания. Так, работы Odilqoriev и G‘oyibnazarov (2004), Jiyanmuratova (2019), Abdulrashid Anvarov (2024), To‘ychiev и Omonov (2024) подробно анализируют влияние национальных традиций, исторического опыта и институтов на формирование политических ценностей и стереотипов в Узбекистане, отмечая недостаточную системность анализа взаимосвязи когнитивных стереотипов и ценностей в существующих исследованиях.

Методология исследования основывается на комплексном применении эмпирических методов, широкомасштабных опросах и экспериментальных подходах для анализа политического поведения.

Результаты и обсуждение

В формировании политической культуры общества фундаментальную роль играют исторические, культурные и философские факторы. Если на протяжении многих столетий данные процессы протекали в рамках широкого влияния религиозного фактора на государственность, то к началу XX века, под воздействием развитых мировых демократических взглядов и идей просветительства, они вышли на качественно новый этап развития. Стереотипы и ценности, определяющие современное политическое сознание граждан нашей страны, сформировались именно в результате таких исторических трансформаций. В этом процессе особое значение имеет влияние идеалов просвещения, а именно таких ценностей, как наука, разум, рациональное мышление и стремление к прогрессу.

Когнитивные стереотипы – это четко зафиксированные и устойчивые представления о людях и группах, которые определяют взгляды индивидов на личность и социальные общности. В политическом контексте когнитивные стереотипы напрямую влияют на отношение граждан к политическим процессам, их партийные предпочтения и уровень доверия к институтам политической власти в стране.

Когнитивные стереотипы в Узбекистане зачастую тесно переплетены с национальной историей, системой верований и социальным опытом. Исторические процессы и изменения, включая политические порядки советского периода и демократические преобразования эпохи независимости, сформировали в сознании людей специфические стереотипы относительно функционирования политических институтов и механизмов власти, что имеет важное значение для политической жизни общества.

Многие стереотипы и ценности в политической культуре современных граждан Узбекистана имеют непосредственные просветительские корни. В частности, к ним относятся:

- Дух высокого уважения к науке и образованию (основной лозунг джадидов);

- Идеи справедливости и равенства (центральные ценности просветительства);

- Способность к критической оценке деятельности власти и политических институтов (фак-

тор, оказавший значительное влияние на формирование иммунитета против авторитаризма).

Однако определенные исторические факторы, в том числе опыт авторитаризма советской эпохи, привели к ослаблению этих ценностей. В результате сформировались следующие деструктивные стереотипы:

1. Восприятие неучастия в политических процессах как нормального состояния;

2. Чрезмерное, априорное доверие к официальным источникам информации;

3. Восприятие лиц, свободно выражающих свое мнение, как «излишних для общества» личностей.

Более того, в политической культуре граждан Узбекистана приоритетное место занимают такие ценности, как семья, уважение к старшим, социальный конформизм и традиционализм. С одной стороны, эти ценности служат сохранению социальной стабильности и моральных принципов в обществе, но с другой – могут ограничивать инновационное мышление, свободу критики и гражданскую активность. Можно констатировать, что это привело к глубокому укоренению в системе ценностей таких явлений, как социальное давление в отношении выражения политического мнения, тенденция к отсутствию критики авторитетов и восприятие любого протеста как «беспорядка».

В последние годы в Узбекистане через политическую открытость, реформы и обновления в сфере образования происходит постепенная активизация политического сознания граждан. Это, несомненно, является результатом политики открытости, проводимой руководством страны. Тем не менее, по сей день сохраняются следующие проблемы:

- Уровень политического участия населения остается относительно низким;

- Политическая грамотность молодежи находится на недостаточном уровне;

- Преобладают стереотипные подходы (например, «политика – это дело только политиков»).

Низкий уровень политического участия населения – это не столько отсутствие их формального присутствия в процессах, сколько отсутствие у большинства собственной точки зрения, неспособность найти личный интерес в политических событиях, а также результат безразличия к политике из-за концентрации на мелких бытовых интересах и семейной жизни. Если обратить внимание на электоральную активность, то показатели участия наших граждан в выборах не являются низкими. Особенно в последние годы наблюдается значительный рост интереса к выборам. Например, в 2024 году на выборах в Законодательную палату Олий Мажлиса, Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан и местные Кенгаши приняли участие 15 млн 27 тыс. 529 избирателей, что составило 74,72% от общего числа избирателей (https://saylov.uz/uz/elections-and-referendums/page/14). Для сравнения, на выборах 22 декабря 2019 года этот показатель составлял 67,8% (https://saylov.uz/uz/elections-and-referendums/page/2).

Слабое вовлечение граждан в политические дискуссии и дебаты приводит к их малому влиянию на действия органов власти. Поскольку это является результатом многолетнего страха перед политикой и представления о том, что политика – не дело рядовых граждан, искоренение таких взглядов из политического мировоззрения общества является лишь вопросом времени. В связи с этим большое значение имеют слова известного ученого Б. Туйчиева: «В XXI веке за счет развития экономики и интенсивного роста политическая культура граждан Узбекистана, меняясь в положительную сторону, перейдет к «гражданской» культуре, где доминируют элементы «участия». Однако на сегодняшний день политическая культура граждан Узбекистана, согласно классической типологии, относится к смешанному типу. С одной стороны, народ активно участвует в избирательных процессах (в среднем 90-92% населения, имеющего право голоса), но с другой стороны, широко распространено мнение, что «именно мой голос» ничего не решает в общем результате» (Туйчиев Б., Омонов Б., 2024, с.207).

Политическое участие граждан и их отношение к политике оказывают огромное влияние на формирование стереотипов, воздействующих на политическое поведение. Исторически сложившееся ценностное политическое мировоззрение и текущие политические изменения оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на политическую систему нашего общества. Результаты проведенных исследований подтверждают это. В рамках «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey) – международной исследовательской программы, посвященной научному изучению социальных, политических и культурных ценностей, – школой экономики Роберто Стефана Фоа в 2011 году был подготовлен аналитический материал по

Узбекистану на основе опроса 1500 респондентов. В частности, на вопрос «Насколько важна политика в вашей жизни?» 16,3% ответили «Очень важна», 28,7% – «Важна», 31,2% – «Не очень важна», 23,1% – «Не важна» и 0,7% не дали ответа (https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp). Из результатов видно, что в среднем 31,2% населения Узбекистана разного возраста и пола признали политику не очень важной, а 23,1% – вовсе не важной. На это повлияли долголетняя зависимость страны, крайне слабое влияние населения на принятие решений, сильное воздействие прежнего политического строя на систему ценностей и жесткое подавление политического мышления. Процент признания политики неважной выше среди женщин, чем среди мужчин: «не очень важна» – у мужчин 25%, у женщин 35,1%; «совсем не важна» – у мужчин 20,8%, у женщин 24,6% (https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp).

Это является результатом их социальных функций, роли в семейной жизни и низкого участия в управлении обществом. Основная цель гендерной политики, проводимой в нашей стране в последние годы, заключается в повышении участия женщин в управлении обществом и государством, создании для них равных с мужчинами социальных, экономических, политических и правовых условий.

На вопрос «Являетесь ли вы членом какой-либо политической партии? Если да, то насколько активно вы участвуете в их деятельности?» из 1500 респондентов 96,7% ответили «Не являюсь членом». Лишь 0,9% отметили, что являются «активными членами». Эти результаты также показывают, что в 2011 году население Узбекистана практически не интересовалось деятельностью политических партий и не верило в их способность защищать интересы граждан в государственном управлении. На вопрос «Насколько вы интересуетесь политикой?» 11,3% ответили «Очень интересуюсь», в то время как 22,5% – «Совсем не интересуюсь» (среди последних доля женщин выше) (https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp).

Политические изменения последнего десятилетия, улучшение связей государственных органов с народом, создание народных приемных и проведение выездных приемов способствовали определенному росту политической активности граждан. Это подтверждают и результаты социологического опроса, проведенного нами в 2025 году среди граждан Узбекистана. В частности, в опросе с участием 352 респондентов разных возрастов, пола и профессий, 83% (292 человека) на вопрос «Будете ли вы участвовать в следующих выборах?» ответили «Обязательно буду участвовать». Лишь 0,9% (3 человека) ответили «Категорически не буду». Эти динамические изменения свидетельствуют о развитии позитивных политических стереотипов в мировоззрении граждан (Опрос проводился через https://docs.google.com/forms, 2025).

Для сравнения: в международном исследовании 2011 года по Узбекистану на вопрос «Обычно вы голосуете на выборах или нет?» 52,7% респондентов заявили, что голосуют всегда, а 16,8% – что не участвуют никогда (https://www.worldvaluessurvey.org). Таким образом, мы видим прогресс: если в 2011 году о готовности голосовать заявляли 52,7%, то в 2025 году этот показатель вырос до 83%. Также 69,3% (244 человека) ответили: «Считаю голосование гражданским долгом», и только 4,5% (16 человек) отметили, что это не является долгом (Опрос проводился через https://docs.google.com/forms, 2025).

Принимая во внимание, что в этих опросах участвовали слои населения с относительно хорошим уровнем знаний и навыков, мы понимаем, что ценностных политических изменений последних лет все еще недостаточно. В нашем опросе 2025 года на вопрос «Каких методов и способов избирательной кампании вы ожидаете от политических партий?» 206 из 352 респондентов не смогли выразить своего мнения. То есть 58,5% респондентов (не являющихся политиками или юристами) демонстрируют низкую способность выражать мнение в отношениях, связанных с избирательным процессом.

Еще один важный аспект в системе политических ценностей нашей страны – наличие ведущей роли государственной власти. В политическом менталитете узбекистанского общества доминирует образ государственной власти как опоры. Если на Западе основной метафорой власти является «договор», согласно которому общество поручает власти выполнение определенных функций на оговоренных условиях, то в Узбекистане основной метафорой власти является «семья». Народ в большей степени вверяет власти свою судьбу, нежели просто выполнение функций. Эти отношения включают в себя такие элементы патернализма со стороны государства, как «контроль», «забота» и «наставничество». Именно на этой основе патернализм сформиро-

вался как базовая ценность в политическом менталитете общества Узбекистана (Одилкариев Х.Т., Гойибназаров Ш.Г., 2004, с. 165-166).

Восприятие государственной опеки как «блага» или как обязательства власти перед народом широко распространено. Однако этот патернализм, будучи негативным наследием советской системы, может пробуждать в обществе иждивенческие настроения, приучая население к пассивному ожиданию. В результате снижается личная инициатива и свободная энергия граждан.

Для развития политической культуры и превращения ее в важный фактор стабильности страны необходимо, во-первых, развивать политическое сознание, формируя его в духе общеполитических интересов. Без сформированного политического сознания невозможно рассуждать о политической культуре (Қучқоров Вахоб Хошимович, & Расулов Бекзод Боймуратович. 2025, март 26). В политическом менталитете узбекистанцев идеалом государства признается сильная, справедливая и духовная власть на основе единоначалия. Такой «образ» власти ориентирован на умеренный идеал, сочетающийся с коллективным демократизмом. Причина этого кроется в исторической потребности в сильном государственном управлении и прочном лидерстве. Поэтому в политической жизни сформировалось двоякое отношение к авторитетной личности.

С одной стороны, граждане твердо верят в авторитетного лидера, ждут от него «чуда» и относятся к нему с глубоким уважением. Это проявляется особенно ярко в трудных ситуациях или при возникновении социальных проблем. Народ надеется, что руководитель установит справедливость и решит все проблемы. С другой стороны, господствует убеждение, что эта авторитетная личность должна служить общенародному делу – идее национального государства. Если действия руководителя не соответствуют интересам народа или он отступает от справедливости, доверие к нему начинает падать.

Это двойственное отношение является важной чертой политического поведения в Узбекистане. Оно одновременно выражает стремление к сильному государству и требование ответственности и справедливости от власти. Данный аспект необходимо учитывать при совершенствовании системы современного государственного управления. Признание авторитета государственной власти и восприятие ее как символа силы привело к идеализации власти, что порождает своего рода восточный этатизм.

Когнитивные стереотипы и политические ценности могут оказывать и негативное влияние на развитие общества, что целесообразно проанализировать через следующие факторы:

Пассивность. Когнитивные стереотипы усиливают недоверие граждан к политическим процессам, в частности к выборам и демократии. Это, в свою очередь, снижает эффективность функционирования демократических механизмов. Пассивность часто возникает в условиях высокого недоверия к себе и к системе управления. Сами по себе убеждения типа «Что я могу сделать?», «Какой толк от моего участия в выборах?» или «Политика – дело политиков» ведут к развитию пассивного политического мировоззрения, что в конечном итоге отрицательно сказывается на политической культуре общества.

Отсутствие критического мышления. Сформированные стереотипы в отношении определенных политических систем или лидеров препятствуют критическому мышлению граждан по отношению к их внутренним свободам и социальной действительности. Люди часто теряют способность к свободному мышлению из-за прошлых событий или услышанных историй, даже если на практике им никто не препятствует. Это усиливает зависимость от личностей. Даже видя политические ошибки или решения, противоречащие их интересам, они боятся выступать с критикой. Именно в этом процессе проявляются наибольшие недостатки населения при принятии политических решений.

С точки зрения влияния на прогресс общества, мы видим, что когнитивные стереотипы и политические ценности приводят к социальной трансформации ценностей, обеспечению прав и свобод человека, а также интеграции ценностей в поведение индивидов. Свобода и демократические ценности в обществе способствуют его развитию. В результате внимания к демократическим процессам и гражданским правам в Узбекистане возросло политическое и социальное участие граждан. В частности, конституционное обеспечение неприкосновенности личности, совершенствование процессов восстановления нарушенных прав, полная адаптация институтов защиты к нормам социальной справедливости и международного права, а также широкая правовая защита предпринимательства государством играют ключевую роль в обеспечении свободы и демократии.

Политические ценности должны основываться на уважении прав человека, мире и стабильности. Они должны стать важными факторами повседневной жизни граждан, помогая обеспечивать социальную стабильность. Повышение политической культуры возможно именно через внедрение этих ценностей в повседневную жизнь. Современные ценности – демократические понятия, свобода, права человека – в настоящее время полностью интегрируются в социальную жизнь Узбекистана. Это способствует изменению культурных, социальных и политических процессов, а также формированию гражданской ответственности. В результате интеграции меняются взгляды и система интересов граждан. Мы видим это в том, что недопустимые ранее недемократические действия (например, физические пытки или привлечение к принудительному труду) сегодня вызывают крайне резкую реакцию со стороны граждан, у которых сформировался навык активного противодействия.

Политическая культура выполняет определенные функции в жизни общества, при этом центральное место занимает **воспитательная функция**. Суть ее заключается в формировании политической культуры личности на основе высоких целей, ценностей и норм. В нашем обществе эта функция направлена на формирование личности, характерной для гуманного, демократического общества. Она воспитывает политическую активность, гражданскую ответственность и формирует навыки общественно-политической деятельности (Алиев Б., Эргашев И. и др., 2010, –с. 227-228). Какими бы ни были формы и особенности политической культуры граждан, нации и народа, политическая жизнь страны, отношения с государством и властью будут проявляться соответствующим образом. Изменения в политической культуре и новые стереотипы неизбежно накладывают свой отпечаток на политическую жизнь страны (Фаррух Эшмаматов, 2024)**.**

Для дальнейшего повышения политической культуры граждан, по нашему мнению, необходимо обратить внимание на следующие факторы:

1. Дальнейшее совершенствование реформ системы образования. Формирование у молодого поколения критического мышления, политической осознанности и активной гражданской позиции. В образовательных учреждениях на уроках гражданского права должна предоставляться информация о государственном управлении, местных органах власти, законах и избирательной системе в простой и доступной форме. Например, на уроках Конституции учащиеся должны не просто заучивать свои права и обязанности, но и понимать, как применять их в повседневной жизни. Создание «Дискуссионных клубов» поможет им научиться свободно выражать свои мысли по различным социальным проблемам (экология, качество образования). В вузах такие дисциплины, как «Политология» или «Основы государства и права», должны преподаваться не только теоретически, но и через практические занятия: участие студентов в заседаниях местных кенгашей, встречи с депутатами и изучение процесса принятия политических решений на практике.

2. Обеспечение открытого диалога и свободы информации. Необходимо усилить влияние граждан на государственные решения и укрепить их доверие к государству. Следует популяризировать специальные онлайн-платформы для изучения мнения народа по проектам государственных решений (подобно порталу «Mening fikrim» и Виртуальной приемной Президента). Граждане должны иметь возможность оставлять предложения по законопроектам, обеспечивая рассмотрение наиболее поддержанных инициатив. Это обеспечит прямое участие граждан, например, в принятии решений по новой налоговой системе или введению школьной формы.

3. Повышение медиаграмотности. Организация специальных семинаров и онлайн-курсов по обучению населения способам выявления ложной информации в социальных сетях и новостных сайтах. Это усилит критический подход граждан к информации и защитит их от политических манипуляций.

4. Развитие институтов гражданского общества. Это один из самых проблемных вопросов в политической жизни Узбекистана. Хотя в настоящее время существует около 10 000 ННО, роль и значение большинства из них в политической жизни и образе жизни граждан практически не ощущается. Их влияние на деятельность органов власти незаметно. Даже активно работающие ННО зачастую созданы по инициативе государства. Возникает потребность в создании платформ, стимулирующих активное участие граждан и выполняющих роль моста между государством и обществом. В условиях Узбекистана правительство должно поддерживать проекты

ННО финансово и юридически. Например, ННО «Экологическое движение» может проводить исследования проблем Приаралья и вносить предложения правительству, а на форумах «Союза молодежи» могут разрабатываться программы на основе предложений самих молодых людей. Это побудит ННО не только реализовывать проекты, но и влиять на политические решения.

5. Кампании, направленные на изменение политической культуры. Формирование в обществе культуры политического участия, ответственности и открытого диалога. Через кампанию «Мой голос – мое будущее» накануне выборов через СМИ, социальные сети и билборды необходимо продвигать идею «Важен каждый голос». Это снизит безразличие граждан к избирательным процессам. Реализация проекта «Уважение к старшим, доверие к молодым» через массовые мероприятия и телепередачи позволит совместно обсуждать опыт старшего поколения и инновационные идеи молодежи, смягчая конфликт между традиционными ценностями и современными взглядами и укрепляя диалог поколений.

Вывод

Анализ значения когнитивных стереотипов и ценностей в политической культуре граждан Узбекистана показывает, что демократическое развитие и политическая стабильность общества прежде всего тесно связаны с уровнем политического сознания граждан. Осуществляемые в годы независимости широкомасштабные политико-правовые реформы направлены не только на совершенствование деятельности институтов, но и на обновление политического мышления и системы ценностей граждан. С этой точки зрения когнитивные стереотипы и ценности как основные структурные элементы политической культуры требуют особого научного внимания.

Результаты исследования показывают, что когнитивные стереотипы упрощают процесс восприятия гражданами политической реальности, задают определенное направление при приеме и оценке политической информации. Однако если они не обогащаются критическим анализом, то могут порождать односторонние представления, политическое безразличие или настроения необоснованного недоверия. Поэтому актуальной задачей является теоретическое и практическое изучение процесса формирования стереотипов в современном информационном пространстве, их гармонизация со здоровым мышлением и гражданской ответственностью.

Ценности же как духовная основа политической культуры определяют политическое поведение и позицию граждан. Укрепление таких демократических ценностей, как верховенство закона, справедливость, социальная сплоченность и гражданская активность, усиливает легитимность политической системы. Напротив, в среде, где доминируют патерналистские взгляды или политическое равнодушие, эффективность демократических институтов может снижаться.

Когнитивные стереотипы и ценности взаимосвязаны и составляют целостную систему политического сознания. Стереотипы определяют форму восприятия политической реальности, а ценности – критерии ее оценки. Их гармония формирует здоровую политическую культуру, а диспропорция может привести к возникновению внутренних противоречий в политических процессах.

Анализ показывает, что сформированные когнитивные стереотипы играют важную роль в политических решениях и поведении граждан. Например, патерналистские взгляды по отношению к государству, низкий интерес к политической активности или приоритет традиционных ценностей определяют политическое сознание. Вместе с тем усиление внимания к принципам демократических ценностей, верховенства закона и гражданской ответственности повышает стабильность политической системы и эффективность институтов.

В странах Центральной Азии, на примере Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, развитие политической культуры граждан тесно связано с гармонией когнитивных стереотипов и ценностей. Если стереотипы и ценности гармонируют с демократическими принципами региона, граждане активно участвуют в политических процессах, и доверие к демократическим институтам растет. В противном случае политическое безразличие, пассивность и необоснованные стереотипы могут снизить эффективность политических институтов. Поэтому в развитии политической культуры в странах Центральной Азии важное значение имеет формирование критического мышления через образование, СМИ и институты гражданского общества, а также укрепление здоровых ценностей.

В статье выявлено, что в условиях реформ в Новом Узбекистане замена старых стереотипов

критическим политическим сознанием и укрепление демократических ценностей важны для прогресса общества. Вывод таков: для достижения устойчивого и инклюзивного развития необходима модернизация политической культуры, в частности системная работа по формированию у граждан независимого мышления, инициативности и ответственного отношения к власти. Эти меры обеспечат активное участие граждан в процессе определения собственной судьбы и значительно повысят эффективность проводимых реформ.

References

Abdulrashid, A. (2024). Politicheskaya kultura molodezhi v Uzbekistane kak osnovnoy faktor gosudarstvennoy modernizatsii [Political culture of youth in Uzbekistan as a key factor of state modernization]. Oriental Journal of History, Politics and Law, 4(4), 161–168. https://doi.org/10.37547/supsci-ojhpl-04-04-21

Aliev, B., Ergashev, I., et al. (2010). Politologiya [Political science]. Tashkent State University of Economics.

Almond, G. A., & Verba, S. (1963). The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. Princeton University Press.

Eshmamatov, F. E. (2024). Politicheskaya kultura i razvitie ideologii – vazhneyshaya osnova sotsialno-politicheskoy zhizni obshchestva [Political culture and ideological development as the most important foundation of socio-political life]. Oriental Journal of History, Politics and Law, 4(5), 18–30. https://doi.org/10.37547/supsci-ojhpl-04-05-03

Inglehart, R. (1997). Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton University Press.

Jiyanmuratova, G. Sh. (2019). Politicheskaya kultura molodezhi Uzbekistana [Political culture of youth in Uzbekistan] (Doctoral dissertation). Tashkent.

Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux.

Kuchkorov, V. Kh., & Rasulov, B. B. (2025, March 26). Razvitie politicheskoy kultury molodezhi (problemy i resheniya) [Development of youth political culture: Problems and solutions]. https://doi.org/10.5281/zenodo.15087538

Odilkariyev, H. T., & Goyibnazarov, Sh. G. (2004). Politicheskaya kultura [Political culture]. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

Pye, L. W. (1966). Aspects of political development. Little, Brown and Company.

Rasulov, B. B. (2025). Analiz nauchnykh paradigm o politicheskom povedenii [Analysis of scientific paradigms of political behavior]. Sotsialnaya Mysl. Prava Cheloveka, (3), 36–48.

Rasulov, B. B. (2025). Politicheskoe povedenie: Diskussii v politologii i psikhologii [Political behavior: Discussions in political science and psychology]. Universal Journal of Law, Finance and Applied Sciences, 3(30), 31–34. https://science-research.org.uz/index.php/UJLFAS/article/view/1020

Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Advances in Experimental Social Psychology, 25, 1–65.

Toychiev, B., & Omonov, B. (2024). Politicheskaya kultura [Political culture]. Tafsir Books.

Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Science, 185(4157), 1124–1131.

World Values Survey Association. (n.d.). World Values Survey. https://www.worldvaluessurvey.org

Central Election Commission of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). Elections and referendums. https://saylov.uz/uz/elections-and-referendums/page/2

Central Election Commission of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). Elections and referendums. https://saylov.uz/uz/elections-and-referendums/page/14

Google Forms. (n.d.). Survey responses. https://docs.google.com/forms/d/1XEB-00IZx03oIfXDOCw1vKhr4iKw322Xyo11-trIO8M/edit?pli=1#responses

Сведения об авторе:

Б.Б. Расулов – Доцент Самаркандского государственного архитектурно-строительного университета, доктор философии (PhD) по политическим наукам (e-mail: rasulov.bekzod@samdaqu.edu.uz).

Information about the author:

B.B. Rasulov – Associate Professor of the Samarkand State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Philosophy (PhD) in Political Sciences (e-mail: rasulov.bekzod@samdaqu.edu.uz).

Автор туралы мәлімет:

Б.Б. Расулов – Самарқанд мемлекеттік сәулет және құрылыс университетінің қауымдастырылған профессоры, саяси ғылымдар бойынша философия докторы (PhD) (e-mail: rasulov.bekzod@samdaqu.edu.uz).

Поступила: 10.02.2026
Принята: 01.04.2026

МРНТИ 11.15.89 https://doi.org/10.26577/jpcp962202612

А.Е. Хангелдиев*, Т.С. Каленова,
Г.С. Абдрахманова, Н.Е. Хангелди

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
*e-mail: khangeldiyevv@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье исследуется роль государственной культурной политики как инструмента формирования национальной идентичности в условиях политических трансформаций. Актуальность исследования обусловлена усилением значимости культурной сфера в обеспечении социальной консолидации и устойчивости общества в период институциональных изменений, а также определяется необходимостью адаптации механизмов культурной политики к вызовам глобализации, цифровизации и трансформации ценностных ориентиров общества. Целью исследования является выявление взаимосвязи между инструментами государственной культурной политики и уровнем культурной вовлеченности населения Республики Казахстан. Методологическую основу исследования составляют экономико-статистические методы, включая корреляционный и регрессионный анализ, факторный анализ (метод главных компонент), а также расчет индекса культурной вовлеченности. Информационной базой послужили официальные статистические данные, характеризующие посещаемость учреждений культуры и количество культурно-массовых мероприятий. Результаты исследования показали наличие тесной положительной связи между числом мероприятий и посещаемостью учреждений культуры, а также высокую объясняющую способность регрессионной модели. Факторный анализ выявил доминирующий латентный фактор, объясняющий 93,9% вариации показателей и отражающий интегральный уровень культурной вовлеченности населения. Рассчитанный индекс культурной вовлеченности продемонстрировал устойчивый рост в посткризисный период. Сделан вывод о том, что государственная культурная политика в Республике Казахстан реализуется через механизм расширения культурной активности, формируя устойчивый спрос на культурные услуги и способствуя укреплению национальной идентичности. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по повышению эффективности культурной политики в условиях современных политических трансформаций.

Ключевые слова: национальная идентичность, госуправление, культурная политика, культурная вовлеченность.

A.Ye. Khangeldiyev*, T.S. Kalenova,
G.S. Abdrakhmanova, N.Ye. Khangeldi

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
*e-mail: khangeldiyevv@gmail.com,

State cultural policy as a tool for forming national identity in the context of political transformations

The article examines the role of state cultural policy as a tool for shaping national identity in the context of political transformations. The relevance of the study is обусловлена the increasing importance of the cultural sphere in ensuring social cohesion and societal stability during periods of institutional change, as well as the need to adapt cultural policy mechanisms to the challenges of globalization, digitalization, and the transformation of societal value orientations. The aim of the study is to identify the relationship between the instruments of state cultural policy and the level of cultural engagement of the population of the Republic of Kazakhstan. The methodological basis of the study consists of economic and statistical methods, including correlation and regression analysis, factor analysis (principal component method), as well as the calculation of a cultural engagement index. The information base includes official statistical data characterizing attendance at cultural institutions and the number of cultural events. The results of the study revealed a strong positive relationship between the number of events and attendance at cultural institutions, as well as a high explanatory power of the regression model. Factor

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

analysis identified a dominant latent factor explaining 93.9% of the variation in indicators and reflecting the integral level of cultural engagement of the population. The calculated cultural engagement index demonstrated steady growth in the post-crisis period. It is concluded that state cultural policy in the Republic of Kazakhstan is implemented through the mechanism of expanding cultural activity, forming stable demand for cultural services and contributing to the strengthening of national identity. The practical significance of the study lies in the development of recommendations for improving the effectiveness of cultural policy in the context of modern political transformations.

Keywords: national identity, public administration, cultural policy, cultural engagement.

А.Е. Хангелдиев*, Т.С. Қаленова,
Г.С. Абдрахманова, Н.Е. Хангелді
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазастан
*e-mail: khangeldiyevv@gmail.com

Саяси трансформациялар жағдайында ұлттық бірегейлікті қалыптастыру құралы ретіндегі мемлекеттік мәдени саясат

Мақалада саяси трансформациялар жағдайында ұлттық бірегейлікті қалыптастыру құралы ретіндегі мемлекеттік мәдени саясаттың рөлі зерттеледі. Зерттеудің өзектілігі институционалдық өзгерістер кезеңінде қоғамның әлеуметтік тұтастығы мен тұрақтылығын қамтамасыз етуде мәдени саланың маңызының артуымен байланысты, сондай-ақ жаһандану, цифрландыру және қоғамның құндылықтық бағдарларының өзгеруі жағдайында мәдени саясат тетіктерін бейімдеу қажеттілігімен айқындалады. Зерттеудің мақсаты – мемлекеттік мәдени саясат құралдары мен Қазақстан Республикасы халқының мәдени қатысу деңгейі арасындағы өзара байланысты анықтау. Зерттеудің әдіснамалық негізін экономикалық-статистикалық әдістер құрайды, оның ішінде корреляциялық және регрессиялық талдау, факторлық талдау (негізгі компоненттер әдісі), сондай-ақ мәдени қатысу индексін есептеу. Ақпараттық база ретінде мәдениет мекемелеріне келушілер саны мен мәдени-көпшілік іс-шаралар саны туралы ресми статистикалық деректер пайдаланылды. Зерттеу нәтижелері мәдени іс-шаралар саны мен мәдениет мекемелеріне келушілер саны арасында тығыз оң байланыс бар екенін, сондай-ақ регрессиялық модельдің жоғары түсіндірмелік қабілетін көрсетті. Факторлық талдау көрсеткіштердің өзгерісінің 93,9%-ын түсіндіретін және халықтың мәдени қатысуының интегралды деңгейін сипаттайтын басым жасырын факторды анықтады. Есептелген мәдени қатысу индексі дағдарыстан кейінгі кезеңде тұрақты өсімді көрсетті. Қорытындылай келе, Қазақстан Республикасында мемлекеттік мәдени саясат мәдени белсенділікті кеңейту тетігі арқылы жүзеге асырылып, мәдени қызметтерге тұрақты сұраныс қалыптастырып, ұлттық бірегейлікті нығайтуға ықпал ететіні анықталды. Зерттеудің практикалық маңызы қазіргі саяси трансформациялар жағдайында мәдени саясаттың тиімділігін арттыруға бағытталған ұсынымдарды әзірлеуде көрініс табады.

Түйін сөздер: ұлттық бірегейлік, мемлекеттік басқару, мәдени саясат, мәдени қатысу.

Введение

Государственная культурная политика в современных условиях выступает не только сферой поддержки искусства, историко-культурного наследия и творческих индустрий, но и важнейшим механизмом символической интеграции общества. В периоды политических трансформаций – смены ценностных ориентиров, институциональных реформ, перераспределения ролей государства и гражданского общества – именно культура становится одним из ключевых ресурсов поддержания социальной целостности, преемственности исторической памяти и легитимации новой общественно-политической модели. Международные подходы также связывают культурную политику с укреплением социальной сплоченности, культурных прав, диалога и устойчивости общества.

Национальная идентичность в этом контексте понимается как совокупность общих исторических представлений, культурных кодов, языка, символов, ценностей и моделей коллективной самоидентификации, через которые граждане осознают свою принадлежность к политическому сообществу. Она не является статичной категорией, так как в условиях модернизации, глобализации, цифровизации и политических реформ идентичность постоянно переосмысливается. Поэтому государственная культурная политика должна выполнять двойную функцию, с одной стороны сохранять устойчивые основы национального самосознания, а с другой адаптировать их к новым общественным реалиям, не допуская

разрыва между традицией и современностью. Эту логику поддерживают и международные документы, подчеркивающие связь культуры с идентичностью, демократическим участием и уважением к многообразию.

В Казахстане данная проблематика имеет особую значимость, поскольку процессы политической трансформации сопровождаются поиском устойчивой модели общенационального единства, сочетающей гражданский принцип нации, культурное многообразие и укрепление исторической памяти. При этом важно учитывать, что культурная политика может иметь как интеграционный, так и конфликтный потенциал. Если она строится на унификации, исключении альтернативных культурных нарративов или идеологизации культурного пространства, это может привести к отчуждению отдельных социальных групп. Напротив, более устойчивой является модель, в которой национальная идентичность формируется через включение, признание многообразия, межкультурный диалог и равный доступ к культурным ресурсам. Эту позицию последовательно развивают международные организации, связывая культурную политику с демократией, культурными правами и жизнью вместе в условиях разнообразия.

Таким образом, государственная культурная политика в контексте политических трансформаций должна рассматриваться как стратегический инструмент формирования национальной идентичности, обеспечивающий воспроизводство культурных оснований государственности, общественную консолидацию и адаптацию коллективного самосознания к новым условиям развития. Ее эффективность определяется не только объемом финансирования культурной сферы, но и способность государства выстраивать сбалансированную модель, в которой сочетаются историческая преемственность, гражданское единство, культурное разнообразие и современная институциональная гибкость. В этом смысле культурная политика становится не вспомогательной отраслью, а одним из ключевых направлений политического и социального развития страны.

Методы исследования

В рамках исследования влияния государственной культурной политики на формирование национальной идентичности в условиях политических трансформаций был использован комплекс экономико-статистических и аналитических методов, позволяющих выявить взаимосвязи между ключевыми показателями культурной активности и оценить эффективность реализуемых государственных механизмов.

В качестве информационной базы исследования использованы официальные статданные РК по состоянию на 01.01.2025г., характеризующие посещаемость учреждений культуры и количество культурно-массовых мероприятий.

В процессе исследования был применен метод агрегирования данных, позволивший сформировать интегральные показатели совокупной посещаемости учреждений культуры и общего числа культурно-массовых мероприятий. Это обеспечило сопоставимость данных и возможность проведения последующего эконометрического анализа.

Для выявления взаимосвязей между показателями использован корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), позволяющий оценить тесноту и направление связи между культурной активностью и инструментами государственной культурной политики. С целью количественной оценки влияния числа культурно-массовых мероприятий на посещаемость учреждений культуры был применен регрессионный анализ (метод наименьших квадратов). В рамках исследования построена линейная модель зависимости, рассчитаны коэффициенты регрессии, коэффициент детерминации (R^2), t-статистика и p-значения. Все это позволило оценить статистическую значимость выявленных зависимостей.

В совокупности примененные методы обеспечили комплексную оценку влияния государственной культурной политики на культурную активность населения и позволили обосновать ее роль как инструмента формирования национальной идентичности в условиях политических трансформаций.

Обзор литературы

Современная зарубежная литература показывает, что культурная политика все чаще трактуется не как узкая поддержка учреждений культуры, а как механизм производства коллективных смыслов, политической легитимации и социальной интеграции. В статье Belfiore E. et.al. (2023) культурная политика рассматривается через призму cultural democracy и cultural equity. Автора подчеркивают, что современная культурная политика должна не только транслиро-

вать канонические ценности, но и обеспечивать широкое участие граждан в культурной жизни. Для национальной идентичности это важно, поскольку в таком подходе она формируется не только сверху через символическую политику государства, но и снизу – через включенность разных групп в общее культурное пространство (Belfiore et al, 2023). Другие исследования связаны с тем, что национальная и культурная идентичность формируется через образование, наследие и школьную среду. Так, Linda P. Juang et al. (2024) показывают, что траектории развития heritage culture и national identity у подростков тесно связаны с климатом культурного разнообразия в классе и с социально-эмоциональной адаптацией. Близкий вывод к такому исследованию делают Sophie I. E. Hölscher et al. (2024), которые указывают, что школьные интервенции, основанные на поддержке автономии и связанности, способны усиливать развитие культурной идентичности. Эти исследования демонстрируют, что государственная культурная политика наиболее устойчива тогда, когда она опирается не только на официальные символы, но и на повседневные институты социализации.

Существенное направление исследований занимает heritage education, как инструмент формирования идентичности. В статье предлагается ранняя рамка формирования культурной идентичности через образование в сфере наследия (Zheng & Guo,. 2024). Авторы показывают, что идентичность складывается в когнитивном, эмоциональном и поведенческом измерениях. (Szromek et al, 2024) в свою очередь, связывают передачу культурного наследия с цифровой средой и open innovation, подчеркивая, что в эпоху цифровой революции государственная культурная политика должна учитывать изменение способов восприятия наследия новыми поколениями. Для политических трансформаций это особенно значимо, так как культурная политика работает не только через музеи и библиотеки, но и через цифровые платформы, визуальные среды и новые формы культурного участия.

В работах последних исследований культурная политика анализируется как инструмент формирования наднациональной и гражданской идентичности. В статье (Anthony et al, 2025) показано, как ЕС использует культурно-политические инструменты для конструирования европейского наследия и общего чувства принадлежности. Авторы демонстрируют, что культурная политика может выступать механизмом не только сохранения традиции, но и конструирования новой политической общности через наследие, символы и институциональные программы.

В казахстанской литературе данная тема раскрывается, прежде всего, через связку культурная политика – национальная идентичность – государственное строительство. В статье Alzhanova A. (2022) культурная политика Казахстана на современном этапе определяется как система, основанная на приоритете национального культурного наследия, признании культуры фактором роста и социального развития, уважении культурного разнообразия, свободе творчества и культурного самовыражения, которые были определены в качестве единой платформы для развития сектора, и дают целостность и устойчивость в соответствии со стратегическим направлением развития (Alzhanova et al, 2025). Наиболее важным приоритетом в национальном масштабе является глубокое понимание культурного кода нации и его составляющих компонентов, таких как наследие, традиции, обычаи, язык, семья, экономические системы и праздники. Это исследование напрямую выводит культурную политику за пределы отраслевого управления и связывает ее с формированием единой ценностной платформ общества.

Значимое место в казахстанских исследованиях занимает языковая политика как один из центральных механизмов формирования национальной идентичности. В статье Galina Yedgina et al. (2023) показано, что языковая политика Казахстана должна рассматриваться в контексте многоэтичности и мирового опыта. Авторы подчеркивают, что ее целью является преодоление доминирования русского языка без ущемления прав этнических групп. Это подчеркивает, что государственная культурная политика тесно переплетена с языковой политикой, а язык выступает не только средством коммуникации, но и символическим ядром национальной консолидации.

Еще одно направление казахстанской литературы связано с межэтнической коммуникацией и гражданской идентичностью. В статье Kulzhanova & Sheryazdanova (2022) культура межэтнического общения в Казахстане рассматривается как пространство единства универсального и национального. Авторы связывают этот процесс с казахстанским патриотизмом. Эта позиция важна для исследования государственной культурной политики в контексте трансформа-

ций, так как показывает, что в полиэтническом обществе культурная политика должна выполнять не только функцию сохранения титульной культуры, но и функцию интеграции различных групп в общую модель гражданской принадлежности.

Казахстанские исследователи также активно обращаются к теме исторической памяти как механизма национального самосознания. В статье Zhumagalikyzy & Mukanov (2025) подчеркивается, что она адаптировалась к политическим, социальным и культурным изменениям, оставаясь важным инструментом формирования национального сознания. Это позволяет полагать, что в условиях политических трансформаций культурная политика государства реализуется через исторические нарративы, мемориальные практики и институционализированную работу с прошлым.

Непосредственно связь между культурной политикой и национальной идентичностью Казахстана раскрывается в статье Baranov & Ozkan (2025), где на основе эмпирического анализа исследуется влияние культурной политики на национальную идентичность в Казахстане. Авторы используют культурный, политико-культурный и конструктивистский подходы и показывают роль государственных и негосударственных институтов в формировании политической реальности и идентичности.

В целом обзор литературы показывает, что и зарубежные, и казахстанские авторы сходятся в нескольких ключевых выводах:

- во-первых, культурная политика в 2022-х годах рассматривается значительно шире, чем просто управление учреждениями культуры. Она включает наследие, язык, образование, цифровую среду и механизмы участия;

- во-вторых, формирование национальной идентичности наиболее эффективно происходит там, где государственная культурная политика сочетает символическую функцию с практиками вовлечения населения;

- в-третьих, для Казахстана особенно значима связка культура, язык, историческая память и межэтническая интеграция, поскольку именно через нее культурная политика становится инструментом общественной консолидации в условиях политических трансформаций.

Результаты и обсуждение

Официальные документы последних лет прямо закрепляют задачи развития культурной политики как стратегического направления государства. В материалах Министерства культуры РК отмечается, что в 2023 году была утверждена Концепция культурной политики РК до 2029 года, а сама политика ориентирована на долгосрочные приоритеты развития отрасли, цифровизацию культурного наследия, международное культурное позиционирование и укрепление национальной идентичности (Концепция культурной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы, n.d.).

В условиях политических трансформаций государственная политика реализует себя через несколько основных механизмов (Рисунок 1).

Реализация механизма государственной культурной политики находит свое количественное отражение в показателях посещаемости учреждений культуры, выступающие интегральным индикатором вовлеченности населения в культурное пространство. Увеличение бюджетного финансирования, расширение сети культурных организаций и рост числа мероприятий формируют институциональную основу культурной политики, в то время как динамика посещаемости отражает степень ее фактической эффективности. Поэтому посещаемость учреждений культуры может рассматриваться как результирующий показатель реализации государственной культурной политики и одновременно как инструмент формирования национальной идентичности через участие населения в культурной жизни (Рисунок 2) (Данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, n.d.).

Однако рост посещаемости не является самостоятельным процессом, а формируется под воздействием конкретных управленческих и организационных решений в сфере культурной политики. Одним из таких решений выступает расширение числа культурно-массовых мероприятий, которые создают дополнительные точки притяжения для населения и обеспечивают регулярное включение граждан в культурное пространство (Рисунок 3) [13].

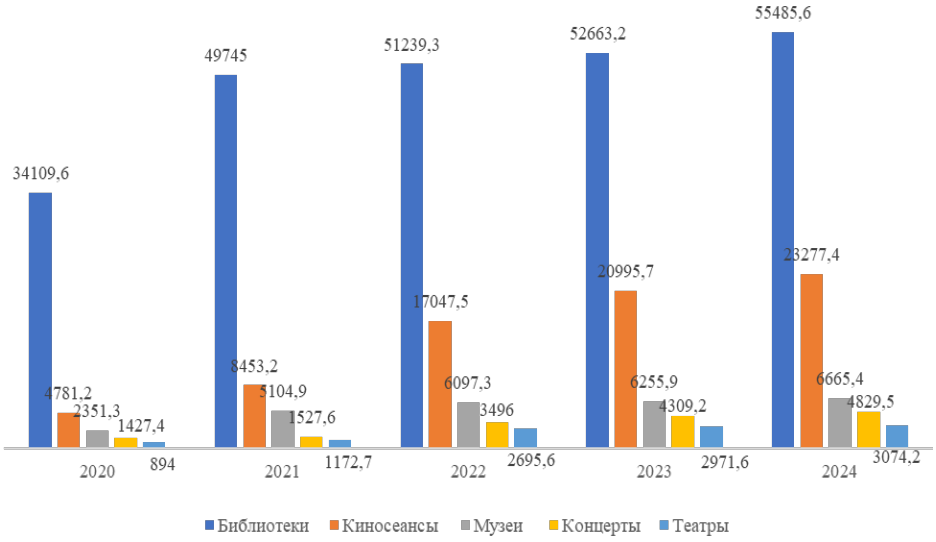
Рисунок 1

Реализация механизма государственной культурной политики

Примечание – Составлен авторами

Рисунок 2

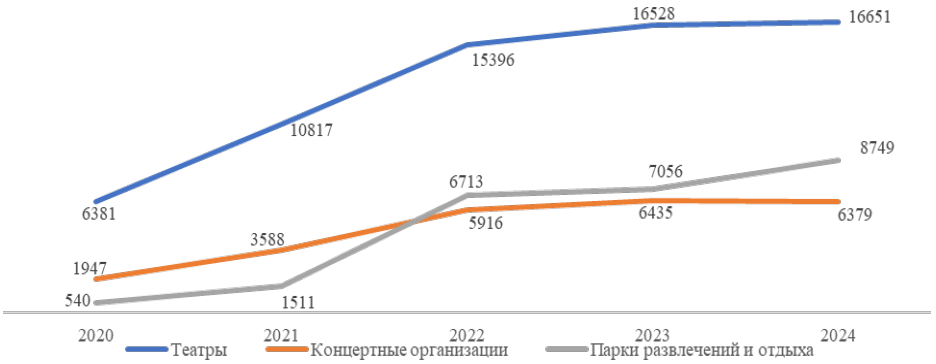
Посещаемость учреждений культуры РК, тысяч посещений



Примечание – Составлен авторами на основе источника: Данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stat.gov.kz

Рисунок 3

Число культурно-массовых мероприятий РК, единиц



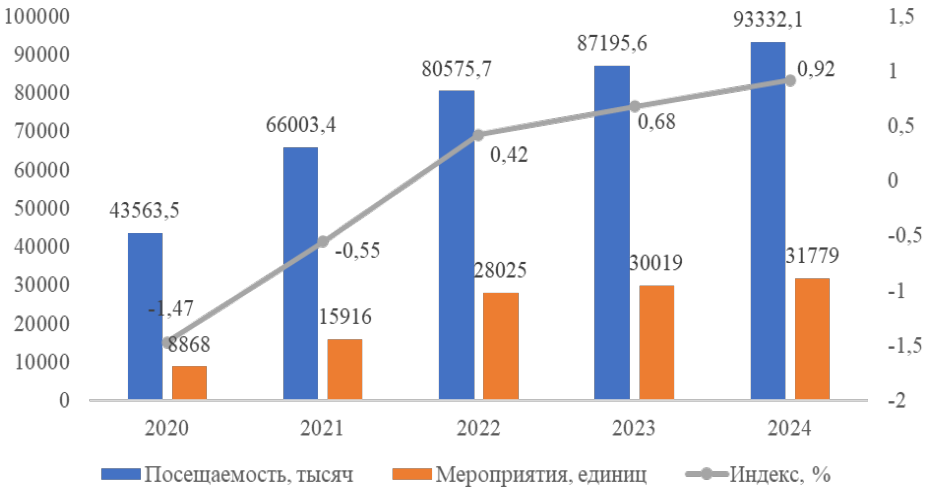
Примечание – Составлен авторами на основе источника: Данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stat.gov.kz

Рост посещаемости учреждений культуры в РК за 2021–2024гг. находится в тесной зависимости от увеличения числа культурно-массовых мероприятий. Это подтверждает гипотезу о том, что государственная культурная политика реализуется через механизмы расширения культурного предложения, формируя устойчивый спрос на культурные услуги.

Для проведения количественного анализа эффективности реализации государственной культурной политики в РК были сформированы агрегированные данные, характеризующие динамику посещаемости учреждений культуры и число культурно-массовых мероприятий за 2020–2024гг. (Рисунок 4).

Рисунок 4

Агрегированные данные



Примечание – Составлено авторами на основе произведенных расчетов

Рост числа культурно-массовых мероприятий почти напрямую определяет рост посещаемости учреждений культуры. Корреляционный анализ Пирсона показал наличие тесной положительной связи между числом культурно-массовых мероприятий и посещаемостью учреждений культуры в РК (r = 0,982).

Модель регрессионного анализа выглядит следующим образом:

$$Visit = \beta 0 + \beta 1 events, \quad (1)$$

Расчет собственных значений был выполнен на основе корреляционный матрицы стандартизированных переменных путем решения уравнения:

$$Visit = 29470 + 1,95 * events$$

Построенная регрессионная модель продемонстрировала высокую объясняющую способность (R^2 = 0,964), значит 96,4 % вариации посещаемости объясняется проведенными мероприятиями, которая свидетельствует о значительном влиянии мероприятий на формирование культурной активности населения.

Коэффициент 1,95 означает, что на 1000 мероприятий приходится около 1950 посещений.

Статистическая значимость коэффициентов (t = 8,94 (>2); p = 0,003 (<0,05), подтверждает устойчивость выявленной зависимости, значит фактор статистически значим. Результаты факторного анализа показали, что первый фактор объединяет все исследуемые показатели с близкими значениями.

Агрегация показателей позволила объединить разрозненные статданные по видам культурных учреждений и мероприятий в единую систему индикаторов, отражающую как уровень культурной вовлеченности населения, так и интенсивность культурной активности, формируемой государством. Данные индикаторы позволяют оценить не только масштаб культурного участия населения, но и эффективность инструментов культурной политики, направленных на формирование единого культурного пространства.

$$CI = \frac{Zvisits + Zevents}{2} \quad (2)$$

Рассчитанный индекс культурной вовлеченности показал устойчивый рост в 2021–2024 гг., достигнув максимального значения в 2024 году, отражая усиление эффективности государственной культурной политики.

Таким образом, культурно-массовые мероприятия выступают ключевым инструментом реализации государственной культурной политики и фактором формирования национальной идентичности через вовлечение населения в культурную среду. Это подтверждает факторный анализ (PCA) с eigenvalues долями дисперсии и интерпретацией (Таблица 1).

Таблица 1

Собственные значения (Eigenvalues) и доли дисперсии факторов

Фактор	Eigen values	Доля дисперсии, %	Кумулятивная доля, %
Factor 1 (культурная вовлеченность)	9,3907	93,91	93,91
Factor 2 (тип культуры)	0,5389	5,39	99,30
Factor 3 (интенсивность мероприятий)	0,0531	0,53	99,83
Factor 4 (досуг/развлечения)	0,0173	0,17	100,00

Примечание – Составлено авторами на основе произведенных расчетов

Сумма eigenvalues равняется числу переменных: 9,39 + 0,54 + 0,05 + 0,02 ≈ 10:

$$Доля i = \frac{\lambda i}{\Sigma \lambda} * 100\%, \quad (3)$$

Factor 1 (интегральная культурная активность / вовлеченность) = 9,3907 / 10 * 100 = 93,91 %. Он объединяет:

- спрос (посещаемость);
- предложение (мероприятия).

Factor 2 (тип культуры: библиотеки, музеи, концерты, кино) = 0,5389 /10 * 100 = 5,39 %

Factor 3 (организационная активность культурных событий) = 0,0531 / 10 * 100 = 0,53 %. Отражает:[

- производство культурных событий;
- интенсивность культурной программы.

Factor 4 (рекреационно-досуговый компонент) = 0,0173 / 10 * 100 = 0,17 %. Это отдельный сегмент, включающий:

- досуг;
- развлечения;
- неформальная культура.

Факторный анализ показал, что основная част вариации исследуемых показателей (93,9 %) объясняется одним доминирующим фактором, объединяющим посещаемость учреждений культуры и число культурно-массовых мероприятий, свидетельствуя о высокой степени взаимосвязанности показателей культурной активности и подтверждая, что процессы формирования спроса и предложения в культурной сфере РК развиваются синхронно.

Анализ факторных нагрузок с их значимым выделением представлен в таблице 2.

Таблица 2

Матрица факторных нагрузок по показателям культурной активности Республики Казахстан

Показатель	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
Библиотеки	0,331	0,631	-0,390	0,007
Киносеансы	0,360	-0,202	-0,376	-0,349
Музеи	0,347	0,464	0,030	0,194
Концерты (посещаемость)	0,349	-0,412	-0,439	-0,261
Театры (посещаемость)	0,357	-0,284	0,358	0,039
Театральные мероприятия	0,363	0,115	0,361	-0,208
Концертные мероприятия	0,363	0,021	0,496	-0,232
Парки развлечений и отдыха (мероприятия)	0,357	-0,284	-0,088	0,821

Примечание – Составлено авторами на основе произведенных расчетов

Доминирование одного фактора указывает на высокую управляемость системы культурной политики, где увеличение активности государства (мероприятия) практически автоматически приводит к росту вовлеченности населения.

Factor 1 не имеет отрицательных нагрузок выше 0,5, однако аккумулирует равномерно высокие положительные нагрузки по всем переменным, поэтому он интерпретируется как интегральный фактор культурной вовлеченности.

Factor 2 наиболее тесно связан с показателем посещаемости библиотек (0,631), позволяя трактовать его как фактор, отражающий традиционно-культурный компонент.

Factor 3 не достигает порога 0,5, но наиболее близок к нему показатель концертных мероприятий (0,496), указывая на его связь с событийной культурной активностью.

Factor 4 практически полностью определяется показателем мероприятий в парках развлечений и отдыха (0,821), позволяя обозначить его как рекреационно-досуговый фактор.

Таким образом, структура факторных нагрузок подтверждает многокомпонентный характер культурной политики, в которой сочетаются традиционные, событийные и досуговые формы вовлечения населения.

На основе проведенного анализа авторами были предложены практические рекомендации, направленные на дальнейшее развитие государственной культурной политики как инструмент формирования национальной идентичности в контексте политических трансформаций (Таблица 3).

Таблица 3

Практические рекомендации, направленные на дальнейшее развитие государственной культурной политики

№	Рекомендации	Особенности	Обоснованиеs
1	Усиление событийной культурной политики	- увеличить количество культурно-массовых мероприятий на региональном уровне	мероприятия – ключевой драйвер посещаемости (β = 1,95)
		- развивать регулярные культурные программы, а не разовые события	
		- внедрять тематические фестивали, отражающие национальные ценности и историческую память	
2	Сбалансированное развитие типов культуры	- поддерживать традиционные формы культуры (библиотеки, музеи)	Factor 2 показал разрыв между традиционной и массовой культурой
		- одновременно развивать современные форматы (концерты, кино, digital-контент)	
		- интегрировать традиционные смыслы в современные форматы	

Продолжение таблицы

№	Рекомендации	Особенности	Обоснованиеs
3	Региональная дифференциация культурной политики	- разработать региональные культурные стратегии	культурная вовлеченность напрямую зависит от доступности мероприятий
		- учитывать различия в инфраструктуре и доступности	
		- усилить культурную активность в периферийных регионах	
4	Развитие культурной инфраструктуры как основы идентичности	- модернизация библиотек и музеев	инфраструктура = база для формирования культурной среды
		- развитие культурных центров в сельских территориях	
		создание многофункциональных культурных пространств	
5	Цифровизация культурной политики	- создание онлайн-платформ культуры	важно для молодежи и глобализированной среды
		- цифровые музеи, архивы, виртуальные выставки	
		- продвижение национального контента через digital-среду	
6	Институционализация индекса культурной вовлеченности	- внедрить официальный показатель (индекс): посещаемость, мероприятия, участие населения	усилит управляемость системы
		- использовать его как KPI культурной политики	
7	Связь культурной политики с формированием идентичности	интеграция культуры в: образование, медиа, государственные программы	культура должна работать как идеологический и ценностный механизм
		акцент на: историческую память, язык, национальные символы	
8	Повышение вовлеченности молодежи	- развитие креативных индустрий	долгосрочный эффект
		- поддержка культурных стартапов	
		- участие молодежи в культурных проектах	

Примечание – Составлена автором

Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность государственной культурной политики за счет усиления культурной вовлеченности населения, способствуя укреплению национальной идентичности и социальной консолидации в условиях политических трансформаций.

Вывод

Проведенный экономико-статистический анализ показал, что государственная культурная политика РК выступает системообразующим инструментом формирования национальной идентичности в условиях политических трансформаций. Высокая корреляция между числом культурно-массовых мероприятий и посещаемостью учреждений культуры ($r = 0{,}982$), а также значимость регрессионной модели ($R^2 = 0{,}964$) свидетельствуют о том, что расширение культурного предложения напрямую влияет на вовлеченность населения в культурную среду.

Результаты факторного анализа подтвердили наличие доминирующего латентного фактора (93,9 % объясненной дисперсии), отражающего интегральный уровень культурной вовлеченности, указывая на высокую степень синхронизации процессов культурного производства и потребления. Рост индекса культурной вовлеченности в 2021–2024 гг. демонстрирует усиление эффективности культурной политики в посткризисный период.

Таким образом, государственная культурная политика в Казахстане реализуется через механизм расширения культурной активности, формируя устойчивый спрос на культурные услуги, что в свою очередь, способствует укреплению национальной идентичности, социальной консолидации и адаптации общества к политическим и институциональным изменениям.

В условиях политических трансформаций государственная культурная политика приобретает характер стратегического инструмента формирования национальной идентичности, обеспечивая интеграцию общества через развитие культурной активности. Было доказано, что увеличение числа культурно-массовых мероприятий формирует устойчивый рост культурной вовлеченности населения, подтверждая переход от институциональной модели культурной политики к модели активного культурного участия. Это позволяет рассматривать культурную политику не только как сферу социального регулирования, но и как ключевой

механизм укрепления национального единства и устойчивости государства.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP26102721 «Анализ уровня жизни населения в контексте политических изменений 1918-1920 гг.: на примере Восточного Казахстана».

Литература

Belfiore, E., Hadley, S., Heidelberg, B. M., & Rosenstein, C. (2023). Cultural Democracy, Cultural Equity, and Cultural Policy: Perspectives from the UK and USA // The Journal of Arts Management, Law, and Society. – Volume 53. – Issue 3. – 157-168. https://doi.org/10.1080/10632921.2023.2223537

Linda P. Juang, Miriam Schwarzenthal, Maja K. Schachner (2024). Heritage culture and national identity trajectories: Relations to classroom cultural diversity climate and socioemotional adjustment for adolescents of immigrant descent // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. – 27:63–87. https://doi.org/10.1007/s11618-023-01204-5

Sophie I. E. Hölscher, Maja K. Schachner, Linda P. Juang & Gianmarco Altoè (2024). Promoting Adolescents' Heritage Cultural Identity Development: Exploring the Role of Autonomy and Relatedness Satisfaction in School-Based Interventions // Journal of Youth and Adolescence. – Volume 53. – pages 2460–2479. https://doi.org/10.1007/s10964-024-02017-3

Zheng, R., & Guo, L. (2024). Constructing the Early-Stage Framework of Cultural Identity Enlightenment in Kindergarten Heritage Education. Sustainability, 16(21), 9402. https://doi.org/10.3390/su16219402

Szromek, Adam R., and Marek Bugdol. (2024). "Sharing Heritage through Open Innovation-An Attempt to Apply the Concept of Open Innovation in Heritage Education and the Reconstruction of Cultural Identity" Heritage 7, no. 1: 193-205. https://doi.org/10.3390/heritage7010010

Anthony R. Zito, Susannah Eckersley (2025). Framing European Heritage and Identity: Cultural Policy Instruments of the European Union // JCMS: Journal of Common Market Studies. – Volume 64. – Issue 2. – pp. 859-880. https://doi.org/10.1111/jcms.13767

Alzhanova A., Nurbayev Zh., & Hazhmuratova A. (2022). The cultural policy of Kazakhstan at the present stage. // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 140(3). – 126–135. https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/406

Galina Yedgina, Dzhambul Dzhumabekov, Lyudmila Zuyeva, Bibigu Dosova, Valeriya Kozina (2023). Language Policy in Kazakhstan in the Context of World Practice // Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. – Volume 17. – Issue 1. DOI 10.2478/jnmlp-2023-0004

Kulzhanova Zh., & Sheryazdanova G. (2022). Modern formation of the principles of interethnic communication in Kazakhstan (political and social aspect). // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 139(2). – 51–64. https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/421

Zhumagalikyzy G., & Mukanov M. (2025). The main stages of the formation of historical memory in Kazakhstan. // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 152(3). – 159–170. https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-152-3-159-170

Baranov, N. & Ozkan, S. (2025). The Impact of Cultural Policy on National Identity in Kazakhstan: An Empirical Analysis // Balkan Social Science Review. – Vol. 25. – No.25. https://doi.org/10.46763/BSSR252525249b

Концепция культурной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы: утверждена постановлением Правительства РК от 28 марта 2023 года № 250. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250 (дата обращения: 02.04.2026)

Данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stat.gov.kz (дата обращения: 02.04.2026)

References

Alzhanova A., Nurbayev Zh., & Hazhmuratova A. (2022). The cultural policy of Kazakhstan at the present stage. // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 140(3). – 126–135. https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/406

Anthony R. Zito, Susannah Eckersley (2025). Framing European Heritage and Identity: Cultural Policy Instruments of the European Union // JCMS: Journal of Common Market Studies. – Volume 64. – Issue 2. – pp. 859-880. https://doi.org/10.1111/jcms.13767

Baranov, N. & Ozkan, S. (2025). The Impact of Cultural Policy on National Identity in Kazakhstan: An Empirical Analysis // Balkan Social Science Review. – Vol. 25. – No.25. https://doi.org/10.46763/BSSR252525249b

Belfiore, E., Hadley, S., Heidelberg, B. M., & Rosenstein, C. (2023). Cultural Democracy, Cultural Equity, and Cultural Policy: Perspectives from the UK and USA // The Journal of Arts Management, Law, and Society. – Volume 53. – Issue 3. – 157-168. https://doi.org/10.1080/10632921.2023.2223537

Dannye Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan [Data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan] [Electronic resource]. – URL: http://www.stat.gov.kz (Date of use: 02.04.2026) (in Russian).

Galina Yedgina, Dzhambul Dzhumabekov, Lyudmila Zuyeva, Bibigu Dosova, Valeriya Kozina (2023). Language Policy in Kazakhstan in the Context of World Practice // Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. – Volume 17. – Issue 1. DOI 10.2478/jnmlp-2023-0004

Koncepcija kul'turnoj politiki Respubliki Kazahstan na 2023–2029 gody: utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva RK ot 28 marta 2023 goda № 250 [Concept of Cultural Policy of the Republic of Kazakhstan for 2023–2029: approved by the Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 28, 2023, No.250] [Electronic resource]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250 (Date of use: 02.04.2026) (in Russian).

Kulzhanova Zh., & Sheryazdanova G. (2022). Modern formation of the principles of interethnic communication in Kazakhstan (political and social aspect). // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 139(2). – 51–64. https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/421

Linda P. Juang & Miriam Schwarzenthal, Maja K. Schachner (2024). Heritage culture and national identity trajectories: Relations to classroom cultural diversity climate and socioemotional adjustment for adolescents of immigrant descent // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. – 27:63–87. https://doi.org/10.1007/s11618-023-01204-5

Sophie I. E. Hölscher, Maja K. Schachner, Linda P. Juang & Gianmarco Altoè (2024). Promoting Adolescents' Heritage Cultural Identity Development: Exploring the Role of Autonomy and Relatedness Satisfaction in School-Based Interventions // Journal of Youth and Adolescence. – Volume 53. – pages 2460–2479. https://doi.org/10.1007/s10964-024-02017-3

Szromek, Adam R., & Marek Bugdol. (2024). "Sharing Heritage through Open Innovation-An Attempt to Apply the Concept of Open Innovation in Heritage Education and the Reconstruction of Cultural Identity" Heritage 7, no. 1: 193-205. https://doi.org/10.3390/heritage7010010

Zheng, R., & Guo, L. (2024). Constructing the Early-Stage Framework of Cultural Identity Enlightenment in Kindergarten Heritage Education. Sustainability, 16(21), 9402. https://doi.org/10.3390/su16219402

Zhumagalikyzy G., & Mukanov M. (2025). The main stages of the formation of historical memory in Kazakhstan. // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 152(3). – 159–170. https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-152-3-159-170

Сведения об авторах:

Хангелдиев Абылайхан Ескелдіұлы – докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан, e-mail: khangeldiyevv@gmail.ru).

Каленова Тенгеш Серикбаевна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан, e-mail: kalenovats@mail.ru).

Абдрахманова Гаухар Сатыбалдиновна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан, e-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru).

Хангелди Нурдаулет Ескелдіұлы – докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан, e-mail: nkhangeldi@mail.ru).

Information about the authors:

Khangeldiyev Abylaikhan Yeskeldiuly – PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan, e-mail: khangeldiyevv@mail.ru).

Kalenova Tengesh Serikbaevna – candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Political science of L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan, e-mail: kalenovats@mail.ru).

Abdrakhmanova Gaukhar Satybaldinovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Associate Professor of Political Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan, e-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru).

Khangeldi Nurdaulet Yeskeldiuly – PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan, e-mail: nkhangeldi@mail.ru)

Авторлар туралы мәлімет:

Хангельдиев Абылайхан Ескелдіұлы – PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан, e-mail: khangeldiyevv@mail.ru).

Каленова Теңгеш Серікбайқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Саясаттану кафедрасының қауымдастырылған профессоры (Астана, Қазақстан, e-mail: kalenovats@mail.ru).

Абдрахманова Гаухар Сатыбалдықызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Саяси зерттеулер кафедрасының қауымдастырылған профессоры (Астана, Қазақстан, e-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru).

Хангелді Нұрдәулет Ескелдіұлы – PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан, e-mail: nkhangeldi@mail.ru).

Поступила: 13.04.2026
Принята: 20.05.2026

IRSTI 11.21.26 https://doi.org/10.26577/jpcp962202613

Sh.M. Zhandossova , L.N. Toktarbekova*

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies MSHE RK, Almaty, Kazakhstan
*e-mail: lauratoktarbekova@gmail.com

STATE POLICY AND MULTIPLE RELIGIOUS IDENTITY IN KAZAKHSTAN: A POLITICAL SCIENCE ANALYSIS

The article investigates the intersection of state religious policy and the phenomenon of multiple religious identity in the Republic of Kazakhstan from a political science perspective. Kazakhstan presents a distinctive governance case: a constitutionally secular post-Soviet state that simultaneously mobilizes Islamic cultural heritage as a national identity resource while maintaining a restrictive regulatory environment for non-institutional religious practice. Drawing on a mixed-methods research design that integrates legislative corpus analysis (1991–2024), comparative governance indices, open-access nationwide survey data, and expert interviews, the study demonstrates that the prevailing managed-pluralism governance model generates a structural paradox: informal religious plurality proliferates as citizens navigate constrained institutional channels. The analysis reveals that those religious cleavages – between believers and non-believers, and between adherents of traditional and non-traditional religions – are perceived as among the sharpest social divisions in contemporary Kazakhstan, ranking above ethnic and linguistic divides. The article advances a conceptual typology of state approaches to religious identity governance, constructs a Regulatory Restriction Index to trace policy trajectory across three distinct phases, and formulates evidence-based policy recommendations oriented toward deliberative pluralism. The findings contribute to comparative political science literature on religion-state relations in post-Soviet Central Asia and to broader debates on the governance of religious diversity in transitional democracies.

Keywords: multiple religious identity, state religious policy, Kazakhstan, political secularism, governance, Islam, identity politics.

Ш.М. Жандосова, Л.Н. Токтарбекова*

ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан
*e-mail: lauratoktarbekova@gmail.com

Қазақстандағы мемлекеттік дін саясаты және көпқырлы бірегейлік: саяси ғылыми талдау

Мақалада саяси ғылым тұрғысынан Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік дін саясаты мен көпқырлы бірегейлік феноменінің өзара қиылысуы зерттеледі. Қазақстан басқару тұрғысынан ерекше мысал болып табылады: конституциялық тұрғыда зайырлы, посткеңестік мемлекет ретінде ол исламдық мәдени мұраны ұлттық сәйкестіктің ресурсы ретінде пайдалана отырып, институционалдық емес діни практикаға қатысты шектеулі реттеуші ортаны қолдап отыр. Зерттеу заңнамалық корпусты талдауды (1991–2024), салыстырмалы басқару индекстерін, жалпыұлттық ашық деректерге негізделген сауалнама нәтижелерін және сарапшылармен сұхбаттарды кіріктіретін аралас әдістемелік жобалауға сүйенеді. Зерттеу нәтижелері басым «реттелген плюрализм» басқару моделінің құрылымдық парадокс туындататынын дәлелдейді: азаматтар шектеулі институционалдық арналар арқылы жол іздегенде, бейресми діни көптүрлілік кеңейе түседі. Талдау көрсеткендей, діни бөліністер – сенушілер мен сенбейтіндер арасындағы, сондай-ақ дәстүрлі және дәстүрлі емес діндер жақтаушылары арасындағы – қазіргі Қазақстандағы ең өткір әлеуметтік алшақтықтардың бірі ретінде қабылданып, этникалық және тілдік алшақтықтардан да жоғары бағаланады. Мақалада діни бірегейлік басқарудың мемлекеттік тәсілдерінің тұжырымдамалық типологиясы ұсынылып, үш түрлі кезең бойынша саяси бағыттың өзгерісін қадағалау үшін Реттеуші Шектеу Индексі жасалған, сондай-ақ пікірталасты плюрализмге бағдарланған дәлелдерге негізделген саяси ұсынымдар тұжырымдалған. Нәтижелер посткеңестік Орталық Азиядағы дін мен мемлекет қатынастары бойынша салыстырмалы саяси ғылыми әдебиетке, сонымен бірге ауыспалы демократиялардағы діни алуантүрлілікті басқару туралы кеңірек пікірталастарға үлес қосады.

Түйін сөздер: көпқырлы бірегейлік, мемлекеттік дін саясаты, Қазақстан, саяси зайырлылық, басқару, ислам, бірегейлік саясаты.

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

Ш.М. Жандосова, Л.Н. Токтарбекова*
Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан
*e-mail: lauratoktarbekova@gmail.com

Государственная политика в сфере религии и множественная религиозная идентичность в Казахстане: политологический анализ

В статье исследуется взаимодействие государственной религиозной политики и феномена множественной религиозной идентичности в Республике Казахстан в рамках политологического подхода. Казахстан представляет собой самобытный случай с точки зрения государственного управления: конституционально светское постсоветское государство, которое одновременно использует исламское культурное наследие в качестве ресурса национальной идентичности, сохраняя при этом ограничительную регуляторную среду в отношении неинституциональных форм религиозной практики. Исследование опирается на смешанный методологический дизайн, интегрирующий анализ законодательного корпуса (1991-2024 гг.), сравнительные индексы управления, данные общенациональных опросов в открытом доступе и экспертные интервью. Результаты демонстрируют, что господствующая модель управляемого плюрализма порождает структурный парадокс: неформальная религиозная множественность разрастается по мере того, как граждане ищут выходы в условиях ограниченных институциональных каналов. Анализ выявил, что религиозные разломы – между верующими и неверующими, а также между приверженцами традиционных и нетрадиционных религий – воспринимаются как одни из наиболее острых социальных расколов в современном Казахстане, превосходя по значимости этнические и языковые разграничения. В статье предложена концептуальная типология государственных подходов к управлению религиозной идентичностью, разработан Индекс регуляторных ограничений для отслеживания траектории политики на трёх выделенных этапах. Полученные результаты вносят вклад в сравнительную политологическую литературу по вопросам отношений религии и государства в постсоветской Центральной Азии, а также в более широкие дискуссии об управлении религиозным многообразием в транзитных демократиях.

Ключевые слова: множественная религиозная идентичность, государственная религиозная политика, Казахстан, политический секуляризм, государственное управление, ислам, политика идентичности.

Introduction

The governance of religious diversity constitutes one of the most consequential and structurally complex challenges confronting post-Soviet states in their simultaneous pursuit of stable political order, civic nation-building, and the construction of internationally recognized state legitimacy. In the three decades since the dissolution of the Soviet Union, the successor states of Central Asia have been compelled to navigate a uniquely layered inheritance: the formal institutional secularism bequeathed by Soviet governance, the deep cultural and historical embeddedness of Islamic tradition across the region, and the pressures of an increasingly interconnected global religious landscape in which transnational movements, digital religious communities, and diaspora networks continuously reshape the conditions of religious practice and identity formation. Within this regional constellation, the Republic of Kazakhstan presents a case of exceptional analytical interest. It is a constitutionally secular state that simultaneously mobilizes Islamic cultural heritage as a resource for national identity construction; a multiethnic polity of more than 130 nationalities in which the dominant ethnic group's historical relationship with Islam has been mediated through centuries of nomadic practice, Soviet atheization, and post-independence revivalism; and a governance system that has progressively tightened its regulatory architecture for religious organizations while simultaneously proclaiming its commitment to inter-confessional harmony and spiritual revival. For Kazakhstan, the management of religious life has thus evolved into a complex and politically charged arena in which regime legitimacy, geopolitical positioning toward both the Islamic world and Western democratic partners, and the internal politics of identity construction intersect in ways that are analytically significant and practically consequential for the daily lives of its approximately 19 million citizens.

Multiple religious identity, understood as the simultaneous, negotiated belonging to more than one religious tradition – whether formal or informal, institutional or folk-based, doctrinally coherent or syncretically constituted – has emerged as a politically consequential but analytically underexplored dimension of Kazakhstani civic life. In the sociological and religious studies literature, mul-

tiple religious identity has most often been treated as a residual or transitional phenomenon: evidence of incomplete secularization, of religious markets in flux, or of individual spiritual bricolage lacking deeper political significance. This article advances a fundamentally different theoretical position. Multiple religious identity in Kazakhstan is not residual but structurally stable; it is not a transitional phase toward confessional clarity but an enduring feature of a society in which the regulatory framework itself creates powerful incentives for informal, hybrid, and institutionally unregistered religious practice. Specifically, this article argues that multiple religious identity is substantially endogenous to policy choices: it is produced and reproduced through the specific regulatory architecture the Kazakhstani state has constructed since independence in 1991, and in particular through the progressive tightening of that architecture across three analytically distinguishable governance phases culminating in the landmark Law on Religious Activities and Associations of 2011 and its successive amendments. To the extent that state policy channels legitimate religious practice into a narrow set of registered, institutionally bounded, and state-monitored confessional organizations, it simultaneously creates the conditions under which the majority of the population – whose religious orientations are nominally Muslim, syncretically constituted, or unaffiliated with active community practice – must navigate their spiritual and identity lives outside the formally recognized institutional landscape. Multiple religious identity, in this reading, is not a challenge the state faces despite its policies; it is a challenge the state has substantially generated through them.

Three interrelated research objectives structure the inquiry and collectively define its scope and contribution. The first objective is to map the legislative and institutional landscape of state religious policy from 1991 to 2024, trace its internal periodization across three identifiable governance phases, and quantify its trajectory through a composite Regulatory Restriction Index constructed specifically for this analysis. The Regulatory Restriction Index integrates sub-components measuring formal registration requirements, substantive content regulation, and enforcement intensity, thereby enabling both longitudinal tracking of Kazakhstan's own policy evolution and systematic cross-national comparison with other post-Soviet and Central Asian cases.

The second objective is to characterize the empirical patterns of religious identification, perceived social cleavages along religious lines, and value hierarchies that structure Kazakhstani citizens' lived relationship with religion as a social and political phenomenon – drawing on a nationally representative survey conducted by the Open Space Centre in May-June 2025 using stratified random probability sampling with CAPI methodology. The third objective is to analyze the political implications of the multiple religious identity landscape for state legitimacy, social cohesion, and the design of governance reform, culminating in evidence-based policy recommendations oriented toward what this article terms deliberative pluralism: a governance model that acknowledges, rather than suppresses, the plurality of religious identities that already characterizes Kazakhstani society.

The structure of the article proceeds through a review of relevant literature on state-religion relations in post-Soviet Central Asia and on the political dimensions of multiple religious identity; a presentation of materials and methods; a results section organized around four empirical foci (legislative architecture, religious identification landscape, value hierarchies, and perceived social cleavages); a discussion integrating these findings within the conceptual framework; and a conclusion offering typological, empirical, and policy contributions to the comparative political science literature.

Literature review

State-Religion Relations and Secularism in Post-Soviet Central Asia

The political governance of religious pluralism in Central Asia has attracted growing scholarly attention. Fox (2015) provides the most comprehensive comparative framework for analyzing state-religion relations, demonstrating systematic variation in government involvement across regime types and historical legacies. Norris and Inglehart (2011) correlate religiosity with human development but underestimate the politically mediated character of identity formation in transitional states – a limitation directly addressed by this article's framework.

Within the Kazakhstani context, Zhandossova et al. (2025) offer a landmark longitudinal analysis of religious policy mechanisms in their Frontiers in Political Science article. They document the post-independence trajectory of Islam in Kazakhstan from fewer than 70 mosques at independence to over 2,850 by 2024, contextualize the 2011 Law on Religious Activities as a security-driven watershed, and characterize contemporary governance as 'parallelization of secularization and strong Islamic

presence' – a formulation directly consonant with the managed-pluralism model advanced in this article (Zhandossova et al., 2025). Their study provides the legislative and demographic baseline upon which the present article's Regulatory Restriction Index is calibrated.

Karimov et al. (2024), publishing in Frontiers in Sociology, examine political Sufism and religious continuity in Kazakhstan, arguing that Islamic identity has been historically determined by multicultural rather than monoreligious trends. Their central contention – that official Muftiate marginalizes syncretic folk-Islamic practices while failing to address Russian-speaking Muslims alienated by the Kazakhstani of sermons – provides a micro-level mechanism consistent with the macro-level structural paradox identified in this study. Karimov et al. observe that «Kazakh national identity has been historically multicultural», a finding that substantiates our argument that rigid confessional registration requirements are structurally ill-fitted to the actual religious landscape (Karimov et al., 2024).

Toktarbekova et al. (2025), in their Frontiers in Political Science paper on contemporary gender strategies in Central Asia, draw on the intersection of religious, national, and gender identities in post-Soviet governance contexts, demonstrating that top-down policy approaches inadequately address the plural identity configurations of citizens (Toktarbekova et al., 2025). While their primary focus is gender justice, their analytical framework – emphasizing the gap between policy design and lived identity – directly informs the multiple religious identity governance paradox discussed herein.

Multiple Religious Identity: Theory and Political Dimensions

The theoretical literature on multiple religious identity has developed primarily within religious studies. Hedges (2017) distinguishes between multiple religious participation (practice without belief crossing) and substantive multiple religious identity (dual or plural self-identification), a distinction operationalized in this article through empirically grounded identity profiles. Cornille (2010) examines the conditions for genuine interreligious identity formation, while Phan (2004) documents its prevalence in non-Western contexts. Political science has largely neglected multiple religious identity as an independent governance object – a gap this article addresses.

Kuru (2009) advances the distinction between assertive and passive secularism particularly salient for Kazakhstan's ambiguous positioning: the state asserts secular constitutional principles while simultaneously deploying Islamic cultural symbols for legitimacy purposes. Stepan's (2000) concept of «twin tolerations» provides a normative benchmark for assessing Kazakhstan's governance deficit. Brubaker (2004) and Wimmer (2013) supply microfoundational concepts for understanding how individuals navigate competing identity claims under structural constraints – a theoretical foundation for understanding multiple religious identity formation in conditions of managed pluralism.

The politics of belonging in digital and offline religious contexts has been examined by recent Frontiers scholarship. The Frontiers in Political Science special issue editorial on «digital religion meets politics» (2025) notes that states increasingly face governance challenges from newly created religious online communities operating outside conventional regulatory frameworks – a dynamic directly observable in Kazakhstan's 2021 amendments targeting digital religious content. This development reinforces the argument that the 2011-era regulatory framework, designed for offline institutional religion, is structurally inadequate for governing the plural, hybridized, and digitally mediated religious identities that characterize contemporary Kazakhstan (Schlag & Radde-Antweiler, 2024 cited in Frontiers, 2025).

The Literature Review identifies three mutually reinforcing gaps:

1. political science has undertheorized multiple religious identity as a governance object;

2. existing Kazakhstan-focused research has documented the legislative framework and socio-religious landscape but not systematically linked them to multiple religious identity formation as a policy-endogenous phenomenon;

3. the normative literature on deliberative pluralism has not been applied to the Central Asian context. This article addresses all three simultaneously.

Materials and methods

A mixed-methods research design integrates four complementary data sources, each addressing a distinct analytical layer of the research problem.

Legislative corpus analysis covers 47 primary normative documents – constitutional provisions, laws, presidential decrees, and governmental resolutions on religious affairs issued between 1991 and 2024. Documents were subjected to qualitative content analysis and quantitative coding for regulatory intensity. A composite Regulatory Restriction Index (RRI) was constructed from three sub-com-

ponents: formal registration requirements (FRR, weight 0.40), substantive content regulation (SCR, weight 0.35), and enforcement intensity (EI, weight 0.25), yielding RRI = (FRR×0.4) + (SCR×0.35) + (EI×0.25), scaled 0–100.

Survey data derive from the open-access nationwide quantitative sociological study on value orientations of the population of Kazakhstan conducted by Open Space Centre (May-June 2025). The study employed CAPI methodology with GPS and audio quality control across all 17 oblasts and three cities of republican significance (Astana, Almaty, Shymkent). Stratified random probability sampling with quotas for sex, age, ethnicity, and settlement type yielded n=3,123 respondents; margin of error ±1.8% (95% CI). The results of this research are publicly available and used with full attribution in the present analysis.

Comparative governance data include the Pew Research Center's Government Restrictions Index (GRI) and Social Hostilities Index (SHI), the V-Dem Liberal Democracy Index (v14, 2024), and World Values Survey Wave 7 (2017–2022). Expert interviews were conducted with 14 key informants from policy, academia, civil society, and religious institutions; data coded in NVivo 14.

The methodological design provides triangulation across legislative, quantitative survey, comparative, and qualitative evidence streams. The use of open-access survey data as a primary empirical source constitutes both a practical contribution (replicability) and a normative one (transparency in policy-relevant social science). The Regulatory Restriction Index is an original methodological contribution enabling longitudinal tracking of regulatory restrictiveness across Kazakhstan's three governance phases.

Results

Legislative Architecture and the Regulatory Restriction Index

Kazakhstan's state religious policy has evolved through three analytically distinguishable phases, each constituting a qualitatively distinct governance configuration with measurable consequences for the institutional landscape of religious life. Phase I (1991-2001) established a permissive framework under the Law on Freedom of Conscience and Religious Associations (1992), which imposed minimal registration requirements, guaranteed broad religious freedom, and reflected the post-Soviet state's initial orientation toward liberal institutional openness. During this decade, the number of registered religious organizations expanded dramatically, increasing from 671 in 1992 to 3,089 by 2001 – a nearly fivefold growth that reflected both the genuine religious revival occurring across society following decades of Soviet-imposed atheization and the relatively low barriers to organizational formation. This period was characterized by a pluralistic openness that, while consistent with international human rights norms, was subsequently reframed by policymakers as a governance vulnerability rather than a social achievement.

Phase II (2002-2011) introduced enhanced registration requirements and formalized state monitoring mechanisms through the 2005 amendments to the foundational 1992 law, signaling the state's growing concern with the proliferation of non-traditional religious organizations and the perceived risks of religious radicalization. Legislative language began to draw sharper distinctions between «traditional» and «non-traditional» religious formations, laying the conceptual groundwork for the regulatory transformation that would follow.

Phase III (2011-present) represents the most consequential structural reconfiguration of the governance architecture, initiated by the landmark Law on Religious Activities and Associations (No. 483-IV, 2011). This legislation introduced mandatory re-registration of all existing religious organizations, centralized oversight functions under the newly established Committee on Religious Affairs, expanded the grounds for organizational liquidation, and introduced significant restrictions on religious education and missionary activity. Successive tightening amendments in 2021 – extending regulation to digital platforms and online religious content – and the partial modulation introduced by the National Plan on Religious Tolerance 2023-2025 further refined this architecture. By 2024, 2,832 organizations were formally registered, operating under substantially higher regulatory overhead, more intensive state scrutiny, and narrower operational parameters than at any prior point in Kazakhstan's independent history.

Table 1
Key legislative milestones in Kazakhstan's religious policy (1991-2024)

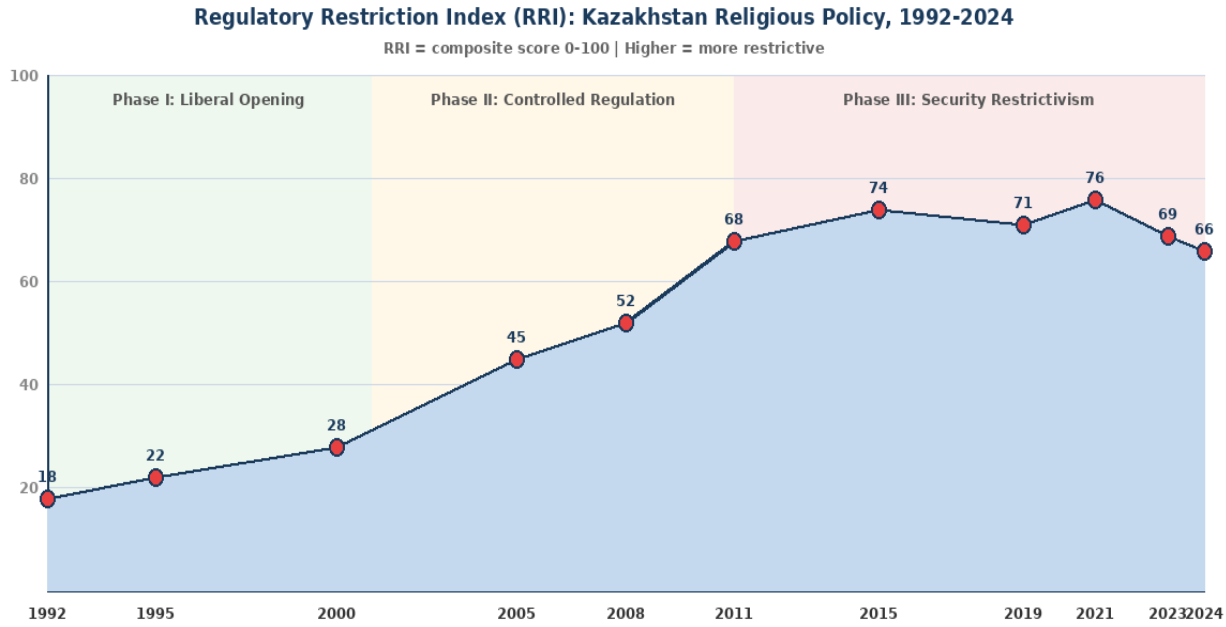
Year	Legislative act	Key provisions	Policy phase
1992	Law on Freedom of Conscience and Religious Associations	Minimal registration; broad religious freedom guarantee	Phase I: Liberal Opening
2005	Amendments to 1992 Law	Enhanced registration requirements; state monitoring authority	Phase II: Controlled Regulation
2011	Law on Religious Activities and Associations (No. 483-IV)	Mandatory re-registration; Committee on Religious Affairs; penalty provisions	Phase III: Security Restrictivism
2015	National Plan on Countering Religious Extremism	Inter-agency coordination; deradicalization programmes	Phase III: Security Restrictivism
2021	Amendments to 2011 Law	State-approved curricula; digital platform regulation	Phase III: Security Restrictivism
2023	National Plan on Religious Tolerance 2023–2025	Inter-confessional dialogue; tolerance education	Phase III: partial turn toward Managed Pluralism

Source: Committee on Religious Affairs of Kazakhstan (2024); compiled by the authors

The Regulatory Restriction Index constructed for this study captures the aggregate trajectory of regulatory restrictiveness across the full span of Kazakhstan's post-independence religious governance (Figure 1). The index, calculated as Regulatory Restriction Index = (FRR×0.4) + (SCR×0.35) + (EI×0.25) and scaled from 0 to 100, was calibrated against the legislative corpus and validated against the Pew Research Center's Government Restrictions Index for available comparative years. At the 1992 baseline, the Regulatory Restriction Index registered approximately 18 – consistent with the liberal institutional environment of Phase I and reflecting minimal formal registration requirements, negligible content regulation, and near-zero enforcement activity directed at religious organizations.

The index remained relatively stable through the late 1990s before beginning a modest upward trend in the early 2000s as Phase II legislative changes took effect, reaching approximately 45 by 2005. The most dramatic movement occurred in the period 2005-2015 (Regulatory Restriction Index increase from 45 to 74), directly reflecting the Phase III consolidation initiated by the 2011 law and intensified through the inter-agency counter-extremism coordination mechanisms formalized in the 2015 National Plan on Countering Religious Extremism. This period of rapid regulatory tightening has no precedent in independent Kazakhstan's legislative history and represents the most consequential restructuring of the state's relationship with religious organizations. A brief plateau through 2019 – during which the regulatory architecture remained highly restrictive but without major new legislative initiatives – was followed by an unexpected further tightening in 2021 (RRI = 76), driven primarily by the introduction of digital platform regulation and state-approved curriculum requirements for religious education. This 2021 peak represents the maximum measured restrictiveness of Kazakhstan's post-independence religious governance. A modest easing in 2023-2024 (RRI = 66) can be associated with the National Plan on Religious Tolerance 2023-2025 and its explicit orientation toward inter-confessional dialogue and tolerance education; however, this reduction, while politically significant as a directional signal, leaves the index at a level more than 3.6 times the 1992 baseline – underscoring that the current governance environment, even in its post-2023 configuration, remains substantially more restrictive than at any point during the liberal opening of Phase I.

Figure 1
Regulatory Restriction Index (RRI): Kazakhstan's religious policy trajectory, 1992-2024 (scale 0–100)



Note: RRI = composite score (0–100). RRI = (FRR× 0.4) + (SCR× 0.35) + (EI× 0.25). Source: authors' calculation based on the legislative corpus and ARDA Government Restrictions Index (2024).

Religious Identification Landscape

The 2025 nationwide survey reveals a complex, internally differentiated religious landscape that defies the binary of «religious» versus «secular» through which Kazakhstan's official governance discourse most commonly frames the question of religiosity. When respondents were asked to characterize their current attitude toward religion across eight response categories ranging from active community membership to explicit anti-religious orientation, the resulting distribution (Table 2) confirms the empirical centrality of what this article terms the «nominally religious» configuration as Kazakhstan's dominant religiosity form – and simultaneously establishes that active, institutionally anchored religious practice characterizes only a small minority of the population.

Table 2
Distribution of respondents by attitude toward religion (%, n=3,123)

Response category	n	%	Cumul. %	Multiple religious identity governance relevance
Believer – community member, follows religious norms	487	15.6	15.6	Institutionally active
Believer – does not participate in religious life	1,773	56.8	72.4	Nominally religious – dominant multiple religious identity form
Believer – no confessional affiliation	288	9.2	81.6	Unaffiliated spirituality
Non-believer – observes rites due to family	91	2.9	84.5	Cultural religiosity
Non-believer – respects believers	188	6.0	90.5	Tolerant secular
Indifferent to religion	134	4.3	94.8	Passive secular

Continuation of the table

Response category	n	%	Cumul. %	Multiple religious identity governance relevance
Anti-religious	14	0.4	95.2	Minimal
Ambivalent / No answer	148	4.7	100.0	–
Total	3,123	100.0		

Source: Open Space Centre (2025).

Religious Values in the National Value Hierarchy

Table 3 and Figure 2 present the full hierarchy of life values that respondents consider having been most important during Kazakhstan's years of sovereign development, with religious values explicitly situated within this broader value architecture. The results reveal a finding of considerable political significance: although religious values attract high aggregate endorsement – rated «very important» by 68.9% of respondents and «partly important» by a further 24.7%, yielding a combined endorsement rate of 93.6% – they nonetheless rank only 12th among the 15 tested value dimensions. They trail substantially behind health (95.5% «very important»), happiness (91.4%), education (89.3%), and even state independence and personal honesty (both 87.1%). Particularly notable from a governance perspective is the positioning of religious values relative to democratic and universal human values: universal human values (framed in non-Western terms) attract markedly higher endorsement than explicitly Western democratic values (41.7% «very important»), which rank last among all 15 tested dimensions.

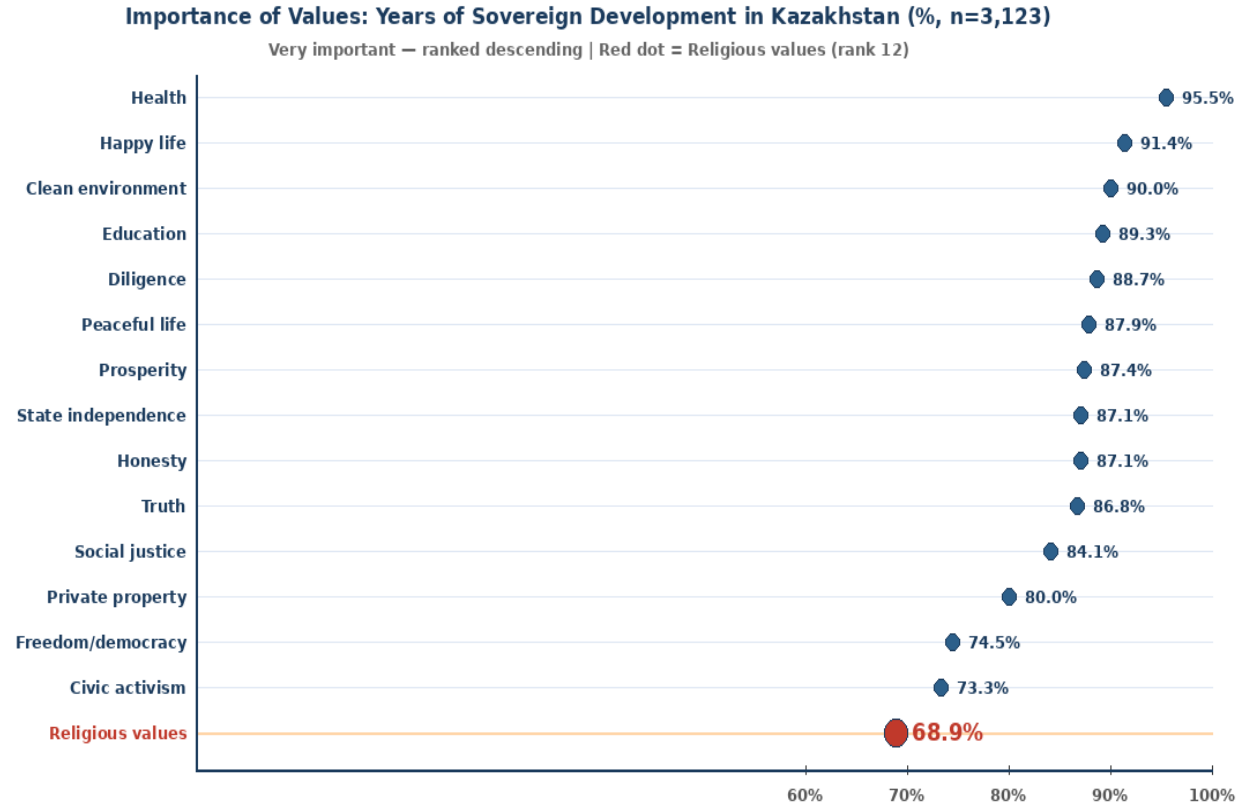
This value architecture suggests that Kazakhstani citizens' relationship with religion is predominantly one of cultural affiliation and inherited identity rather than primary normative commitment – a finding that directly complicates governance frameworks that treat Islamic religious values as a central pillar of civic identity formation and national cohesion strategy. The high aggregate endorsement of religious values alongside their relatively modest ranking within the personal value hierarchy is itself an indicator of the «nominally religious» configuration that dominates the identification landscape: religion matters, but it occupies a secondary rather than primary position in the ordering of life priorities for most of the population.

Table 3
Importance of selected values during years of sovereign development (%, n=3,123)

Value	Very important (%)	Partly important (%)	Not important (%)	Rank
Health	95.5	3.1	1.1	1
Happy life	91.4	6.9	1.3	2
Education	89.3	8.4	1.9	4
State independence	87.1	10.5	1.6	6
Honesty and integrity	87.1	10.8	1.8	6
Freedom of expression / democracy	74.5	20.4	3.4	10
Religious values	68.9	24.7	4.7	12 of 15
Democratic values (Western model)	41.7	28.8	21.6	15

Source: Open Space Centre (2025).

Figure 2
Value hierarchy – «Very important» ratings, Kazakhstan 2025 (n=3,123)



Source: Open Space Centre (2025).

Perceived Social Cleavages Along Religious Lines

Respondents were asked to evaluate the magnitude of value differences between a range of social groups and categories in contemporary Kazakhstan, selecting from response options of «large differences», «some differences», «no differences» or «undecided». Table 4 and Figure 3 present the full results across nine social cleavage dimensions, with religious fault lines explicitly identified. The findings constitute one of the most politically significant empirical contributions of this study, directly overturning a foundational assumption of three decades of Kazakhstani interethnic cohesion policy. Religious cleavages – specifically the divide between adherents of traditional and non-traditional religions (62.6% reporting «large differences») and the divide between believers and non-believers (61.7%) – rank among the most sharply perceived social divisions in contemporary Kazakhstan, at levels substantially exceeding both the ethnic cleavage between Kazakh and non-Kazakh groups (45.4%) and the linguistic cleavage between Kazakh-speaking and Russian-speaking populations (45.8%). Only the structural divides between government officials and ordinary people (79.4%) and between wealthy and low-income groups (75.1%) register as more pronounced.

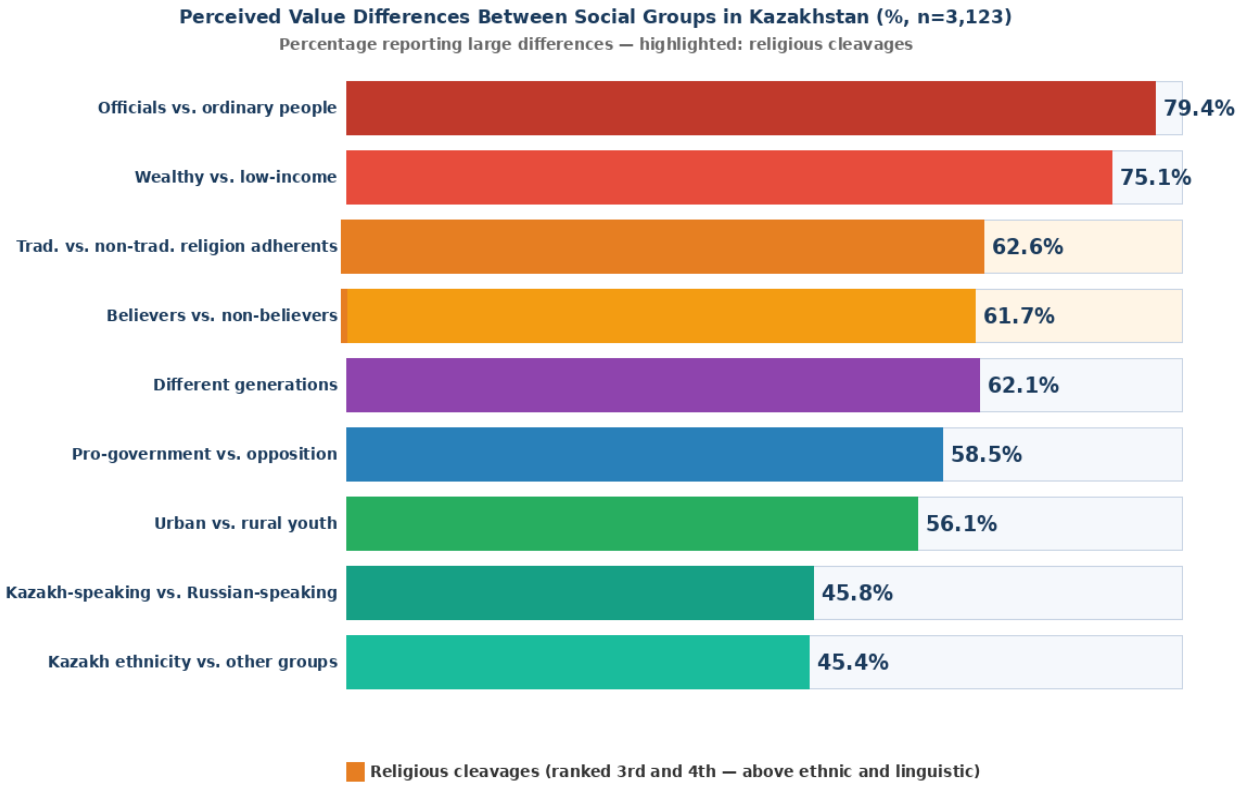
The perception of generational divisions (62.1%) is approximately equivalent to that of the traditional/non-traditional religion cleavage, while political divisions between pro-government and opposition orientations (58.5%) and the urban/rural youth divide (56.1%) complete the ranking above the ethnic and linguistic fault lines. The particularly notable undecided rate of 7.7% for the traditional/non-traditional religion dimension – the highest undecided rate in the cleavage table – suggests that this division, while strongly perceived, retains a degree of cognitive ambiguity that may represent a governance opportunity for dialogue-oriented policy interventions before polarization hardens into entrenched political antagonism.

Table 4
Perceived value differences between social groups – respondents reporting «large differences» (%, n=3,123)

Type of social cleavage	Large differences (%)	Some differences (%)	No differences (%)	Undecided (%)
Officials vs. ordinary people	79.4	12.7	5.2	2.6
Wealthy vs. low-income	75.1	16.7	5.8	2.3
Traditional vs. non-traditional religion adherents	62.6	21.5	8.1	7.7
Different generations	62.1	28.2	8.2	1.5
Believers vs. non-believers	61.7	25.4	8.5	4.3
Pro-government vs. opposition	58.5	20.9	8.4	12.3
Urban vs. rural youth	56.1	34.6	8.0	1.3
Kazakh-speaking vs. Russian-speaking	45.8	38.2	14.2	1.8
Kazakh ethnicity vs. other groups	45.4	38.8	11.1	4.7

Source: Open Space Centre (2025).

Figure 3
Perceived social cleavages in Kazakhstan – % reporting «large differences» (n=3,123, 2025)



Note: Orange left-edge markers indicate religious cleavages. Source: Open Space Centre (2025).

Identity Anchors and the Marginal Role of Religious Community

When respondents were asked to identify the social group with whom they most strongly feel value proximity – that is, those whose values and worldview most closely approximate their own – the results reveal a striking structural hierarchy of identity anchors that carries direct implications for both religious governance and broader social cohesion policy. Ethnic group members constitute the primary identity anchor for 36.3% of respondents, establishing ethnicity as the dominant frame of value solidarity in Kazakhstan's civic identity landscape. Family and relatives follow as the second most cited anchor at 26.0%, reflecting the primacy of kinship networks as the foundational unit of social trust. Professional colleagues (12.5%), territorial community members (8.5%), and fellow Kazakhstanis understood in a civic-national sense (7.4%) complete the ranking of meaningful identity anchors – with the notably low figure for pan-Kazakhstani civic identity (7.4%) itself indicating the underdevelopment of a robust, religiously neutral civic national identity that would provide a shared referential framework across confessional lines. Co-religionists – those sharing the same religious affiliation – are ranked last at a mere 0.9%, placing religious community not merely below ethnic, familial, professional, and territorial anchors, but at an almost negligible level of primary identity salience.

This finding is analytically decisive: it establishes that despite the high aggregate endorsement of religious values as culturally important (93.6% combined), the confessional community functions for most Kazakhstanis as a background cultural identity rather than a primary social solidarity group. Religion is affirmed but not lived as a community bond. This finding assumes particular significance when juxtaposed with a separate survey item: 65.9% of respondents agree that state cultural policy is oriented toward religious values. The resulting 14.7-percentage-point gap between the state's perceived religiosity orientation (as encoded in cultural policy) and the actual primacy of religious community as a lived identity anchor constitutes a systematic and politically consequential misalignment between policy design and citizen experience – one that this article identifies as a structural source of latent legitimacy tension within the managed-pluralism governance model.

Table 5
Primary identity anchors by value similarity – selected results (%, n=3,123)

Identity anchor	% of respondents	Interpretation
Ethnic group members	36.3	Dominant identity frame
Family / relatives	26.0	Familial solidarity primary
Colleagues	12.5	Professional community
Territorial community	8.5	Local identity
All Kazakhstanis (civic identity)	7.4	Underdeveloped civic national identity
Co-religionists	0.9	Religious community = marginal primary anchor

Source: Open Space Centre (2025).

Taken together, the four empirical components of the Results section establish a coherent and internally consistent picture of Kazakhstan's multiple religious identity landscape – one that is both more complex and more politically significant than existing governance frameworks acknowledge. Four key empirical facts define the contours of this landscape and will structure the subsequent Discussion. First, nominally religious identification – self-described believing without active participation in community religious life – constitutes the dominant religiosity configuration at 56.8%, making it by far the largest single category in Kazakhstan's religious landscape. When combined with those who identify as believers without confessional affiliation (9.2%) and non-believers who observe religious rites for family reasons (2.9%), the proportion of Kazakhstanis whose relationship with religion is culturally embedded but institutionally disengaged reaches approximately 69%, establishing informal and hybrid religiosity as the empirical norm rather than the exception.

Second, despite high aggregate endorsement of religious values as culturally significant, those values rank only 12th among 15 tested life priorities in the personal value hierarchy, trailing far behind health, happiness, education, and state independence – a finding that reveals the predominantly cultural and inherited rather than primary normative character of religious commitment for most citizens.

Third, and most consequentially for governance design, religious cleavages – between believers and non-believers (61.7% reporting large differences) and between adherents of traditional and non-traditional religions (62.6%) – rank among the sharpest perceived social divisions in contemporary Kazakhstan, substantially above the ethnic (45.4%) and linguistic (45.8%) fault lines that have historically structured the state's cohesion policy framework. This finding represents a significant empirical challenge to three decades of governance architecture premised on inter-ethnic management as the primary social cohesion priority. Fourth, confessional community constitutes a marginal primary identity anchor at just 0.9% – a figure that, when read against the 65.9% who perceive state cultural policy as religiously oriented, produces the 14.7-percentage-point policy-citizen misalignment that this article identifies as the central empirical indicator of managed pluralism's structural paradox. These four facts collectively define both the empirical contours of Kazakhstan's multiple religious identity landscape and the analytical foundation for the governance reform pathway developed in the Discussion that follows.

Discussion

The Structural Paradox of Managed Pluralism

The central finding of this study – that informal religious plurality (multiple religious identity) proliferates precisely as formal regulatory restriction reaches its highest historical levels – constitutes what we term the structural paradox of managed pluralism. The Regulatory Restriction Index data demonstrate that Phase III regulation (peak: 76 in 2021) has not achieved its implicit objective of channeling religious practice into state-sanctioned institutional forms. Instead, it has redirected identity formation toward informal, unregulated, and governance-invisible channels.

This paradox operates through two specific mechanisms. First, mandatory single-affiliation registration requirements create institutional incentives for religious actors to present themselves as representatives of a single, clearly bounded tradition – thereby structurally discouraging the syncretic and interfaith practices documented by Karimov et al. (2024) and Privratsky (2001). Second, the Muftiate's privileged position as the sole authoritative Islamic institutional voice marginalizes both folk-Islamic traditions and deliberative inter-confessional engagements – precisely the configurations that account for the largest population segments in our typology.

Zhandossova et al. (2025) characterization of contemporary Kazakhstani governance as «parallelization of secularization and strong Islamic presence» captures the surface dynamic, but our analysis reveals its deeper political logic: the formal institutional architecture promotes a version of Islam that most self-identifying Muslims do not practice (active community membership = 15.6%), generating structural alienation between policy design and citizen experience.

The Policy–Citizen Misalignment and Its Political Implications

The 14.7-point gap between perceived policy religiosity (65.9% agree state cultural policy is oriented toward religious values) and religious values' actual rank in citizens' personal hierarchy (12th of 15) represents a systematic misalignment between policy framing and citizen priorities. This misalignment generates latent legitimacy tension, particularly among the 56.8% nominally religious majority for whom religious identity is a cultural inheritance rather than a primary civic orientation.

The finding that democratic and universal human values receive markedly different endorsement levels (80.6% for universal human values framed in non-Western terms vs. 41.7% for Western democratic values) has direct implications for foreign policy positioning and domestic reform legitimacy. It suggests that democratic governance discourse in Kazakhstan is more effectively grounded in universal human values – honesty, justice, diligence – than in explicit Western democratic framing, a distinction with significant implications for the Tokayev administration's New Kazakhstan reform agenda.

Religious Cleavages as the Primary Social Fault Line: Policy Implications

The finding that religious cleavages – between believers and non-believers (61.7%) and between traditional and non-traditional religion adherents (62.6%) – rank above ethnic (45.4%) and linguistic (45.8%) divisions directly challenges the dominant governance assumption that ethnicity and language constitute Kazakhstan's primary social fault lines.

This assumption has structured decades of Assembly of the People of Kazakhstan programming and interethnic cohesion policy, while leaving religious cleavage management comparatively under-theorized and under-resourced.

The particularly high undecided rate (7.7%) for the traditional/non-traditional religion cleavage represents a governance window: religious polarization, while perceived as real, has not yet crystallized into entrenched political antagonism. This ambivalence is consistent with Stepan's (2000) «twin tolerations» framework – both state and religious communities are willing to accommodate each other within limits, but the limits are set by a regulatory architecture that does not acknowledge the legitimacy of multiple religious identity formations.

Conceptual Typology and Policy Pathway

Table 6 presents the analytical typology of state governance models, situating Kazakhstan's position and the deliberative pluralism alternative.

Table 6
Analytical typology of state approaches to religious identity governance

Model	State role	Regulatory approach	Multiple religious identity tolerance	Kazakhstan fit
1. Suppressive Secularism	Dominant	Total restriction	None	Soviet era; Uzbekistan (current)
2. Managed Pluralism	Regulatory	Selective recognition	Partial	PRIMARY model – Phase III (RRI 66-76)
3. Ethnic-Religious Nationalism	Legitimizing	Majority preference	Limited	SECONDARY tendency – intensifying since 2017
4. Deliberative Pluralism	Facilitative	Negotiated norms	Full	ASPIRATIONAL – 2023 Plan signals initial movement

Source: authors' conceptualization based on Fox (2015), Norris & Inglehart (2011), Kuru (2009); adapted to Kazakhstan.

Kazakhstan's simultaneous Managed Pluralism (primary) and Ethnic-Religious Nationalism (secondary, intensifying) positions produce the governance paradox documented empirically. Transition toward Deliberative Pluralism – the fourth model – would not require abandoning Kazakhstan's constitutional secular foundations. It would, however, require three specific institutional shifts: acknowledgement of nominally religious and unaffiliated populations as distinct governance categories; relaxation of single-affiliation registration requirements; and integration of multiple religious identity recognition into tolerance education frameworks.

Comparative Context

Table 7
Comparative religious governance indicators: Kazakhstan and selected states (2023)

Country	GRI (Pew)	SHI (Pew)	V-Dem LDI	Policy model	Multiple religious identity institutional tolerance
Kazakhstan	5.8	3.2	0.11	Managed Pluralism	Partial – dominant multiple religious identity form (nominally religious) unrecognized as governance category
Kyrgyzstan	4.7	4.1	0.17	Weak Managed Pluralism	Higher – weaker regulatory enforcement
Uzbekistan	7.9	2.8	0.02	Suppressive Secularism	Low – high restriction suppresses multiple religious identity
Russia	6.4	5.3	0.04	Ethnic-Religious Nationalism	Low-Partial
Lithuania	2.8	2.1	0.72	Managed Pluralism (liberal)	High – lower restriction correlates with greater openness to multiple religious identity

Note: GRI = Government Restrictions Index (0–10); SHI = Social Hostilities Index (0–10); LDI = Liberal Democracy Index (0–1).
Sources: Pew Research Center (2023); V-Dem Institute (2024); World Values Survey (2022); authors' analysis.

The comparative data highlight that Kazakhstan's GRI of 5.8 places it significantly above liberal managed-pluralism cases (Lithuania: 2.8) and slightly below Uzbekistan (7.9). The inverse relationship between formal restriction and informal multiple religious identity prevalence – visible across all five cases – reinforces the structural paradox hypothesis. Kyrgyzstan's lower GRI (4.7) alongside reportedly higher multiple religious identity prevalence offers the closest regional comparator and suggests that moderate liberalization of Kazakhstan's regulatory framework would not produce religiosity escalation but rather formalization of existing informal plurality.

The Discussion demonstrates that the structural paradox of managed pluralism – constraint-induced informal multiple religious identity – operates through two identifiable mechanisms (registration architecture and Muftiate monopoly), produces measurable political effects (legitimacy misalignment, underrecognized religious cleavages), and has a comparative analogue in the divergence between high-restriction and low-restriction Central Asian cases. The governance pathway toward deliberative pluralism is institutionally feasible without constitutional revision.

Conclusion

This article has advanced four original contributions to the political science literature on religion, identity, and governance in post-Soviet Central Asia.

First, it has conceptualized multiple religious identity as a policy-endogenous phenomenon – substantially produced and reproduced by the regulatory architecture of the state rather than simply reflecting exogenous sociocultural dynamics. This reconceptualization has direct implications for governance design: if multiple religious identity is endogenous to policy, it can be addressed through policy reform.

Second, the empirical analysis – integrating legislative corpus, comparative governance indices, and nationally representative survey data – reveals that religious cleavages constitute Kazakhstan's sharpest perceived social divisions, above ethnic and linguistic fault lines. This finding overturns the dominant governance assumption structuring three decades of inter-ethnic cohesion policy.

Third, the Regulatory Restriction Index, constructed as an original methodological contribution, documents that Phase III governance (Regulatory Restriction Index peak: 76) has produced the structural paradox of managed pluralism: informal multiple religious identity proliferates as formal institutional pluralism is constrained. The modest post-2021 easing (RRI=66 in 2024) represents a necessary but insufficient governance correction.

Fourth, the article proposes a four-model typology of state religious identity governance and identifies a feasible institutional pathway from Kazakhstan's current Managed Pluralism / Ethnic-Religious Nationalism hybrid toward Deliberative Pluralism – a model compatible with the state's constitutional secular foundations and the value priorities of its citizenry.

Four policy recommendations follow directly from the analysis. First, the Committee on Religious Affairs should develop a regulatory framework that explicitly acknowledges nominally religious and unaffiliated populations as distinct governance categories, rather than treating them as deviants from normative confessional models. Second, mandatory single-affiliation registration requirements should be progressively relaxed to permit recognition of informal, syncretic, and inter-confessional religious formations. Third, the National Plan on Religious Tolerance 2023-2025 should be extended and revised to frame multiple religious identity as a social cohesion resource rather than a risk. Fourth, regular open-access monitoring surveys of religious identity dynamics should be institutionalized, building on the methodological precedent of the 2025 Open Space Centre study.

The trajectory of Kazakhstan's religious governance will be shaped by three forces over the coming decade: geopolitical pressures from Russia and the broader Islamic world; domestic generational change producing more cosmopolitan identity orientations among younger cohorts; and the evolving reform agenda of the Tokayev administration. Political scientists, governance scholars, and policy practitioners should attend closely to multiple religious identity as a key indicator of these transformation processes and as an underutilized resource for social cohesion in conditions of managed pluralism.

The study's principal theoretical contribution is the demonstration that multiple religious identity in Kazakhstan is not a residual or transitional phenomenon but a structurally stable, policy-endogenous configuration that the prevailing governance framework is institutionally ill-equipped to address. The principal empirical contribution is establishing that religious cleavages – not ethnic or linguistic ones – constitute the dominant perceived social fault lines in contemporary Kazakhstan. The princi-

pal policy contribution is a feasible deliberative-pluralism reform pathway grounded in the actual value architecture and identity landscape of Kazakhstan's citizenry.

Conflicts of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Funding. This research has been funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR31714927 "Multiple Identities and Social Consensus in the Societal Contexts of Kazakhstan's Dynamics: Exploring Models of Civic Unity under Hybrid Challenges").

Author Contributions

Conceptualization, Zhandossova Sh. and Toktarbekova L.; Methodology, Zhandossova Sh.; Validation, Toktarbekova L.; Formal Analysis, Zhandossova Sh. and Toktarbekova L.; Investigation, Zhandossova Sh. and Toktarbekova L.; Resources, Zhandossova Sh. and Toktarbekova L.; Writing – Original Draft Preparation, Zhandossova Sh.; Writing – Review & Editing, Zhandossova Sh. and Toktarbekova L.

References

Brubaker, R. (2004). Ethnicity without groups. Harvard University Press.

Buribayev, Y., Turlykhankyzy, K., Kalkayeva, N., Shakenov, D., & Khamzina, Z. (2024). Strategic development and comprehensive guidelines for state policy in Kazakhstan's religious sphere. International Journal of Religion, 5(3), 40–51. https://doi.org/10.61707/77nmvb36

Committee on Religious Affairs of Kazakhstan. (2024). Statistical report on registered religious organisations. Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan.

Cornille, C. (2010). Many mansions? Multiple religious belonging and Christian identity. Orbis Books.

Fox, J. (2015). Political secularism, religion, and the state: A time series analysis of worldwide data. Cambridge University Press.

Government of Kazakhstan. (1992). Law of the Republic of Kazakhstan on Freedom of Conscience and Religious Associations. Parliament of Kazakhstan.

Government of Kazakhstan. (2011). Law of the Republic of Kazakhstan on Religious Activities and Religious Associations, No. 483-IV. Parliament of Kazakhstan.

Government of Kazakhstan. (2023). National plan on religious tolerance 2023–2025. Ministry of Information and Social Development.

Hedges, P. (2017). Multiple religious belonging after religion: Theorising strategic religious participation in a shared religious landscape as a Chinese mode. Open Theology, 3(1), 48–72. https://doi.org/10.1515/opth-2017-0005

Karimov, N., Karimova, R.-B., Massimova, K., & Khajiyeva, G. (2024). Revitalizing faith: An inquiry into political Sufism and religious continuity in contemporary Kazakhstan. Frontiers in Sociology, 9, 1447966. https://doi.org/10.3389/fsoc.2024.1447966

Khalid, A. (2007). Islam after communism: Religion and politics in Central Asia. University of California Press.

Kuru, A. T. (2009). Secularism and state policies toward religion: The United States, France, and Turkey. Cambridge University Press.

Laruelle, M. (2019). Nationalism and Islam in Central Asia: The Kazakh case. Nationalities Papers, 47(5), 778–793. https://doi.org/10.1017/nps.2018.37

March, J. G., & Olsen, J. P. (1989). Rediscovering institutions: The organizational basis of politics. Free Press.

Norris, P., & Inglehart, R. (2011). Sacred and secular: Religion and politics worldwide (2nd ed.). Cambridge University Press.

North, D. C. (1990). Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press.

Omelicheva, M. Y. (2011). Islam and power legitimation: Reinvention of state–religion nexus in Central Asia. Politics and Religion, 4(3), 513–538. https://doi.org/10.1017/S1755048311000411

Open Space Centre / Zhetysu University named after I. Zhansugurov. (2025). Descriptive analysis of the results of a quantitative research study on the value orientations of the population of the Republic of Kazakhstan [Open-access report]. Zhetysu University.

Peyrouse, S. (2007). Islam in Central Asia: National specificities and post-Soviet globalization. Religion, State and Society, 35(3), 245–260. https://doi.org/10.1080/09637490701406541

Pew Research Center. (2023). Government Restrictions Index and Social Hostilities Index 2021. Pew Research Center.

Phan, P. C. (2004). Being religious interreligiously: Asian perspectives on interfaith dialogue. Orbis Books.

Podoprigora, R. A. (2020). Legal framework for religious activity in post-Soviet Kazakhstan: From liberal to prohibitive approaches. Oxford Journal of Law and Religion, 9(1), 105–131. https://doi.org/10.1093/ojlr/rwaa004

Privratsky, B. G. (2001). Muslim Turkistan: Kazak religion and collective memory. Curzon Press.

Stepan, A. (2000). Religion, democracy, and the 'twin tolerations'. Journal of Democracy, 11(4), 37–57. https://doi.org/10.1353/jod.2000.0088

Toktarbekova L, Seitakhmetova N, Shagyrbay A and Parkhatzhan I (2025) Contemporary strategies of women activists in the gender equality movement in Central Asia. Front. Polit. Sci. 7:1694298. doi: 10.3389/fpos.2025.1694298

V-Dem Institute. (2024). V-Dem dataset v14. University of Gothenburg.
Wimmer, A. (2013). Ethnic boundary making: Institutions, power, networks. Oxford University Press.
World Values Survey. (2022). Wave 7 dataset (2017–2022). WVSA Secretariat.
Zhandossova, S., Seitakhmetova, N., Nurov, M., (2025). Religious policy of Kazakhstan: Mechanisms for managing the Islamic environment amid post-Soviet transformation. Frontiers in Political Science, 7, 1606705. https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1606705

Information about the authors:
Sholpan Zhandossova – PhD, Associate Professor, Chief Researcher Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies MSHE RK (Almaty, Kazakhstan, e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru).
Laura Toktarbekova (corresponding author) – PhD, Associate Professor, Leading Researcher Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies MSHE RK (Almaty, Kazakhstan, e-mail: lauratoktarbekova@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:
Шолпан Жандосова – PhD, қауымдастырылған профессор, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан, e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru).
Лаура Тоқтарбекова (хат-хабар алмасуға жауапты автор) – PhD, қауымдастырылған профессор, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Философия, саясаттану және дінтану институтының жетекші ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан, e-mail: lauratoktarbekova@gmail.com).

Сведения об авторах:
Шолпан Жандосова – PhD, ассоциированный профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Казахстан, e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru).
Лаура Токтарбекова (автор, ответственный за переписку) – PhD, ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Казахстан, e-mail: lauratoktarbekova@gmail.com).

Поступила: 01.02.2026
Принята: 04.04.2026

МРНТИ 11.15.37 https://doi.org/10.26577/jpcp962202614

О.Ж. Темиркулов[1*], Т. Калиев[2], Е.Ф. Сергазин[1]

[1]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
[2]Институт прикладных этнополитических исследований, Астана, Казахстан
* e-mail: temirkulov79@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ НАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПРОЕКТА 2026 ГОДА

Статья посвящена анализу фундаментальной трансформации моделей нациестроительства в Республике Казахстан, рассматриваемой через призму обновленного конституционного дискурса. В условиях нарастающих глобальных вызовов и системных внутренних реформ вопрос консолидации общества вокруг единой гражданской идентичности приобретает критическое значение для обеспечения устойчивости государственности. Целью исследования является выявление и систематизация механизмов символического конструирования «единой нации» в Проекте Конституции 2026 года в сравнении с действующим Основным законом 1995 года.

Методологическую основу работы составил качественный сравнительный дискурс-анализ. В ходе исследования подверглись деконструкции такие ключевые смысловые маркеры, как «нация», «единство», «справедливость» и «ответственность», а также контекстуальное использование новых идеологем «Закон и Порядок» и «Әділетті Қазақстан». Теоретическая рамка исследования опирается на концепции «воображаемого сообщества» Б. Андерсона, «национализирующихся государств» Р. Брубейкера и этносимволический подход Э. Смита. Основные результаты фиксируют радикальный «темпоральный разворот» в официальном дискурсе: переход от ретроспективной легитимации, основанной на «исторической судьбе», к перспективной модели, базирующейся на «исторической ответственности» за будущее страны. Научная ценность работы заключается в концептуализации новой роли государства как проактивного «архитектора смыслов», осуществляющего «гражданскую национализацию». Данный концепт подразумевает трансформацию государства из нейтрального «арбитра» межэтнических отношений в «монопольного производителя» коллективной идентичности, где лояльность граждан обеспечивается не этнической принадлежностью, а сопричастностью к единому политико-культурному стандарту и общим институциональным ценностям. Практическое значение итогов исследования состоит в возможности использования полученных данных для совершенствования государственной политики в сфере межэтнических отношений и укрепления гражданской солидарности.

Ключевые слова: единая нация, конституционный дискурс, нациестроительство, идентичность, гражданская национализация.

O.Zh. Temirkulov[1*], T. Kaliyev[2], Ye.F. Sergazin[1]

[1]L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
[2]Institute of Applied Ethnopolitical Studies, Astana, Kazakhstan
* e-mail: temirkulov79@gmail.com

Constitutional construction of a unified nation in Kazakhstan: a discourse analysis of the 2026 constitutional draft

The article is devoted to the analysis of the fundamental transformation of nation-building models in the Republic of Kazakhstan, viewed through the prism of updated constitutional discourse. Amidst escalating global challenges and systemic internal reforms, the issue of social consolidation around a unified civic identity becomes critically important for ensuring the stability of statehood. The aim of the study is to identify and systematize the mechanisms of symbolic construction of a «unified nation» in the 2026 Draft Constitution in comparison with the current 1995 Basic Law.

The methodological basis of the work is qualitative comparative discourse analysis. During the research, key semantic markers such as «nation,» «unity,» «justice,» and «responsibility» were deconstructed, along with the contextual use of new ideologemes like «Law and Order» and «Ädıletti Qazaqstan» (Just Kazakhstan). The theoretical framework of the study relies on B. Anderson's concept of the «imagined community,» R. Brubaker's «nationalizing states,» and A. Smith's ethnosymbolic approach. The main results record a radical «temporal turn» in official discourse: a transition from retrospective legitimation based on «historical destiny» to a prospective model based on «historical responsibility» for the country's future. The scientific value of the work lies in the conceptualization of the state's new role as a proactive

 © 2026 Al-Farabi Kazakh National University

«architect of meanings,» implementing «civic nationalization.» This concept implies the transformation of the state from a neutral «arbiter» of interethnic relations into a «monopoly producer» of collective identity, where civic loyalty is ensured not by ethnic affiliation, but by participation in a single politico-cultural standard and shared institutional values. The practical significance of the research outcomes lies in the possibility of using the obtained data to improve state policy in the sphere of interethnic relations and to strengthen civic solidarity.

Keywords: unified nation, constitutional discourse, nation-building, identity, civic nationalization.

О.Ж. Теміркұлов[1*], Т. Қалиев[2], Е.Ф. Сергазин[1]

[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
[2]Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты, Астана, Қазақстан
*e-mail: temirkulov79@gmail.com

Қазақстанда біртұтас ұлтты конституциялық қалыптастыру: 2026 жылғы жобаға дискурс-талдау

Мақала жаңартылған конституциялық дискурс призмасы арқылы қарастырылатын Қазақстан Республикасындағы ұлттық құрылыс үлгілерінің іргелі трансформациясын талдауға арналған. Жаһандық сын-қатерлердің артуы және жүйелі ішкі реформалар жағдайында қоғамды біртұтас азаматтық бірегейлік айналасында топтастыру мәселесі мемлекеттіліктің тұрақтылығын қамтамасыз ету үшін маңызды мәнге ие болады. Зерттеудің мақсаты – 2026 жылғы Конституция жобасындағы «біртұтас ұлтты» символикалық құрастыру тетіктерін 1995 жылғы қолданыстағы Негізгі заңмен салыстыра отырып анықтау және жүйелеу.

Жұмыстың әдістемелік негізін сапалы салыстырмалы дискурс-талдау құрады. Зерттеу барысында «ұлт», «бірлік», «әділдік» және «жауапкершілік» сияқты негізгі мағыналық маркерлер, сондай-ақ «Заң және Тәртіп» пен «Әділетті Қазақстан» жаңа идеологемаларының контекстік қолданылуы деконструкцияланды. Зерттеудің теориялық шеңбері Б. Андерсонның «қиялдағы қауымдастық», Р. Брубейкердің «ұлттандырушы мемлекеттер» тұжырымдамаларына және Э. Смиттің этносимволдық тәсіліне негізделеді. Негізгі нәтижелер ресми дискурстағы радикалды «темпоралдық бетбұрысты» айқындайды: «тарихи тағдырға» негізделген ретроспективті легитимациядан елдің болашағы үшін «тарихи жауапкершілікке» негізделген перспективалық үлгіге көшу. Жұмыстың ғылыми құндылығы мемлекеттің «азаматтық ұлттандыруды» жүзеге асыратын белсенді «мағыналар архитекторы» ретіндегі жаңа рөлін тұжырымдамалауда жатыр. Бұл концепция мемлекеттің этносаралық қатынастардағы бейтарап «төрешіден» ұжымдық бірегейліктің «монополиялық өндірушісіне» айналуын білдіреді, мұнда азаматтардың адалдығы этникалық тиістілікпен емес, біртұтас саяси-мәдени стандартқа және ортақ институционалдық құндылықтарға қатыстылығымен қамтамасыз етіледі. Зерттеу қорытындыларының практикалық маңыздылығы алынған мәліметтерді этносаралық қатынастар саласындағы мемлекеттік саясатты жетілдіру және азаматтық ынтымақтастықты нығайту үшін пайдалану мүмкіндігінде.

Түйін сөздер: біртұтас ұлт, конституциялық дискурс, ұлттық құрылыс, бірегейлік, азаматтық ұлттандыру.

Введение

Обоснование выбора темы и актуальность

Современный этап развития государственности Казахстана характеризуется переходом к новой парадигме национального единства. Проблемная ситуация заключается в том, что «стабилизационная» модель нациестроительства, заложенная в 1995 году и основанная на межэтническом паритете, в условиях 2026 года требует глубокой модернизации. Опыт предшественников (П. Кольстё, Б. Дэйв, Э. Шац) преимущественно концентрировался на этническом дуализме, оставляя без внимания процессы ценностной консолидации. Появление нового объекта исследования – Проекта конституции Республики Казахстан 2026 года – диктует необходимость анализа того, как правовой текст становится инструментом символической консолидации. Актуальность темы обусловлена отсутствием исчерпывающих политико-правовых ответов на вопрос о векторе трансформации от «сосуществования этносов» к «единству гражданской нации».

Объект исследования: процесс государственного нациестроительства в Республике Казахстан.

Предмет исследования: механизмы символического конструирования единой нации в дискурсе Проекта конституции 2026 года.

Цель работы: представить предмет исследования в аспекте трансформации казахстан-

ской идентичности от ретроспективной модели («общность судьбы») к перспективной модели («общность ответственности») через анализ конституционных маркеров.

Задачи:

1. Провести компаративный анализ преамбул и основных положений Конституции 1995 года и проекта Конституции 2026 года».

2. Выявить и интерпретировать новые идеологемы («Әділетті Қазақстан», «Закон и Порядок»).

3. Оценить роль новых институтов (Народный Совет) в контексте политики идентичности.

Научное значение: Концептуализация реформы как инструмента «гражданской национализации» и выявление новой роли государства как «архитектора смыслов».

Методология исследования

Материалом исследования послужили официальные полнотекстовые правовые документы: Конституция РК 1995 года (в редакции 2022 года) и опубликованный Проект новой Конституции РК (2026). Характеристика материала в качественном и количественном отношении включает полный объем статей и преамбул данных актов, представляющих высший уровень легитимации институционального порядка. Новизна материала заключается в проведении первого академического разбора Проекта 2026 года.

В данной статье описывается процесс изучения проблемы через интеллектуальную деконструкцию смысловых блоков документов.

Исследовательский вопрос: Каким образом Проект 2026 года переформатирует «воображаемое сообщество» Казахстана и решает проблему выхода из «триадного нексуса»?

Выдвигаемая гипотеза: Конституционная реформа 2026 года является актом вторичной легитимации, в котором государство выступает «архитектором смыслов», осуществляя гражданскую национализацию через замещение этнических референций универсальным кодом справедливости.

Методы исследования: Работа базируется на качественном дискурс-анализе, сравнительно-правовом методе и методе конструктивистского моделирования.

Этапы исследования:

1. Сплошное экспертное прочтение: детальное изучение текстов для выявления контекстуальных связей и скрытых смыслов.

2. Деконструкция и кросс-темпоральное сопоставление: ручное кодирование, выделение и интерпретация семантических полей ключевых маркеров («нация», «справедливость», «единство») в перспективе 1995 vs 2026 гг.

3. Теоретическая интерпретация: концептуализация данных в рамках теорий Б. Андерсона, Р. Брубейкера и Э. Смита .

Результаты исследования (предварительно): Доказано формирование гибридной идентичности, сочетающей гражданские институты с этносимволическим ядром «Великой Степи».

Обзор литературы

Теоретический фундамент настоящего исследования базируется на конструктивистской парадигме, рассматривающей нацию не как предзаданную данность, а как продукт целенаправленной институциональной и дискурсивной деятельности государства. Классические работы Б. Андерсона закладывают основу понимания нации как «воображаемого политического сообщества», которое обретает реальность в сознании граждан через общие символы и тексты. В этой логике конституция выступает ключевым механизмом такого «воображения», формализуя границы сообщества и утверждая его суверенитет. Подход Андерсона дополняется теорией Э. Геллнера, представляющей нацию как результат модернизационных процессов и государственной политики.

Важное значение для анализа символического наполнения казахстанской идентичности имеет этносимволический подход Э. Смита. Он подчеркивает, что даже современная «территориальная нация» нуждается в «этносимволическом ядре» – мифологии и памяти, превращающих формально-правовой союз в живое сообщество. В Проекте 2026 года эта концепция реализуется через апелляцию к истории Великой Степи. Механизмы такой легитимации объясняются через концепцию «изобретения традиций» Э. Хобсбаума, где исторические образы используются для оправдания институциональных изменений. Процесс превращения правовых конструкций в объективную социальную реальность рассматривается через призму социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана. Согласно их теории, конституция выступает высшим уровнем легитимации, создающим «символическую вселенную», которая упорядочивает социальный опыт и придает когнитивную обоснованность

институциональному порядку . Это позволяет государству выступать в роли «архитектора смыслов», объективируя ценности справедливости и ответственности.

Региональная специфика нациестроительства в Казахстане традиционно анализировалась зарубежными исследователями в рамках этнического дуализма. Работы П. Кольстё, Б. Дэйв и Э. Шаца фокусировались на дихотомии между гражданским и этническим векторами развития . Однако наше исследование восполняет пробел в этих подходах, опираясь на концепцию Р. Брубейкера о «национализирующихся государствах» и его модель «триадного нексуса». Мы дополняем этот дискурс анализом перехода к «гражданской национализации», где государство трансформируется в «монопольного производителя» идентичности. В этом контексте актуален тезис Р. Суни о государстве как «инкубаторе» наций, где институциональные рамки не просто отражают, но активно формируют реальность .

Современная динамика идентичности интерпретируется через подходы И. Семененко и В. Лапкина, рассматривающих политику идентичности как деятельность государства по управлению процессами самоидентификации граждан . Значимым для понимания текущей реформы является анализ Д. О Бичейна и Р. Кевлихана, характеризующих прежнюю модель как «стратегическую неопределенность» или «продевание нитки в иголку» (*threading the needle*) . Проект 2026 года знаменует отказ от этой неопределенности в пользу жесткой фиксации единого политико-культурного стандарта. Наконец, работы М. Биллига о «банальном национализме» и У. Кимлики о правах меньшинств позволяют оценить повседневные и правовые аспекты внедрения новых символических опор.

Научная ценность: предложена новая интерпретация конституционной реформы как инструмента «гражданской национализации». Практическое значение: выводы работы могут быть использованы при разработке учебных курсов по политологии, а также в деятельности государственных органов для идеологического сопровождения реформ.

Результаты

Эмпирические данные получены в ходе сравнительного дискурс-анализа текста Конституции РК 1995 года (в редакции 2022 года) и опубликованного Проекта новой Конституции РК (2026). Исследование методологически фундировано в конструктивистской парадигме, рассматривающей конституцию как инструмент легитимации институционального порядка. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, «легитимация «объясняет» институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность его объективированным значениям. Легитимация оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам» (Бергер, Лукман, 1995 с.152). В этом контексте конституция выступает не просто как юридический документ, а как система значений, интегрирующая различные институциональные процессы в единый смысловой универсум.

В данной логике текст основного закона выступает не просто как правовой акт, а как пространство производства смыслов, где государство «воображает» нацию. Согласно Б. Андерсону, нация есть «воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» (Андерсон, 2016: 47). В этом контексте конституция становится ключевым механизмом такого «воображения», поскольку она формализует границы сообщества и утверждает его суверенитет, создавая у граждан ощущение сопричастности к единому целому, которое невозможно охватить личным знакомством, но которое обретает реальность через общие символы и правовой текст. В этом смысле конституционное конструирование выступает формой того, что Майкл Биллиг называет «банальным национализмом», при котором нация постоянно «помечается» (flagged) в повседневном дискурсе, становясь для граждан не просто идеей, а «формой социальной жизни» и «способом говорить» о своей принадлежности к государству (Billig, 1995 с. 8).

Конституционное строительство отражает «процессуальный характер идентичности» в постсоветских государствах. Как подчеркивают И. С. Семененко и В. В. Лапкин, в современных условиях идентичность следует рассматривать не как статичный набор признаков, а как «динамический процесс, разворачивающийся в пространстве выбора между различными вариантами самоопределения» (Семененко и др., 2017 с. 60). В этой логике основной закон выступает не только как юридический документ, но и как инструмент легитимации этого процесса, позволяющий государству фиксировать актуальные

смыслы и задавать рамки для воображаемого сообщества в условиях социально-политических трансформаций. Выступление Главы государства на V заседании Национального курултая (2026 г.) послужило концептуальной матрицей для формирования текста проекта реформ, закрепив переход к новой модели государственного устройства. Ключевым элементом этой трансформации стала инициатива по реформированию законодательной ветви власти. В частности, Президент выразил уверенность в том, что наделение высшего представительного органа исторически значимым и содержательным для национального самосознания наименованием «Курултай» станет важным символическим шагом в развитии государственности (Токаев, 2026). Данная инициатива демонстрирует стремление государства не просто к правовой модернизации, но к укоренению институциональных изменений в исторической памяти и идентичности нации.

В ходе анализа выявлена значимая трансформация субъектности «народа» и «нации». В Конституции 1995 года превалирует формула «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой», что традиционно интерпретировалось как стремление к гражданскому единству при сохранении этнического многообразия (Калашникова, Байтуреева, 2023: 161). В этой связи конституционный принцип «общественное согласие» выступает не только как правовой императив, но и как фундамент казахстанской модели нациестроительства (Калашникова, Байтуреева, 2023 с. 160).

Сравнительный анализ текстов демонстрирует преемственность в определении юридического статуса языков при некоторой трансформации идеологических акцентов. В действующем законе закреплено, что государственным является казахский язык, а в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с ним официально употребляется русский язык (Конституция РК, 1995: ст. 7). Проект 2026 года полностью сохраняет данные положения, подтверждая неизменность языкового баланса (Проект Конституции РК, 2026: ст. 9). Право на пользование родным языком и свободный выбор языка общения, обучения и творчества, зафиксированное в 19-й статье действующей редакции (Конституция РК, 1995: ст. 19), в предложенном документе перенесено в статью 22 (Проект Конституции РК, 2026: ст. 22). При этом Проект уточняет объект государственной заботы: если в текущем документе речь идет о развитии языков «народа Казахстана», то в новой редакции используется дефиниция «единого народа Казахстана» (Проект Конституции РК, 2026: ст. 9).

В проекте 2026 года зафиксированные изменения в языковой терминологии выступают частью более масштабной трансформации, свидетельствующей о концептуальном смещении государственного дискурса к категории «Единая нация». В преамбуле и статье 1 нового проекта акцент смещается с «многонационального народа» на «Единую нацию Казахстана» (Проект Конституции РК, 2026), что прямо коррелирует с тезисом К.-Ж. Токаева о том, что «наша нация молода, и нам пора идти вперед в ногу со временем, ломая старые ментальные конструкции» (Токаев, 2026). Для сравнения, в действующей Конституции 1995 года превалирует формула «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой» (Конституция РК, 1995: преамбула). Институциональная устойчивость языковой политики, выраженная в сохранении статуса государственного и официального языков, выступает в Проекте 2026 года необходимым стабилизирующим фоном для глубокой трансформации самого концепта идентичности. Переход от «языка народа» к «языку единого народа» свидетельствует о том, что лингвистический капитал в новой правовой реальности перестает рассматриваться лишь как инструмент межэтнической коммуникации, становясь фундаментальным маркером консолидации гражданской нации.

Данная преемственность юридических гарантий при одновременном обновлении понятийного аппарата («единый народ», «единая нация») позволяет государству минимизировать риски социальной фрагментации. Таким образом, фокус смещается с этнической диверсификации на формирование монолитной гражданской субъектности, закрепленной в переходе к интеграционной модели идентичности при сохранении базовых элементов этнического статуса-кво.

В целях выявления трансформации нормативно-символических оснований нациестроительства проведён сравнительный анализ ключевых концептуальных маркеров идентичности, закреплённых в Конституции Республики Казахстан 1995 года и в Проекте Конституции 2026 года. Анализ сосредоточен на изменении семантики понятий «нация», «единство», «справедливость», «ответственность», а также на трансформации дискурсивных акцентов легитимации государственной власти. Результаты обобщены в таблице 1.

Таблица 1
Сравнительный анализ концептуальных маркеров идентичности в Конс титуции 1995 г. и Проекте 2026 г.

Категория анализа	**Конституция 1995 года**	**Проект 2026 года**	**Дискурсивный маркер / Анализ**
Субъект нации	«Народ Казахстана»	«Единый народ Казахстана»	Консолидация: Переход от этнического многообразия к монолитной гражданской идентичности.
Временной вектор	Ретроспективный («общая историческая судьба»)	Перспективный («ответственность перед будущими поколениями»)	Проектирование нации: Легитимация через общее видение будущего.
Историческая легитимация	«на исконной казахской земле»	«на исконной казахской земле», «история Великой Степи»	Этносимволическое ядро: Интеграция культурного кода казахов как общегражданского макросимвола.
Принцип равенства	Статья 14 (в середине раздела)	Статья 12 (в начале раздела)	Приоритетность: Равенство перед законом становится фундаментом «Единой нации».
Ценностная доминанта	Мир и согласие	Әділетті Қазақстан, Закон и Порядок	Ценностный фильтр: Смена либерально-стабилизационной модели на этико-правовую.
Институты	Парламент	Курултай, Народный совет (Халық Кеңесі)	Символический менеджмент: Возвращение к традиционным формам легитимации власти.
Языковая политика	Казахский язык – государственный; русский официально употребляется в госорганах наравне с казахским (ст. 7). Забота о языках «народа Казахстана».	Юридический статус языков сохранен (ст. 9). Государственная забота о развитии языков «единого народа Казахстана».	Лингвистический баланс: Сохранение статуса-кво как инструмент обеспечения стабильности при переходе к интеграционной модели «Единой нации».
Социальный код	Семья под защитой (ст. 27)	Брак как союз мужчины и женщины (ст. 30)	Национализация гражданства: Юридическая фиксация традиционных ценностей.
Защита строя	Ограничения для объединений (ст. 5)	Запрет на рознь и разжигание войны (ст. 6)	Очерчивание границ: Создание жесткого каркаса безопасности для символического поля.
Суверенитет	Базовое регулирование	Прозрачность активов НПО (ст. 6, п. 5)	Суверенный контроль: Минимизация внешнего влияния на внутреннюю идентичность.

Примечание: составлено автором

Системное сопоставление маркеров идентичности (см. Таблицу 1) позволяет интерпретировать Проект 2026 года как инструмент качественной трансформации «триадного нексуса» (dynamic relational field), связывающего национализирующееся государство, этнические меньшинства и их внешние родины (Brubaker, 1996 с. 4). Переход от пассивной фиксации равенства в статье 14 действующей Конституции к его символической фундаментализации в статье 12 Проекта, наряду с усилением финансового суверенитета (Проект Конституции РК, 2026: ст. 6), свидетельствует о стремлении государства минимизировать влияние «внешних идентификаторов». Как отмечает Р. Брубейкер, национализирующееся государство выступает как «мощный генератор категорий идентификации» (Brubaker, 1996 с. 16). В этом контексте внедрение этносимволических концептов «Великой Степи» и «Курултай» выполняет задачу преодоления «незавершенности» национального проекта, превращая наследие титульного этноса в безальтернативный общегражданский каркас, призванный консолидировать «единый народ» и ограничить возможности для транснациональной конкуренции за лояльность граждан.

Этот тренд подтверждает, что Проект 2026 года демонстрирует переход к более активной модели институционализации «символического менеджмента». В данном аспекте государство перестает быть пассивным арбитром и становится активным субъектом формирования смыслов,

что соответствует определению И. С. Семененко, согласно которому политика идентичности – это деятельность по формированию и поддержанию определенного образа политического сообщества и управлению процессами самоидентификации граждан (Семененко и др., 2017 с. 55). Данный тренд соотносится с концепцией «национализирующего государства» (nationalizing state), где институты целенаправленно используются для продвижения интересов и культуры доминирующей нации (Brubaker, 1996 с. 57).

Выступая как «архитектор реальности», государство через Проект конституции 2026 года определяет новые границы и содержание социальной реальности. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают, что такая легитимация «объясняет» институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям (Бергер, Лукман, 1995 с. 152). Создание «символического универсума» позволяет государству легитимировать повседневные правила, помещая их в контекст общей системы отсчета (Бергер, Лукман, 1995 с. 157). В этом процессе государство выступает не просто как административный аппарат, а в роли «провайдера идентичности» (identity provider), транслирующего официальные маркеры принадлежности к нации (Семененко и др., 2017 с. 59).

Развертывание этой стратегии предполагает «синтез гражданских принципов и учет историко-культурной специфики» (Калашникова, Байтуреева, 2023 с.160). Институционально это выражается в том, что абстрактная категория «нация» наполняется осязаемым содержанием через внедрение этических кодексов и новых гражданских добродетелей. В частности, проект 2026 года легитимирует этот синтез через концепт «Адал Азамат», который выступает как связующее звено между индивидуальной моралью и государственными интересами. Таким образом, символический универсум перестает быть набором лозунгов, превращаясь в систему повседневных социальных практик, где лояльность государству подтверждается через следование обновленному этическому канону.

Важным этапом этой трансформации является внедрение инновационных институтов, таких как Халық Кеңесі (Проект Конституции РК, 2026: ст. 70) и инициатива Главы государства по наделению Парламента исторически значимым названием «Курултай» (Токаев, 2026). Эти шаги превращают абстрактные идеи единства в объективные социальные факты. Только обретая форму объективного мира, социальные учреждения могут быть эффективно переданы новому поколению (Бергер, Лукман, 1995 с. 93). Согласно теории Энтони Смита, такая территориальная нация предполагает наличие сообщества законов и институтов, формирующих единую политическую культуру и гражданскую идентичность (Smith, 1991 с. 40). Через конституционные реформы государство не просто оформляет правовые нормы, но институционально закрепляет «горизонтальное товарищество» внутри «воображаемого сообщества» (Андерсон, 2016 с. 47), переводя процессы конструирования нации на качественно новый уровень.

Параллельно с этим происходит существенная трансформация самих границ данного сообщества. Если в редакции 1995 года критерии включения в нацию носили преимущественно формально-правовой характер, а лояльность интерпретировалась через категорию законопослушности (Конституция РК, 1995: ст. 1), то в Проекте 2026 года наблюдается появление эксплицитного «ценностного фильтра». В рамках этой логики переход к концепту «Единой нации» следует рассматривать как процесс консолидации политически мобилизованной общности, чьи смыслы окончательно легитимируются через обновленный правовой текст. Это в полной мере подтверждает тезис Р. Суни о государстве как «инкубаторе» наций (Suny, 1993 с. 102), где институциональные рамки не просто отражают реальность, но активно её формируют.

Практическое наполнение этого «инкубатора» в Проекте 2026 года носит двусторонний характер. С одной стороны, положения о гражданском долге дополняются императивом уважения к историческому наследию. В дискурсивном плане это характеризует формируемое сообщество как традиционалистское в его культурном ядре, что подтверждается словами Главы государства: «Память о выдающихся личностях и сохранение традиций – неотъемлемая часть общенациональной идентичности» (Токаев, 2025). С другой стороны, сохранение этого «ценностного зонтика» требует создания жестких защитных механизмов, очерчивающих границы дозволенного в политическом поле. В этой связи культурная преемственность подкрепляется административным императивом: особый статус приобретает запрет на деятельность объединений, направленных на насильственное изменение основ строя или разжигание розни (Проект Конституции РК, 2026: ст. 6, п. 3). Таким образом, «ценностный

фильтр» государства работает одновременно на созидание общей идентичности и на пресечение любых форм деструктивного активизма, угрожающего целостности единой нации.

Данная стратегия направлена на глубокое укоренение институциональных изменений в исторической памяти нации, обеспечивая легитимацию нового политического порядка через обращение к фундаментальным ценностям сообщества

Таким образом, данная стратегия направлена на глубокое укоренение институциональных изменений в исторической памяти нации, обеспечивая легитимацию нового политического порядка через обращение к фундаментальным ценностям сообщества.

Однако ключевым вызовом остается управление когнитивными рисками – разрыв между «теоретической легитимацией» и «субъективной реальностью» граждан может привести к формированию феномена «двойной реальности». В порядке научной дискуссии следует подчеркнуть, что успех этого проекта не гарантирован исключительно декретированием поправок. В предлагаемой модели гражданство перестает быть просто формальным статусом «ночного сторожа» и превращается в инструмент активного производства смыслов – «архитектора реальности», объединяющего общество вокруг единого ценностного стержня. Для системного осмысления зафиксированных трансформаций необходимо перейти от дескриптивного описания поправок к их многоуровневой интерпретации как смыслообразующего каркаса новой государственности. В Проекте 2026 года данная концепция реализуется через сохранение и усиление дискурсивных отсылок к «исконной казахской земле» и «преемственности тысячелетней истории Великой Степи». Эти элементы не вступают в противоречие с гражданским характером государства, а органично дополняют его, позволяя рассматривать этническую идентичность не как альтернативу гражданской, а как историко-культурный фундамент, обеспечивающий легитимность современных политических институтов. Гражданин в этой модели воображается не как пассивный реципиент прав, а как активный субъект, разделяющий этический код государства. Данная динамика подтверждает тезис И. Семененко о том, что в условиях глобальной нестабильности политика идентичности становится ключевым инструментом государственного управления, позволяющим конструировать образ национального сообщества.

В этом свете реализация Проекта 2026 года ставит перед исследователями принципиальный вопрос о том, станет ли «Курултай» реальной площадкой диалога или останется инструментом «символического умиротворения», призванным лишь закамуфлировать сохранение патримониальных практик. Однако новизна текущего этапа заключается в попытке институционального закрепления новых смысловых опор, где происходит объективация ценностей: справедливость, законность и ответственность из абстрактных этических категорий превращаются в конституционные императивы. Усиление статуса государственного языка и закрепление концепта «единой нации» следует интерпретировать не как этническую экспансию, а как «гражданскую национализацию». В рамках этой модели государство трансформируется из «арбитра», балансирующего между этническими группами, в «монопольного производителя» идентичности. Как отмечал Глава государства на V заседании Национального курултая, основой этой стратегии является формирование единого политико-культурного стандарта, где справедливость и законность выступают в роли универсального кода сопричастности. С позиций социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, Конституция 2026 года выступает высшим уровнем легитимации институционального порядка, создающим «символическую вселенную», которая упорядочивает социальный опыт. Социальный порядок 1995 года, базировавшийся на стабилизации постсоветского транзита, перестал быть «самоочевидным» для новых поколений казахстанцев, не обладающих опытом жизни в условиях системного кризиса 90-х годов. Следовательно, через конституционные реформы государство институционально оформляет «горизонтальное товарищество» внутри «воображаемого сообщества», переводя процессы конструирования нации на новый качественный уровень.

Переход к концепту «Единой нации» в 2026 году можно рассматривать как процесс консолидации политически мобилизованной общности, чьи смыслы окончательно легитимируются через обновленный правовой текст, что подтверждает тезис Р. Суни о государстве как «инкубаторе» наций. Положения о гражданском долге теперь дополняются императивом уважения к историческому наследию, а нормативное закрепление брака как «добровольного и равноправного со-

юза мужчины и женщины» маркирует формируемое сообщество как традиционалистское в его культурном ядре при сохранении либерального характера политических институтов. Подобное «гибридное» конструирование идентичности выступает инструментом консолидации различных слоев общества под единым «ценностным зонтиком», адаптируя традиционные смыслы к современным политическим реалиям. Таким образом, государство через конституционный текст конструирует плотную систему значений, которая оправдывает новые практические императивы и интегрирует граждан в единый смысловой универсум. Обнаруженная трансформация роли государства из технического провайдера правовых норм в «архитектора смыслов» свидетельствует о глубоком процессе вторичной легитимации политической системы, обеспечивающей её устойчивость через обращение к фундаментальным ценностям сообщества.

Обсуждение

Результаты анализа проекта Конституции 2026 года подтверждают гипотезу о системном «перевоображении» казахстанской нации в терминах Бенедикта Андерсона. Согласно его классическому определению, нация – это «воображаемое политическое сообщество», существующее в умах граждан как образ их сопричастности (Андерсон, 2016 с. 47–48). Если в Конституции 1995 года эта связь легитимировалась через ретроспективную категорию «общности исторической судьбы» (Конституция РК, 1995: преамбула), ориентированную на стабилизацию постсоветского общества, то проект 2026 года фиксирует радикальный разворот к перспективной модели. В обновленном дискурсе нация воображается через общность целей и осознание «высокой ответственности перед будущими поколениями» (Проект Конституции РК, 2026: преамбула).

Идеологема «Әділетті Қазақстан» (Справедливый Казахстан) фактически выполняет функцию секулярного фундамента нации, заполняющего смысловое пространство, ранее принадлежавшее сакральным общностям. Этот процесс отражает стремление политического руководства выйти из описанного Р. Брубейкером «триадного нексуса» – связки между меньшинством, государством проживания и «внешней родиной», – создав самодостаточное символическое поле. В данном контексте усиление статуса государственного языка и закрепление концепта «единой нации» следует интерпретировать не как этническую экспансию, а как «гражданскую национализацию».

Данный подход диктует новую логику государственного участия: из внешнего «арбитра», балансирующего интересы этнических групп, государство трансформируется в «монопольного производителя» общенациональной идентичности. Юридическим закреплением этого перехода служит новая редакция преамбулы, где субъект «Мы, народ Казахстана» преобразуется в «Мы, единый народ Казахстана» (Проект Конституции РК, 2026). Подобное использование местоимения «мы», по мнению М. Биллига, «предполагает допущение гармонии интересов и идентичностей», когда «конкретный голос [государства] претендует на то, чтобы быть универсальным голосом целого» (Billig, 1995 с. 88). Такая дефиниция стирает грань между этническим ядром и меньшинствами, предлагая взамен концепт «горизонтального товарищества» (Андерсон, 2016 с. 48). Как отмечал Глава государства на V заседании Национального курултая, основой этой стратегии является формирование единого политико-культурного стандарта (Токаев, 2026), где справедливость и законность выступают в роли универсального кода сопричастности, понятного всем членам сообщества.

В теоретическом измерении этот процесс можно интерпретировать как попытку финальной легитимации нового социального порядка. С позиций П. Бергера и Т. Лукмана, Конституция 2026 года выступает высшим уровнем легитимации институционального порядка, создающим «символическую вселенную», которая упорядочивает социальный опыт (Бергер, Лукман, 1995 с. 152). Назначение этой вселенной – придать когнитивную обоснованность новым правилам игры, превращая абстрактную категорию справедливости в объективную социальную реальность. Таким образом, государство через конституционный текст не просто декларирует ценности, а конструирует плотную систему значений, которая оправдывает новые практические императивы и интегрирует граждан в единый смысловой универсум (Бергер, Лукман, 1995 с. 152). Превращение власти в «архитектора смыслов» становится механизмом вторичной легитимации, обеспечивающим устойчивость политического порядка через конструирование общих гражданских кодов.

С позиций социологии знания, социальный порядок 1995 года, базировавшийся на стабилизации постсоветского транзита, перестал быть «самоочевидным» для новых поколений казахстанцев, не обладающих опытом жизни в условиях системного кризиса 1990-х годов. Государство реагирует на этот вызов, конструируя новую реальность через механизмы объективации и интернализации смыслов (Бергер, Лукман, 1995 с. 152). Инструментальным подтверждением этого перехода служит новая редакция преамбулы, где субъект «Мы, народ Казахстана» преобразуется в «Мы, единый народ Казахстана» (Проект Конституции РК, 2026). Однако подобная роль «архитектора смыслов» несет в себе системные риски воспроизводства старых управленческих моделей под новым идеологическим прикрытием. Как подчеркивает Бхавна Дэйв, продолжающаяся адаптация советского наследия через патримониальное управление этническими отношениями и риторические обещания построения гражданской идентичности демонстрируют, как меньшинства оказываются в ловушке «той же самой патримониальной, нелиберальной структуры» (Дэйв, 2007 с. 7).

В этом свете реализация проекта 2026 года ставит перед исследователями принципиальный вопрос о том, станет ли Курултай реальной площадкой гражданского диалога или останется инструментом «символического умиротворения» (symbolic appeasement), призванным лишь закамуфлировать сохранение патримониальных практик. Для верификации реального потенциала этих изменений необходимо проанализировать качественные сдвиги в структуре государственного дискурса, где прослеживается ряд ключевых векторов.

Во-первых, происходит объективация ценностей. Справедливость, законность и ответственность из абстрактных этических категорий превращаются в конституционные императивы. Введение концепта «Әділетті Қазақстан» (Справедливый Казахстан) и принципа «Закон и Порядок» непосредственно в текст преамбулы наделяет их статусом высших нормативных ориентиров (Проект Конституции РК, 2026). Таким образом, ценности обретают «плотность» объективных фактов, становясь основой для деятельности всех государственных институтов.

Во-вторых, дискурс проекта 2026 года направлен на интернализацию норм. Если в редакции 1995 года лояльность гражданина понималась преимущественно как внешнее подчинение закону (Конституция РК, 1995: ст. 12), то обновленный текст призывает гражданина к соучастию и разделению общих ценностей. Это проявляется в закреплении «созидательного патриотизма» и «высокой ответственности перед будущими поколениями» как основ гражданской идентичности (Проект Конституции РК, 2026: ст. 3). Гражданин в этой модели воображается не как пассивный реципиент прав, а как активный субъект, разделяющий этический код государства. Фактически, такая институционализация гражданской субъектности выступает практическим воплощением современной политики идентичности.

Данная динамика подтверждает тезис И. Семененко о том, что в условиях глобальной нестабильности «политика идентичности становится ключевым инструментом государственного управления», позволяющим конструировать образ национального сообщества и управлять процессами самоидентификации граждан (Семененко, Лапкин, 2017 с. 55). Институционализируя идентичность через новые органы, такие как Қазақстан Халық Кеңесі (Проект Конституции РК, 2026: ст. 70), государство делает её частью нормативного порядка. Как отмечал Глава государства на V заседании Национального курултая, целью реформ является формирование «нового качества нации» (Токаев, 2026). Такая стратегия минимизирует риски социальной фрагментации, предлагая обществу единый символический универсум, легитимирующий институциональные преобразования и укрепляющий «горизонтальное товарищество» внутри воображаемого сообщества (Андерсон, 2016 с. 48).

Переход от формального «воображения» нации к наполнению её конкретным содержанием требует обращения к этнокультурным маркерам. Как показывает анализ проекта 2026 года, критерии включения в обновленное сообщество демонстрируют черты, характерные для этносимволической теории Энтони Смита. Исследователь подчеркивал, что для обеспечения устойчивости даже самая современная «территориальная нация» нуждается в «этносимволическом ядре» – мифологии, символике и памяти, превращающих формально-правовой союз в живое сообщество (Smith, 1991 с. 41). В проекте 2026 года данная концепция реализуется через сохранение и усиление дискурсивных отсылок к «исконной казахской земле» и «преемственности

тысячелетней истории Великой Степи» (Проект Конституции РК, 2026: преамбула). В этой логике апелляция к историческому наследию Великой Степи выступает не фактором исключения, а интегрирующим макросимволом, который предлагает всем гражданам, независимо от их этнического происхождения, сопричастность к единому цивилизационному пространству. Однако эффективность данного символического конструирования напрямую зависит от стабильности институциональных рамок, обеспечивающих социальную безопасность.

В этом контексте выявленная преемственность юридического статуса языков, в сочетании с трансформацией идеологических акцентов, позволяет по-новому взглянуть на механизмы обеспечения этнополитической стабильности. Сохранение нормы о том, что государственным является казахский язык, а русский официально употребляется наравне с ним в государственных организациях (Конституция РК, 1995: ст. 7; Проект Конституции РК, 2026: ст. 9), свидетельствует о стратегическом использовании лингвистического статуса-кво как стабилизирующего фона для реализации глубоких структурных реформ.

Институциональная устойчивость языковой политики в Проекте 2026 года выступает необходимым условием для безопасного транзита к категории «Единая нация». Перенос гарантий права на свободный выбор языка общения и творчества из 19-й статьи действующей редакции (Конституция РК, 1995: ст. 19) в 22-ю статью нового документа (Проект Конституции РК, 2026: ст. 22) подтверждает гипотезу о том, что лингвистический капитал в обновленной правовой реальности перестает рассматриваться исключительно как инструмент межэтнической коммуникации, становясь фундаментальным маркером консолидации гражданской общности.

Особого внимания заслуживает дискурсивный переход от развития языков «народа Казахстана» (Конституция РК, 1995: ст. 7) к поддержке языков «единого народа Казахстана» (Проект Конституции РК, 2026: ст. 9). Данная терминологическая коррекция минимизирует риски социальной фрагментации, смещая фокус с этнической диверсификации на формирование монолитной гражданской субъектности. Таким образом, преемственность ключевых юридических гарантий при одновременном обновлении понятийного аппарата позволяет государству легитимизировать интеграционную модель идентичности, не нарушая базовых элементов сложившегося этнического баланса.

Эти элементы не вступают в противоречие с гражданским характером государства, а органично дополняют его. В результате конструируется устойчивая гибридная идентичность, где гражданская форма – равенство прав, единое гражданство и верховенство закона (Проект Конституции РК, 2026: ст. 3, 12) – сочетается с этносимволическим содержанием (культурные коды, статус государственного языка и историческая преемственность), выступающим в роли «цементирующего» элемента нации.

Подобный синтез позволяет государству формировать «воображаемое сообщество», которое является одновременно современным, ориентированным на демократические институты, и «глубоко укорененным» в истории. Как отмечает В. Малахов, такой процесс можно охарактеризовать как «национализацию гражданства», при которой юридическая принадлежность к государству дополняется требованием лояльности к его культурно-символическому канону (Малахов, 2024 с.145).

В данном контексте поправки перестают быть лишь юридическим фактом; следовательно, для их системного осмысления необходимо перейти от дескриптивного описания к многоуровневой интерпретации их ценностного и институционального содержания. В рамках конструктивистского подхода конституционный текст рассматривается как динамическая матрица, где институциональные изменения неразрывно связаны с реконфигурацией дискурсивных и символических полей.

В целях систематизации выявленных дискурсивных изменений проведён компаративный анализ уровней конструирования национальной идентичности в конституционном дискурсе Республики Казахстан в период 1995–2026 гг. Анализ позволяет выявить трансформацию механизмов символической легитимации, институционализации и нормативного закрепления гражданской идентичности. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2
Компаративный анализ уровней конструирования национальной идентичности в конституционном дискурсе РК (1995–2026 гг.)

Уровень анализа	Модель 1995 г. («Стабильность»)	Проект 2026 г. («Справедливость»)	Смысл трансформации
Институциональный	Суперпрезидентская вертикаль; гомогенная власть.	Курултай, Народный совет, Вице-президент.	Переход к делиберации: вовлечение через новые площадки диалога.
Дискурсивный	Акцент на «общую историческую судьбу» и порядок.	Акцент на «единую нацию» и общее будущее.	Смена субъектности: от пассивного объекта порядка к субъекту развития.
Этнополитический	Формальный гражданский порядок.	Гибрид: гражданская нация + «этносимволическое ядро».	Гражданская национализация: интеграция через общие ценности и символы.
Лингвистический (Языковой)	Язык как инструмент паритета и сосуществования этносов.	Язык как маркер консолидации «единого народа»	Стабилизирующий фон: Использование юридического статуса-кво для легитимации перехода к «Единой нации».
Ценностно-символический	Легитимация через суверенитет и экономику.	Легитимация через «Справедливый Казахстан» и права.	Символическая вселенная: ценности как основа новой реальности.

Примечание: составлена автором

Синтез представленных данных позволяет сделать выводы о характере конституционного конструктивизма в Казахстане. Институционально-символический сдвиг, выраженный во внедрении Курултая и Народного совета (Қазақстан Халық Кеңесі), знаменует переход к делиберативной модели, где легитимность государства опирается на символы сопричастности. Этносимволическая гибридизация подтверждает тезис Э. Смита о необходимости культурного фундамента для территориальной нации (Smith, 1991 с. 41). Дискурсивный анализ фиксирует трансформацию субъектности: народ преобразуется из объекта обеспечения стабильности (модель 1995 года) в активного строителя «справедливого общества». Однако ключевым вызовом остается управление когнитивными рисками – разрыв между «теоретической легитимацией» и «субъективной реальностью» граждан может привести к формированию феномена «двойной реальности».

Обобщая результаты исследования, можно констатировать, что проект 2026 года знаменует переход от стабилизационной к ценностно-ориентированной модели нациестроительства. Это подтверждает гипотезу о системном «перевоображении» нации как «воображаемого политического сообщества» (Андерсон, 2016: 47–48). Если в Конституции 1995 года связь легитимировалась через ретроспективную категорию «общности исторической судьбы» (Конституция РК, 1995: преамбула), то проект 2026 года фиксирует радикальный разворот к перспективной модели, основанной на общности целей и «горизонтальном товариществе».

В такой конфигурации идеологема «Әділетті Қазақстан» становится не просто лозунгом, а секулярным фундаментом национального строительства. Именно она позволяет сформировать самодостаточное символическое поле и выйти из описанного Р. Брубейкером «триадного нексуса» – связки между меньшинством, государством проживания и «внешней родиной» – переориентировав лояльность граждан с этнических референций на общие институциональные ценности (Brubaker, 1996 с. 4–6). В этом контексте усиление статуса государственного языка и институционализация концепта «единой нации» выступают как формы «гражданской национализации», в рамках которой государство трансформируется из нейтрального «арбитра» межэтнических отношений в «монопольного производителя» коллективной идентичности.

Ключевым инструментом данной трансформации становится новая редакция преамбулы Конституции, в которой субъект «Мы, народ Казахстана» заменяется формулой «Мы, единый народ Казахстана» (Проект Конституции РК, 2026: преамбула). Тем самым стирается нормативная граница между этническим ядром и меньшинствами. В интерпретации Главы государства К.-Ж. Токаева, основой этой модели выступает единый политико-культурный стандарт, призванный превратить справедливость и закон-

ность в универсальный код сопричастности и лояльности (Токаев, 2026).

С точки зрения теории нациестроительства, описанная динамика интерпретируется как отказ от стратегии «продевания нитки в иголку» (threading the needle). Эта форма «стратегической неопределённости» между гражданским и этническим национализмом ранее позволяла государству поддерживать этносимволическое ядро титульной нации, сохраняя инклюзивные рамки для других этнических групп (Ó Beacháin, Kevlihan, 2013 с. 345). В условиях проекта 2026 года данная амбивалентность преодолевается в пользу жесткой фиксации единого стандарта, где гражданская форма сочетается с этносимволическим ядром – наследием «Великой Степи», выступающим интегрирующим макросимволом для всех граждан (Smith, 1991 с. 41).

Однако, в порядке научной дискуссии, следует подчеркнуть: успех этого проекта требует глубокой синхронизации правовых инноваций с ментальными установками общества. Согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана, существует закономерный зазор между правовым текстом как высшим уровнем легитимации и повседневным опытом индивидов (Бергер, Лукман, 1995 с. 152). Формируемая «символическая вселенная» должна придать когнитивную обоснованность новым правилам игры. Если категории «солидарности» и «справедливости» не будут подкреплены институциональной эффективностью, легитимация утратит убедительность, ведя к отчуждению общества от государственного дискурса (Семененко и др., 2017с. 56). Резюмируя, проект 2026 года – это масштабная попытка конвертировать правовые поправки в живую социальную реальность. Государство окончательно закрепляется в позиции «архитектора смыслов», а устойчивость этой модели будет зависеть от того, смогут ли новые институты диалога, такие как Курултай и Народный совет, перерасти рамки «символического умиротворения» (symbolic appeasement) и обеспечить реальную инклюзивность политического процесса.

Заключение

Цели и методы исследования. Настоящее исследование было направлено на выявление механизмов символического конструирования единой нации в Проекте конституции Республики Казахстан 2026 года. В качестве основного метода использовался качественный сравнительный дискурс-анализ, позволивший сопоставить ценностные маркеры идентичности в действующем Основном законе 1995 года и предлагаемом Проекте. Теоретическую рамку работы составили концепции «воображаемого сообщества» Б. Андерсона, «национализирующихся государств» Р. Брубейкера и этносимволический подход Э. Смита.

Полученные результаты. В ходе работы было установлено, что Проект 2026 года фиксирует радикальный «темпоральный разворот» в официальном дискурсе: переход от ретроспективной легитимации, основанной на «общности исторической судьбы», к перспективной модели, базирующейся на «исторической ответственности» за будущее. Выявлено, что внедрение идеологемы «Әділетті Қазақстан» (Справедливый Казахстан) служит универсальным кодом сопричастности, который стирает этнические границы и формирует «горизонтальное товарищество».

Проект 2026 года демонстрирует уникальную девиацию от классической схемы национализации, переходя к модели «гражданской национализации», где государство выступает «монопольным производителем» смыслов.

Выводы. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что конституционная реформа 2026 года является актом вторичной легитимации институционального порядка. Она предлагает обществу новую «символическую вселенную», в которой гражданское единство подкрепляется этносимволическим ядром («Великая Степь»). Успех этого конструктивистского проекта зависит от способности государства преодолеть зазор между теоретической легитимацией и субъективной реальностью граждан через повышение эффективности социальных институтов.

Перспективы и возможности внедрения. Результаты исследования могут быть интегрированы в государственные программы по укреплению общественного согласия и общенационального единства. Теоретические выводы работы перспективны для дальнейших исследований в области политической лингвистики и этнополитологии.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов

Концептуализация: О.Темиркулов, И. Калиев, Е. Сергазин. Методология: О.Темиркулов, И. Калиев, Е. Сергазин. Проверка достоверности: О.Темиркулов, И. Калиев. Исследование: О.Темиркулов, И. Калиев, Е. Сергазин. Ресурсы: О.Темиркулов, Е. Сергазин. Обработка данных: О.Темиркулов, Е. Сергазин. Подготовка текста: О.Темиркулов, И. Калиев, Е. Сергазин. Редактирование и рецензирование текста: О.Темиркулов, И. Калиев, Е. Сергазин. Администрирование проекта: И. Калиев.

Литература

Anderson, B. (2016). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism* (V. Nikolaev, Trans.). Kuchkovo Pole. (Original work published 1983)

Beacháin, D. Ó, & Kevlihan, R. (2013). Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building. *Nations and Nationalism, 19*(2), 337–356. https://doi.org/10.1111/nana.12020

Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *Sotsialnoe konstruirovanie realnosti: Traktat po sotsiologii znaniya* (E. Rutkevich, Trans.). Medium. (Original work published 1966)

Billig, M. (1995). *Banal nationalism*. Sage Publications.

Brubaker, R. (1996). *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the new Europe*. Cambridge University Press.

Constitution of the Republic of Kazakhstan. (1995). *Constitution of the Republic of Kazakhstan* (as amended on September 19, 2024). Adilet Legal Information System. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_

Dave, B. (2007). *Kazakhstan: Ethnicity, language and power*. Routledge.

Kalashnikova, N. P., & Baitureeva, K. A. (2023). Natsiestroitelstvo v Kazakhstane: Etnokonfessionalnye konteksty. *Evraziiskaia Integratsiia: Ekonomika, Pravo, Politika, 17*(3), 159–167. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-159-167

Malakhov, V. S. (2006). Nastoiashchee i budushchee "natsionalnoi politiki" v Rossii. *Prognozis, 3*(7), 144–159.

Official Website of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan. (2026, February 11). *O proekte Konstitutsii Respubliki Kazakhstan: Tekst proekta dlia vsenarodnogo obsuzhdeniia*. https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1152063?lang=ru

Semenenko, I. S., et al. (2017). Mezhdu gosudarstvom i natsiei: Dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve. *Polis. Politicheskie Issledovaniia, 5*, 54–78. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05

Smith, A. D. (1991). *National identity*. Penguin Books.

Suny, R. G. (1993). *The revenge of the past: Nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union*. Stanford University Press.

Tokayev, K. J. (2024, March 15). Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva na tretem zasedanii Natsionalnogo kurultaia "Adal adam – Adal enbek – Adal tabys". Akorda. https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-tretem-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-adal-adam-adal-enbek-adal-tabys-1521711

Tokayev, K. J. (2025, March 20). Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva na V zasedanii Natsionalnogo kurultaia. Akorda. https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-v-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-200332

References

Berger, P. & Luckmann, T. (1995). Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium. (In Russian).

Anderson, B. (2016). Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Billig, M. (1995). Banal nationalism. London: Sage Publications.

Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L. & Pantin, V. I. (2017). Mezhdu gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve [Between State and Nation: Dilemmas of Identity Politics in the Post-Soviet Space]. *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]*, (5), 54-78. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05 (In Russian).

Tokayev, K. J. (2025, March 20). Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva na V zasedanii Nacional'nogo kurultaja [Speech by the Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the 5th meeting of the National Kurultai]. *Official site of the President of the Republic of Kazakhstan "Akorda.kz"*. Retrieved February 11, 2026, from https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-v-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-200332 (In Russian).

Kalashnikova, N. P. & Baitureyeva, K. A. (2023). Naciestroitel'stvo v Kazahstane: jetnokonfessional'nye konteksty [Nation-building in Kazakhstan: ethno-confessional contexts]. *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]*, 17(3), 159–167. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-159-167 (In Russian).

O proekte Konstitucii Respubliki Kazahstan: tekst proekta dlja vsenarodnogo obsuzhdenija (2026, February 11) [On the draft Constitution of the Republic of Kazakhstan: the text of the draft for national discussion]. *Official site of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved February 11, 2026, from https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1152063?lang=ru (In Russian).

Konstitucija Respubliki Kazahstan (1995). [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. *Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet"*. Retrieved February 11, 2026, from https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (In Russian).

Brubaker, R. (1996). Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press.

Smith, A. D. (1991). National Identity. London: Penguin Books.

Suny, R. G. (1993). The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, CA: Stanford University Press.

Tokayev, K. K. (2024, March 15). Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva na tret'em zasedanii Nacional'nogo kurultaja "Adal adam – Adal eңbek – Adal tabys" [Speech by the Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the third meeting of the National Kurultai "Honest Citizen – Honest Labor – Honest Profit"]. *Official site of the President of the Republic of Kazakhstan "Akorda.kz"*. Retrieved February 11, 2026, from https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-tretem-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-adal-adam-adal-enbek-adal-tabys-1521711 (In Russian).

Dave, B. (2007). Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. London; New York: Routledge.

Malakhov, V. S. (2006). Nastojashhee i budushhee "nacional'noj politiki" v Rossii [The present and future of "national policy" in Russia]. *Prognozis [Prognosis]*, (3), 144–159. (In Russian).

Ó Beacháin, D. & Kevlihan, R. (2013). Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building. *Nations and Nationalism*, 19(2), 337–356. https://doi.org/10.1111/nana.12020.

Сведения об авторах:

Олжас Темиркулов – докторант специальности «Этнополитология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, (Астана, Казахстан, e-mail: temirkulov79@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-2078-740X).

Талгат Калиев – директор института прикладных этнополитических исследований кандидат политических наук (Астана, Казахстан, e-mail: talgat.kaliyev@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-2058-7813).

Ерболат Сергазин – доктор PhD, доцент кафедры «Политология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, (Астана, Казахстан, e-mail: sergazin1958@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9693-6844).

Information about the authors:

Olzhas Temirkulov – PhD student in Ethnopolitical Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan, e-mail: temirkulov79@ gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-2078-740X).

Talgat Kaliev – director of the Institute for Applied Ethnopolitical Research, Candidate of Political Sciences (Astana, Kazakhstan, e-mail: talgat.kaliyev@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-2058-7813).

Yerbolat Sergazin – PhD, Associate Professor in the Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan, e-mail: sergazin1958@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9693-6844).

Авторлар туралы мәлімет:

Теміркұлов Олжас – этносаяси ғылымдар бойынша PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан, e-mail: temirkulov79@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0009-0004-2078-740X).

Қалиев Талғат – Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтының директоры, саяси ғылымдар кандидаты (Астана, Қазақстан, e-mail: talgat.kaliyev@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0009-0007-2058-7813).

Сергазин Ерболат – PhD, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Саясаттану кафедрасының қауымдастырылған профессоры (Астана, Қазақстан, e-mail: sergazin1958@mail.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9693-6844).

Поступила: 16.02.2026
Принята: 25.05.2026

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

Журналда материалдарды жариялау Open Journal System, онлайн жіберу және рецензиялау жүйесі арқылы жүзеге асырылады. Жүйеге тіркелу немесе кіру «Материалдарды жіберу» бөлімінде қол жетімді.

Корреспонденция авторы журналға жариялау үшін ілеспе хат ұсынуға міндетті.

Мақалаға қойылатын талаптар (мақаланы рәсімдеу үшін ҮЛГІ-ні қолданыңыз):

- Редакциялық коллегия журналдың ғылыми бағыттары бойынша бұрын жарияланбаған мақалаларды қабылдайды. Мақала журналдың функционал сайтына жүктеу арқылы ҒАНА (Open Journal System) электронды форматта (doc, .docx, .rtf форматында) қабылданады.
- Шрифт кеглі – 12 (аңдатпа, кілт сөздер, әдебиеттер тізімі – 10, кесте мәтіні – 9–11), шрифт – Times New Roman, мәтін беттің ені бойынша тегістеу арқылы теріледі, аралығы– бір, абзац бойынша шегініс – 0,8 см, шеттері: үстіңгі және астыңғы – 2 см, сол және оң жақ – 2 см.
- Сурет, кесте, графика, диаграмма және т.б. мәтін ішінде нөмір және атаумен белгіленеді. (Мысалы, 1-сурет – Сурет атауы). Суреттердің, таблица, графика мен диаграммалардың саны мақала көлемінің 20% -нан (кейбір жағдайда 30%) артық болмауы керек.
- Мақала көлемі (атауы, авторлар бойынша ақпарат, аңдатпа, кілт сөз, әдебиеттер тізімін қоспағанда) әлеуметтік және гуманитарлық бағытта 3 000 сөзден кем, 7 000 сөзден артық емес және жаратылыстану және техникалық бағыттарда 1 500–7 000 сөз аралығында болуы шарт.
- Авторлар жіберіліп отырған мақаланың/қолжазбаның бұрын соңды еш жерде жарияланбағаны, мақалада/қолжазбада басқа жұмыстардың мәтіндеріне сілтемесіз алынған кірме фрагменттердің жоқ екендігі туралы Open Journal System жүйесіндегі ілеспе хатта МІНДЕТТІ түрде жазу керек.

Бірінші бет:

- Бірінші жол – ҒТАМР нөмірі (ерекше жағдайларда ӘОЖ), теңестіру – сол жақ жиек бойынша, қаріп – жартылай қалың.
- Мақала атауы (тақырып) мақаланың мәні мен мазмұнын көрсетіп, оқырман назарын аударуы керек. Атау қысқа, ақпараттық болуы керек және жаргон немесе қысқартулар болмауы керек. Тақырыптың оңтайлы ұзындығы – 5–7 сөз (кейбір жағдайларда 10–12 сөз). Мақаланың атауы орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде ұсынылуы тиіс. Мақала атауы жартылай қалың қаріппен кіші әріптермен, теңестіру – ортасында беріледі.
- Мақала авторы (авторлары) – аты-жөні (инициалы) және тегі, жұмыс орны (орналасқан жері), қала, ел,жұмыс орны (орналасқан жері), қаласы, елі, электрондық пошта – орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде, ID ORCID. Авторлар туралы мәліметтер жай қаріппен кіші әріптермен, теңестіру – ортасында ұсынылады.
- Аннотация көлемі 150 сөзден кем емес орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде.
- Аннотация құрылымы келесі міндетті тармақтарды қамтиды:
- Зерттеу тақырыбы туралы кіріспе сөз.
- Ғылыми зерттеудің мақсаты, негізгі бағыттары мен идеялары.
- Жұмыстың ғылыми және практикалық маңыздылығының қысқаша сипаттамасы.
- Зерттеу әдіснамасының қысқаша сипаттамасы.
- Негізгі нәтижелер мен талдау, зерттеу жұмысының қорытындылары.
- Жүргізілген зерттеудің құндылығы (осы жұмыстың тиісті білім/ғылым саласына қосқан үлесі).
- Жұмыс қорытындысының практикалық мәні.
- Кілт сөздер/сөз тіркестері – саны 3–5 орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде.

Кіріспе келесі негізгі элементтерден тұрады:

- Тақырып таңдау негіздемесі;
- Тақырыптың немесе мәселенің өзектілігі. Алдыңғылардың тәжірибесін сипаттауға негізделген тақырыпты таңдауды негіздеу кезінде проблемалық жағдайдың бар екендігі (ешқандай зерттеудің болмауы, жаңа объектінің пайда болуы және т.б.) баяндалады. Тақырыптың өзектілігі осы объектіні зерттеуге деген жалпы қызығушылықпен анықталады, бірақ бар сұрақтарға жан-жақты жауаптардың болмауы оны тақырыптың теориялық немесе практикалық маңыздылығымен дәлелдейді.
- Жұмыстың нысанын, тақырыбын, мақсаттарын, міндеттерін, әдістерін, тәсілдерін, гипотезасын және мағынасын анықтау. Зерттеудің мақсаты тезистің дәлелі, яғни зерттеу тақырыбын автор таңдаған аспектіде ұсынумен байланысты.
- Материалдар мен әдістер – материалдар мен жұмыс барысын сипаттаудан, сондай-ақ қолданылған әдістердің толық сипаттамасынан тұруы міндетті.
  - зерттеу материалының мінездемесі немесе сипаттамасы, оның сапалық және сандық жағынан көрсетілуін қамтиды. Материалдың сипаттамасы-тұжырымдар мен зерттеу әдістерінің дұрыстығын анықтайтын факторлардың бірі.
  - бұл бөлімде мәселенің қалай зерттелгені сипатталған: бұрын жарияланған белгіленген процедураларды қайталамай-ақ егжей-тегжейлі ақпарат; материалдар мен әдістерді қолдану кезінде міндетті түрде жаңалық енгізе отырып, жабдықты

(бағдарламалық жасақтаманы) сәйкестендіру және материалдарды сипаттау қолданылады.

- ғылыми әдістеме міндетті түрде қамтуы керек ережелері::
- зерттеу мәселесі (- лер);
- гипотеза (тезис);
- зерттеу кезеңдері;
- зерттеу әдістері;
- зерттеу нәтижелері.

• Әдебиеттерге шолу секциясында-шетел авторларының ағылшын тіліндегі зерттелетін тақырыбы бойынша іргелі және жаңа еңбектері (15 еңбектен кем емес), осы еңбектердің ғылыми үлесі түрғысынан талдау, сондай-ақ сіз өз мақалаңызда толықтыратын зерттеудегі олқылықтар қамтылуы тиіс.

Жұмысқа қатысы жоқ көптеген сілтемелер немесе өзіңіздің жетістіктеріңіз туралы орынсыз пікірлер, алдыңғы жұмысыңызға сілтемелер болуы МҮМКІН ЕМЕС.

• Нәтижелер және талқылау бөлімінде – сіз алған зерттеу нәтижелерін талдау және талқылау келтіріледі. Зерттеу барысында алынған нәтижелер бойынша қорытынды жасалады, негізгі мәні ашылады. Бұл мақаланың маңызды бөлімдерінің бірі. Онда сіздің жұмысыңыздың нәтижелерін талдау және алдыңғы жұмыстармен, талдаулармен және қорытындылармен салыстырғанда тиісті нәтижелерді талқылау қажет.

• Қорытынды – осы кезеңдегі жұмысты қорытындылау; автор ұсынған тұжырымның ақиқатын растау, алынған нәтижелерді ескере отырып, ғылыми білімді өзгерту туралы автордың қорытындысы. Қорытындылар дерексіз болмауы керек, олар белгілі бір ғылыми саладағы зерттеу нәтижелерін жалпылау үшін, әрі қарай жұмыс істеу ұсыныстарын немесе мүмкіндіктерін сипаттай отырып қолданылуы керек.

• қорытынды құрылымы келесі сұрақтарды қамтуы керек: зерттеудің мақсаттары мен әдістері қандай? Қандай нәтижелер алынды? Қандай тұжырымдар бар? Дамуды енгізу, қолдану перспективалары мен мүмкіндіктері қандай?

• Пайдаланылатын әдебиеттер тізімі, немесе библиографиялық тізім, жаратылыстану-ғылыми және техникалық бағыттарға арналған 10-нан кем емес әдебиеттер атауларынан және социогуманитарлық бағыттарға арналған 15 атаулардан тұрады және ағылшын тіліндегі атаулардың жалпы санының кемінде 50% – ы болуы тиіс. Әдебиеттер тізімінде кириллицада ұсынылған жұмыстар болған жағдайда, әдебиеттер тізімін екі нұсқада ұсыну қажет: біріншісі – түпнұсқада, екіншісі – романизацияланған алфавитпен (транслитерация).

Романизацияланған әдебиеттер тізімі келесі түрде көрінуі керек: автор(-лар) (транслитерация – http://www.translit.ru) → (жыл жақшада)→мақала атауы транслитерацияланған нұсқада [мақала атауын ағылшын тіліне квадрат жақшада аудару], орыс тілді дереккөздің атауы (транслитерация немесе ағылшын атауы – егер бар болса), ағылшын тіліндегі белгілері бар шығыс.

Мысалы: Gokhberg L., Kuznetsova T. (2011) Strategiya-2020: novye kontury rossiiskoi innovatsionnoi politiki [Strategy 2020: New Outlines of Innovation Policy]. *Foresight-Russia,* vol. 5, no 4, pp. 8–30. Пайдаланылған әдебиеттер тізімі алфавиттік тәртіпте келтірілген, тек мәтінге сілтеме жасалған жұмыстар.

Орыс және қазақ тілдеріндегі библиография стилі МЕСТ 7.1-2003 «Библиографиялық жазба бойынша белгіленген. Библиографиялық сипаттама. Жалпы талаптар және құрастыру ережелері» (ККСОН тізіміне енген басылымдарға қойылатын талап).

Романизацияланған библиографияның дизайны стилі, сонымен қатар әлеуметтік-гуманитарлық бағыттар үшін ағылшын (басқа шет тілі) тіліндегі дереккөздер – American Psychological Association (http://www.apastyle.org/), жаратылыстану және технологиялар салалары үшін – Chicago Style (chicagomanualofstyle.org).

Бұл бөлімде ескеру қажет:

• Ғылымның осы саласында қолданылатын және авторлық жұмыс негізделген ғылыми басылымдардың, алдыңғы қатарлы зерттеу әдістерінің дәйексөзін келтіріңіз.

• Дәйексөзді шамадан тыс жібермеңіз.

• ТМД / КСРО авторларының басылымдарына артық сілтемелерден аулақ болыңыз, әлемдік тәжірибені қолданыңыз.

• Библиографияда белгілі шетелдік авторлар мен зерттеушілер мақала тақырыбы бойынша шығарған іргелі және өзекті еңбектер болуы керек.

• Әлеуметтік-гуманитарлық бағыттағы мәтінге сілтемелер шығарманың бірінші авторын, шыққан жылын көрсете отырып, жақшада келтірілген: бет нөмірі (-лері). Мысалы, (Залесский 1991: 25). Егер әдебиеттер тізімінде бір автордың сол жылы жарияланған бірнеше жұмысы болса, шыққан жылына «а», «б» әрпі және т.б. Мысалы, (Садуова, 2001а: 15), (Садуова, 2001б, 22). Жаратылыстану мақалалары үшін сілтемелер төртбұрышты жақшада келтірілген, мәтінге сілтемелер келтірілген жұмыстар көрсетілгендей нөмірленеді.

Жарияланған материалдар авторлар туралы, олардың жұмыс орны және қажетті байланыс ақпаратын қамтиды. Егер мақала талаптарға сәйкес келмесе, редакция оны қабылдамауға құқылы. Үйым (заңды тұлға) журнал шығарғаны үшін төлем жасаған жағдайда, фактура болғаннан кейін шот-фактура төленеді. Университеттің ғылыми-зерттеу институтына жеңілдіктер қарастырылған.

INFORMATION FOR AUTHORS

Submissions to the journal are made using Open Journal System, the online submission and peer review system. Registration and access is available at Submissions

The author for correspondence is obliged to provide a cover letter for publication in the journal.

The requirements for the article (You can use the TEMPLATE for preparing your manuscript):

- The Editorial Board accepts previously unpublished articles in research areas of journal. The paper should be submitted in electronic format (in *.doc, .docx, .rtf*) ONLY by submitting it through the function (Open Journal System) at the journal's website
- Font size -12 (abstract, keywords, references – 10, table text – 9-11), font -Times New Roman, alignment – text width, spacing – single, paragraph indentation – 0.8 cm, margins: top and bottom – 2 cm, left and right – 2 cm.
- Figures, tables, graphs, diagrams, etc. are presented directly in the text, indicating the number and title (for example, Figure 1 – The name of the figure). The number of figures, tables, graphs and diagrams should not exceed 20% of total volume of the article (in some cases up to 30%).
- The volume of the article (excluding title, information about authors, abstract, keywords, references) should be at least 3,000 words and not exceed 7,000 words for social and humanitarian areas, and 1,500-7,000 words for natural science and technical areas.
- Authors must indicate in the cover letter in the Open Journal System or Editorial Manager that the submitted article/manuscript has not been published anywhere before, and that the article does not contain borrowed text fragments from other papers without referencing them.

The first page:

- The first line is the number of MRNTI (in exceptional cases, UDC), the alignment is on the left, the font is bold.
- The title of the article (Title) should reflect the essence and content of the article and attract the attention of the reader. The title should be short, informative and not contain jargons or abbreviations. The optimal length of the title is 5-7 words (in some cases 10-12 words). The title of the article should be presented in Russian, Kazakh and English. The title of the article is shown in bold in lowercase letters, alignment – in the center.
- Author (s) of the article – Initials and surname, place of work (affiliation), city, country, email – in Russian, Kazakh and English, ID ORCID. Information about authors is represented in ordinary type in lowercase letters, alignment in the center.

Abstract in volume not less than 150 words in Russian, Kazakh and English languages.

The structure of the annotation includes the following OBLIGATORY items:

Introductory talk about the research topic.

Purpose, main directions and ideas of scientific research.

Brief description of the scientific and practical significance of the work.

Brief description of the research methodology.

Main results and analysis, conclusions of research work.

The value of the study (contribution of this work to the relevant field of knowledge).

The practical significance of the results of the work.

Keywords/word combinations – 3-5 in Russian, Kazakh and English.

The next page (new):

- The introduction consists of the following main elements:
- Justification of the choice of topic; the urgency of the topic or problem. In substantiating the choice of the topic based on the description of the experience of predecessors, there is a report on the existence of a problem situation (the absence of any studies, the appearance of a new object, etc.). The relevance of the topic is determined by the general interest in the study of this object, but by the lack of exhaustive answers to existing questions, it is proved by the theoretical or practical significance of the topic.

o The definition of an object, an object, goals, tasks, methods, approaches, hypotheses and the meaning of your work. The purpose of the study is related to the proof of the thesis, that is, the presentation of the subject of research in the author's chosen aspect.

o Material and Methods – should consist of a description of the materials and the progress of the work, as well as a complete description of the methods used.

o The characteristic or description of the research material includes its presentation in qualitative and quantitative terms. The characteristic of the material is one of the factors determining the reliability of the conclusions and methods of investigation.

- This section describes how the problem was studied: detailed information without repeating previously published established procedures; The identification of equipment (software) and the description of materials are used, with the obligatory introduction of novelty when using materials and methods.
- The scientific methodology should include:
- - research question (s);
- - put forward hypothesis (thesis);
- - stages of research;
- - research methods;

- - results of the study.

- In the literature review section, fundamental and new works on the subject matter of foreign authors in English should be covered (at least 15 works), analysis of the given works from the point of view of their scientific contribution, as well as gaps in the study, which you add in your article.

It is IMPOSSIBLE to have a lot of links that are not relevant to work, or inappropriate judgments about your own achievements, references to your previous work.

- In the Results and Discussion section, you analyze and discuss the results of your research. The conclusion is drawn on the results obtained during the research, the main essence is revealed. And this is one of the most important sections of the article. It is necessary to analyze the results of its work and discuss the relevant results in comparison with previous works, analyzes and conclusions.

Conclusion summarizes the work at this stage; confirmation of the truth of the assertion made by the author, and the author's conclusion about the change in scientific knowledge, taking into account the results obtained. The conclusions should not be abstract, they should be used to generalize the research results in a particular scientific field, with a description of the proposals or the possibilities for further work.

- The structure of the conclusion should contain the following questions: What are the aims and methods of the study? What are the results? What are the conclusions? What are the prospects and opportunities for implementing, applying the development?
- List of used literature, or Bibliographic list consists of not less than 10 titles for literature in the natural sciences and engineering directions and 15 titles for social and humanitarian purposes, and not less than 50% of the total number of titles in English. If there are works presented in Cyrillic in the list of literature, it is necessary to present the list of literature in two versions: first – in the original, the second – in the romanized alphabet (transliteration).

The Romanized list of literature should look like this: author (s) (transliteration – http://www.translit.ru) → (year in parentheses) → title of the article in the transliterated form [translation of article title into English in square brackets], name of Russian source (transliteration, or English name – if available), the output is with the notation in English.

For example: Gokhberg L., Kuznetsova T. (2011) Strategiya-2020: novye kontury rossiiskoi innovatsionnoi politiki [Strategy 2020: New Outlines of Innovation Policy]. *Foresight-Russia,* vol. 5, no 4, pp. 8–30. The list of literature is presented in alphabetical order, and ONLY those works that are cited in the text.

- Style of registration of the list of literature in Russian and Kazakh language according to GOST 7.1-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of compilation «(requirement for publications included in the CCISS list).

The style of the Romanized list of literature, as well as sources in English (another foreign language) for social and humanitarian purposes – American Psychological Association (http://www.apastyle.org/), for the natural and technical directions – Chicago Style (chicagomanualofstyle.org) .

This section should take into account:

Quoted the main scientific publications, advanced research methods that are used in this field of science and on which the author's work is based.

Avoid excessive self-citation.

Avoid excessive references to publications of CIS / USSR authors, use the world experience.

The bibliography should contain the fundamental and most relevant works published by well-known foreign authors and researchers on the topic of the article.

References to the cited work in the text of the social and humanitarian direction are given in parentheses, indicating the first author of the work, the year of publication: the number of pages (s). For example, (Zaleski 1991: 25). In case there are several works of the same author published in one year in the list of literature, then in addition to the year of publication, the letter «a», «b», etc. is added. For example, (Saduova, 2001a: 15), (Saduova, 2001b, 22). For natural science articles, links are formatted in square brackets indicating the numbering as the cited works appear in the text.

The published materials indicate information about the authors, their place of work and the necessary contact information.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикация материалов в журнал осуществляется с использованием Open Journal System, системы онлайн-подачи и рецензирования. Регистрация или авторизация доступны в разделе «Отправка материалов».

Автор для корреспонденции обязан предоставить сопроводительное письмо на публикацию в журнале.

Требования к оформлению статьи (для оформления статьи используйте ШАБЛОН):

- Редакционная коллегия принимает ранее неопубликованные статьи по научным направлениям журнала. Статья представляется в электронном формате (в форматах .doc, .docx, .rtf) ТОЛЬКО посредством ее загрузки через функционал сайта журнала (Open Journal System).
- Кегль шрифта – 12 (аннотация, ключевые слова, литература – 10, текст таблиц – 9-11), шрифт – Times New Roman, выравнивание – по ширине текста, интервал – одинарный, абзацный отступ – 0,8 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.д. представляются непосредственно в тексте с указанием нумерации и заглавия (Например, Рис. 1 – Название рисунка). Количество рисунков, таблиц, графиков и диаграмм не должно превышать 20% от всего объема статьи (в некоторых случаях – до 30%).
- Объем статьи (без учета названия, сведений об авторах, аннотации, ключевых слов, библиографического списка) должен составлять не менее 3 000 слов и не превышать 7 000 слов для социогуманитарных направлений, и 1 500-7 000 слов для естественнонаучных и технических направлений.
- Авторы в ОБЯЗАТЕЛЬНОМ порядке должны указать в сопроводительном письме в системе Open Journal System или Editorial Manager о том, что направляемая статья/рукопись нигде ранее не публиковалась и что в статье отсутствуют заимствованные фрагменты текста из других работ без ссылок на них.

Первая страница:

- Первая строка – номер МРНТИ (в исключительных случаях УДК), выравнивание – по левому краю, шрифт – полужирный.
- Название статьи (Заголовок) должно отражать суть и содержание статьи и привлекать внимание читателя. Название должно быть кратким, информативным и не содержать жаргонизмов или аббревиатур. Оптимальная длина заголовка – 5-7 слов (в некоторых случаях 10-12 слов). Название статьи должно быть представлено на русском, казахском и английском языках. Название статьи представляется полужирным шрифтом строчными буквами, выравнивание – по центру.
- Автор(ы) статьи – Инициалы и фамилия, места работы (аффилиация), город, страна, email – на русском, казахском и английском языках, ID ORCID. Сведения об авторах представляются обычным шрифтом строчными буквами, выравнивание – по центру.
- Аннотация объемом не менее 150 слов на русском, казахском и английском языках.
  - Структура аннотации включает в себя следующие ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ пункты:
  - Вступительное слово о теме исследования.
  - Цель, основные направления и идеи научного исследования.
  - Краткое описание научной и практической значимости работы.
  - Краткое описание методологии исследования.
  - Основные результаты и анализ, выводы исследовательской работы.
  - Ценность проведенного исследования (внесенный вклад данной работы в соответствующую область знаний).
  - Практическое значение итогов работы.
- Ключевые слова/словосочетания – количеством 3-5 на русском, казахском и английском языках.

Последующая страница (новая):

- Введение состоит из следующих основных элементов:
- Обоснование выбора темы; актуальность темы или проблемы. В обосновании выбора темы на основе описания опыта предшественников сообщается о наличии проблемной ситуации (отсутствие каких-либо исследований, появление нового объекта и т.д.). Актуальность темы определяется общим интересом к изученности данного объекта, но отсутствием исчерпывающих ответов на имеющиеся вопросы, она доказывается теоретической или практической значимостью темы.
- Определение объекта, предмета, целей, задач, методов, подходов, гипотезы и значения вашей работы. Цель исследования связана с доказательством тезиса, то есть представлением предмета исследования в избранном автором аспекте.
- Материал и Методы – должны состоять из описания материалов и хода работы, а также полного описания использованных методов.
  - Характеристика или описание материала исследования включает его представление в качественном и количественном отношении. Характеристика материала – один из факторов, определяющий достоверность выводов и методов исследования.
  - В этом разделе описывается, как проблема была изучена: подробная информация без повторения ранее опубликованных установленных процедур; используется идентификация оборудования (программного обеспечения) и описание материалов, с обязательным внесением новизны при использовании материалов и методов.
  - Научная методология должна включать в себя:

- - исследовательский вопрос(-ы);
- - выдвигаемую гипотезу (тезис);
- - этапы исследования;
- - методы исследования;
- - результаты исследования.

• В секции обзор литературы – должны быть охвачены фундаментальные и новые труды по исследуемой тематике зарубежных авторов на английском языке (не менее 15 трудов), анализ данных трудов с точки зрения их научного вклада, а также пробелы в исследовании, которые Вы дополняете в своей статье.

НЕДОПУСТИМО наличие множества ссылок, не имеющих отношения к работе, или неуместные суждения о ваших собственных достижениях, ссылки на Ваши предыдущие работы.

• В разделе Результаты и Обсуждение – приводится анализ и обсуждение полученных вами результатов исследования. Приводятся выводу по полученным в ходе исследования результатам, раскрывается основная суть. И это один из самых важных разделов статьи. В нем необходимо провести анализ результатов своей работы и обсуждение соответствующих результатов в сравнении с предыдущими работами, анализами и выводами.

• Заключение, выводы – обобщение и подведение итогов работы на данном этапе; подтверждение истинности выдвигаемого утверждения, высказанного автором, и заключение автора об изменении научного знания с учетом полученных результатов. Выводы не должны быть абстрактными, они должны быть использованы для обобщения результатов исследования в той или иной научной области, с описанием предложений или возможностей дальнейшей работы.

o Структура заключения должна содержать следующие вопросы: Каковы цели и методы исследования? Какие результаты получены? Каковы выводы? Каковы перспективы и возможности внедрения, применения разработки?

• Список используемой литературы, или Библиографический список состоит из не менее 10 наименований литературы для естественнонаучных и технических направленийи 15 наименований длясоциогуманитарных направлений, и из общего числа наименований на английском языке должно быть не менее 50%. В случае наличия в списке литературы работ, представленных на кириллице, необходимо представить список литературы в двух вариантах: первый – в оригинале, второй – романизированным алфавитом (транслитерация).

Романизированный список литературы должен выглядеть в следующем виде: автор(-ы) (транслитерация – http://www.translit.ru) → (год в круглых скобках)→название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация, либо английское название – если есть), выходные данные с обозначениями на английском языке.

Например: Gokhberg L., Kuznetsova T. (2011) Strategiya-2020: novye kontury rossiiskoi innovatsionnoi politiki [Strategy 2020: New Outlines of Innovation Policy]. *Foresight-Russia,* vol. 5, no 4, pp. 8–30. Список литературы представляется в алфавитном порядке, и ТОЛЬКО те работы, которые цитируются в тексте.

• Стиль оформления списка литературы на русском и казахском языке согласно ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (требование к изданиям, входящих в перечень КОКСОН).

Стиль оформления Романизированного списка литературы, а также источников на английском (другом иностранном) языке для социогуманитарных направлений – American Psychological Association (http://www.apastyle.org/), для естественнонаучных и технических направлений – Chicago Style (chicagomanualofstyle.org).

В данном разделе необходимо учесть:

• Цитируются основные научные публикации, передовые методы исследования, которые применяются в данной области науки и на которых основана работа автора.

• Избегайте чрезмерных самоцитировании.

• Избегайте чрезмерных ссылок на публикации авторов СНГ/СССР, используйте мировой опыт.

• Библиографический список должен содержать фундаментальные и наиболее актуальные труды, опубликованные известными зарубежными авторами и исследователями по теме статьи.

• Ссылки на цитируемые работы в тексте социо-гуманитарного направления даются в скобках, с указанием первого автора работы, год издания: номер страниц(-ы). Например, (Залесский 1991: 25). В случае, наличия в списке литературы нескольких работ одного и того же автора, изданных в один год, то дополнительно к году издания добавляется буква «а», «б» и т.д. Например, (Садуова, 2001а: 15), (Садуова, 2001б, 22). Для естественнонаучных статей ссылки оформляются в квадратных скобках с указанием нумерации по мере появления цитируемых работ в тексте.

В публикуемых материалах указывается информация об авторах, их месте работы и необходимые контактные данные. В случае несоответствия статьи требованиям, редколлегия вправе ее отклонить. В случае оплаты выпуска журнала организацией (юридическим лицом), счет оплачивается по факту. Для НИИ Университета предусмотрены скидки.

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Философия | **Section 1 Philosophy** | **Раздел 1 Философия**

Г.Г. Ахметова, С.С. Аубакирова, М.Ж. Кожамжарова, Р.С. Салимова
Философский анализ рисков и трендов цифровизации как смены культурной парадигмы в высшем и послевузовском образовании Республики Казахстан 4

A. Nyssanbayev, A. Sagikyzy, Y. Toktarov, G. Malik
The phenomenon of justice: from theory to the ideas of Alikhan Bukeikhanov 15

Ж.З. Балмагамбетова, Т.Ю. Лифанова, Н.С. Кирабаев
Философское осмысление теории интонации А. Байтурсынулы 27

L.G. Balabekova, M.M. Manassova
Methodological approaches to understanding the essence of humanism in the context of world philosophical ideas 40

2-бөлім Мәдениеттану | **Section 2 Cultural Studies** | **Раздел 2 Культурология**

A. Sariyeva, S. Sandybayeva
Problems of inequality in education: socio-cultural differences between rural and urban schools 50

А.Б. Наурзбаева
Эстетика кочевья в визуальной культуре казахов: по материалам монографии «Кочевники. Эстетика» 60

M.A. Zhexenbayeva, M.B. Alikbayeva , A. Arvas
Social media and the formation of the image of kazakh women 72

Қ.Ж.Тулақбаева, А.Р. Масалимова
Ши тоқу сәндік-қолданбалы өнері – қазақ мәдениетіндегі рухани болмыстың көрінісі 83

Г. Темиртон
Казахский «күй» в контексте философии культуры: музыкальное мышление и архетипические смыслы 96

3-бөлім Саясаттану | **Section 3 Political Science** | **Раздел 3 Политология**

H. Gunay, B. Balapashev, M. Baltymova, V. Tarakci
Terrorist acts in europe after the 11 september attack and the european union’s efforts to establish a common policy towards terrorist acts 108

Б.Б. Расулов
Значение когнитивных стереотипов и ценностей в политической культуре граждан Узбекистана 121

А.Е. Хангелдиев, Т.С. Каленова, Г.С. Абдрахманова, Н.Е. Хангелди
Государственная культурная политика как инструмент формирования национальной идентичности в контексте политических трансформаций 132

Sh.M. Zhandossova, L.N. Toktarbekova
State policy and multiple religious identity in Kazakhstan: a political science analysis 144

О.Ж. Темиркулов, Т. Калиев, Е.Ф. Сергазин
Конституционное конструирование единой нации в Казахстане: дискурс-анализ проекта 2026 года 160

Авторларға арналған ақпарат 175